

ИЛЬЯ ЗЕМЦОВ

**ЧЕРНЕНКО:
СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ
В КАНУН
ПЕРЕСТРОЙКИ**

**ЧЕРНЕНКО: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
В КАНУН ПЕРЕСТРОЙКИ**

И. ЗЕМЦОВ

СЕРИЯ "НАСЛЕДИЕ ЛЕНИНИЗМА"

ОПИ

ЧЕРНЕНКО

Ilya Zemtsov

CHERNENKO

The Soviet Union on the Eve of Perestroika

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1989**

Илья Земцов

ЧЕРНЕНКО

Советский Союз в канун перестройки

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1989**

**Ilya Zemtsov: CHERNENKO.
Sovetskii Soiuz v kanun perestroiki.**

**First Russian edition published in 1989
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England**

Copyright © Ilya Zemtsov, 1989

Copyright © Russian edition Overseas Publications Interchange Ltd, 1989

All rights reserved

**No part of this publications may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.**

ISBN 1 870128 06 0

Cover design by Danuta Niekrasow-Heller

Printed in Israel

ПАМЯТИ МАТЕРИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ОТ АВТОРА

В политической деятельности каждого советского руководителя с неизбежным постоянством проявлялись элементы трагедии — порой при кажущемся блеске их правления. Так отмечала история несостоятельность замысла Ленина, основателя социалистического государства, построить благополучное (и счастливое) человеческое общество на бесчеловечной тоталитарной основе и бесчеловечными средствами — насилием и террором. При этом существовали и проявлялись два вида трагедии: нереализованной цели и достигнутой цели. Первая вызывала горечь и унижение, и их в полной мере пришлось испытать Черненко: жизнь всегда предоставляла ему меньше возможностей, чем он рассчитывал. Вторая — породила в нем разочарования: он пришел к власти поздно для себя — старый, больной и духовно сломленный. И, очевидно, рано для своей страны — она отвергла его идеи для того, чтобы вернуться к ним и воспринять их, когда его уже не будет в живых. Третья трагедия настигла его после смерти: это — политическое забвение.

Не первый раз капризная советская история отворачивается от людей незаурядных и самобытных, восхваляя и незаслуженно возвеличивая личности, ничем не примечательные и посредственные. Игрою случая и волей обстоятельств она сохранила представление о Черненко как о политическом деятеле убогом, бессильном и нерешительном. В действительности этот образ — не более чем маска, помогавшая Черненко взбираться по крутым и скользким ступеням власти к ее вершине.

Совсем недолго, чуть больше года, продержался Чернен-

ко в Кремле. Но без понимания его сущности и характера картина современной политической жизни окажется неполной, и непонятной станет суть тех драматических перемен, в которые его страна оказалась втянутой при его наследнике — Горбачеве. Многие идеи перестройки — то, что сегодня в Советском Союзе называют гласностью и новым политическим мышлением, — вызревали и откладывались в сознании Черненко, а затем переносились им на страницы его книг — он их опубликовал больше, чем все его предшественники после Сталина.

Не просто было отслоить облик Черненко от поверхностных суждений и взглядов — оказалось, что поверья и заблуждения в советской действительности важнее и сильнее истины. И чем больше проходит лет, отделяющих нас от времени Черненко — кануна перестройки, тем глубже просматривается ее связь с его личностью, реконструировать и воссоздать которую становится все сложнее и труднее — не хватает фактов, становится меньше свидетельств, стираются воспоминания. И в чем-то приходится домысливать и дорисовывать его жизнь и деятельность. Такова цена, которую точность его образа должна заплатить его цельности.

Иерусалим — Вашингтон
1986 — 1988

Власть — это пьеса, которая держится благодаря декорациям.

ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО

Время стирает многое: выцветают годы, увядают чувства, меркнут впечатления. Но люди, как правило, удерживаются и остаются в памяти. И неожиданная встреча, случай выхватывают их из прошлого — поблекшие образы наливаются красками, оживают...

Февраль 1984 года. Холод, поднимающийся от брусчатки Красной площади, серой изморозью стягивающий и обволакивающий Мавзолей, леденит Черненко, слабого, осунувшегося и, как казалось, растерянного. Советский руководитель, захлебываясь морозным воздухом, тяжело дыша, сбиваясь, произносил речь над гробом Андропова.

С этой трибуны Леонид Брежнев принимал свой последний парад 7 ноября 1982 года, а спустя несколько дней на эти же ступени поднимался Андропов, чтобы проститься с Брежневым. И вот сейчас, в галерее серых, неподвижных фигур, членов Политбюро, застывших на Мавзолее, стоял Черненко. На его одутловатом лице, простоватом, с тяжелым подбородком, не просматривалось радости. Это был духовно сломленный, опустошенный человек. Во взгляде — застыл страх. На какое-то время, по-видимому, оказались отодвинутыми, забытыми честолюбие и страсть к власти, поглотившие всю его жизнь. Униженный Андроповым, он должен был испытывать торжество — не сумев его победить, он сумел его пережить. И теперь, как бы ни сложилось его правление — будет ли оно долгим и счастливым, или же — коротким и не-

удачным, он навсегда оставит след в истории, как один из правителей советского государства.

Но триумфа Черненко не чувствовал — была жалость и боль. Не к Андропову: его живого он боялся, а мертвого — ненавидел. Это была боль сострадания к самому себе, немощному, состарившемуся. И еще — испуг за себя: он, наверное, представлял, как в скором времени и его, одеревеневшего, опустят в землю и закроют тяжелой мраморной плитой.

Но кто — он искоса, отводя взгляд от бумаги перед микрофоном, всматривался в своих коллег, выглядевших так, словно они позировали для доски почета, все — в одинаковых темных пальто и пыжиковых шапках, — кто будет провожать его в последний путь? Поднятая рука Черненко судорожно дрожала. И перед моими глазами стоял другой Черненко, каким я его помнил тринадцатью годами раньше — вальяжный, чванливый...

Две встречи — вроде бы достаточно, чтобы сказать: знаю Черненко. И все же перед третьей — волновался. Одно дело было видеть его в непринужденной обстановке — на дне рождения генерала Ивана Халипова, и на даче — всего несколько минут — у академика Федора Константинова¹, другое — встретиться с ним в служебном кабинете ЦК — так предложил Геннадий Осипов².

Осипов тогда в разговоре загадочно сделал паузу, уставившись в окно своей квартиры на Ленинском проспекте, за которым разливалось московское утро, укутанное в серебряную пелену тумана, сказал:

— Завтра в одиннадцать тебя примет Константин Устинович...

В голосе, во всей фигуре профессора Осипова, сутулой, худой, угадывалось напряжение. Он выпрямился, растерозявшие руки и добавил:

— Черненко... — его тонкие, резко очерченные губы разошлись в улыбке. — Но помни уговор — ни слова обо мне. Он должен сам понять, что социология — слишком ответственное дело, чтобы передоверять ее философам. Институт социальных исследований должен возглавить социолог. Я.

Так судьба в третий и последний раз свела меня с чело-

веком, которому предстояло стать руководителем советского государства. Но тогда, весной 1971 года, в Черненко никак не просматривался будущий генеральный секретарь — он, казалось, не был сделан из материала, из которого делаются советские правители.

Вообще, мое представление о генсеке в ту пору не имело законченной формы. Это был — в моем сознании — сложный и неустойчивый образ, обобщающий различные типы коммунистических деятелей, знакомых мне лично или же по рассказам (и немного — по литературе). В его характере неизменно присутствовали надменность и самоуверенность. И еще — самодурство и грубость.

В каждом районном партийном секретаре уже различались контуры будущего генсека — приверженность к стертым штампам, банальным истинам, готовым формулировкам. И каждый генсек психологически настаивался на узости кругозора, творческой ограниченности, интеллектуальном убожестве провинциального партийного работника.

Черненко же совершенно выпадал из этого портрета. Передо мной сидел в глубоком кресле человек, чем-то напоминающий колхозного счетовода. Его лицу, красному, неподвижному, не хватало выразительности — в нем не отражалось ни чувств, ни мыслей, ни интереса к собеседнику. Нижняя его губа была устало опущена, верняя, бескровная, когда он говорил, почти не двигалась.

Водянистые глаза, если он сердился, становились синими, ни имели ресниц. Холеные руки спокойно лежали на полированном столе, совершенно чистом: ни бумаг, ни записок, ни книг. И одет он был не по партийной моде — прилично, но не щеголевато: скромный коричневый костюм, тех же тонов галстук, неумело повязанный толстым узлом, серая рубашка.

— Позвольте мне, Константин Устинович, по поручению Президиума Советской Социологической Ассоциации вручить вам удостоверение почетного члена ассоциации, — произнес я заранее заготовленную (и уже не раз проговоренную — при встречах с другими партийными деятелями) стандартную фразу.

Черненко сделал вид, что не расслышал, и спокойно спросил:

— Хотите чаю? — В его голосе проскальзывала ирония. Он, забавляясь, присматривался ко мне.

— Спасибо, с удовольствием! — Я вздохнул, посмотрел на тяжелую дверь, обитую черной кожей, и продолжал: — В сущности, партийная работа — та же социологическая работа. — Я сделал паузу и посмотрел на Черненко, ожидая одобрения — так при этих словах реагировали партийные деятели³. Однако реакция Черненко оказалась неожиданной.

— Социологическая работа не есть партийная работа, — сказал он резко, и в его тоне звучало неодобрение. — Отождествлять научную деятельность с партийной — ошибка.

Черненко осторожно (тогда мне показалось — недоверчиво) взял протянутый мной членский билет — маленькую книжечку, затянутую в тисненый золотом кожаный переплет, и раскрыл ее.

— Вот и удостоверение норовите сделать под стать цековскому. Почему красное? Красным может быть только партийный билет. Хочется прикрыться авторитетом партии?!

Я смешался. Разговор зашел в тупик, и вместе с ним — надежда заручиться содействием Черненко в проведении социологического исследования партийной работы. Оно должно было, как надеялись, реабилитировать столичных социологов перед партийными руководителями.

— Вы, несомненно, правы, — в растерянности произнес я совершенно глупую фразу: если Черненко был прав и социологи подменяли партию, то следовало немедленно каяться, а не просить поддержать кандидатуру Осипова в директора института.

Если Черненко ошибался, нельзя было ни в коем случае соглашаться с ним — следовало очень тактично и ненавязчиво разъяснить его заблуждение.

— Мы имеем в виду, — не решаясь говорить от своего имени, я попытался увести разговор на менее опасную тему, — что партийная работа по своему характеру (я торопливо подыскивал нужные определения), своей направленностью, пафосом близка исследованию ученого.

— Глупости! — вновь прервал меня Черненко и рассердился. — Нам не нужны пустые социологические опросы. И без них мы знаем все, что нужно. Партия располагает многочисленной армией добровольных информаторов. У нас есть полное представление — обо всех, о каждом. Вы же хитрите — стараетесь подогнать под свои схемы общественные явления. К действительности необходимо относиться по партийному — отличать истину факта от правды жизни. Социологи то и дело теряют цели, утрачивают идеалы.

— Но ведь объективная информация может помочь партии принять правильные решения.

— Правильные решения? — Черненко выпрямился в кресле и повысил голос. — Партии требуется только такая информация, которая подтверждает правильность выбранных ею решений.

Черненко был прав: со времени Ленина советские лидеры жили в замкнутом социальном кругу — при полном отсутствии контактов с реальной жизнью, с миром по ту сторону огромных кабинетов и роскошных государственных дач. С докладами к ним ходило множество советников и консультантов, но своих помощников они подбирали и воспитывали под стать себе. Такая селекция партийных работников обеспечивала нужное властям отношение к получаемым указаниям и готовность, не оспаривая, их выполнять. Но здесь таилась опасность для общества: направляемый снизу поток сведений доводил до сведения верхов не то, что им надлежало знать, а то, что им хотелось знать. Потоки информации, направляемые в обе стороны, извращались: идущий сверху наполнялся ложным содержанием, поднимающийся снизу — искажал действительность. Складывалась сюрреалистическая ситуация: народ не знал, что думают его руководители, руководители не имели представления, что волнует народ.

...Я уходил от Черненко опустошенным. И успокаивал себя: это не тот уровень, на котором решаются проблемы общества.

...Осипов выслушал меня рассеянно и нервно. Сказал:

— Никогда не следует иметь дело с мелкими партийны-

ми чиновниками — у них барская спесь, но нет барских возможностей.

О том, что Черненко станет главой государства, расположения и милости которого будут искать и добиваться миллионы его подданных, не предполагали тогда ни Осипов, ни я.

Безногий, движущийся по верной дороге, обгонит рысака, скачущего в неверном направлении.

Глава первая

ВЗЛЕТ НАД ПРОПАСТЬЮ

Какой из двух образов Черненко сохранит история — старательного, трудолюбивого паренька из Сибири, поднявшегося к власти с безысходного социального дна — убожества и нищеты деревенской жизни, или посредственности, игрою случая занесенной мутными партийными волнами в Кремль?

Кто он, Черненко? Изогранный интриган, искусно державшийся за кулисами исторических событий — настолько тонко, что сумел десятилетиями, не привлекая к себе внимания, оставаться в тени своих покровителей? Или — угодливый чиновник, воплотивший бессилие и немощность режима, настолько духовно неподвижный, что временами казался несуществующим, деятель, оставивший после себя единственный след — человека, которому трудно дышать и двигаться?

Современники предлагают нам различные рисунки его образа. Одни с иронией называли его "вешалкой для полотенец", "перекладывателем бумаг", "открывателем бутылок". Другие, более осмотрительные и осторожные, представляли его "загадкой, способной преподнести сюрпризы", характеризовали как "расчетливого политика, всегда находящегося "у себя на уме", наделенного здравым смыслом и не лишённого юмора. Были — значительно реже — и

безапелляционные суждения: "тупица", "посредственность на побегушках".

Но, может быть, более правомерным и справедливым будет другое представление: Черненко — как символ и образ системы (он же — ее продукт и орудие), задуманный как ее наиболее полное и совершенное воплощение. Все советские руководители до Черненко в той или иной мере выпадали из социальной реальности. Ленин жил вне ее, извращая и насилюя действительность чуждыми ей марксистскими схемами. Сталин с ней не считался — конструировал общественную жизнь в соответствии со своей маниакальной страстью к власти. Хрущев опережал свое время — его проекты не укладывались в рамки тоталитарной структуры; Брежнев — бесконечно от него отставал, долгое его правление не было отмечено сколько-нибудь существенным социальным развитием; Андропов — не успел в него вписаться. И только Черненко полностью находился в его политическом контексте. Он целиком был в своей эпохе. В ней — и его объяснение¹. Так что понимание его сущности лежит через истолкование особенностей и своеобразия советского общества, которое на специфическом витке своего развития (или распада) было способно (или вынуждено) выдвинуть и удержать у власти совершенного особенного, не похожего на других, руководителя. Оказалось — в начале 80-х годов — что на самой вершине власти в Советском Союзе личность может быть полностью аннигилированной персонифицированной генеральной линией партии. Советская система должна была стать достаточно устойчивой и прочной, чтобы позволить себе иметь физически совершенно беспомощного, духовно сломленного лидера. Бессилие правителя отражало силу (все еще) этой системы².

И на фоне этого взаимодействия (а иногда — противодействия) — бессилия Черненко и всеилия режима — складывалась и формировалась личность будущего генсека. При этом возникает вопрос: что заставило крестьянского сына, робкого, тихого, броситься в омут партийной деятельности? Не обостренное честолюбие — во всяком случае, не только, — а мужицкая осмотрительность. И поразившее юного Чер-

ненко открытие: большевистская революция не меняет меру человеческого благополучия, а всего лишь его перераспределяет: насильственно отнимает его у одних с тем, чтобы одарить других — тех, кто ей готов служить.

Под натиском социальных потрясений оказались разорванными вековые крестьянские ценности — приверженность очагу, преданность земле, старательно (а возможно — с любовью) насаждаемые в характере Черненко в отчем доме. Сведений о его детстве и юности чрезвычайно мало — настолько мало, что складывается впечатление, что партийные биографии преднамеренно обкрадывают его жизнь. Время в них словно остановилось — до такой степени узок их мир и так мало они говорят о нем: родился в 1911 году в сибирском селе Большая Тесь, в 23-м — стал работать, в 26-м — вступил в комсомол³.

Что же произошло между этими датами?

Большевистская революция (о ней должны были остаться у Черненко лишь смутные воспоминания: грабежи и пожары — горел на корню хлеб и усадьбы богатых крестьян — так начиналось классовое расслоение деревни) в Сибири закончились, едва начавшись, — в ноябре 1917 года. Из двух декретов новой власти — "О мире" и "О земле" — сибирских крестьян, уставших от войны, привлек первый. Ко второму они отнеслись безразлично, ибо земли у них в избытке было и без революции. А хлеб захватившим власть крестьяне безвозмездно отдавать не хотели: не желали голодать. Не могли они смириться и с самоуправством комиссаров, пришедших из города. Не соглашались и на лишение прав. Первые крестьянские выстрелы в Сибири раздались в казацких селениях — Большая Тесь была одним из них. Сюда, тридцатью годами раньше, в конце 19-го века, с переселенцами с Украины пришли родители Черненко. Он хорошо помнил отчий дом. Большой, просторный, который одним углом осел в землю, а другим, поросшим мхом и травой, упирался в небольшую речку: летом она мелела, а весной и осенью, в половодье, наполнялась рыбой. Работать на земле — ее в семье было в достатке — отец Черненко не хотел. Уходил на отхожий промысел, поначалу на медные рудники, затем на золо-

тые прииски — в надежде быстро разбогатеть. И посевными работами занималась мать. Была она высокая, сильная, быстрая, поднимала и перебрасывала в руках трехпудовые мешки.

Черненко же от природы был хил и слаб здоровьем, и мать, едва он окончил начальную школу, отослала его в город, в интернат — в школу второй ступени. Особого прилежания и больших успехов в учении Черненко не проявил. И вскоре он, оставив учебу, становится солдатом одного из продотрядов, созданных для насильственного изъятия у крестьян продольственного налога.

Солдаты продотрядов действовали как на войне: хлеб искали в крестьянских домах, словно оружие — шомполами взламывали стены, гранатами забрасывали подполье, штыками перепаживали огороды. И брали заложников — их расстреливали, если не удавалось собрать предписанного планом ("разнарядкой") необходимого количества зерна.

Крестьяне пробовали сопротивляться — резали скотину, не убирали урожая, кое-где убивали советских активистов. И еще больше ужесточалась борьба с ними. Партия объявила войну деревне: от политики социального ограничения крестьянства она переходит к политике ликвидации крестьянства как класса. Ломала уклад жизни и основы экономики десятков миллионов крестьянских семейств: экспроприировалась их собственность, и они насильственно загонялись в колхозы. Процесс "переплавки" (выражение Сталина) крестьянина в колхозника шел на фоне массового истребления кулачества.

Сущность кулачества в советской пропаганде никогда полностью не выявлялась, что позволяло властям при необходимости, расширяя формулу этого понятия, подводить под него различные категории крестьян: использовавших наемный труд (18 — 20-е гг.), зажиточных землевладельцев, имевших добротный дом и кое-какую скотину (20 — 28-й гг.), бедняков, сопротивлявшихся коллективизации — для этого случая было создано особое выражение — "подкулачник"⁴.

Нормы ликвидации крестьян были четко определены: от пяти до семи процентов. Область спускала план в районы, местные партийные власти делили цифры по сельсоветам, и те составляли списки подлежащих "раскулачиванию" (тут

учитывались старые обиды, принимались во внимание зависть и личная неприязнь). А сам процесс "раскулачивания" раскладывался, подобно пасьянсу, в несколько этапов. Поначалу богатых крестьян обкладывали налогами, и у них какое-то время теплилась надежда, что выплатят, живя впроголодь, они поборы и государство их пощадит, помилует. Затем их стали арестовывать: тех, кто оказывал сопротивление коллективизации, расстреливали в тюрьмах, остальных — ссылали на спецпоселения в Сибирь. Везли в опечатанных вагонах-теплушках долгие месяцы и сгружали в тайге на снег или в болота. Больные, дети и старики вскоре умирали, оставшиеся в живых, трудоспособные и сильные, голыми руками выкапывали и строили шалаши, сбивали кое-как мастерские и начинали под надзором комендантов и десятников работать — строить социализм⁵.

Эшелоны с "кулаками" стали приходить в Красноярский край в 1929 году. Чекистов, чтобы встречать, разгружать, расселять арестантов, не хватало, и стали мобилизовывать им в помощь комсомольцев. Черненко, конечно же, не сводил личных счетов с несчастными ссыльными, он был в ту пору вообще политически не особенно грамотным. Но свято верил и почитал Сталина, и жили в нем безоглядное послушание, благородная робость перед могучей силой, именуемой партией. И еще в нем, тщедушном и слабом, тлела инстинктивная, подспудная неприязнь к независимым, самостоятельным крестьянам, на которых его натравливали. Партия разъясняла ему — кричала, запугивала, давила чекистскими сапогами — проявишь слабодушие, нерешительность к кулакам, не избежат тебе самому духовного перерождения. Его убеждали: кулаки предадут революцию, сжигают хлеб, насиляют девушек, убивают детей, они — классовые враги, и все в них отвратительно, омерзительно — и тело, и душа, и мысли. Черненко очень скоро поверил, что все несчастья идут от кулаков — тяжесть и неустроенность существования, голод. Стоит их уничтожить, и сразу же наступит для людей добрая жизнь, спокойная, сытая⁶.

И он выполнял свой долг: конвоировал их на работу, сторожил их, больных и умирающих на нарах в бараках, сго-

нял со станции, куда они, запуганные, замученные, шли полями, лесом, чтобы миновать милицейские заставы, в поисках подаяния, милости.

Черненко зарабатывал капитал более драгоценный, чем золото, которым когда-то грезил его отец: доверие партии. Понимал, что благосклонность партии важнее богатства, она — власть и почести. И искренне верил, что насилие и жестокость служат состраданию и справедливости, и прозревал социальную истину через классовую ложь. В бездумии и послушании Черненко обретал силу и мощь.

Массовые чистки советских учреждений в Сибири выносят его в партийную номенклатуру: в 1929 году он становится заведующим отделом пропаганды и агитации комсомольской организации в Новоселово. В те годы это был небольшой город: четырнадцать тысяч жителей, одна мукомольная фабрика, спирто-водочный завод, несколько кустарных мастерских. И всего — 800 комсомольцев.

Черненко сразу же привлекается к проверке биографий руководящих работников. Кое-кто из них вскоре будет репрессирован по "первой категории": арестован, а затем расстрелян, некоторых "протянут" по второй категории — снимут с должности и отправят на поселения на Север. Другим было уготовлено наказание по "третьей категории" — их понизят в должности и выселят из квартир⁷.

Он был одним из организаторов отрядов "легкой кавалерии" — комсомольских групп, назначение которых было выявлять (наказывать будет ГПУ) саботажников производства, нерадивых работников. Страх перед разоблачением, сковавший народ, оказался благоприятным для Черненко. Партия питала к нему расположение, и он отвечал ей преданностью. Он — доброволец, его не надо было ни о чем упрашивать, ни к чему принуждать. Нужны были доносы — писал, предлагали выступить свидетелем на суде — выступал, следовало мобилизовать массы на субботник — мобилизовывал. В его глазах, то светлых, то темных, постоянно жило услужливое напряжение — всегда готов был агитировать, вдохновлять, организовывать. Он весь был в комсомольской работе. Но неожиданно в партийной карьере Черненко наступил срыв

— разрыв на три года. Осенью 1930 года он оказался на пограничной заставе в Казахстане. Может быть, он переусердствовал в гонениях на крестьян и не подметил новых идеологических веяний: власти были вынуждены весной 1930 года признать ошибочность поспешной коллективизации и призвали не проводить ее силой⁸. Колхозы в Сибири карточными домиками стали разваливаться, и вину переложили на исполнителей. Черненко, возможно, оказался среди них. Но не исключено, хотя маловероятно, что извращенная насилием душа Черненко, вскормленная традициями крестьянской раскусительности и терпимости, неожиданно возмутилась, и он решился выйти из кровавой игры. Такой случай представился в 1930 году, когда подошел возраст призываться в армию.

Не исключено, наконец, что Черненко просто оказался жертвой мистификации: советская пропаганда создавала ореол загадочной романтичности вокруг чекистов — такие бесстрашные рыцари с "чистыми руками, горячим сердцем и холодной головой". И ему могло показаться, что работа в органах безопасности обещает более быстрое выдвижение (и вознаграждение), чем партийная служба. К такому объяснению военного изгиба в своей биографии подводит и сам Черненко. Он писал: "Вы знаете, что для Советской страны начало 30-х годов было не простым периодом, но его пафос состоял в наступлении социализма на всех направлениях государственного, хозяйственного и культурного строительства. Вся страна была охвачена трудовым энтузиазмом... Служба на границе была пределом мечтаний для нас, тогдашних комсомольцев"⁹.

И именно поэтому эта версия — потому что официальные биографы настойчиво насаждали ее в общественном сознании — вызывает сомнение. Точно так же не заслуживает доверия утверждение Черненко, что пришел он служить в пограничные части добровольно¹⁰. Скорее всего, это было добровольно-вынужденное решение, в которое вплелись и не совсем благополучное развитие его комсомольской деятельности и некоторая неудовлетворенность ею, и отштампованный идеологией выбор¹¹.

Военная служба, однако, не оправдала надежд Черненко:

бойцам заставы приходилось сутками не слезать с лошадей. А тут еще была малярия, страшная жара, отсутствие воды, недостаток еды. И — постоянные тревоги. Не проходило дня, чтобы не приходилось вылавливать людей, стремящихся уйти от советской жизни — пытавшихся перескочить, переползти границу. И тогда раздавалась команда: "В ружье!" Уставшие пограничники, разворачивая лошадей, привязывали себя к седлам, чтобы не упасть от слабости, в ярости, с шашками наперевес мчались навстречу таким же как они — изможденным и измученным людям^{1 2}. Эта жизнь, с лишениями, хамством и безумием, оказалась не похожей на упорядоченное существование Черненко в Новоселово: большая светлая комната в коммунальной квартире, теплый, ухоженный кабинет в районном комитете комсомола — в том же здании, где размещалось партийное начальство, сытый паек, уютная столовая для ответственных служащих.

К обмундированию Черненко привык, и очень скоро скованная жестким воротником шинели его шея стала менее подвижной. Труднее было приспособиться к окаменевшему от ледяного ветра снегу в горах и испепеляющему солнцу пустыни. Спать приходилось, не снимая формы, не расстегивая ремня, чтобы успеть вскочить и встать в строй по тревоге в положенные шестьдесят секунд. Питались в бараке — длинный зал с помойным запахом, сколоченные из досок столы. Садились по старшинству: начальник заставы, комиссар, командеры отделений, старшины. И следили недоверчиво и жадно за дежурным, делившим пищу. Какую бы порцию не дали, было мало: кусок хлеба, овсяная похлебка, гнилая селедка — она разлезалась при прикосновении, вызывая во рту ощущение гнили, и по большим праздникам — провонявший кусок масла и немного сахара. К концу обеда животы у бойцов вздувались от несвежей пищи, с тем, чтобы через час опасть, и начинались изжога и боли в тощих кишках.

Спустя пятьдесят лет услужливый биограф напишет о службе Черненко на границе: "В схватках с бандитами молодой боец проявлял недюжинную отвагу и мужество. Он метко стрелял из винтовки и ручного пулемета, без промаха бросал гранаты. Кроме того, слыл хорошим кавалеристом и

на охрану границы всегда ездил старшим погранотряда”¹³. В действительности же сосредоточенная злоба стала внутренним зрением Черненко: его патриотизм под сквозняками лишений и бессонных ночей быстро, в первые же месяцы службы, отсырел. Воображение постоянно собирало и склеивало крохи благополучной прошлой жизни и настойчиво требовало: любой ценой вернуться к ней.

И такая возможность представилась. Черненко поручили — народу на заставе было немного, и большинство малограмотные — провести с солдатами-новобранцами воспитательную беседу. Черненко удачно выступил — сгодился опыт комсомольской деятельности — и ему предложили вести регулярные политзанятия, и тут же рекомендовали в партию. Пропагандистскую работу Черненко проводил усердно, старательно, с похвальным рвением и вскоре оказался в привычной для себя сфере активности. Его избирают партийным секретарем заставы, посылают делегатом партийной конференции погранотряда.

После демобилизации — Черненко осмотрительно отказался остаться на сверхсрочную службу, где его ожидало офицерское звание, а в будущем военное училище — он вновь оказывается в Новоселово. Здесь он обретает утраченный на три года номенклатурный достаток, он находит его в райкоме партии, где ему поручают заведовать пропагандистским отделом.

Страна уходит от реальности, и вместе с нею и Черненко. Он живет в мире надуманных планов и цифр. Кажется ему и миллионам других, что социализм находится рядом, за углом: еще одна жертва, последнее усилие, порыв и будет построено желанное общество, разумное и справедливое. Партия подгоняла: для прыжка в утопию необходимо ликвидировать неграмотность. Черненко требовал и получал (средства — травматический шок, приказ, устрашение) от местных руководителей необходимые ему показатели: до 1935 года не оставить ни одного неумеющего читать и писать на заводах, вовлечь всех детей младшего возраста в школы — до 1936 года, развернуть в районе в течение 1937 года сеть фабрично-заводского ученичества¹⁴.

Естественное стремление народа к образованию подменилось лозунгом коммунистического воспитания. Обучение грамоте становилось повинностью, уклонение от которой влекло за собой наказание — уголовную ответственность¹⁵. Но Черненко был доволен — он силой (и насилием) вел свой район в новое общество. Было довольно им и партийное руководство края. Оно поручило ему создавать счастливую жизнь для другого района: его назначили заведующим отделом пропаганды Уярского райкома партии. Здесь Черненко обнаружил, что медленно и лениво тянется жизнь рабочих, и решил приобщить их к физической культуре — для подготовки к героическому труду и защите отечества. Людям, по комсомольским путевкам посылаемым работать в Сибирь, негде было жить, они ютились в землянках. Черненко же задумал и осуществил строительство стадиона на двадцать тысяч человек в районном центре, насчитывающем едва ли тринадцать тысяч жителей, ибо идеология требовала и оправдывала возведение грандиозных сооружений — они должны были выражать и подчеркивать величие переживаемой эпохи.

Стадион, в скором времени пришедший в негодность из-за ненадобности — поначалу его использовали для вывоза мусора, а затем переоборудовали в лагерь для заключенных — стал стартовой площадкой для вывода Черненко на краевую орбиту. В 1938 году он утверждается директором Красноярского дома партийного просвещения, а спустя год — заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации крайкома партии. Черненко теперь предстояло идеологически освоить территорию, по размерам равную Западной Европе, в состав которой входили одна область и два национальных округа, сорок три района, четырнадцать городов, десятки поселков, более тысячи колхозов и совхозов¹⁶.

В этой огромной среде обитания Черненко без труда находит пропагандистскую целину. На бескрайних просторах Енисейского Севера и на юге края издавна проживали народности хакасы и эвенки, сумевшие создать и сохранить свою скромную, но самобытную культуру. Принимается решение — разорвать национальные связи, приспособить и подчинить их русской культуре. И социалистические понятия и представ-

ления начинают врываться в их духовный мир, разрушая вековые привязанности и ценности. Начал распадаться традиционный уклад их жизни. На стойбищах сносились чумы и юрты, обтянутые теплыми оленьими и моржовыми шкурами, и в таежных улусах возводились многоквартирные дома под тесовыми крышами, непригодные для Крайнего Севера. Вытеснялись даже тулупы и шубы — им на смену приходила одежда из плохо выделанной ткани, холодная и неудобная.

И форсированно создавались клубы — для массовой промывки мозгов. Их было 700 в 1937 году, стало 1763 в 1940-м. В быт внедрялись радиосеть и пресса — для обкатки коммунистических лозунгов и манипулирования общественным мнением¹⁷. Черненко с гордостью рапортовал в ЦК об итогах своего труда: "230 тысяч рабочих, служащих и колхозников являются постоянными подписчиками газет"¹⁸.

Москва проявила благосклонность к расторопному и старательному работнику — в тридцать лет от роду Черненко назначается секретарем крайкома партии по пропаганде. Он становится одним из руководителей края, сосредоточив в своих руках огромную власть. Это произошло в начале 1941 года, а 22 июня началась война, которая подвела итог его власти в Красноярске. Но тогда, в самом начале года, думать о войне не хотелось, а главное — не полагалось: партия предписала считать провокационными слухами готовящееся нападение Германии на Советский Союз¹⁹. И Черненко поспешно отрядил на предприятия и учреждения края весь свой пропагандистский актив, более пятнадцати тысяч агитаторов, разъяснять "незыблемость и непоколебимость" союза Москвы с Берлином. Готовился к инспекционной поездке по своим владениям и сам Черненко, ему предстояло посетить десятки городов и районов, разбросанных вдоль долин Енисея на добрых две-три тысячи километров: от плоскогорий и гор Южной Сибири до берегов Ледовитого океана. Предстояло людей (подведомственных) посмотреть, и себя (в новом качестве) показать. И — утвердить. Отныне он не мог позволить себе заискивания, панибратства. Стиль его поведения становится строгим, деловитым, требовательным, где необходимо

— суровым и беспощадным. Он представляет партию. Неуместными оказываются вежливость, обходительность, внимательность — они были необходимы в прошлом, когда он искал расположения начальства, заискивал перед коллегами.

Следовало ему изменить и распорядок дня — заседания проводить по ночам. Это вызывало почтение — тяжело работает Секретарь. И без доклада не принимать, только по предварительной записи. С шоферами (их у него стало два) держаться вежливо, но холодно, отстраненно, с достоинством — перекидывался парой слов, спрашивал о семье, справлялся о здоровье. И уходил в себя: человек отныне он занятый, умеет планировать работу и дорожит временем.

Сравнительно легко (и приятно) было привыкнуть к заискиванию и угодливости. Сложнее — к телефонам в собственном кабинете, их было шесть: правительственный, так называемая "вертушка" — для связи с местными руководителями работниками, высокочастотной связи — для срочных разговоров с Москвой, два — внутренних, два — городских. И Черненко неизменно терялся и путался: звонила секретарша, а он хватал трубку междугороднего телефона. Смущала его и примыкавшая к кабинету комната отдыха с ванной — что с ней делать?

Важно было не растеряться, не дать окружающим почувствовать, что он смущен, растерян, подавлен собственным величием: шутка ли, в тридцать лет чуть ли ни хозяин целого края (пусть не главный, а пока только один из трех самых важных, но зато самый молодой, а значит — перспективный). В самое ближайшее время его ожидало депутатство в Верховном Совете и участие в работе очередного съезда партии: предыдущий, восемнадцатый, состоялся в 39-м году, следующий предполагали провести в 42-м или 43-м. Он мог стать членом ЦК, если повезет (как стал его сосед, секретарь Дальневосточного крайкома Николай Пегов), а нет — то быть ему кандидатом в члены ЦК. Но по должности — идеологический секретарь — рассчитывал Черненко со временем на полное членство в ЦК: край его самый большой в стране и богатый. В его недрах скрыты несметные запасы угля, нефти, благородных металлов. Разнообразие почв и климата открыва-

ло широкие возможности для развития сельского хозяйства — производства зерна, развития животноводства. Хорошие перспективы — наличие океана — существовали и для интенсивного рыбоводства.

Форсированно, за счет разорения деревни, осуществлялась индустриализация. В 1940 году выпуск промышленной продукции вырос здесь в 20 раз по сравнению с 1913 годом, исходным годом, от которого предпочитала отталкиваться советская статистика. Построены были крупные предприятия — угольные шахты и разрезы, заводы тяжелого машиностроения и комбайнов, судостроительные верфи. И, наконец, на территории края раскинулись важнейшие архипелаги советской тюремной империи — десятки концентрационных исправительно-трудовых лагерей²⁰.

Когда анализируют мотивы массового террора в Советском Союзе в 30-х годах, обычно называют стремление Сталина уничтожить революционное поколение руководителей и создать новую партию, ему полностью подвластную. Эти факторы лишь частично вскрывают его причины. Существует и третий импульс, не менее важный: необходимость концентрации многочисленных людских резервов на индустриальных стройках. При этом конвейер мобилизации был прост и эффективен: каждая область получала план арестов — выявить к определенному сроку необходимое число "врагов народа".

Так механизм репрессий занес в Красноярск к 1941 году 3 миллиона заключенных, что было в полтора раза больше, чем само население края²¹. Государственное Управление лагерей (ГУЛАГ), подчиненное НКВД, занимало важное место в экономике края. Заключенные трудились на лесозаготовках, в деревообрабатывающей промышленности, на медных копях, алмазных приисках. В его систему также входили лаборатории-тюрьмы, работающие на военную промышленность. Черненко мудро рассудил: необходимо завоевать расположение Берии. И, видимо, преуспел в этом. В 41-м году, когда террор в стране был уже на спаде, в Красноярском крае все еще буйствовала кампания разоблачения "вредителей и диверсантов"²².

Так что особую предусмотрительность пришлось проявлять Черненко в выборе знакомств — чтобы не затесались в них неблагонадежные элементы или члены семейств "врагов народа", надлежало быть осторожным и в связях с женщинами — партия проявляла нездоровый интерес к личной жизни своих сотрудников. Черненко поэтому решил не искушать судьбу и летом 1941 года не ехать в отпуск к теплым морям — Черному или Азовскому, а отдохнуть в местном санатории "Шира".

Конечно, он понимал — заманчивее было развлечься в Сочи, в санатории "Кавказская Ривьера"²³, где редко можно было встретить партийных работников, угрюмо-тоскливых, развлекающихся доносами на своих сослуживцев, а женщины, что съезжались туда, были не выцветшие, сухие обкомовские деятели, одним своим видом отвращавшие от озорства, а соблазнительные столичные дамы, свежие, аппетитные, со взбитыми пышными прическами и при маникюре. Да и мужчины, отдохавшие там, были не под стать сибирякам — солидные, обстоятельные. Он (кто он, в сущности? На первый взгляд, мальчишка, ему и его возраста никак не дать: среднего роста, неразвитые плечи, монгольское широкое лицо с впалыми щеками) подсознательно искал и стремился к независимой жизни, активной, гордой, исполненной достоинства. И странное чувство время от времени охватывало Черненко: его скрытое "я", тщеславное, обитавшее в глубине его подсознания, разворачивалось в груди, вырывалось наружу, ища самовыражения. И искало признания — подтверждения его самооценности.

Но не пришлось Черненко поднабраться сил ни на сибирском курорте, ни на черноморском; его захлестнула война. Она перевернула всю его жизнь, размеренную, благополучную, налаженную.

События развивались так. В начале июля в Красноярске был сформирован краевой комитет обороны, в который вошел Черненко. Под его началом создается специальное управление, контролировавшее все отделы крайкома, ответственные за снабжение фронта²⁴. Но прошло много недель, прежде чем Черненко как-то освоился с новыми обязанностями.

Привычных директив из Москвы не поступало, приходилось полагаться на интуицию, что его несколько смущало и пугало. И он решил начать с привычного — с принятия резолюций, долженствующих, по его мнению, всколыхнуть в местных жителях патриотические настроения и чувства. Вот одна из них, предложенная им коллективу Енисейского пароходства:

”Мы все как один поддерживаем наше Советское правительство, нашу славную Коммунистическую партию... Мы не пожалеем трудов своих и нашей жизни для победы над врагом. На своем трудовом посту или в рядах Красной Армии будем отстаивать Родину, свою честь и свободу!”²⁵.

Черненко приходит мысль повысить эффективность идеологической работы — в этом состояла его помощь фронту. По его указанию создаются шесть новых районных газет, он впрягает в пропагандистскую деятельность 15 тысяч новых агитаторов. Форсирует строительство 573 пунктов для коллективного радиопрослушивания, руководит изданием массовыми тиражами лозунгов и призывов к населению, санкционирует печатание 200 тысяч плакатов, по его инициативе проводятся антифашистские митинги, собрания жен фронтовиков, выступления воинов на вокзалах и в кинотеатрах²⁶.

В военкоматы города шли заявления от добровольцев с просьбой зачислить их в действующую армию. В первые месяцы войны — с июня по август — была мобилизована четвертая часть всех коммунистов края: 7140 из 24 тысяч членов партии, среди них 153 из 280 местных партийных секретарей²⁷. Но Черненко на фронт не стремился — за многие годы партийной работы он развил в себе осторожность и осмотрительность. Опыт подсказывал ему — в тылу больше чем на войне существует возможностей для продвижения. И — меньше риска.

В Красноярск стягивался поток беженцев, и к зиме 41-го года он составил миллион человек — половина коренного населения края, а за ним начали поступать эвакуированные с запада страны заводы и фабрики. Их надлежало — от этого зависела карьера и судьба Черненко — поспешно разместить на новом месте и запустить на полную мощность. В техниче-

ской стороне дела он плохо разбирался и перепоручил это своим помощникам, которые следили за сооружением новых фабричных корпусов, графиком работ. И занялся разработкой инструкций по организации труда. В соответствии с их рекомендациями рабочие и служащие прикреплялись к предприятиям. Уход с работы рассматривался (и осуждался) как дезертирство, вводились неограниченные временем сверхурочные работы, отменялись отпуска и выходные дни²⁸.

Меньшее внимание он уделял размещению эвакуированных. Они скученно, по три-четыре семьи, селились в землянках, в наскоро сколоченных бараках. Жили впроголодь. Карточная система распределения продуктов не в состоянии была обеспечить их потребности. Работающим выдавалось 500 — 600 граммов хлеба в день (300 — 400 граммов иждивенцам) и в месяц до двух килограммов мяса и рыбы, пятьсот граммов жиров, до полутора килограммов круп и макарон. Все прочие продукты приходилось по баснословно высоким ценам покупать (а чаще — обменивать на вещи) на черном рынке.

И постепенно на одном общественном полюсе в Сибири обозначилась и проявилась нищета — рабочие от постоянного недоедания и напряжения истощались и выбивались из сил, а на другом — сколачивались огромные состояния спекулянтами, среди них немало было партийных и советских работников, торговавших продуктами из закрытых распределителей. И Черненко попытался решить уравнение социального равенства весьма оригинально — он решил реквизировать "излишки" для нужд фронта и собственной политической рекламы. Реклама удалась — идея Черненко вызвала одобрение Москвы, и он бросился облагать принудительным обложением служащих. В 1942 году он дает указание развернуть в крае мобилизацию средств с населения для строительства танковой колонны имени Сталина²⁹. Когда же выяснилось, что собранных в городе денег и ценностей недостаточно, агитаторы Черненко устремились в селения — облагать крестьян (женщин, стариков, детей — мужчины были на фронте) натуральным налогом: из личных запасов колхозников были сданы в фонд армии десятки тысяч пудов хлеба³⁰.

Сталин телеграммой выразил благодарность Красноярскому крайкому партии — за несколько недель партийные работники умудрились изъять у жителей края 30 миллионов рублей и 110 тысяч пудов хлеба³¹. Популярности в крае Черненко это не прибавило. И не принесло, как выяснилось очень скоро, и особого расположения Москвы.

Осенью 1942 года у Черненко возникает мысль к 25-й годовщине Октябрьской революции собрать подарки защитникам Ленинграда. Он снаряжает и посылает ленинградцам 50 вагонов с продовольствием и теплыми вещами, пожертвованными населением.

Одна пропагандистская идея сменяется другой — мозг Черненко вырабатывает их с завидной энергией и разнообразием. Красноярск берет шефство над Карело-Финским фронтом — туда отправляется делегация партийных активистов (сам Черненко благоразумно остается в тылу). Организуется шефство промышленных предприятий над госпиталями. Колхозам предписывается провести символическое зачисление воюющих солдат в сельскохозяйственные артели с обещанием всевозможных благ — построить для них дом, выделить огород, дать коров и гусей (их реализация предусматривалась к окончанию войны)³². Самое оригинальное изобретение Черненко — включать в состав комплектуемых банно-прачечных поездов вагон, целиком оборудованный для агитации.

Пропагандистское новаторство Черненко не вызвало в ЦК возражений. Но, к его удивлению, и не породило восторгов. В Кремле утверждается более прагматический подход к партийной работе: насколько она укрепляет режим и приближает страну к победе. Идеологические соображения на время были приглушены и отодвинуты на второй план. И когда выяснилось, что в Красноярске десятки предприятий не выполняют план, задерживается строительство важнейших оборонных объектов, колхозы срывают сдачу хлеба государству, негодование Москвы не знало предела. Под пресс критики попал весь партийный аппарат края, но особенно беспощадной она оказалась по отношению к Черненко. Выявилось, как утверждалось в решении ЦК, что он, ответственный за

снабжение фронта, сосредоточился "на многочисленных текущих делах и выпускал из виду главное", "принимая правильные решения, не претворял их в жизнь", "утратил связь с массами" и т. д.³³

Черненко стал каяться, но, по-видимому, без должной решительности и настойчивости, получил строгий выговор и был смещен со всех партийных постов — с должности секретаря крайкома, руководителя управления, ведающего поставками фронту, выведен из Бюро³⁴.

Перед ним возникла угроза мобилизации в армию — кем? Офицерского звания он не имел, образования — почти никакого. И в этом, совершенно неожиданно для него, таилось спасение. Партия, не смущаясь, сбрасывала с различных номенклатурных пьедесталов тысячи своих служителей, в том числе самых высокопоставленных, но не желала унижать самую себя — не могла, не теряя авторитета, послать бывшего секретаря крайкома на фронт простым солдатом — политруком взвода или роты (а на большую честь не мог рассчитывать попавший в опалу Черненко). Она умела, безжалостно растапывая, проявлять жалость. Черненко откомандировывается весной 43-го года в Москву — учиться в Высшую школу парторганизаторов.

* * *

В Высшей партийной школе, куда направили Черненко, было два факультета: трехгодичный для низовых или начинающих партийных работников, и одногодичный для ответственных и руководящих³⁵. На одногодичный Черненко не прошел, как не имевший высшего образования, и был зачислен на трехгодичный. Но в аппарате ЦК, по-видимому, сжалились над попавшим в немилость секретарем крайкома, и его определили на второй курс — из уважения к его давним заслугам. Так что ему предстояло учиться "всего" два года. Но для него это было "целых" два года мученичества, унижения и страданий, потому что трудно давалась ему наука. Систематических знаний он не имел — были лишь куски и клочки случайных сведений, осевших за десяток лет его про-

пагандистской деятельности — разрозненные постановления ЦК, решения различных съездов и пленумов, выдерганные цитаты из сочинений классиков марксизма-ленинизма, больше всего Сталина. И все. И приходилось неделями просиживать над политической экономией, философией, правом, советским строительством (был и такой предмет). И зубрить — слово за словом — "Краткий курс истории ВКП/б/".

Память, не привыкшая к умственному труду, не усваивала и не удерживала информации. И Черненко тяжело, хуже других, сдавал экзамены, с трудом перелезая от семестра к семестру. И постоянно его не покидало чувство неполноценности. В ВПШ в годы войны был особый подбор слушателей: пожилые мужчины, по возрасту или по болезни выбранные от службы в армии, инвалиды войны — с тяжелыми ранениями или после серьезной контузии, бывшие политработники батальонного масштаба и женщины, совсем недавно приобщенные к партийной работе. Женственности в них не было никакой, озлобленные — у многих мужа погибли на фронте, озабоченные — дом и хозяйство были брошены на произвол судьбы, жестокие. Карьера была единственным смыслом их поломанной, неудавшейся жизни.

Черненко не трогала ни торжественность помпезного, в стиле социалистического ренессанса, здания Партийной школы, с широкой мраморной лестницей и тяжелыми колоннами (помещение его, казалось, как это было давно, крайкома было не менее величественным), ни уютность приглушавших шаги красных дорожек — точно такие лежали в коридоре, ведущем в бывший его кабинет, ни сверкающий паркетом огромный читальный зал с тысячами книг — книги были его врагами, они изматывали его силы, лишали сна.

И Москва была не той, что приветливо встречала его до войны. Суровая, затемненная, перепеленованная черными лентами окон. Холодная. Ходить приходилось пешком или давиться в троллейбусах и трамваях, а раньше в ЦК охотно предоставляли ему, секретарю крайкома, сверкающие черным лаком автомашины ЗИС. Голодная — жители города, озлобленные, бродили истощенными тенями по магазинам в поисках продуктов. Сам Черненко ни в чем не испытывал

недостатка. В столовой партшколы кормили три раза в день обильно и сытно, а по карточкам, в особых распределителях, можно было без труда приобрести яичный порошок, тушенку, копченое мясо.

И жилось Черненко сравнительно с другими москвичами неплохо — в комнате с сокурсником, в теплом и уютном общежитии ВППШ. Но — одиноко и неустроенно сравнительно с бывшей жизнью, в которой была у него пятикомнатная квартира напротив крайкома партии, и рядом жена и сын. Далеко, в Томской области (хорошо, что не на войне), служил брат. Его больше не поджидали у подъезда услужливый помощник (ему самому время было искать покровителя) и обязательный, готовый выполнять любые приказания порученец; сейчас он сам был на посылках у профессоров школы. Он был один в большом городе. В ЦК из старых приятелей мало кто остался: многие были репрессированы, кое-кто мобилизован, а те, кому удалось зацепиться в столице, стремительно лезли вверх. И напоминать им о себе (пока что) Черненко не хотел. Знал: может рассчитывать на благосклонное отношение только к одной своей просьбе и приберегал ее ко времени окончания школы.

Раз в неделю в партийной школе устраивались культпоходы: в картинные галереи, на концерты, в музеи (дирекция школы заботилась о художественном воспитании своих учеников). И там Черненко чувствовал себя неуютно: живопись его утомляла, прошлое — не интересовало, симфоническая музыка — наводила скуку. Он оживлялся только в театрах: таинственная жизнь, красочная, светлая, на фоне реальной — угрюмой, безысходной, мрачной.

Высокие лепные потолки, мерцающие светом люстры, оживленная публика напоминали об утраченной (на время) прошлой жизни. И женщины, что приходили сюда отогреться, были не те, что он встречал на улицах — в грязных ватниках, тащившие тяжелые балки на стройках. Они были молодые, рослые — с некоторыми из них у него устанавливались приятельские отношения: у него всегда были лишние билеты, и он выменивал их на ласку.

В антрактах он внимательно прислушивался к разгово-

рам офицеров, прибывших на побывку в столицу. Они были непохожи на радостные, оптимистические военные сводки, что передавали по радио. Победы в них были одеты в страдания солдат, которыми неумело и неразумно руководили командиры. Но в конце 44-го года прояснилось: война идет к концу. В этом убеждали и артиллерийские салюты. Сначала они были раз в месяц, в неделю — по случаю взятия городов и выигранных сражений, затем — чуть ли не ежедневно. И наконец, случались и по нескольку раз в день. Ждали победы, по этому случаю страна облачалась в мундиры; в форменную одежду одели юристов, железнодорожников, дипломатов, школьников. В партийной школе прошел слух, что создают ее и для партийных работников — с серебряными эмблемами для секретарей райкомов, с позолоченными — горкомов, и золотыми — обкомов. Форму для партийных чиновников не придумали. Но если бы ввели, то Черненко бы достался золотой символ: по окончании школы он был назначен (видимо, вспомнил о нем Маленков) идеологическим секретарем Пензенского обкома партии. Конечно, это был шаг назад: Пензенская область не Красноярский край, в котором могло уместиться с десяток таких областей. Созданная перед самой войной, она была чуть ли не самая неразвитая и бедная советская провинция: с десяток предприятий, несколько вузов, краеведческий музей и картинная галерея. И еще, слышал Черненко, область отличалась неналаженным и сильно разоренным войной сельским хозяйством.

Но он был счастлив вырваться из Москвы. В этом городе он, сброшенный с партийного пьедестала, познал оскорбление совсем не привилегированной (вернее — не совсем привилегированной) жизни и не предполагал тогда, осенью 45-го года, что здесь придется ему, спустя почти сорок лет, ненадолго насладиться упоительной сладостью высшей власти.

Радость Черненко оказалась преждевременной — лицом к лицу Пенза произвела на него гнетущее впечатление. Деревянные тротуары, немощеные улицы, грязь, убожество, непробудное пьянство. Нищета. В квартирах, порезанных фанерными перегородками, ютились по нескольку семей: местные жители, беженцы, фронтовики. Работы на всех не хвата-

ло, население в войну увеличилось вдвое, а крупные предприятия были вывезены на Восток.

Упадок царил и на селе. Многие деревни запустили, стояли без жителей, с заколоченными домами. Объезжая район, Черненко то и дело натыкался на дебильных мужчин и уродливых женщин — все более или менее здоровое, сильное население погибло на войне или сбежало в город. Леса, которыми издавна славилась Пенза, были вырублены или сгорели. Город окружали степи, и в них — ни ягод, ни грибов. Область в войну зачахла, оскудела и засохла. Черненко, однако, не унывал — он все еще был молод и по-прежнему честолюбив, и он попытался как можно скорее вжиться в роль идеологического руководителя области. И постарался в новой своей должности найти нужный и правильный тон — его ему подсказали партийные инструкции. Москва решила превратить Пензу в центр развития тогда еще новой в стране химической промышленности. В 1946 году в городе начинается сооружение бумажно-целлюлозного комбината. И Черненко обращается к строителям с призывом: "В ударном году, на ударной стройке не 365 дней, а 365 суток!"³⁶ Предложение утверждается обкомом и становится повинностью: вводился обязательный трехсменный режим работы.

Черненко не стремился — и не умел — сойтись с людьми, узнать их интересы, разобраться в их проблемах. Предпочитал руководить ими из своего кабинета, через многочисленных помощников. И даже если он оказывался среди рабочих, продолжал говорить и мыслить штампами и лозунгами. Както в процессе монтажа оборудования на текстильном комбинате сорвался и упал подъемный кран. Инженеры предложили заменить его системой блоков. Черненко воспротивился и потребовал "политического анализа" аварии. "Не представляя обстановку политически, — развивал он свою мысль, — нельзя найти правильного решения, а без него — сделать шаг вперед"³⁷ И соответствующий вывод сделали: на участке были выявлены вредители.

Пенза не выполнила план хлебозаготовок за 1946 год и выполнить его была не в состоянии. Область была разорена обременительными госпоставками зерна — урожай реквизи-

ровался на корню, а то немного, что оставалось у крестьян, забиралось машинно-тракторными станциями в виде натурального налога за сбор урожая. Так что колхозники получали за работу лишь символическую плату — по галочке в регистрационных книгах: амбары артельные были пусты. При этом колхозники еще оставались в долгу перед колхозом — за сено, что скармливали скотине, за полив приусадебных участков. С них, крохотных, в четыре десятых гектара, они как-то кормились. Осенью поспевали овощи, а зимой питались картошкой — ее запекали с похлебкой. И еще были яйца и молоко. Фруктов никаких, мясо ели только по праздникам, когда закалывали свинью.

Жизнь у крестьян была беспросветная, тягостная: вставать приходилось с зарею, в пять утра. Наскоро доили корову и подавались на колхозное поле — сеяли, жали. Поздно вечером без сил плелись на свои огороды — полоть, поливать. И в усталости заваливались спать в свои убогие дома — мазанки, сделанные из плиток навоза с песком. В одном углу размещалась скотина, в другом — куры, в третьем, у печки, спали и купались, в четвертом — обедали и делали уроки. Никаких светлых эмоций — непробудная тоска, горечь и скука.

Самую тяжелую физическую работу вынуждены были выполнять женщины — выпалывали и чистили свеклу, сидя на сырой земле, сеяли рис, грузили хлеб, собирали солому. Они были наиболее затравленный и униженный социальный пласт советской деревни. И бесправный — брались за работу, от которой отказывались мужчины, предпочитавшие устраиваться ездowymi — возили корма и зерно, конюхами или же работали в мастерских.

Сельские технократы, механизаторы и трактористы, жили несколько лучше. Они получали постоянную зарплату в МТС и были независимы от колхоза, но, как все жители деревни, были захвачены и парализованы серостью и тупостью сельской жизни.

На верху уродливой колхозной пирамиды располагалась сельская элита — председатель колхоза, председатель сельсовета, секретарь парткома, бригадиры. Жили они несравнен-

но лучше других — в добротных домах и досыта питались с общественной фермы и с колхозных амбаров. А продукты с приусадебных участков продавали на рынке³⁸.

Такой характер носило социальное расслоение (вернее — разложение) деревни Пензенской области, когда туда приехал Черненко.

Захотело бы и сумело партийное руководство заинтересовать колхозников в их труде — производило бы расчет за работу погектарно, а за собранный урожай платило хотя бы минимальную зарплату, и, возможно, не появилось бы в 1947 году свирепого постановления ЦК, в котором утверждалось, что в Пензенской области "неудовлетворительно занимаются делом восстановления и развития производства зерна и особенно медленно восстанавливают посевные площади и урожай". И еще отмечалось, что на многих колхозных фермах едва насчитывалось восемь коров³⁹. А откуда бы им быть больше? Не то что коровам, крестьянам в Пензенской области есть было нечего. Но Черненко находит своеобразный ответ на критику Москвы: он организует от имени колхозников области письмо Сталину, в котором они обещают "родному отцу и другу" — именно так и пишется, — "что постановления февральского пленума станут боевой программой для трудящихся села, которые будут трудиться не покладая рук для выполнения следующих планов"⁴⁰.

Письмо Сталина не убедило, и было решено передвинуть Черненко в Молдавию. В Москве, по-видимому, полагали, что в этой республике пропагандистский запал Черненко будет менее обременителен и более полезен — здесь проходила полоса идейной целины, советская власть только утверждалась. И хорошая доза пропагандистского вливания могла оказаться нелишней. Черненко назначается в 1948 году заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК Молдавии.

Это было уже второе в пять лет номенклатурное падение Черненко: из секретаря крайкома через вынужденное учение в партийной школе — в секретари обкома. И оттуда — в заведующие отделом ЦК крохотной и самой незначительной советской республики. И самой проблематичной. Временами Черненко казалось, что он возвращен в прошлое — перед

ним в молдавской миниатюре прокручивались уже просмотренные и пережитые им кадры советской истории: депортация, аграрная реформа, раскулачивание, коллективизация.

Сразу же после войны, в течение трех лет, из "социального обращения" в Молдавии было изъято 80 тысяч (восемь процентов всего населения республики) "классово чуждых" и "неблагонадежных" элементов. Они были осуждены на различные сроки заключения или отправлены на постоянное поселение в Сибирь. Волна массовых репрессий спала к 1948 году, и Черненко поспел (и принял участие) только к ее последнему всплеску, захлестнувшему интеллигенцию. Но очень скоро началась коллективизация, и Черненко пришлось обеспечивать ее психологическое прикрытие. Он манипулировал общественным мнением, руководил коммунистическим перевоспитанием масс.

Идеологическая обработка населения, однако, не дала необходимого эффекта, и сельские жители по мере сил продолжали оказывать противодействие насильственному кооперированию. И тогда наступление на молдаван повелось властями по апробированному в 20-х годах сценарию. Был вызван голод — он духовно должен был сломить крестьян, и спровоцированы беспорядки — для физического истребления лидеров сопротивления. Следующим этапом борьбы было массовое переселение в села русских и украинцев. Оно, разрушая социальную структуру молдавской деревни, лишало крестьян естественной базы сопротивления. Но, несмотря ни на что, коллективизация в Молдавии проходила не столь успешно и быстро, как хотели в Москве. В 1948 году, когда Черненко въехал в свой кабинет в здании ЦК на Ленинском проспекте в Кишиневе, более 40 процентов крестьянских дворов по-прежнему оставались в индивидуальном владении. Не вызвало революционного подъема и энтузиазма у жителей Молдавии, к недоумению Черненко, и раскулачивание — избиение и разорение зажиточных крестьян. Почему? — терялся в догадках Черненко. И рассудил: суть проблемы — в несовершенстве идеологической работы. Следовательно, решил он, необходимо совершенствовать классовое сознание местного населения.

Приступил Черненко к его развитию с критики. Он быстро обнаружил, что агитация в Молдавии проводится отвлеченно, не увязывается с задачами "теущего момента". И по его распоряжению в республиканских газетах вводится постоянная рубрика "На агитационном пункте". Появляется и первая жертва — Резинский райком партии, в котором, как оказалось, не был создан ни один пропагандистский лекторий и не были организованы группы агитаторов. Сделан им был и первый организационный вывод — снят секретарь райкома. В общем, перед нами разворачивается обычная партийная рутинa, но с одним исключением. Резинский райком партии попал под критику не Центрального Комитета, а одного из его отделов — пропаганды, что явно превышало его полномочия и функции, но свидетельствовало об особых возможностях его руководителя — Черненко. И еще — о неумности его амбиций, не уместяющихся в рамках его относительно скромной должности.

Они находят выражение в его статье, опубликованной как передовая в газете "Советская Молдавия". Ее идея — она впервые выражена в республиканской прессе столь откровенно — Ленина нет, он принадлежит прошлому, но есть Сталин, и с ним советский народ идет (и уверенно придет) к коммунизму.

Черненко развивает бурную деятельность: проводит многочисленные митинги и совещания, встречи. Поводы — самые разные и чаще — случайные: обмен опытом, лекторская работа, пропаганда критики и самокритики. При этом им часто вспоминается и цитируется высказывание Жданова: "Там, где нет критики, там укрепляются затхлость и застой, там нет движения вперед"⁴¹. Но главный мотив деятельности Черненко один: быть на виду, производить впечатление. Он активно насаждает в Молдавии тот же стиль, за который его ругали (и снимали) в Красноярске и Пензе — начетничество, догматизм, оторванность от реальности. Но преодолеть себя он пока что не в состоянии. Он словно забыл, что уже более не секретарь крайкома или хотя бы обкома, а всего лишь заведующий отделом провинциального ЦК. И стремится убедить (и преуспевает в этом) в том, что в республике он —

ставленник Москвы (а не изгой, заброшенный сюда игрою случая). Демонстрирует решительность, надеясь на ближайшем, втором, съезде компартии Молдавии "выскочить" в секретари ЦК по пропаганде.

На съезде, однако, в 1949 году Черненко ожидала неудача: он не только не вошел в мандатную комиссию, но даже не был избран в секретариат съезда, хотя его коллега и соперник Квасов, руководитель сельскохозяйственного отдела ЦК, оказался в президиуме съезда. Ему же пришлось довольствоваться сомнительной ролью одного из членов Редакционной комиссии съезда. Но наибольшее унижение ожидало Черненко впереди. Первый секретарь ЦК Н.Коваль в своем отчетном докладе не счел нужным вообще упомянуть об идеологической работе — словно ее не существовало. Отмахнулся от нее как от чего-то незначительного, мелочного, второстепенного. При этом он подробно остановился на работе промышленности, затронул тему социалистического переустройства деревни, призывал к борьбе с подпольными элементами (они определялись как кулацкие). И игнорировал пропаганду и агитацию, хотя — Черненко был убежден в этом — колхозы необходимо создавать с глубокой промывки мозгов, а под клише кулацкой опасности можно было и следовало — в соответствии с инструкциями Москвы — подвести неудачи в сельском хозяйстве. Как же, по-видимому, недоумевал Черненко, вне идеологического контекста возможно понять и объяснить массам потерю бдительности руководством республики, по вине которого крестьяне продавали скот перед вступлением в колхозы, проводили фиктивное разделение земли, утаивали от обобществления сельскохозяйственный инвентарь. Сомнений (для Черненко) не было — трудности колхозного строительства объясняются недостатками агитационной работы. Он спрашивал у себя: "По каким линиям ведет борьбу классовый враг?" И ответ возникал сам собой (у него, но почему не у Н.Ковалья?): "Распространение шовинистической пропаганды". Черненко считал ее ответственной за насаждение провокационных слухов (об ожидаемом голоде), за клевету на партийных агитаторов, которые "насильно загоняют крестьян в колхозы", вме-

нял ей в вину запугивание бедняков и середняков (собираются отнять у них паспорта и навсегда привязать к сельским советам без права передвижения по стране).

Но наибольшая опасность таилась в том, что враги советской власти (под ними Черненко понимал всех более или менее зажиточных крестьян) прибегают к искусно замаскированным средствам борьбы. Подделываются под бедняков и проникают в колхозы с тем, чтобы дискредитировать и взорвать их изнутри. Разлагают трудовую дисциплину, запутывают учет, растаскивают общественное добро, портят инструменты, срывают выполнение государственных планов. Так, в соответствии со сталинской схемой, должна была проходить классовая борьба в деревне — он усвоил ее еще со времен своей работы в Сибири. Но почему ее не видит и не понимает партийное руководство республики — Черненко не мог понять. Конечно, существуют местные условия (это ему разъяснили в Москве): население республики, по крайней мере значительная его часть, еще находится в плену буржуазных предрассудков и настроений. Но классовая борьба — был убежден Черненко — беспощадна, об этом напоминал Сталин, и необходима поэтому была непримиримость к национализму. А в Молдавии же тем временем — так казалось Черненко — руководство утратило классовое чутье и проявляет nepазво-лительную самостоятельность — не использует должным образом политику ограничения кулацких хозяйств — финансовые обложения, ущемления в правах. Подрывная деятельность не получает принципиальной партийной оценки и рассматривается как мелкое уголовное преступление — виновные караются без должной строгости. В республике слабо и вяло ведется борьба с космополитизмом и продолжает функционировать — все еще — еврейский театр, объявления о спектаклях которого публикуются республиканскими газетами⁴².

Да и сама партия застыла, окаменела, топчется на месте: она едва насчитывала два десятка тысяч человек, а из них чуть ли не двадцать процентов — кандидаты. ЦК не осуществляет оперативного руководства первичными организациями, принимая решения (часто парадоксальные, например, о

переустройстве могил), не осуществлял контроля за их выполнением, не предъявлял требовательности к своим ответственным работникам⁴³.

И совсем нетерпимое положение сложилось, полагал Черненко, в пропагандистской работе — в ней царила неорганизованность, разобщенность, некомпетентность. На всю республику едва насчитывалось две сотни штатных агитаторов. Необходимо было позаботиться об их образовании и повышении уровня их теоретической подготовки. Здесь поучительным мог оказаться личный пример — он зачисляет себя в пединститут, а затем распоряжается расширить при ЦК девятимесячные курсы переподготовки партийных работников. Дело пошло, и уже в 1949 году на них училось 314 активистов. Теперь следовало обратить взор на провинцию, и в городах республики, Бельцах и Тирасполе, создаются вечерние университеты марксизма-ленинизма, в которые было отобрано 878 низовых партийных работников. Не забыл Черненко и сотрудников аппарата ЦК — для них он открыл постоянно действующий семинар по изучению трудов Сталина и заодно распорядился приступить к организации 66 заочных и вечерних партийных школ, где должны были обучаться 2000 коммунистов — десятая часть всех членов партии Молдавии⁴⁴.

Так различными видами идеологического обучения Черненко удалось в течение первых двух лет работы в республике охватить 92,3 процента членов партии. Но все-таки — не всех. Более полутора тысяч партийцев выпадали (пока что) из-под его контроля. Оставались и другие нерешенные проблемы. Не была переведена на национальный язык ни одна из работ Ленина. Из трудов Сталина (или о Сталине) на молдавском языке были изданы только его книга "О Великой Отечественной войне" и краткая биография. Вся же библиотека марксизма ограничивалась одним "Манифестом Коммунистической партии".

Преодолевая трудности, Черненко взялся за улучшение партийного обучения. В течение 49-го года он организовал более 45 тысяч пропагандистских собраний, на которых присутствовали более 9 миллионов человек, то есть на каждого

жителя республики, включая грудных детей, приходилось по десять посещений. Населению республики было прочитано 35 тысяч лекций — они собрали (точнее — на них собрали) 6 миллионов слушателей⁴⁵.

А затем, доведя пропагандистскую работу до необходимой количественной кондиции, Черненко принялся совершенствовать и улучшать ее качество. Выяснилось, что агитация на селе носит "кампанейский характер" (так определил Черненко, и эта формула стала широко использоваться прессой), проводится формально, бездумно, а в городах из нее полностью выпадает интеллигенция (как подсчитали — более 40 тысяч человек)⁴⁶.

Черненко обнаружил, что в молдавской литературе каким-то образом сохранились некоторые общечеловеческие (то есть внепартийные) ценности и идеалы, а в исторической науке и публицистике насаждается объективизм. Эти вредные и опасные для властей тенденции следовало немедленно изжить. Но как? Черненко не рассчитывал найти понимание на месте — ни первый секретарь ЦК Коваль, ни Председатель Совета Министров республики Г. Рудь не испытывали к нему расположения. И он решил апеллировать к Москве — к председателю бюро ЦК по Молдавии В. Иванову и его заместителю В. Ефремову. Там он, по-видимому, нашел понимание и поддержку. Однако не сразу — и из республиканских газет неожиданно на несколько месяцев исчезла рубрика "В отделе пропаганды" (гордость Черненко, его пропагандистская трибуна). Это проявляло недовольство им республиканское начальство. Но гнев его не был (ему не позволили быть) долгим, отчуждение же и неприязнь к Черненко в республике остались навсегда.

Черненко "заявляет" о себе республиканским совещанием пропагандистских работников. На нем находят выход его верноподданнические настроения. Главным объектом своих нападок он избрал писателей. Они — предмет его тайной и давней неприязни. Еще со времени Постановления ЦК Молдавии по литературе, принятом 22 ноября 1948 года, Черненко хорошо помнил обвинения, которые партия предъявила писателям. Обвинения тогда были отобраны из лексикона

кампании борьбы с "безродным космополитизмом", прошедшей годом раньше в Москве. Им инкриминировалось: идеализация прошлого, забвение законов классовой борьбы, формализм, либерализм, эстетизм, отступление от принципов социалистического реализма.

Грубость и хамство по отношению к писателям, с которых срывались их псевдонимы, чтобы не оставалось сомнения в их еврейском происхождении, были добавлены Черненко по собственной инициативе. Ему же принадлежали и некоторые специфические, заквашенные на местных условиях, обвинения: неумение распознать эксплуататорскую сущность румынского национализма, неспособность в должной мере оценить просветительскую миссию русских царей, захвативших и поработивших Молдавию. Отмечены, несомненно, печатью личности Черненко такая характеристика, даваемая писателям, как "иезуиты идеологического фронта", и обвинение: "беспринципность, посвященная приятельским интересам" (сконструировано им по упоминаемой нами ранее модели "кампанейские интересы"⁴⁷).

В канун проведения республиканского совещания пропагандистов в центральной газете "Советская Молдавия" появилась погромная статья с анализом состояния литературной критики. Группе известных литературоведов ставились в вину "сумбурные представления о художественном творчестве" (данное обвинение влекло административное наказание — исключение из Союза писателей) и "науськивание читателей против наших духовных ценностей" (это уже было преступление политическое, и мера его пресечения предполагала арест и длительное тюремное заключение). Выпад газеты был анонимным, что могло означать одно из двух: статья составлена Черненко или инспирирована им. Она не могла быть написана каким-либо сотрудником газеты, ибо в ней содержалась острая критика самой газеты, а если бы это была самокритика, то она не вправе была фигурировать без подписи⁴⁸.

Важнейшая черта Черненко в те годы — стремление во всем и всюду усматривать или изыскивать объект борьбы, в которую он обязательно должен был втянуться. Предме-

том его борьбы в весну и лето 1949 года стала молдавская литература. Его неприязнь к явлениям, выходящим за рамки его понимания, была безграничной. Он воспринимал их как оскорбление, как угрозу существованию — естественно-му и социальному: "Партию вздумали учить!"

При этом Черненко стремился по возможности держаться в тени — грязную работу предпочитал давать делать другим. Именно поэтому он и решил поручить своему заместителю Ильющенко провести собрание в Союзе писателей⁴⁹. Но его повестка дня была, несомненно, разработана самим Черненко и до мелочей и до деталей напоминала и повторяла пресловутую статью в газете "Советская Молдавия". Та же недоговоренность, та же беспощадность — на совещании разбирались "антипартийная" деятельность авторов журнала "Октябрь", но имелась в виду вся молдавская литература, которой партия (в лице Черненко) предъявила обвинение "в безыдейности" и забвении "принципов социалистического реализма". И совсем не случайно среди писателей, подвергнутых критике, большинство оказались евреи — Боржанский, Альтман, Гуревич и еще восемь литераторов.

Выставленные против них обвинения и холодные, бездушные, снисходительные оценки — "антипатриотизм", "попытки помешать росту молодых национальных талантов", "стремление к искусственному преувеличению недостатков молдавской литературы", "протаскивание декадентских теорий" — являлись проявлением и выражением официального антисемитизма, докатившегося до Кишинева. В 1949 году в Молдавии начались массовые перемещения и увольнения евреев с ответственных постов. И среди первых был "очищен" от евреев идеологический аппарат Черненко⁵⁰.

Разделавшись с "космополитами" (не вполне, он к ним еще вернется в 52—53-х годах — на волне кампании преследования "убийц в белых халатах"*), Черненко устремил свои

---

* В 1952 году по указанию Сталина было инспирировано "дело врачей" — известные работники здравоохранения обвинялись в подготовке заговора с целью убийства руководителей правительства. В апреле 1953 года они были реабилитированы.

взоры на село, где второй съезд компартии Молдавии приступил по требованию Москвы к осуществлению сплошной коллективизации.

Было решено послать в деревню тысячу членов партии и тысячу тракторов (по одному коммунисту на трактор). Столь оригинально задуманная пропорция между числом членов партии и количеством тракторов, однако, не сработала — она не привела к обобществлению крестьянских хозяйств: к концу года все еще четверть крестьянских дворов была вне колхозов. И тогда Черненко попытался организовать в сельских районах республики круглосуточную работу агитаторов — ”в полном соответствии со стремлением наладить круглосуточную работу тракторов”⁵¹. Возглавляемый им отдел пропаганды ЦК публикует в молдавских газетах рекомендации для массово-политической работы в деревне, отправляет своих представителей в политотделы МТС.

Но коренных (социалистических) преобразований в сельском хозяйстве так и не происходит, и оказывается сорванным план государственных поставок зерна и фруктов. В результате отстраняется от должности второй секретарь ЦК И.Зыков, а затем, спустя месяц, снимают еще одного секретаря ЦК — М.Радула. Черненко представляется, что зашаталось кресло и под первым секретарем ЦК Н.Ковалем. И он спешит подтолкнуть его — сообщает в Москву, что руководство республики недооценивает идеологию, пренебрегает воспитательной работой.

У приехавшего из России Черненко вызывали подозрения традиционные связи Молдавии и Румынии — он расценивает их как проявление национализма, его возмущает и латинский алфавит молдавского языка: непонятен и — что самое опасное — от него веет западным влиянием. Не без его участия местная письменность переводится на славянскую азбуку. И Черненко начинает чувствовать себя более уверенно: языка он по-прежнему не понимает, но выглядит тот менее отчужденно — можно прочесть написанное.

Начинает он испытывать удовлетворение и от работы. Ему удастся загнать в систему партийного просвещения уже 100 тысяч человек — они ведут пропаганду коммунистиче-

ских знаний, создают при партийных комитетах советы атеистов — для искоренения религиозных настроений и морали. Новый этап его деятельности — открытие "Клубов родителей" в целях контроля за семейным воспитанием⁵².

Довольны были деятельностью Черненко и в Кремле. Его награждают орденом Трудового Красного Знамени — честь, оказанная явно не по рангу. И тем неожиданной оказывается для Черненко критика, обрушившаяся на него на Пленуме ЦК республики в феврале 1950 года. Это был ответный удар Ковалю, которого, вопреки ожиданиям Черненко, не сняли (как вскоре выяснится — до празднования торжеств по случаю 25-летия образования республики). В вину Черненко ставилась неудовлетворительная работа его отдела — оторванность пропаганды от экономической жизни. Затем шли стандартные упреки, им же ранее предъявляемые местным организациям: ошибки в подборе кадров, их малоопытность и неподготовленность, частая смена пропагандистов. Наступление на него велось многопланово: отмечалась и неудовлетворительная работа клубов, театров, обществ по распространению политических и научных знаний. И в заключение следовал личный выпад: неквалифицированный инструктаж партийных агитаторов⁵³.

Черненко, однако, чувствуя поддержку Москвы, не думал сдаваться, понимая, что на этот раз смещение ему не грозит, и принял вызов Ковалю. Он инспирирует в "Правде" статью, номинально направленную против "Советской Молдавии" (она представляется газетой, оторванной от жизни), а по существу — против первого секретаря ЦК республики. Коваль и вместе с ним все руководство республики упрекались в том, что они не уделяли должного внимания созданию колхозов, утаивали от общественности отставание промышленности, оказались беспомощными в организации социалистического соревнования, избегали критики и самокритики и вообще — смотрели на жизнь полузакрытыми глазами. Словом, согласно статье, они лишены чувства партийности и не видят новых явлений советской жизни⁵⁴. Черненко подготовил и осуществил еще один выпад по Ковалю — он обвинил в безграмотности и хищениях (а заодно и в бюрократизме)

давнего его друга Цончева, управляющего республиканским издательством⁵⁵.

И когда Коваль был, наконец, в июле 1950 года снят, Черненко почувствовал могучий прилив сил. С необычайной страстностью и даже с некоторым пафосом, ранее никогда не проявляемым им, он в своих выступлениях — вслед уходящему секретарю ЦК — обрушился на "недобитые националистические элементы", на "враждебные влияния, стремящиеся оживить пережитки капитализма в сознании советских людей" и призывал вступающего в должность первого секретаря ЦК республики Леонида Брежнева оздоровить обстановку в партийном аппарате — ликвидировать склоки, наладить дисциплину и укрепить его людьми динамичными, инициативными и, конечно же, идейными⁵⁶.

Черненко, не иначе, предлагал для выдвижения самого себя. Понимал, что подошел к проблемному возрасту — сорока годам, когда он уже не молод и еще не стар. Наступала зрелость, умудренная многочисленными политическими срывами и закаленная столь же многими номенклатурными падениями — время для решительного и, может быть, главного рывка наверх. Любой ценой следовало вновь прорваться в идеологические секретари. А затем, набравшись опыта и восстановив старые связи, осмотрительно двинуться к пятидесяти годам в первые секретари какой-нибудь солидной области — и на том почтенно закончить карьеру.

И решил Черненко на этот раз не повторять ошибок прошлого — не вступал ни в какие конфликты с первым секретарем, не выставял свои знания и опыт, не хвастал заслугами. Смирился перед ним, доверился ему, стал незаметным, оставаясь необходимым. Не то чтобы Брежнев привлек его обходительностью и вниманием, или же, напротив, подавил суровостью и властностью — просто новый секретарь оказался непохожим на привычных Черненко партийцев. Брежнев был из молодой плеяды советских руководителей, поднявшихся к политической деятельности сразу же после войны, он не любил и не желал вникать в детали работы, не готовился к выступлениям, полагался на интуицию, не вчитывался в деловые бумаги — требовал их краткого (в полстраницы) из-

ложения. В нем угадывались сила и независимость. Значит, решил Черненко, есть у него поддержка в Москве, и быстро догадался — Хрущев. И еще — в новом секретаре просматривался авантюризм. Сразу же по приезде в Кишинев Брежнев доложил Сталину об успешном выполнении — на 102,9 процента — хлебозаготовок⁵⁷, хотя несколькими неделями раньше, при снятии Коваля, говорилось — и ставилось тому в вину — невыполнение трехлетнего плана сдачи государству сельскохозяйственных продуктов.

Черненко знал, что цифры надуманные. Ему самому по требованию Брежнева не раз приходилось переосмысливать отчеты: повышать показатели идейной работы и занижать число верующих по республике. Какое-то время он испытывал неловкость и даже — смущение. Но очень быстро сумел внести в процесс государственного очковтирательства упорядоченность и систематичность. Он подсказал Брежневу, что лучше подталкивать руководителей на местах представлять благополучные показатели, а не манипулировать — это было рискованно — сводками в ЦК республики. Идея понравилась. И вскоре Брежнев смог послать Сталину рапорты о досрочном выполнении поставок зерна, затем — шерсти, далее — винограда⁵⁸.

Большая самоуверенность Брежнева (подумать "наглость" — Черненко не решался) не пугала его: он был причастен к "бумажной революции" в молдавском сельском хозяйстве. И испытывал определенную — это и его победа — гордость, когда Брежнев сообщал в 1951 году: в течение двух лет урожай винограда повысился в шесть раз, свеклы — в четыре раза, табака — в полтора раза, укрепилась экономика колхозов, и теперь каждый четвертый из них — миллионер⁵⁹.

Позже, когда Брежнев окажется в Кремле, искажения в отчетах производственных показателей станут называть "приписками" и будут квалифицировать их как уголовное преступление. Но в начале 50-х годов, у истоков зарождения и становления этой традиции советского управления, Брежневу, казалось, удавалось все. Он сумел кого-то покорить в Москве, и там опыт развития сельского хозяйства в Молдавии был признан показательным и рекомендован всем рес-

публикам⁶⁰. Ему удавалось вытягивать из союзного Госплана дополнительные фонды (за счет других республик) для строительства в Кишиневе электростанций, текстильных комбинатов, сахарных и консервных заводов.

Секрет популярности Брежнева в Москве был известен немногим, но больше других сумел проникнуть в него Черненко. Он стал его доверенным лицом. Брежнев быстро понял, что Черненко — чужой в Молдавии — его не предаст, некому. И стал давать ему деликатные поручения. Следить за отправкой в Москву специальных самолетов с отборными фруктами и цветами со скромным уведомлением: "Великому вождю от молдавских трудящихся". По тому же адресу шли многочисленные составы, груженные шелковистым каракулем — гордостью гагаузских крестьян, известными молдавскими креплеными винами и изысканным выдержанным коньяком. Сталин подарков не видел. Они разбирались и растекались в строгом соответствии со степенью близости к диктатору.

Многие города после войны лежали в развалинах, а в Кишиневе с благословения Москвы закладывали парки, возводились высотные здания, выкладывались широкие проспекты — за этим следил Черненко. И он требовал, чтобы при проектировании города учитывались вкусы Брежнева. Умел он считаться и со слабостями своего Хозяина (и потакать им). Часто в неглаженной рубашке, помятом пиджаке и в широких штанах на подтяжках Черненко появлялся с элегантным куртуазным Брежневым за кулисами театров — республиканского оперного или русского драматического. Тотчас же сдвигались столы, проворные телохранители выставляли напитки, появлялись закуски. И возникала та непринужденная атмосфера шумного веселья, которую умел вносить с собой Брежнев. Он оттягивал галстук, снимал пиджак — его подхватывал услужливый референт, тенью следовавший за ним. И под любезные тосты затягивали песни — задорные, горячие украинские или грустные, мелодичные бессарабские. Брежнева окружали молодые актрисы. Он приветливо улыбался, всматривался в них. Кивком головы подзывал Черненко, молча ловившего его взгляд, и указывал глазами на понра-

вившуюся красавицу. И Черненко начинал действовать. Он важно, тяжело ступая, подходил к актрисе, хвалил ее игру, интересовался трудностями. Они всегда были: обделили ролью, не дали квартиру. Внимательно выслушивал, что-то записывал. Сокрушался: "Н-да, надо бы поговорить с Первым. Но здесь как-то неудобно..." Он, задумываясь, смотрел на часы, будто что-то подсчитывая, и таинственно произносил: "Кажется, я смогу вам помочь. Товарищ Брежнев едет сейчас на дачу — знаете, кинозал, бильярд, сад с фонтаном, лифт, ведущий к самому озеру. В машине, это я устрою, поговорите сама с Леонидом Ильичом. Он поймет. Поможет". Так становились солистами и получали почетные звания Нина Мирсальская, Софья Скульбердина и другие актрисы — в Молдавии было пять театров и шесть музыкально-хореографических коллективов.

Любил Брежнев с Черненко неожиданно заявляться после работы, часов в шесть вечера, и в партийную школу, находившуюся рядом с ЦК. Обходил кабинеты, посещал классные комнаты. Там однажды он встретился с секретаршей директора Клавой Бодюл, черноокой красавицей, высокой — под стать самому Брежневу — женой секретаря кишиневского сельского райкома партии. И визиты Брежнева в театры надолго прекратились — его целиком захватила, прибрала к рукам властная Клава. И все были довольны: ее муж, ставший быстро делать карьеру, Брежнев, нашедший в ней то, что искал — умиротворение, и Черненко — он был избавлен от необходимости присутствовать на премьерах⁶¹.

Коллеги Черненко презрительно посмеивались — заведующий отделом пропаганды ЦК стал сводником, и только немногие догадывались: прислуживая Брежневу, Черненко заставлял первого секретаря служить его интересам.

Черненко подготовил для Брежнева статью в "Правде", в которую осторожно вкрапливает комплименты самому себе: на молдавский язык переведены (понятно, под руководством его отдела) и изданы несколько работ Сталина, Ленина и Маркса⁶².

При случае Черненко сам подсказывал Брежневу нужные идеи: провести, к примеру, в республике кампанию по ук-

реплению бдительности. И вот Брежнев ставит на бюро вопрос о неудовлетворительно поставленной охране предприятий, разъясняет, цитируя Сталина, что в тылы советского государства буржуазные страны в массовом количестве забрасывают вредителей, шпионов и диверсантов⁶³.

В первые месяцы Брежнева в Молдавии показалось, что новый секретарь правит республикой благодушно, чуть ли не по-семейному — не желая никого обижать, чтобы кругом было благоденствие и покой. Но вдруг, в 1951 году, он стал неожиданно грубо расправляться с неугодными. Снял несколько министров, отправил на пенсию Председателя Президиума Верховного Совета республики, произвел перемещения в партийном аппарате. Решил он проверить на надежность и Черненко. На четвертом съезде компартии Молдавии не ввел его — впервые — в Редакционную комиссию съезда и подверг злой критике отдел пропаганды — за ошибки в газетных публикациях, за идейные срывы лекций, примитивную агитационную работу, недостатки в марксистском образовании, неудовлетворительное воспитание интеллигенции и многое другое⁶⁴.

Черненко обиды не высказал, злости не затаил. И первый пришел поздравить Брежнева с переводом в столицу, когда того на 19-м съезде КПСС забрали в Секретариат ЦК. И тогда, возможно, Брежнев окончательно решил взять с собой Черненко. Но оказалось, что в октябре 1952 года до Москвы Черненко было далеко. В Молдавии он задержится еще на четыре года — переживет падение своего покровителя. И его возвышение. В марте 1953 года со смертью Сталина Брежнева после недолго пребывания в Москве отправят в политическую провинцию — заместителем начальника Главного Политического Управления Советской армии. Затем его загонят вторым секретарем ЦК в глухой Казахстан. Там целинная лихорадка выбросит его в первые секретари республики с тем, чтобы на 20-м съезде компартии в феврале 1956 года вышлеснуть опять в Москве. Он вновь станет секретарем ЦК КПСС и вернет себе утраченное на три года место кандидата в Президиуме ЦК (теперешнее Политбюро). Пройдет немного более года, и Брежнева изберут полным членом Президи-

ума. Но перед этим — поздней осенью 1956 года — он затребу-ет в столицу Черненко, которому суждено будет стать первым и, как окажется, главным звеном в длинной цепи молдавской мафии, которая потянется за Брежневым в Кремль.

И при ходьбе на месте можно уйти вперед — надо только знать, на каком месте ходить.

Глава вторая

В МОСКВЕ — "ВСЕГДА ГОТОВ"

Москва 1957 года оказалась перекрестком, на котором встретились четыре руководителя советского государства, один — властвующий и три будущих: Никита Хрущев, обласканный им Леонид Брежнев — он отправит своего покровителя и благодетеля в политическое небытие через несколько лет, его нежеланный преемник Юрий Андропов, только что отозванный в столицу с дипломатической службы — в благодарность за участие в подавлении восстания в Венгрии, Константин Черненко, которому было уготовано судьбой в этом квартете замкнуть историческую эпоху правления наследников Сталина в Кремле.

Исходные позиции для рывка к единовластию у каждого из них были различными: Хрущев стартовал первым, и к 1957 году он находился у финишной черты. Он ловко, в порядке канцелярской рутины, устранил своих соперников. Несостоявшегося диктатора Георгия Маленкова поначалу оттиснул от партийного аппарата и в сентябре 1953 года добился своего назначения первым секретарем ЦК, а затем освободил его от обязанностей Председателя Совета Министров "из-за недостатка опыта и неподготовленности". В кресло главы правительства в 1955 году он усадил своего старинного приятеля, ограниченного, но исполнительного Николая Булганина.

Избавляется Хрущев — под надуманным предлогом предотвращения реставрации в стране капитализма — от умного, изощренного в интригах и опасного Лаврентия Берии, министра Внутренних дел и госбезопасности (он был судим как английский шпион и расстрелян). Далее он скомпрометировал министра иностранных дел Вячеслава Молотова, считавшегося "виднейшим мыслителем партии", заставив его публично покаяться в идеологических заблуждениях — признавать "ошибочность" и "вредность" собственных теоретических работ.

Поставил Хрущев под сомнение и революционные заслуги ("создатель Красной армии", "талантливейший полководец и стратег") Председателя Президиума Верховного Совета Климента Ворошилова; вытеснил с ключевых государственных позиций Лазаря Кагановича, претендовавшего на звание "самого опытного организатора". И, наконец, их всех одним ударом — разоблачением сталинских преступлений ("культ личности") — низвел до уровня преступников, повинных в уничтожении миллионов людей (пока что только коммунистов и партийных активистов). В результате — оставшиеся в живых (и при должностях) сподвижники Сталина не могли более навязывать Хрущеву их волю, однако и он все еще не в состоянии был проводить свои решения без их поддержки и согласия. Они составили в Политбюро единый антихрущевский блок, к которому в процессе драматической борьбы за лидерство переметнулись Дмитрий Шепилов (его Хрущев сперва обласкал — поднял в министры иностранных дел, а затем, спустя полгода, унизил — вернул в Секретариат ЦК), и Н.Булганин, шокированный бестактностью и самоуправством первого секретаря.

Таким образом, в стране установилось двоевластие — состояние совершенно противоестественное природе коммунистического режима — искавшее своего разрешения через классическую ленинскую формулу: "КТО — КОГО". Хрущев, не теряя времени, перешел в наступление — объявил о децентрализации государственного аппарата (а попутно подбросил народу занимательную идею — в два-три года догнать Америку по производству мяса, молока и масла). Ре-

организация государственного аппарата вела к выталкиванию из политической жизни не только врагов Хрущева — Молотова, Маленкова, Кагановича, — но и потенциальных его союзников — Н.Булганина, М.Первухина, М.Сабурова¹. И тут выяснилось, что те и другие составляют большинство в Президиуме ЦК. Решение пришло неожиданно и единственно возможное для них — объединиться и сместить Хрущева на одном из заседаний Президиума.

Хрущев и был бы смещен, если бы не его сторонники, продвинутые им в Секретариат ЦК. Оставшиеся в меньшинстве в Президиуме, они сумели настоять, опираясь на армию и апеллируя к Госбезопасности, на созыве внеочередного Пленума ЦК. Дискуссия, состоявшаяся на нем (самом долгом Пленуме ЦК в советской истории — он продолжался с 22 по 29 июня 1957 года), принесла победу Хрущеву. Спасение первому секретарю пришло от Г.Жукова, Е.Фурцевой, М.Суслова, А.Кириченко и Л.Брежнева². Но в джунглях советской политики нет места признательности, привязанности — в этом была заложена причина возвышения Хрущева и предначертано его падение. Победитель поспешил быстро избавиться от своего наиболее надежного (и влиятельного — позавидовал его славе) единомышленника — маршала Жукова, и пройдет совсем немного времени — семь лет — и верноподданный сподвижник Хрущева Брежнев выбросит своего патрона из Кремля.

Но в 1957 году Брежнев, по-видимому, даже не помышлял, что способен (нет, не на предательство — оно в обычаях советской политической жизни) предъявить претензии на верховную власть в стране. Хрущева окружали личности значительно более влиятельные, чем он: Куусинен, Микоян, Суслов. И он был вполне доволен, что вместе с ними делит власть в стране и вошел в высший ареопаг влияния — Президиум ЦК (в период с 1952-го по 1966 год Политбюро ЦК КПСС именовалось Президиумом ЦК КПСС).

Что же касается честолюбивого Андропова, то он вообще в ту пору не ставил перед собой далеко идущие планы стать руководителем государства. Ему еще только предстояло выбиться в секретари ЦК — эта возможность была заложена

на в занимаемой им тогда скромной должности заведующего отделом ЦК. Далее, терпеливо карабкаясь по крутым склонам партийной бюрократии, он рассчитывал взобраться в Президиум ЦК (но мог бы и сорваться, поскользнувшись на оползнях интриг), что расчищало ему путь в министры иностранных дел — должность, вполне отвечающая его амбициям, вкусу и опыту. Дальше воображение Андропова тогда не шло. Оно всецело было обременено задачей: на кого опереться в ЦК — на старого О.Куусинена (за ним было революционное прошлое) или восходящего фаворита Хрущева — М.Суслова (ему, полагал Андропов, принадлежало партийное будущее).

Перед Черненко не стоял вопрос, на кого делать ставку. Ответ был запрограммирован еще в Молдавии — на Брежнева. Тот пользовался расположением первого секретаря, следовательно, нужно было служить Брежневу, а прислуживать Хрущеву. Но в Москве Черненко столкнулся с совсем другой проблемой: с чего начинать? Он был оторван от Брежнева, которому пришлось заниматься тяжелой промышленностью, далекой от интересов Черненко. Затем его покровителя переместили на капитальное строительство, космонавтику, передвинули на производство вооружения. Черненко же оказался прибитым к идеологии: его назначили заведующим сектором агитации в отдел пропаганды ЦК.

Партийный инстинкт подсказывал ему попытаться сблизиться с руководителем отдела. Не получилось — Федор Константинов, интеллигент, ученый-философ, прохладно отнесся к Черненко. Мешать приятелю Брежнева, который был в фаворе у Хрущева, он не стал, но и не оказывал ему содействия. Остался равнодушным к заискиванию Черненко и кичливый, высокомерный секретарь ЦК по идеологии Петр Поспелов, автор знаменитого "Краткого курса истории ВКП/б/" — библии сталинского коммунизма.

Так что сомнительно, чтобы Черненко в 1957 году мог всерьез рассчитывать пробиться к партийному трону. Приобрести со временем власть позади трона — такую возможность он не исключал. Используя расположение Брежнева, Черненко надеялся со временем стать руководителем отдела пропа-

ганды ЦК или — согласен был — любого другого. Но понимал: путь от заведующего сектором ЦК в начальники отдела крут и извилист. Линейное восхождение исключалось — оно возможно было только до уровня зам. зав. отделом. Потом предполагался вираж в сторону — в первые секретари области или перемещение на ответственную советскую работу. И лишь оттуда номенклатурная амплитуда могла перекинуть его в зав. отделом ЦК. И хорошо бы во влиятельный отдел — тогда существовала надежда со временем оказаться одним из девяти — одиннадцати секретарей ЦК. А нет, и в этом случае Черненко не считал бы себя обделенным: то под его началом находилось бы несколько министерств, он бы располагал большим кабинетом, кучей помощников, персональной машиной, госдачей, кремлевским пайком. В старости его бы ожидала персональная пенсия (союзного значения), а по смерти — некролог в "Правде" с портретом и место на Новодевичьем кладбище. Но то были мечты, как тогда казалось, не вполне реального будущего. А пока что ему предстояло вписаться (и утвердиться) в центральном партийном аппарате.

Начал он с малого — решил завоевать расположение начальства обязательностью, исполнительностью и трудолюбием. Приходил он в ЦК среди первых — с секретаршами и машинистками. До начала рабочего дня просматривал газеты. Внимательно вчитывался в передовые статьи, ища в них указания на текущий момент, расшифровывая их формулировки, и, заучивая, приговаривал про себя — чтобы при случае приподнести подчиненным. Засиживался всегда допоздна — руководство, уходя, должно было видеть свет в его кабинете. Первое время старался произвести впечатление человека добродушного, открытого (как когда-то в Красноярске — у истоков своей карьеры), но, разобравшись, понял, что в Москве простота и доступность были не в почете. И замкнулся в себе, стал молчалив и суров, оставаясь неизменно доброжелательным.

Среди сотрудников ЦК считалось хорошим тоном иметь хобби: в чести был теннис, пользовались уважением рыбалка и охота. Но Черненко предпочел преферанс — им увлекался Брежнев. Проявил он известную самостоятельность и при

выборе интерьера квартиры, которую получил в новом доме на Кутузовском проспекте — напротив только что построенной высотной гостиницы "Украина". Обставил ее поначалу не румынской мебелью, как того требовала партийная мода, а простой и добротной рижской — подчеркивая невзыскательный вкус и... патриотизм.

И полностью, деловито и уверенно (такой отныне стал у него стиль) ушел в работу — ему предстояло организовывать и направлять агитацию во всей стране. При этом его одолевали противоречивые сомнения. Обстоятельная натура требовала, не торопясь, вникнуть в новые обязанности — много предстояло понять заново, переосмыслить. Но здравый смысл и номенклатурный опыт подсказывали: нельзя проявлять медлительность, неуверенность. И, преодолевая природную осторожность, Черненко активно взялся поднимать, насаждать, совершенствовать, улучшать деятельность пропагандистского аппарата.

Сразу же выяснилось: сектору агитации ЦК предстоит оперировать громадными цифрами. Не имея возможности (и не смея — для этого следовало отказаться от нерентабельного колхозного строя) организовать экономику на стабильной (частной) производственной основе, Хрущев попытался осуществить и форсировать прогресс в сельском хозяйстве с помощью пропаганды. Выдвинул задачу в несколько лет создать в Советском Союзе общество всеобщего благоденствия — догнать и превзойти современный объем сельскохозяйственного производства США — таким ему представлялся коммунизм. А поскольку скачок из нищеты в изобилие планировался в партийных кабинетах в полном отрыве от реальности, обязательства выглядели фантастическими.

В семь лет — с 1958-го по 1965 год — предполагалось увеличить валовую продукцию сельского хозяйства на 70 процентов, ежегодное производство мяса довести — в миллионах тонн — с 8 до 16, молока — с 58 до 105, сбор зерна поднять с 8 до 11 миллиардов пудов³. Нетерпение Хрущева подогревало энтузиазм местных руководителей — они обещали (выслуживая себе награды и продвижение) в четыре, пять, шесть лет выполнить семилетний план, достигнуть к 1961 го-

ду уровня производительности труда, предусмотренного на 1965 год.

В России Хрущева в начале всех начал было слово, но и далее дел не было — были показуха, ложь и обман. Они затопили страну, захлестнули партийные комитеты. Из Российской Федерации сообщали: заготовлено товарного хлеба на сотни миллионов пудов больше, чем предусмотрено планом, Казахстан докладывал о сотнях тысяч гектаров обработанных целинных земель, Украина рапортовала о расширении посевов кукурузы ("королевы полей"), Узбекистан — о сбранных сверх плана тысячах тонн хлопка.

Всю страну (и воображение Хрущева) поразил новаторский почин партийной организации Рязани, обещавшей в несколько лет в четыре-пять раз увеличить в области производство мяса⁴. Восхищенный и умиленный Хрущев распорядился присвоить руководителю области А.Н.Ларионову звание Героя Социалистического Труда. Вскоре, однако, выяснилось, что рязанское "чудо", как и "чудеса" других областей — блеф. И Ларионову предложили незаметно застрелиться.

Во всем объеме запрограммированное ЦК мифотворчество выявилось лишь с падением Хрущева. При нем же правительство и пресса были завалены "сверхъестественными" обязательствами. И Черненко невольно (или вольно — он, как и другие руководители, оказался захваченным потоком дезинформации) пришлось выискивать и находить "резервы" в агитационной работе. И первые же предложенные им отчеты должны были захватить партийное воображение. В инспирированных им статьях "Агитатора" (он был членом редколлегии журнала и его куратором) сообщалось, что в систему коммунистического воспитания втянуто в 1957 году 50 миллионов человек, а над совершенствованием его неустанно работают (естественно, под его неусыпным руководством) 12 миллионов агитаторов — в полтора раза больше (и это, давалось понять, его заслуга), чем в минувшем 1956 году⁵.

К выборам в Верховный Совет в следующем году он выдвигает лозунг: "Каждый коммунист — агитатор". Идея, по видимому, показалась ему недостаточной, не отвечающей величию переживаемого исторического момента, и он допол-

нил ее: "Каждый комсомолец — на избирательный участок!" Тот, кто догадался перевести эти призывы Черненко на язык цифр, с удивлением (а в ЦК, несомненно, с одобрением) обнаружил, что ряды агитаторов в советском государстве раздвигались (коммунисты плюс комсомольцы) до гигантской величины — 40 миллионов человек: по одному на пятерых жителей страны, включая младенцев.

Однако, к огорчению Черненко, обнаружилось, что в многочисленных избирательных пунктах недостает квалифицированных (в понятии Черненко — идейных) лекторов, не оформлены стенды наглядной агитации, не проводятся должным образом разъяснительные беседы с населением. Он незамедлительно потребовал сводки с республик. Они, как и предполагал Черненко, оказались оптимистическими: система государственного очковитирательства в Советском Союзе отработана таким образом, что неизменно предлагает и представляет руководству только такие сведения, которые оно желает иметь — благополучные, удобные для передачи наверх. Но в данном случае Черненко важно было составить для себя непредвзятое представление о подготовке к выборам в Верховный Совет страны — первым выборам, которые ему надлежало обеспечить идеологически. Он тут же отбросил мысль ознакомиться с постановкой пропагандистской работы непосредственно на местах. Союз — не Молдавия: тысячи городов и сотни областей, районов. Их не объехать ни самому, ни пяти инструкторам его сектора.

Конечно, соблазнительно и удобно было бы нагреть с проверкой в партийные организации столицы: они находились под боком и имелся отлаженный (и показательный) ре-визионный аппарат. Но опасно. Москва — город особый. Здесь у каждого секретаря райкома — своя рука в Секретариате ЦК, а порой — и в самом Президиуме. Именно Рука, догадывался Черненко, — Рука дающая и берущая. В одном районе находятся высшие учебные заведения. И всесильная Рука составляет списки для зачисления номенклатурных детей в университет и престижные институты. И она, Рука, получает для себя с Ученых Советов Академии Наук и исследовательских центров необходимые ей для престижа и стабильности

научные степени и звания. В другом районе — расположены театры, а значит, и директорские ложи для многочисленной домашней челяди могучей Руки. В следующем — магазины с дефицитными товарами. К ним жадно тянутся влиятельные Руки, не довольствуясь закрытыми распределителями.

Совершенно исключалось вмешательство в районы, в которых сконцентрированы промышленные предприятия. Там — Черненко догадывался — делался подпольный капитал для страждущих Рук партийного аппарата. Ставки были высокими с обеих сторон: Руки плотоядно захватывали миллионы, а директора заводов и начальники цехов становились депутатами и Героями Труда. И если все-таки имела место подчас критика, то шла она никак не меньше, чем от секретаря ЦК, и означала — Рука не удовлетворена. И, наконец, следовало предупредительно обходить район, где размещались учреждения госбезопасности — там скрещивались, переплетались, держа друг друга за горло, все Руки.

Да, Москва был город особый. И Черненко пришлось безучастно наблюдать (он не был даже среди докладчиков) за грандиозным спектаклем — собранием 10 тысяч агитаторов столицы. Пропагандистское представление было проведено безвкусно. Организаторам явно изменило чувство вкуса. Черненко, должно быть, полагал, что число созданных в столице агитпунктов — 1700, и количество мобилизованных агитаторов — 300 тысяч можно было в докладе секретаря горкома смело увеличить — удвоить: Москва должна быть образцовым, показательным для страны городом. А вот с другими обязательствами следовало быть более осмотрительными — их можно было без труда опровергнуть. Например, обещалось в два года сдать в эксплуатацию дополнительно 4 миллиона 130 тысяч квадратных метров жилой площади. Если посчитать, выходило расширение жилого фонда города чуть ли не на пятнадцать процентов. Несерьезно. В два года невозможно было создать то, что не было построено в столице за предыдущие сорок лет. Вызывала сомнение и другая цифра: увеличить в ближайшие годы в два раза пропускную способность городского транспорта. Как — растянуть стены вагонов?

Агитация, понимал Черненко, рассчитана на немедленный эффект. Но не менее важны ее перспективные последствия — именно они в конечном итоге определяют действенность пропагандистской работы. Это, по-видимому, не учел С. Орлов, секретарь Московского партийного комитета, — не стоило ему уверять, что из 430 столичных предприятий только одно не выполнило план⁶. После столь безответственного заявления трудно станет агитаторам укорять рабочих за низкую производительность труда, недостаточную общественную сознательность, слабую производственную дисциплину.

Искусство манипулирования сознанием, как его представлял Черненко, состоит в запуске в общественное обращение только таких сведений, которые сложно (а хорошо бы — и невозможно) перепроверить. В этом случае пропагандист может (и должен) не ограничиваться реальными фактами — опасность разоблачения отсутствует. И она, действительно, отсутствовала, когда Черненко предложил прессе фантастические цифры публичного (и всенародного) обсуждения сельскохозяйственной реформы Хрущева. Оказалось, что на 576 тысячах собраний, проведенных в стране в течение коротких трех недель, присутствовало более 49 миллионов человек⁷.

Творческое воображение Черненко разыгралось. Пресса сообщала, что в партийные комитеты поступило более 3 миллионов предложений трудящихся в связи с проектом новой экономической реформы⁸. Все продумали до мельчайших деталей: и географию митингов, и характер замечаний, и последовательность публикаций: они были призваны проиллюстрировать торжество (и, разумеется, величие) советского демократизма, при котором миллионы людей свободно участвуют в решениях вопросов развития государства. Приняли во внимание и реакцию честолюбивого Хрущева — теперь он смог заявить: народ меня понимает и поддерживает. И только сущую мелочь не углядели помощники Черненко — как можно было в седьмом номере журнала "Агитатор", сданном в набор 23 марта (и первого апреля уже подписанном к печати), подсчитать и проанализировать многие миллио-

ны выступлений, состоявшихся между первым и... 25 марта 1958 года.

Идеологический промах, хотя он и прошел незамеченным, насторожил Черненко. Он подтолкнул его обратиться к привычным методам руководства — утверждать самооценку проводимой им работы через выявление недостатков в деятельности подчиненных. Осторожно и благоразумно обходя замечаниями столицу, он обратил свои взоры на провинцию, затопив ее многочисленными указаниями и предложениями. При этом Черненко тщательно рассчитывал и взвешивал дозы критики: степень ее безопасности для него была прямо пропорциональна удаленности края или области от Москвы. Так, по отношению к отдаленным районам страны, Томску или Иркутску, допускались резкие выпады: партийная организация слабо пропагандирует достижения науки и передовой опыт, недостаточно привлекает интеллигенцию к общественной работе, не заботится о проведении культурного досуга людей. С Владивостоком, расположенным на самой дальней восточной границе, можно было вообще не церемониться — предлагалось отменить религиозные праздники, так как они мешают посевным и уборочным работам, ведут к перерасходу сахара, сжигаемого на самогон.

При изобличении Львовской области (она была ближе к столице) выражения подбирались более деликатные, хотя все еще достаточно острые (между Москвой и Львовом все-таки было несколько тысяч километров): уровень агитации отстает от требований жизни, массово-разъяснительная работа ведется сотрудниками партийного аппарата без привлечения актива. Саратов и Сталинград находились под боком столицы, и формулировки приходилось тщательно подбирать и взвешивать — не выпускаются плакаты, не организуются витрины. И замечание было выдвинуто одно и ненавязчивое: необходимо приступить к изданию пропагандистских брошюр малого формата для распространения в деревенской местности и рабочих поселках⁹.

Черненко находился в постоянном идеологическом поиске. Он требует проводить политинформацию на заводах — до начала рабочего дня. Убеждает создавать агитпункты на

колхозных полях — в передвижных вагончиках, ратует за открытие школ агитаторов при партийных организациях, призывает читать пропагандистские лекции на железнодорожных станциях.

Черненко знал, что новые явления рождаются только с появлением новых понятий, и он взялся за изобретательство: создал звучное словосочетание "культурмейцы" — по аналогии с определением революционных лет "красноармейцы" — для обозначения и представления агитаторского актива. Духом его творчества, несомненно, проникнута идея организовать вечера вопросов и ответов, с помощью которых он рассчитывал проникнуть во внутренний мир человека и управлять им.

Не без его участия стали создаваться в городах клубы для девушек. Задуманные как одна из форм пропагандистской работы с женщинами, они очень скоро превратились в очаги разврата¹⁰. И Черненко распорядился их закрыть. Не потому, что он испытывал отвращение к женским прелестям, а потому, что считал, что не следует подменять коммунистическое воспитание домами терпимости. В скором времени пришлось отказаться ему и от мысли проведения вечеров вопросов и ответов. Выяснилось, что лекции без ясной повестки дня, собирающие много (непозволительно много) народа, отклоняются от генеральной линии партии.

Антирелигиозная кампания, развернувшаяся в стране в конце 50-х годов, позволила Черненко блеснуть эрудицией. Он обнаружил оригинальное (и очередное) противоречие между коммунистической философией и религиозным мышлением: оказалось, марксизм учит людей быть активными, деятельными, а церковь зовет к потустороннему созерцанию действительности, побуждая к пассивному ожиданию загробной жизни. И, захваченный изобличением социального зла религии, Черненко чуть было не попал впросак. На совещании заведующих постоянными агитпунктами в ЦК он призвал к выработке универсальной программы антирелигиозной пропаганды, не вполне понимая, что различные религии основываются на разных и очень часто несовместимых духовных ценностях. Но быстро сумел осознать оплошность — в пуб-

ликованных по его указанию в журнале "Агитатор" рекомендациях по атеистическому воспитанию говорилось о необходимости индивидуальной работы с верующими. Но и в этом деле сумел Черненко проявить новаторский подход — призвал к каждому религиозному дому (сколько их было в 1958 году в Советском Союзе, 20 — 30 миллионов?) прикрепить агитаторов. А в отдельных случаях предлагал переселить их по соседству с верующими¹¹.

И все же чувство определенной неудовлетворенности не оставляло Черненко. Он ощущал себя на задворках социального процесса. Страна сотрясалась от реализации многочисленных проектов Хрущева. В 1954 году началось освоение целины, годом позже развернулось национальное движение за кукурузацию — было объявлено, что кукуруза в состоянии вывести страну из продовольственного кризиса. Еще через год выявилась идея экономического соревнования с Америкой, затем последовали реорганизация машинно-тракторных станций, школьная реформа, и вновь вернулись к сельскому хозяйству — стали укрупнять колхозы.

И никому, казалось, не было дела до идеологии. Она стала повинностью, данью традиции. Во всех партийных комитетах продолжали функционировать отделы пропаганды. Они по-прежнему составляли и рассылали множество циркуляров и указов, на них регулярно отвечали, ибо никто в стране не осмеливался игнорировать партийные распоряжения. Но агитационная работа больше не вызывала почтения. И Черненко задумал вернуть агитации утраченное величие. Он обратился к той самой причине, которая на время привела ее к упадку — к реформаторскому зуду Хрущева. Решил превратить его из фактора противодействия пропаганде в стимул, содействующий ее развитию.

Хрущев был вдохновителем и организатором всех сколько-нибудь значительных государственных начинаний: он наказывал и миловал, поощрял и запрещал, рапортовал и спускал директивы. И к нему апеллировал Черненко: разъяснял, убеждал, доказывал, что успехи промышленности, эффективность сельского хозяйства были бы большими, если бы партийные организации и непосредственно сами руководители

вели повседневную и глубокую пропагандистскую работу, осуществляли постоянный контроль за содержанием агитации, заботились о ее действенности и оперативности¹².

Хрущев увлекся идеей Черненко — этому в значительной мере содействовали изменения в партийном аппарате. Заносчивого и надменного Федора Константинова на должности заведующего отделом пропаганды ЦК сменил амбициозный Леонид Ильичев. Искал популярности и признания и новый секретарь ЦК Мухитдинов — он оттеснил от идеологии Н.Поспелова. Их обоих заинтересовали предложения Черненко — они увидели в них возможности для личного продвижения: вытягивая агитацию на передние идеологические рубежи, они и себя вытаскивали на поверхность политической жизни. Мухитдинов на чем-то надорвался и впал в немилость, а Ильичев через пару лет стал секретарем ЦК и академиком. Не в накладе остался и Черненко. Он выдвинулся в число людей, заимевших доступ к Хрущеву (возможно, не без протекции Брежнева). И его деятельность сразу же получила общегосударственный резонанс. В марте 1959 года появилось постановление ЦК, посвященное агитационной работе¹³.

Впервые Сектор, а не Отдел или Секретариат ЦК выступал с инициативой критики партийной организации целой области, Сталинской. Партийная субординация позволяла Черненко исследовать состояние всего лишь какого-нибудь одного из направлений в работе той или иной области: массово-политическую агитацию — не более. Постановление же ЦК затрагивало комплекс всех идеологических проблем, и его заключения носили директивный характер, обязательный для всех партийных комитетов. Это могло означать только одно: Черненко обеспечил себе поддержку первого секретаря ЦК и отдела организационно-партийной работы, под покровительством которого находится областная номенклатура. В этом убеждал и тон постановления — резкий, жесткий, предполагающий персональные выводы; первый секретарь Сталинской области был снят.

Послужило постановление ЦК суровым предостережением и для руководителей других областей. Они угодливо на-

чали забрасывать ЦК обязательствами по улучшению и совершенствованию агитационной работы. Черненко стал известным в широких партийных кругах. И он смог разрешить себе, наконец, появиться на страницах журнала "Агитатор" уже не анонимно, как в прошлом, а выступить под собственной фамилией. Правда, это была не вполне его статья. Черненко пока что был не в состоянии выражать свои мысли достаточно четко, убедительно и подавать их в обрамлении необходимых марксистских цитат. И он подтолкнул одного из своих активистов, преподавателя истории П.Радионова, написать статью и предложил подписаться под ней в качестве его соавтора. И это на самом деле было соавторством: Радионов писал, а Черненко поставлял ему протоколы проверки Сталинской области. В результате отмечалось чуть ли не полное совпадение формулировок статьи и постановления ЦК, что наводило читателей еще на одну мысль: Радионов был привлечен Черненко и к подготовке постановления ЦК. И это было вполне естественно, ибо не мог (и не вправе был) Черненко обнаружить перед партийной элитой свою недостаточную теоретическую подготовку. Верно, он время от времени выступал на собраниях и совещаниях, но там он оперировал устной речью. А она у всех партийных работников была однозначной: холодная, сдержанная, сухая. Постановление же ЦК должно было обратить — и обращало — на себя внимание экспрессивностью, образностью и нестандартностью. В нем отмечалось, что события в жизни страны разъясняются не убедительно и не доходчиво, критиковался декларативный, поверхностный и формальный характер лекций¹⁴.

В сущности, Черненко через Постановление разворачивал новую (со старыми и не раз высказываемыми им мыслями) программу организации пропагандистской работы, призывал обеспечить дифференцированный подход к массовой политической агитации — учитывать характер производства, настроения и запросы людей, уровень подготовки и национальное происхождение. Предлагал читать лекции на предприятиях в ночные смены, полевые станы обеспечивать газетами и журналами, досуг заполнять лекциями, докладами и художественной самодеятельностью. В клубах, домах куль-

туры и в красных уголках предполагались дежурства агитаторов. Для работы в рабочих и студенческих общежитиях требовал выделить подготовленных коммунистов. Обращал внимание на необходимость воспитания молодежи на коммунистических традициях и принципах.

Постановление ЦК позволяло Черненко давать указания не по рангу: Государственному Комитету по радиовещанию и телевидению подготовить цикл лекций и бесед по разъяснению партийных документов, Министерству культуры — обеспечить выпуск научно-популярных фильмов, редакторам газет — обобщить опыт пропагандистской работы, издательствам — публиковать книги по теоретическим вопросам агитации, обществу "Знание" — активизировать лекторскую работу.

И самое важное. Все ответственные партийные работники отныне были обязаны принимать участие в агитационной пропаганде. И это ставило их, часто по должности стоящих выше Черненко, в непосредственную зависимость от него, так как именно ему, заведующему сектором агитации ЦК, надлежало докладывать о всех их выступлениях, докладах и лекциях. Вот почему очень скоро расположения Черненко начинали искать влиятельные руководители крайкомов и обкомов партии. Он стал желанным (и опасным) гостем в союзных республиках — его принимали и ублажали первые секретари.

Отдал дань Черненко и обязательному восхвалению Хрущева: важнейшей задачей партийных и комсомольских организаций провозглашалось изучение и разъяснение работ первого секретаря ЦК. Не забыл Черненко и самого себя. Отделу пропаганды и агитации ЦК (стало быть, ему) Постановлением поручалось приступить к выпуску популярных брошюр для "Библиотечки агитатора"¹⁵.

Первая книжка этой серии "Советы агитатору" представляла компиляцию из работ М.Калинина, долголетнего руководителя Верховного Совета, угодливо служившего Сталину более двадцати лет, с 1919-го по 1946 год — до самой своей смерти.

Автором второй — "К новому подъему массово-политической работы" — мог быть (и, по-видимому, должен был

быть) Хрущев или один из секретарей ЦК. Но им оказался Черненко. Так им был сделан первый шаг навстречу приобщению к классике марксистской пропаганды. И он уже вправду был потребовать (и добиться) проведения в ЦК специального совещания по вопросу массово-политической работы. Оно состоялось в октябре 1959 года и собрало не рядовых пропагандистов и заведующих агитпунктами, а руководящих работников республиканских и областных парторганизаций, ответственных деятелей центральных идеологических учреждений, представителей радио и телевидения. С докладом на нем выступил фаворит Хрущева Екатерина Фурцева — секретарь и член Президума ЦК¹⁶.

Так что Черненко мог теперь не стесняться — следующую свою работу в "Агитаторе" он подписывает один, хотя соавторы у него, вероятно, были — каждая фраза статьи отделана тщательно и профессионально. Но мысли в ней, несомненно, самого Черненко. В них чувствовались высокомерие и спесь удачливого партийца. Он нравоучительно заявлял: о каком общении с массами руководящих работников может идти речь, если они редко бывают на предприятиях и в учреждениях. Высмеивал (посмел) секретаря ЦК одного из республик, берущего напрокат "шаблонный" доклад для того, чтобы прочитать его на собрании¹⁷.

Но время уже отсчитывало последние недели и месяцы пребывания Черненко в отделе пропаганды ЦК КПСС. Инстинкт власти подсказывал ему не пересаживаться с одной партийной повозки на другую. Вероятно, у него были неплохие шансы добиться расположения общительной Фурцевой или он мог попытаться найти дорогу к сердцу сурового Суслова, главного идеолога Кремля. Но Черненко предпочел остаться верным Брежневу. Заканчивая дела в своем кабинете, он шел в его служебные апартаменты. Засиживался там за полночь: разбирал и раскладывал документы, поступившие к Брежневу, питавшему отвращение к канцелярской работе, просматривал и поправлял конспекты его выступлений, подготавливал к ним справочный материал. А к концу недели заявлялся у него на даче. Дважды в год вместе со своим благодетелем отправлялся в отпуск в Крым или в Подмосковье.

В мае 1960 года Брежнев был назначен Председателем Президиума Верховного Совета СССР. И судьба Черненко круто повернулась. Он оставил работу в партийном аппарате и последовал за ним — стал руководителем его канцелярии.

На советской ярмарке тщеславия эта должность котировалась весьма невысоко. Но Черненко только что исполнилось 49 лет — критический возраст в карьере. Если к этому времени партийный деятель не выйдет на самостоятельную орбиту — не станет руководителем отдела ЦК, главным редактором центральной газеты или первым секретарем обкома, — он теряет политическое ускорение. И спустя несколько лет его спускают на советскую или научную работу. Продержат там недолго и с почетом выпроводят на пенсию — в социальное угасание.

Четыре года работы в Москве не удовлетворили амбиций Черненко. Он не смог добиться независимого положения в партийном аппарате — над ним возвышалась многослойная пирамида начальства. О таких как он заведующих секторами ЦК в газетах писали безымянно: "ответственный партийный работник". Не принимал Черненко участия в принятии решений, был исполнителем — расторопным, услужливым, обязательным — чужой воли: заведующего отделом ЦК и его заместителей. Не состоял он и в высших выборных органах — ни в ЦК, ни в Верховном Совете, самих по себе не обладающих властью, но предполагающих ее наличие у тех, кто в них представлен.

Были ограничены и его материальные возможности — и это так же не способствовало продвижению: скромный оклад — несколько сотен рублей в месяц, кремлевский паек не первой категории и машина только по вызову — каждый раз другая и без постоянного шофера.

Ощущение социальной незащищенности еще более возрастало от того, что в ЦК никто не знал, на кого опереться — Хрущев постоянно тасовал партийную колоду. И из нее время от времени выпадали (часто с позором) видные государственные тузы — Сабуров, Первухин, а затем и Мухитдинов, который из влиятельнейшего секретаря ЦК с трудом протиснулся послом в Сирию. А мелкая партийная карта — незамет-

ные бюрократические фигуры — неожиданно срывали крупный политический банк, а один из них милостью случая даже был избран в Президиум ЦК КПСС — Н.Беляев.

Черненко, человек без броской индивидуальности, не обладал свойствами, необходимыми вождю — решительностью, смелостью, расположенностью к риску, но в нем в избытке были качества, необходимые для приобретения власти — способность прислуживать, угодливость, готовность отказать от собственного мнения. И еще — терпеливость, настойчивость и целеустремленность. Это и подтолкнуло Черненко к отчаянному шагу в карьере (и жизни): он оставляет аппарат ЦК КПСС и становится заведующим Секретариатом Президиума Верховного Совета. Данная должность значительно отодвигала его от позиции власти. Но он обрел точку опоры — Брежнева, опершись на которую, он попытается перевернуть — и перевернет — свою партийную судьбу. Уступив и потеряв в пространстве своего политического влияния, он решил выиграть — и выиграл — в скорости продвижения: он двинулся вверх вслед за своим покровителем, минуя промежуточные ступени.

Но это произойдет позже. А пока что казалось, что Черненко сделал неудачный выбор. Функционирование советской системы определяется в ЦК КПСС, там делается большая политика и власть в масштабе страны. Престижем пользуется Московский партийный комитет — отсюда начинали старт многие известные советские деятели. Высоко котировалась партийная организация Ленинграда — она часто, хотя и ненадолго, запускала своих руководителей в Политбюро. И еще несколько обкомов партии были в чести — Свердловский, Горьковский, Ставропольский, Челябинский, Красноярский — из них рекрутировались видные секретари ЦК.

Нежеланным считался переход с партийной работы на советскую, даже более ответственную. В этом случае номенклатурный кадр терял вертикальную мобильность: министр, как правило, не выводился в заведующие отделом ЦК, а заместитель Председателя Совета Министров, если он только не был первым заместителем, редко становился секретарем ЦК.

Верховный же Совет вообще лишен значения и влияния. Это форма государственной власти без политического содержания: заявленный как законодательный орган, он существует и функционирует только как законопубликующий. И из него никак не просматривается выход ни в ЦК, ни в Совет Министров. Он плох для начала карьеры и совершенно бесперспективен как ее продолжение — это прибежище неудачников и разжалованных партийных чиновников.

Делать карьеру при Хрущеве вообще было сложно — недостаточно было подчиниться его необузданной воле, приходилось приспособливаться к его постоянно меняющимся симпатиям и дурному характеру, амбициозному, вероломному, незадачливому и вспыльчивому. Казалось, угодить Хрущеву не в состоянии был он сам — его интересы и взгляды менялись в течение дня.

Вот почему Черненко решил уйти из партийного аппарата и не рассматривал свое перемещение в Верховный Совет номенклатурным провалом. Тем более, что в своей политической игре он ставил не на должность, а на личность — на Брежнева.

Привязывая себя к Брежневу, Черненко косвенно вновь притягивался к партийной упряжке, которая в беге за наследством Хрущева обещала прийти первой. Так что ему необходимо было решительно и с воодушевлением браться за новые обязанности. Это оказалось тем более необходимым, что Брежнев отнюдь не собирался всерьез разыгрывать роль советского президента. Его главным полем деятельности по-прежнему оставался Президиум ЦК.

Черненко не пришлось разочаровываться — выяснилось, что в его обязанностях начальника Секретариата Президиума Верховного Совета скрыты важные рычаги влияния и власти.

Президиум Верховного Совета кроме декоративной функции — декорума социалистической демократии — обладает важной компетенцией. Он вправе миловать преступников. Четких юридических критериев помилования в Советском Союзе не существует — решение полностью отдано на волю Председателя Президиума Верховного Совета. И на эту волю уповают и рассчитывают в советской стране очень многие: от

ответственных номенклатурных работников, не угодивших высокому начальству и затянутых в показательные уголовные процессы, до важных воротил подпольной экономики, пойманных с поличным из-за того, что не сумели сохранить расположение своих влиятельных покровителей. И те и другие не останавливались перед расходами и готовы были платить — и платили — за помилование.

Собственно, сами по себе деньги Брежнева как политического деятеля не интересовали. В стране, в которой постоянно чего-то не хватало, у него было все: государственные дачи, личный самолет, открытый счет в банке. Но Брежнев-родитель знал, что ни громкая слава, ни могущество не гарантируют благополучия его детям. Он помнил трагедию, происшедшую с сыном Сталина, горьким пропойцей, в состоянии белой горячки выбросившемся (или его выбросили) из окна; знал драму его дочери, развращенной властью и не сумевшей найти умиротворения в жизни. Материальные же ценности, не гарантируя счастья, ограждали от падения и очень часто способствовали успеху.

Брежнев, однако, не хотел быть причастным к финансовой стороне сделок — его гордость и достоинство не допускали этого, и, кроме того, следовало заботиться о чести президента, о незапятнанности его репутации. И он никогда не вникал в суть дела, подписывая указ (или указы) на помилование. Только деловито справлялся: согласован ли вопрос в ЦК и получена ли санкция прокурора.

Брежнев так и не смог понять до конца — оседало ли что-нибудь у самого Черненко от многих миллионов, которые проходили через его руки. На его жене он никогда не видел дорогих украшений — только скромных фасонов и темных тонов платья, пошитые в правительственных ателье. Да и сам Черненко не производил впечатления человека, у которого появились деньги — не замечалось в нем ни чванливости, ни высокомерия, которое придает богатство. Был он неизменно угодлив и заискивающ.

Приходилось Черненко, новое положение обязывало, встречаться с иностранцами, ярко и элегантно одетыми, держащимися без скованности и застенчивости. И как-то посмот-

рел он на себя их глазами: тупоносые тяжелые туфли, широкие брюки, пиджак с ломающейся грудью. И решил подтянуться. Начал покупать заграничные костюмы, стал тщательно бриться, старательно выпрямлял и укладывал волосы. Впрочем, от общения с иностранными делегациями он не испытывал удовольствия — его он постигал только с бумагами: с протоколами совещаний, с докладными записками, с инструкциями. Он произвел реорганизацию в аппарате Верховного Совета: канцелярию Президиума объединил с секретариатом. А для приема дипломатов создал отдел международных связей, во главе которого поставил одного из своих заместителей — Владимира Высятина. Отныне ему, а не Черненко, приходилось присутствовать на встречах с послами при вручении ими верительных грамот. А он тем временем развернул интенсивную деятельность — чуть ли не еженедельно Верховный Совет утверждал новые административно-территориальные изменения — упразднялись районы, создавались города. Эффективнее стали работать различные комиссии Верховного Совета — к их работе он привлекал представителей Совета Министров, Госплана, консультантов Академии Наук. Приятной обязанностью было рассмотрение наградных списков. Не он их составлял — они приходили готовые из ЦК, но в его возможностях было их задержать, что приятно щекотало самолюбие и подчеркивало значительность его обязанностей. Пришлось принять ему участие в принятии постановления о введении смертной казни за спекуляцию валютой. Он тщательно отработывал формулировки и выражения — каждая их деталь и оттенки сулили его патрону дополнительные источники обогащения, а ему — влияние и власть.

Так благополучно, без заметных потрясений и острых разочарований, проходили годы работы Черненко в Верховном Совете, вплоть до 1964 года. В этот год произошли события, оказавшиеся переломными в его жизни. Пал Хрущев, и его шеф неожиданно, на волнах сложных политических интриг, оказался вытолкнутым в первые секретари партии.

Советская система постоянно воспроизводит себя в своих правителях.

Глава третья

УРОКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНЕВРИРОВАНИЯ

Особенность советских политических кризисов — невозможность их предвидения. И до первого мая 1960 года, пока в Советском Союзе не был сбит американский разведывательный самолет¹, никто не предполагал, что в Кремле зреет оппозиция Хрущеву — впервые после разгрома антипартийной группы². И менее других догадывался о ней сам Хрущев. В сущности, кризис его власти складывался в течение долго времени и проявлялся постепенно. Сперва авторитет Хрущева подточили планы демобилизации армии — она оттолкнула от него Генеральный штаб, затем разрывом с Китаем глухо выразил недовольствие Секретариат ЦК. Много противников, особенно на периферии, оказалось у его организационных реформ — испугала их необдуманность и поспешность.

И, наконец, консервативным коммунистам в Кремле не по вкусу пришлось сближение с Вашингтоном — оно не укладывалось в привычные идеологические схемы. Но пока в ЦК сохранялась видимость единодушия, партийный аппарат поддерживал политику Хрущева. Стоило же в Президиуме ЦК раздаться критическим голосам в связи с делом Пауэрса — о ненадежности дружбы с американским президентом, санкционировавшим полет над советской территорией разве-

дывательного самолета — как сразу же ослабли и распались казавшиеся непоколебимыми звенья монополюющей власти первого секретаря ЦК. Оказалось, что его можно не только остановить — он был вынужден признать ошибочность своей "американской политики", но и заставить отступить.

На майском Пленуме ЦК двое партийных деятелей, Алексей Косыгин и Дмитрий Полянский, ничем не обязанные Хрущеву, были избраны полными членами Президиума. И сразу же сложилась и оформилась новая оппозиция, которая пока что не ставила целью сместить первого секретаря — для этого она была слаба, неопытна и неорганизована. Но выступление ее против политики Хрущева вызвало в партийной среде бурю, жертвой которой неожиданно оказался Брежнев. Она, подняв его наверх — протолкнув в "президенты" государства, оторвала от реальных рычагов управления страной. Брежнев, однако, обладал необыкновенной способностью к политическому выживанию. Он уже однажды проявил ее в 1953 году, когда в результате чистки, потрясшей советское руководство после смерти Сталина, оказался на малозначительной должности в Министерстве обороны³. И вот теперь ему вновь предстояло из весьма невыгодной политической позиции начинать подъем к вершине власти*.

Причины опалы Брежнева таились не в его недостатках, а в расстановке сил в Кремле, превратившей его во влиятельного (возможно, самого влиятельного) секретаря ЦК. Это и насторожило коварного Хрущева, не желавшего видеть в своем окружении общепризнанного наследника. И он поспешно, теряя уважение и влияние, стал искать среди секретарей ЦК партийного деятеля в противовес Брежневу.

---

* В стране, где партия провозглашается "ведущей и руководящей" силой общества, должность Председателя Президиума Верховного Совета лишена содержания власти, она — своеобразный политический отстойник для вышедших в тираж политических деятелей перед уходом их на пенсию. Такая участь постигла предшественника Брежнева в Президиуме Верховного Совета Климента Ворошилова и так сложится судьба тех, кто сменит его на этой должности — Анастаса Микояна и Николая Подгорного.

Лишенный эмоций, суровый и черствый Михаил Сулов не устраивал Хрущева — он своей аскетичностью и уравновешенностью невыгодно оттенял его буйный нрав, несдержанность и тщеславие. К тому же Сулов не выявлял видимого желания со временем стать главой партии — его амбиции, вполне удовлетворялись ролью ведущего теоретика партии, на которую он претендовал. Отто Куусинен излишне для должности первого секретаря был интеллигентным, мягким, обходительным и к тому же очень стар; Нуриддин Мухитдинов, напротив, был слишком молод и неопытен и при этом — нацмен. Аристов, Фурцева, Игнатов и Поспелов проявляли независимость и не высказывали (в последнее время) должного почтения к Хрущеву, и он подумывал со временем вообще выставить их из Секретариата ЦК.

Не вызывал доверия Хрущева и Алексей Кириченко: был резок и груб (как он сам) с министрами, утратил влияние в армии, не сумел сработаться с Госбезопасностью. И главное — все откровеннее заявлял о своих правах на верховную власть (серьезно, слишком серьезно, по мнению Хрущева, относился к своим правам второго секретаря ЦК).

Украинского (или полуукраинского) происхождения Хрущев подозрительно относился к партийным работникам — выходцам с Украины. Среди них ему мерещились (и он не ошибся) тени новых заговорщиков. И он, отстранив Кириченко от работы в ЦК и отдалив от партийного аппарата Брежнева, попытался обезглавить своенравную и трудноуправляемую украинскую группу в Президиуме ЦК, представленную сразу же четырьмя членами — двумя полными (Кириченко и Брежнев) и двумя кандидатами (Подгорный и Кириленко).

Ей наперекор и в угоду своему капризу он стал поднимать к власти "сильного" человека из Ленинграда: на партийном небосклоне стала восходить звезда Фрола Козлова. Ему Хрущев рискнул довериться полностью — тот поддержал его в борьбе с оппозицией в критическом 1957 году, будучи секретарем Ленинградского обкома партии (в июне 1957 года большинство членов Президиума ЦК, возглавляемые В. Молотовым, потребовало отставки первого секретаря, и Коз-

лов был одним из тех, кто помог Хрущеву удержаться в Кремле), оправдал он его надежды и позже — в качестве заместителя премьера — он хорошо ориентировался в коридорах власти в Москве и быстро и легко умел завязывать необходимые (ему и самому Хрущеву) административные связи в провинции.

Падение Кириченко обеспечивало продвижение Козлова на второе место в партийной иерархии. Но оно же, вопреки ожиданию Хрущева, укрепляло и положение Брежнева: к нему потянулись сторонники попавшего в немилость Кириченко. И Брежнев, совмещая одновременно две должности — Председателя Президиума Верховного Совета и Секретаря ЦК (до июня 1960 года), то есть престиж и реальную силу, сосредоточил в своих руках необъятную власть. И умело ею распорядился. Из партийного руководства Казахстана удалил Беляева, и на его место поставил Кунаева. Брежнев еще успел произвести ряд важных (для себя) перемещений на Украине, пока не лишился места в Секретариате ЦК под давлением Хрущева. И теперь уже Козлов мог наслаждаться монополией власти в партийном аппарате. Однако сам баланс власти в Кремле оказался нарушенным. Хрущев отныне все больше начинает терять контроль за событиями в стране, в тревоге и растерянности наблюдая за противоборством двух претендентов на партийный престол, поддерживая попеременно то одного, то другого. И эти переменчивые симпатии (а возможно, сомнения в правильности выбора наследника и страхи за собственную судьбу) Никиты Хрущева определяли картину политической жизни страны в течение трех лет: с июня 1960-го до 1963 года.

Козлову понадобилось меньше года, чтобы внедрить десятки своих людей в партийный аппарат, и действовал он по той же системе, по которой Брежнев совсем недавно расправлялся со своими противниками: инспирировались заседания (пленумы, конференции) партийных комитетов, на них выявлялись недостатки управления (вариант — срывы хозяйственных планов) и изгонялись неугодные руководители. Так выкраивается и плетется в Советском Союзе политическая паутина власти.

Вначале, сократив и перекроив Секретариат ЦК, Козлов провел в него преданного ему Ивана Спиридонова, а занимаемую им должность секретаря Ленинградского обкома предоставил своему стороннику Василию Толстикову, затем повел наступление на приверженцев Брежнева. Первым пал Андрей Кириленко — лишился влиятельного места в Президиуме ЦК — он был давний приятель Брежнева: в годы войны оба служили в армии политкомиссарами, а после ее окончания руководили соседними областями на Украине. Были повержены бастионы Брежнева в республиках: в Казахстане снят первый секретарь ЦК Кунаев, а в Молдавии понижен в должности Николай Щелоков — из первого заместителя Председателя Совета Министров стал одним из его заместителей.

Политические течения в Москве оказались, однако, изменчивыми. Козлов как-то неожиданно был вовлечен в спор с Хрущевым по поводу сближения с Югославией (противился ему) и в связи с фондами развития сельского хозяйства (считал их завышенными) — и лишился поддержки первого секретаря. Карьера его пошатнулась и вошла в фазу угасания.

Иначе распорядился своей партийной судьбой Брежнев. Динамичный и честолюбивый, он не желал рассматривать обязанности Председателя Президиума Верховного Совета как чисто представительские, с обманчивой иллюзией власти. Он решил "выжать" из них максимум политических возможностей и преуспел. Чаше чем его предшественник показывался на публике — на юбилейных заседаниях, торжественных приемах, старался побольше появляться на экранах телевизоров.

Охотно и с удовольствием ездил за границу. Побывал в Индии, Афганистане, посетил Иран, Финляндию, Китай, Восточную Европу, арабские страны — пятнадцать поездок за три года. Приобрел определенный лоск и шарм, которого на чисто был лишен Козлов, запертый в партийном аппарате. Вкусы Брежнева стали изысканнее, тоньше, взгляды на мир шире и основательнее, чего явно не доставало Хрущеву. Но при этом он не позволял себе откровенных выпадов против

Козлова и не проявлял недовольство Хрущевым. И был вознагражден: сперва еще одним орденом Ленина, а затем, за "особые заслуги", и званием Героя Социалистического Труда — высшей почестью, которой удостоиваются самые благонадежные граждане страны.

Было удовлетворено и его честолюбие, страдавшее от недостатка активного действия. Своенравный Хрущев, возмущенный неблагодарностью Козлова, а возможно, испуганный ростом его влияния, решил поменять фаворита — вновь обратился к Брежневу. Стал брать его с собой на отдых в Крым и на Кавказ — знак особой милости, посвящал в деликатные планы, привлекал к ответственным переговорам. Но главное — позволил Брежневу заново отстроить основу личной власти — расставить на важнейшие партийные и государственные посты преданных ему людей. И первое, что тот сделал — немедленно отозвал из Центрального Комитета в Верховный Совет бывших своих помощников — Георгия Цуканова, специалиста по кадрам, и Андрея Александрова-Агента, советника по внешним делам.

Они под руководством Черненко, действуя за политической сценой, создали мозговой центр борьбы Брежнева за власть: занялись поиском административных талантов для своего руководителя, разрабатывали средства для подрыва авторитета Козлова. И очень скоро Брежневу удалось восстановить поредевшие ряды своих сторонников. На 22-м съезде партии в октябре 1961 года Брежнев, не без помощи Хрущева, стремившегося установить равновесие сил и возможностей соперников, проводит в ЦК своих единомышленников — маршала Гречко, адмирала Горшкова. Членами ЦК стали его давние друзья — Владимир Щербицкий, Игнатий Новиков, Беньямин Дымшиц, Николай Тихонов, Лев Смирнов. В ЦК были избраны ряд новых секретарей обкомов: Днепропетровского — Никита Толубеев, Тульского — Иван Юнак, на поддержку которых Брежнев вполне мог рассчитывать. В апреле 1962 года Брежневу удастся восстановить и даже продвинуть Кириленко: он стал не только полным членом Президиума, но и заместителем только созданного Бюро Президиума ЦК по РСФСР. Для Козлова это могло оказаться

крахом, так как блокировалось традиционное влияние второго секретаря в самой влиятельной советской республике — Российской.

За годы, далекие от активной политической деятельности, Брежнев понял, что для консолидации власти недостаточно провести и утвердить на ключевых должностях своих сподвижников, не менее важно вытеснить с них сторонников своего противника, и, используя различные обстоятельства и свои тесные связи с государственной безопасностью, он добился устранения Спиридонова. Сделать это было сравнительно легко — тот совершил ряд ошибок. Сперва не поладил с армией — как секретарь ЦК он курировал Министерство обороны, затем необдуманно предложил вынести тело Сталина из Мавзолея. Действовал он не по собственной инициативе — такова была воля Хрущева. Партийные чиновники, однако, были возмущены бестактным попранием бывшей святыни и, не смея отнести своих чувств к первому секретарю, обратили свой гнев на Спиридонова — вокруг него возникла стена отчуждения. Так что стоило Брежневу дать понять Николаю Миронову, заведующему административным отделом ЦК, что неплохо бы покопаться в биографии Спиридонова, как тут же было заведено персональное дело на него. И сразу выяснилось, что новоиспеченный секретарь ЦК не чист на руку, скор на необдуманные поступки и рискованные суждения, неравнодушен к прекрасному полу. Была ли действительно велика вина Спиридонова перед партией, становящейся неожиданно требовательной к своим попавшим в немилость функционерам, или Миронов, угождая Брежневу, в подчинении которого он находился будучи шефом Ленинградской службы государственной безопасности, сумел искусно подобрать избобличающие факты, неизвестно. Но так или иначе, Президиум ЦК принял отставку Спиридонова.

У Козлова, однако, и без Спиридонова в Москве все еще оставалась сильная база власти — десятки преданных ему людей, вытянутых им из провинции, и он продолжал проталкивать их навверх. Один из них, Виталий Титов, занимал ключевую должность в ЦК — руководил Организационным отделом. Влияние Козлова, тем не менее, в партаппарате начина-

ло ослабевать и падать, и он все глубже вовлекался в противоборство с Хрущевым, которое закончилось самым неожиданным образом: весной 1963 года с ним произошел инсульт, сделавший его навсегда инвалидом и приковавший его к постели. И у Хрущева появился шанс (как окажется — последний) восстановить пошатнувшуюся единоличную власть: довериться Брежневу или сделать ставку на другого политического деятеля, как Брежнев, зависящего от него, но менее честолюбивого. Хрущев предпочел другой путь. Он решил поделить партийное наследство между двумя претендентами, надеясь, что в условиях их постоянного соперничества ему удастся укрепить свой авторитет и упрочить влияние.

На Пленуме ЦК в июне 1963 года было объявлено о возвращении Брежнева в Секретариат ЦК и одновременно — об избрании секретарем ЦК Николая Подгорного. И баланс сил в Кремле вновь заколебался. Стремительное возвышение Подгорного оказалось неожиданным для всех, но не для Хрущева. Новичок в Москве, Подгорный, до этого возглавлявший партийную организацию Украины, находился целиком во власти первого секретаря. И, управляя им, Хрущев одновременно ограничивал влияние Брежнева, рассчитывая направлять как его поведение, так и деятельность оппозиции, когда она возникнет. И, казалось, замысел Хрущева удачно реализуется: Подгорный получил контроль над партийными кадрами и стал постепенно проводить своих сторонников на ключевые позиции. Начинал он с укрепления тыла — с центральной администрации Украины, где ему удалось назначить преданного ему Шелеста первым секретарем ЦК и сместить претендовавшего на эту должность Председателя Совета Министров республики Щербицкого, близкого к Брежневу.

Влияние Подгорного еще более увеличилось, когда под его контролем оказались к началу 1964 года отношения с коммунистическими странами. Такого унижения Сулов, руководящий идеологической работой еще со времен Сталина, не смог простить Хрущеву, и он, до той поры индифферентный к интригам в Кремле, стал помышлять о заговоре. И здесь Хрущев допустил две ошибки — одну за другой. Первая: в апреле 1964 года он назначает Подгорного председателем Пра-

вительственной Комиссии для разработки мер по реорганизации сельского хозяйства, и все шесть деятелей комиссии, члены Президиума ЦК, становятся его противниками (Брежнев, Воронов, Кириленко, Косыгин, Полянский, Суслов). Вторая: Хрущев, стремясь уравновесить силы обоих наследников, решил освободить Брежнева от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета, — обязанностей, явно ограничивающих его возможности в Секретариате ЦК.

О возвращении Брежнева к активной политической деятельности было сообщено следующим образом: "Центральный Комитет считает необходимым, чтобы Л. И. Брежнев сконцентрировал свои усилия на выполнении обязанностей в Секретариате ЦК"⁴. Именно такая формулировка уже однажды в Советском Союзе использовалась — в марте 1953 года. Тогда она предварила на три месяца захват власти в Кремле Хрущевым. Но на этот раз Хрущев не почувствовал исторической аналогии. А между тем маятник советской истории вновь качнулся назад: пройдет опять ровно три месяца, и Брежнев станет главой партии, отбросив в небытие Хрущева.

Существует мнение, и его широко разделяют исследователи, что выбор оппозицией Брежнева в преемники Хрущеву произошел в последний момент, так как у нее на роль правителя не оказалось более достойного и приемлемого деятеля. При этом отмечается, что замыслили и спланировали переворот Шелепин и Суслов (по другой версии — Суслов, Косыгин и Шелепин).

Вот как представляется развитие заговора, его картина и действующие лица. Членам Президиума ЦК уравновешенный, степенный и рассудительный Брежнев казался предпочтительнее властолюбивого, импульсивного и динамичного Шелепина. Кроме того, их шокировал и пугал план переворота, разработанный (а затем будто бы осуществленный) Шелепиным. Он представлялся осторожным и осмотрительным номенклатурным олигархам непочтительным и дерзким не по-советски. В нем были тщательно продуманы и рассчитаны роли всех действующих лиц: секретарей ЦК, министров, и движущие силы — армия, государственная безопасность. Намеревался действовать Шелепин более широко и основатель-

но, чем его незадачливые предшественники Молотов и Маленков в 1957 году — тогда решение о снятии Хрущева на Президиуме ЦК (за него голосовало восемь его членов против двух) натолкнулось на противодействие Секретариата и Пленума ЦК. На этот раз Президиуму удалось перетянуть на свою сторону Секретариат ЦК. Это оказалось возможным, когда из него выпали два его видных члена, поддерживающих Хрущева: Отто Куусинен — из-за смерти, и Фрол Козлов — по болезни.

Что же касается Брежнева, то, согласно этому сценарию, он оказался втянутым в заговор чуть ли не случайно, по глупости Хрущева, предложившего освободить его от обязанностей главы государства (15 июля 1964 года)⁵. И Брежнев, до этого относившийся к своему патрону с почитанием, воспылал к нему ненавистью. У Брежнева выиграла досада и унижение, когда Председателем Президиума Верховного Совета СССР был назначен Анастас Микоян. И еще в нем говорил страх: быть смещенным Хрущевым был плохой знак — за ним могла (и должна) была последовать опала. Хрущев был скор на расправу и придерживался он старых рецептов: как Сталин, смещал и устранял неугодных сподвижников. Но если поведение Сталина можно было (условно) сравнить с действиями властителя, основавшего в жестокой борьбе новую династию — узурпируя власть и попирая закон, — он вел себя последовательно. Хрущев же был сумасброден, как правитель, постоянно оскверняющий не им созданный режим.

Хрущев в последние годы своего правления под влиянием, возможно, возраста и болезней, совершенно не считался со своими коллегами. Недостаточно было подчиняться его необузданной воле, приходилось приспособливаться к его постоянно меняющимся симпатиям и дурному характеру, амбициозному, вероломному, вспльчивому. Был он своенравен, раздражителен и суетлив; больше нескольких часов не в состоянии был оставаться на одном месте, тянулся к непрестанному движению и новым идеям.

В выступлениях его проявлялось больше эмоциональности проходящего настроения, чем государственного ума и расчета. Его популярность в отдельные годы увеличивалась,

в другие — падала, но почитание к нему никогда не носило мистического характера (как к Сталину), в отношении к нему неизменно присутствовал элемент иронии, насмешки, иногда добродушной, порой — злой.

Из этого, в общем верного представления о Хрущеве, делается вывод, что только (или главным образом) на личностных недостатках Хрущева построил и разыграл партию заговора Шелепин. Отмечается, что в ортодоксальных партократах Суслове и Пономареве он затронул струны трепетного отношения к идеологии — своими оппортунистическими суждениями дилетанта Хрущев посягал на ее ортодоксальную чистоту.

В технократах Косыгине, Мазурове, Полянском он нажал на регистры их предрасположенности к чиновничьему упорядочению и налаженности — на них Хрущев посягал навязчивой идеей реорганизаций. Профессиональных аппаратчиков — Гришина, Рашидова, Андропова, Демичева — подловил (и запугал) на мелодиях перестройки партийных комитетов.

И чтобы не рисковать судьбой переворота, когда два секретаря ЦК (В.Титов и Б.Поляков) все еще сохраняли верность Хрущеву, и неясна была позиция трех членов Президиума (Микоян, Воронов, Подгорный), согласился Шелепин (под давлением Суслова и Кириленко), что в переходный период первым секретарем станет Брежнев. Такое решение представлялось Шелепину дальновидным (давало ему возможность обосноваться в Политбюро — стать его членом, а затем, опираясь на Госбезопасность, предъявить права на власть в стране). И позволяло создать видимость (необходимо было считаться с настроением масс) преемственности: естественным казалось, что второй секретарь ЦК (Брежнев) наследует первому (Хрущеву).

Этот (или подобный этому) сюжет развития политических событий в Москве осенью 1964 года стал чуть ли не классическим: он кочует по книгам, написанным различными авторами и в различное время. Исследователи странным образом не понимают, что власть в Советском Союзе приобретают (захватывают, получают) не пассивные участники пе-

реворота, а только его активные и деятельные руководители^б.

Брежнев никогда не был сторонним наблюдателем политического процесса, он всегда принимал в нем деятельное участие. С первых дней своей партийной карьеры. Был искусным пловцом в кровавом море чисток, уверенно держался в стихии Отечественной войны, быстро перестраивался (и подстраивался) под необузданный нрав Сталина, умел использовать Хрущева, угождая ему и лицемеря.

При этом возможно и даже вероятно, что Брежнев, осторожный и осмотрительный, не стоял у истоков заговора против Хрущева. Да и кто знает, сколько их было, заговоров, рождавшихся и тут же умиравших в ослепленном унижением и обидами сознании членов Президиума ЦК. Но только тогда, когда Брежнев примкнул к перевороту, у него появилась возможность быть реализованным. Собственно, шел к власти Брежнев с самого первого дня, как стал секретарем ЦК. Он методично и целеустремленно создавал и расширял базу собственного влияния. Внедрял и насаждал своих сторонников в партийном аппарате. И покоился этот фундамент власти на самой надежной в советской системе основе — на преданности зависимых от него людей. При этом расплачивался за верность Брежнев по-барски: широко одаривал высокими постами, почетными званиями, щедрыми наградами.

Так что, когда выявилась и определилась в Кремле идея заговора, оказалось, что из всех членов Президиума ЦК КПСС только у Брежнева есть средства его осуществить — надежные, испытанные и проверенные в многолетних партийных интригах кадры, способные пойти на политический риск во имя блага своего патрона (и собственной пользы). Эти "должники", многие из которых были друзьями и единомышленниками Брежнева со студенческих лет, стали его главным инструментом в претензии на лидерство в заговоре.

Без Брежнева, его расположения и помощи, им, по-видимому, не удалось бы сделать карьеры, но и Брежнев без их поддержки не смог бы добраться до вершин власти. Политическую игру Брежнев одновременно вел на нескольких социальных досках, и на каждой имел хорошую пози-

цию. Украинская партийная организация была наиболее важная и сложная, и здесь к его услугам было несколько сильных фигур, когда-то продвинутых им из пешек. Самая влиятельная из них — Владимир Щербицкий. В 1955 году Брежнев продвинул его в первые секретари Днепропетровской области на место Кириленко, переброшенного им в руководители Свердловской области. Спустя два года, когда Брежнев становится членом Президиума ЦК КПСС, он проталкивает Щербицкого в секретари ЦК республики, и еще спустя два года выводит его в премьеры Украины.

Следующий ход Брежнева в Киеве оказался менее удачным: в 1963 году он попытался утвердить Щербицкого первым секретарем ЦК компартии Украины, но потерпел неудачу. Руководителем Украины стал сторонник Подгорного Петр Шелест, а Щербицкому пришлось позвратиться на исходную позицию — возглавить обком партии в Днепропетровске.

Потерпев неудачу в лобовой атаке на захват через своих сторонников власти на Украине, Брежнев повел наступление с флангов — проводит Николая Дрозденко, проигранного им в партийной организации Днепропетровска, в секретари Киевского горкома партии, а Юрия Турсуева, комсомольского выдвиженца из Днепропетровска, в секретари ЦК комсомола Украины.

Еще два деятеля из номенклатурного набора Брежнева в Днепропетровске укрепляются в партийном аппарате республики. В 1961 году Леонид Лунич становится председателем республиканского Комитета партийно-государственного ретарем ЦК Украины по кадрам. В следующем году другой днепропетровец, Иван Грушицкий, избирается председателем республиканской комиссии партийно-государственного контроля.

Если украинский партийный гамбит разыгрывался Брежневым в противоборстве с Подгорным с переменным успехом — открытая вражда двух противоборствующих номенклатурных групп здесь продолжалась долгие годы, то в Молдавии Брежнев уже в дебюте получил явное преимущество. В 1961 году он проводит в "короли" — в первые секретари ЦК компартии республики — своего союзника Ивана Бодюля.

Широкие возможности для политического маневра сохранял Брежнев и в Российской Федерации: с 1958-го по 1960 год он сам входил в Бюро ЦК КПСС по управлению РСФСР, а в 1962 году ему удается сделать первым заместителем Председателя Бюро Андрея Кириленко, в 1950 году принявшего у него руководство Днепропетровской областью, из которой рекрутировалось большинство сподвижников Брежнева. Из этой днепропетровской "колоды" вышел и Георгий Енютин, ставший председателем Комитета партийно-государственного контроля Российской Федерации.

"Люди Брежнева" из Днепропетровска успешно действовали и на областном уровне. В 1962 году Иван Юнак был назначен секретарем Тульского обкома партии, а Георгий Павлов – секретарем Марийского обкома. Но особенно много днепропетровцев было перетянуто Брежневым между 1960-м и 1964 годами на ключевые должности в Москве. Один из них, Беньямин Дымшиц, стал председателем созданного Хрущевым для управления экономикой Совнархоза СССР, а другой, Игнатий Новиков, – заместителем Председателя Совета Министров.

Призвал с поста председателя Днепропетровского совнархоза в Москву Брежнев и Николая Тихонова. Сперва он получает должность председателя Государственного Научного Совета при Совете Министров, а затем становится министром – заместителем председателя Госплана.

Многие из ставленников Брежнева избираются и в ЦК КПСС. Там число его сторонников увеличивается с пяти в 1961 году до шестнадцати в 1963 году; их авторитет и связи оказываются важным фактором для организации и консолидации сил, готовящихся к перевороту.

Несомненно, важный резервуар власти представляли государственная безопасность и армия. Но их значение в предстоящем захвате власти не следует преувеличивать. Не Шелепин привлек Брежнева к участию в перевороте, а Брежнев, курировавший армию и безопасность, втянул Шелепина в разговор.

Участие и роль Шелепина в готовящемся перевороте были четко регламентированы Брежневым. Тот должен был от-

вечать за его техническое обеспечение: доставить в Москву для созыва чрезвычайного Пленума членов ЦК. Разумеется, принимались во внимание Брежневым и связи Шелепина с Госбезопасностью, которой он руководил в течение ряда лет, и характер его личной близости с председателем КГБ Семичастным. Но влияние и возможности Шелепина в КГБ были ограничены извне и изнутри.

Внешний контроль над Госбезопасностью осуществлялся административным отделом ЦК, во главе которого с 1959 года стоял Николай Миронов, карьера которого проигрывалась по ставшему уже традиционным для сторонников Брежнева сценарию. Выходец из Днепропетровска, он, благодаря протекции своего патрона, проник в КГБ и занял там важное положение, получив звание генерал-лейтенанта. А затем стараниями своего покровителя был передвинут в ЦК КПСС. В аппарате КГБ свобода политического маневра Семичастного (а стало быть, и Шелепина) ограничивалась Семеном Цвигуном, родственником Брежнева — он руководил службой безопасности в Таджикистане. И Георгием Циневым, также уроженцем Днепропетровска, пробившимся в начальники Управления кадров КГБ с помощью Брежнева.

Вместе с тем ошибочно было бы недооценивать степень участия Шелепина в подготовке и проведении заговора. Самый молодой секретарь ЦК, он сделал блестящую карьеру. Вступив в партию в двадцать два года, Шелепин после окончания престижного Института истории, философии и литературы занялся общественной работой и еще при Сталине, руководя комсомолом, стал (в 1952 году) членом Центрального Комитета. Он провел и, видимо, успешно, мобилизацию молодежи для работы на целине, и в благодарность в 1958 году был сделан Хрущевым шефом КГБ. Здесь в полной мере раскрылись авантюристические черты характера Шелепина: тайная служба с его одобрения проводит в Европе серию убийств противников советского режима. Мир был шокирован, возмущен, а Хрущев доволен — в его распоряжении оказалась сильная личность. Хрущев ошибся: Шелепин действительно отличался настойчивостью и бескомпромиссностью, но служить, а тем более прислуживать ему он не собирался.

Обласканный Хрущевым (тот щедро дарил ему свое расположение — сделал секретарем ЦК, затем заместителем Председателя Совета Министров, поставил во главе могущественного Комитета партийно-государственного контроля), он не питал к нему доверия и уважения.

Считал, что достоин большей власти, и, сравнивая себя с другими секретарями ЦК, с теми, кто окружал его на заседаниях Совета Министров и Президиума ЦК, отмечал — и не без оснований — свое превосходство. Острый ум, эрудицию, железную волю, деловую хватку. Но при этом не мог не признать — у него (пока) нет шансов стать во главе партии. Для этого ему прежде предстояло войти в высший ареопаг власти, в Президиум ЦК — так он смог бы со временем сравняться с его ведущими и всемогущими членами. В престиже — с Брежневым, во влиянии — с Суловым, в авторитете — с Косыгиным. Так что платой за участие Шелепина в заговоре должно было стать его членство в Президиуме ЦК, а не приобретение всей полноты власти в партии, а значит, в стране. Иначе говоря, он должен был получить возможность участвовать в разделе власти. Ставки Шелепина при этом вполне соответствовали характеру ожидаемого вознаграждения. Он опирался на верную ему комсомольскую клику, многочисленных сторонников из КГБ и самое главное — на Комитет партийно-государственного контроля, который он возглавлял.

Событие, проистекавшие летом и осенью 1964 года, оказались решающими в подготовке заговора. Казалось, ничего не предвещало близкого падения Хрущева. Только в апреле с необычайной торжественностью и блеском отмечалось его семидесятилетие. И порой создавалось впечатление, что сам Хрущев с необъяснимым упорством и чуть ли не с исступлением движется навстречу своей гибели — он делал один неверный политический шаг за другим.

Он заявил о своем намерении до конца года созвать в Москве международное совещание компартий для формального разрыва с Китаем. Президиум ЦК был против, так как боялся спровоцировать необратимый раскол в мировом коммунистическом движении, и придерживался тактики осторожного идеологического противостояния с Китаем.

Затем необъяснимо, вернее — недостаточно мотивированно Хрущев устремился навстречу сближению с Западной Германией. Новизна этой политики встревожила ортодоксальных членов Президиума. Возникли страхи: как сложатся отношения с Вальтером Ульбрехтом и какова будет судьба коммунистического режима в Восточной Германии?

Далее Хрущев признал Югославию коммунистическим государством, что должно было, по мнению Суслова, привести к усилению националистических тенденций в странах Восточной Европы. И, как следствие, ослабить безопасность европейского фланга СССР. Брежнев тут же поспешил отмежеваться от белградских "псевдореволюционеров", заклеив их как "раскольников".

В сентябре обострился конфликт Хрущева с руководством армии из-за того, что он высказался за развитие экономики, ориентированной на потребителя. Попытался Хрущев протащить через заднюю дверь (через реорганизацию сельского хозяйства) идею новой перетряски руководства.

Предложение Хрущева предполагалось обсудить (и, разумеется, утвердить) на предстоящем в ноябре Пленуме партии. И едва завуалированные намеки в прессе свидетельствовали о том, что готовится очередная чистка, которая захватит верхушку руководства. Предотвратить ее секретари ЦК могли единственным способом — вычистить Президиум от Хрущева. Кто-то из них должен был исчезнуть: члены Президиума на Пленуме ЦК или Хрущев — до него.

Так падение Хрущева стало неизбежным. Таким же неизбежным оказался подъем к высшей власти Брежнева. Он был безоговорочный наследник. Никто из членов Президиума не в состоянии был сравняться с ним в опытности (он был единственным секретарем ЦК, имевшим почти тридцатилетний стаж ответственной работы не только в партийном, но и в государственном аппарате), в искусности политической борьбой (принимал деятельное участие во всех перемещениях в аппарате власти после смерти Сталина), в популярности (отличался вдумчивостью, терпеливостью, искренностью в отношениях с людьми).

И в чисто формальном плане, который имеет далеко не

формальное значение в системе советской иерархии, Брежнев так же не имел соперников. Первые секретари ЦК рекрутируются из секретарей ЦК, которые при этом являются членами Президиума и обладают определенным опытом (так было до Брежнева) государственной работы. Так что в борьбе за наследство должны были отпасть кандидатуры Косыгина, Микояна, Воронова, Кириленко, Полянского, Шверника (все они к 1964 году были членами Президиума, но не состояли в Секретариате ЦК). Суслов и Подгорный, хотя, как и Брежнев, являлись и секретарями ЦК, и членами Президиума, в отличие от Брежнева были чуть ли не полностью замкнуты в партийной работе и не принимали никогда деятельного участия в работе правительственных организаций. При этом Суслов и сам не рассматривал себя претендентом в правители, его интересы вполне укладывались в сфере агитации и пропаганды, а Подгорный недостаточно (за полтора года работы в Москве) успел пустить корни в аппарате ЦК.

Так Брежнев, пройдя все стадии селекции, оказался единственным претендентом на место первого секретаря. Именно ему было суждено (и дано) преобразовать подспудное недовольство политикой и правлением Хрущева в политическое действие. И как в любом драматическом действии, мы можем выявить в нем завязку, кульминацию, развязку и, конечно, авторство. Был ли Брежнев вдохновителем переворота? Возможно, и даже — вероятно. Хотя не исключено, что заговор являлся результатом коллективного творчества Суслова, Косыгина и Брежнева. Это, однако, не означало, что "большая тройка" Президиума в какой-то определенный день встретилась и решила: быть перевороту. Рождение и оформление политического заговора в условиях тоталитарного режима происходит и идет сложными и противоречивыми путями. Между потенциальными союзниками нет доверия, их обуревают сомнения — не в справедливости идеи, а в целесообразности участия в перевороте. В случае неудачи неизбежны репрессии — публичное осуждение и потеря престижного места, утрата привилегий. Возникает мысль отказаться, перебороть честолюбивые стремления, стерпеть обиды, унижения, но только не подвергать риску зыбкое благополучие.

В обычаях коммунистической морали – предательство, измена, вероломство. Так что долгое время будущие заговорщики опасливо и осторожно присматриваются друг к другу: подсчитывают, вычисляя, характер и степень их претензий к первому секретарю, и взвешивают, глубоко и основательно, достаточно ли их недовольство для открытого выступления. Пока кто-то один из них не возьмет на себя смелость и риск предложить объединиться и начать действовать. Это и есть завязка заговора. Учитывая важность в советской стране служебной субординации и святость чинопоклонения, инициативу должен был взять старший, а не уважаемый и смелый. Иначе бы другие члены Президиума не признали его лидерства, не доверились ему и не пошли за ним. И, конечно, самый влиятельный. Им мог быть только Брежнев. Вполне возможно, что это произошло тогда, когда Хрущев назначил Подгорного своим наследником. Брежнев, должно быть, почувствовал, что его предали. А Суслов и Косыгин поняли, что новый фаворит первого секретаря им ничем не обязан и будет искать (и найдет) иных людей (не их) в Президиуме или вне его, чтобы опереться на них. И в конце 1963 года или в начале 1964 года образовалось ядро заговорщицкой группы: Брежнев (руководитель), Суслов (идеологический вдохновитель), Косыгин, Полянский, Шелепин (исполнители).

Кульминация наступила летом 1964 года, когда Хрущев посетил Бонн. Заговорщики принимают решение открыто дискредитировать первого секретаря – не допустить предполагаемого сближения с Западом. КГБ получает указание (возможно, от Брежнева – он мог действовать через своего подручного Миронова, или, может быть, приказ пришел цепочкой, чтобы замести следы: Брежнев – Шелепин – Семичастный) провести ряд показательных акций по срыву намечавшегося детанта. И дипломата из Западной Германии травят ядовитым газом (“Дело Швинермана”), агенты Госбезопасности врываются в номер гостиницы, где проживают английские и американские офицеры (“Хабаровский инцидент”), видный американский ученый арестовывается в Москве (“Дело Баргхорна”).

Развязка заговора началась 30 сентября, когда Хрущев отправился отдыхать в свою резиденцию на Черноморском побережье. Готовя пути к отступлению в случае раскрытия путча, Брежнев, руководитель, отправляется 5 октября в Берлин. Повод нашелся: 15-летие ГДР. И сразу же пришла в действие машина заговора. Высшие офицеры, поддерживающие Хрущева, посылаются в Варшаву на празднование Дня Польской армии. Сулов в сопровождении ответственных чинов КГБ посещает столицы республик и областные центры. Там они, дождавшись начала переворота, должны будут "обработать" членов ЦК перед их приездом в Москву на Пленум, а тех, кого не удастся склонить к поддержке заговорщиков, надлежало задержать на месте.

Развитие переворота проходило успешно. Агентам Госбезопасности стараниями Миронова и Шелепина удалось предотвратить опасную утечку информации, настолько, что зять Хрущева, член ЦК и главный редактор "Известий", находившийся все это время в Москве, о нем не проведал. Не догадывался о нем, по-видимому, и Подгорный, спокойно покинувший Москву 10 октября. И сразу определилось: удар должен быть нанесен между 12-м и 13 октября. Не раньше, так как необходимо было дождаться приезда Брежнева, и не позже, ибо возвращалась правительственная делегация из Польши.

Когда Брежнев приземлился в московском аэропорту, приветствовали его во Внуково совсем не те люди, что его провожали. Его встречали как главу партии члены Президиума во главе с Суловым. До переворота оставалось несколько десятков часов, и можно было не таиться. Ничего не подозревавший Никита Хрущев набирался сил и отдыхал — в последнее время он стал невыносимо нервным — на своей вилле в Сочи. К нему вскоре присоединился — еще одна удача заговорщиков — Микоян. Это стало еще одной гарантией успеха заговора — сведения о нем не достигли его ушей.

В понедельник 12 октября Хрущеву предоставилась последняя возможность появиться на экранах телевизоров. Незадолго до старта космического корабля "Восход" он позвонил из Сочи в космический центр и пожелал космонавтам

счастливого пути, пообещав их торжественно встретить. Встреча не состоялась. Пока космический корабль совершал свои первые обороты вокруг Земли, в Москве собрался Президиум ЦК.

Ночь с 12-го на 13 октября для созыва Президиума была выбрана не случайно, так как в Москве из 11 членов Президиума находились семь. И Брежнев рассчитывал — он открыл заседание, — что Президиум в таком составе единогласно выскажется за немедленное смещение Хрущева. Так что находящимся на отдыхе Подгорному и Микояну останется или поддержать решение Президиума или разделить участь Хрущева.

Заседание Президиума началось в полном соответствии с планом заговорщиков. С большой обличительной речью выступил Сулов, он обвинил Хрущева в произволе и некомпетентности, авантюризме и злоупотреблении властью. Косыгин возложил на Хрущева вину за развал экономики, Полянский — за кризис в сельском хозяйстве. Их поддержал Кириленко. Однако заседание завершилось несколько неожиданно. Воронов и Шверник, не поддерживав открыто Хрущева, предложили дождаться возвращения в Москву всех членов Президиума. Возникла сложная и опасная ситуация: мог повториться 1957 год, закончившийся полным разгромом заговорщиков. Но на этот раз, однако, Хрущев не мог одолеть Президиум. Большинство членов ЦК уже прибыло в столицу, и Брежневу и Сулову была обещана их поддержка. Хрущев же был изолирован. КГБ отключило телефоны его сторонников в партийном аппарате. А армия на этот раз не имела возможности и не желала вмешиваться в конфликт в партии. Хрущев полностью утратил политическую поддержку в военных кругах, а у Брежнева, напротив, в Генеральном штабе находились могучие единомышленники из его бывших товарищей, составляющих группу "украинских маршалов" (Гречко, Москаленко и другие). Вот почему Брежнев мог позволить себе созвать еще одно заседание Президиума без Хрущева: оно состоялось в полдень 13 октября, как только в Москву приехали Микоян и Подгорный.

Самолет за Хрущевым, экипаж которого был заменен

агентами КГБ, был послан только тогда, когда окончательно выяснилось, что у Брежнева есть прочное и стабильное большинство в Президиуме. Воронов, довольствуясь тем, что все требования партийного протокола соблюдены — все члены Президиума были в Москве — присоединился к заговорщикам. Счел за лучшее для себя предать Хрущева и Подгорный. Шверник при голосовании воздержался, и только Микоян, растерянный, озадаченный, совершил политический просчет — предложил рассмотреть вопрос об отставке Хрущева на Пленуме. Пленум ЦК собрался 14 октября и утвердил смещение Хрущева. На нем присутствовало лишь 50 процентов членов ЦК. Что-то, однако, не сработало в моторе заговора: прошел день — 14-е, затем еще день — 15 октября. И только 16 октября "Правда" сообщила об отставке Хрущева — и он стал политической невидимкой. Его имя исчезло со страниц истории. А затем — из памяти советских людей для того, чтобы сделать нового лидера центром политического действия, и в сферу его притяжения попадут десятки совершенно неизвестных партийных деятелей, один из которых, тогда — незначительный, Черненко, станет генеральным секретарем советской компартии ровно через 20 лет после заговора, приведшего Брежнева к власти.

В системе власти исчезают и правда и ложь – остаются правдоподобие и подобие лжи.

Глава четвертая

ПАРТИЙНЫЙ БОСС

Заняв место Хрущева, Брежнев не стал Хрущевым: войдя в личность правителя, ему еще только предстояло обрести культ этой личности – и он осмотрительно двинулся ему навстречу. Технология власти в Советском Союзе складывается из двух элементов: власть в государственном аппарате и власть в партии. Движение в первом направлении было для Брежнева перекрыто новыми правилами коллективного руководства, запрещающими первому секретарю ЦК занимать должность Председателя Совета Министров (с занятия этой должности начинал когда-то отстраиваться культ личности Сталина и Хрущева), и он вынужден был уступить ее Косыгину.

Оставались, однако, побочные и обходные пути, и Брежнев стал ими манипулировать. Поначалу он добился своего утверждения руководителем Комиссии по разработке новой конституции, хотя по соглашению о разделе власти между членами Президиума ее, казалось, должен был возглавлять Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Далее он становится Председателем Совета Обороны, ответственным за решение вопросов вооружения и руководства армией. И опять – естественнее было предположить, в соответствии с традицией, что этот пост будет представлен министру

обороны или Председателю Совета Министров. Так, возвышая власть партии над правительственным аппаратом, Брежнев и себя, ее лидера, поднимал над государственными руководителями. Но для того, чтобы окончательно утвердиться в таком качестве, ему необходимо было укрепить свою власть в самой партии.

В СССР, в сущности, имеется не одна, а две партии: внешняя — в то время насчитывавшая чуть более 12 миллионов человек, и внутренняя, состоящая из нескольких сот тысяч профессиональных работников¹. Внешняя партия является почти же столь же бесправной, что и все советское общество. Это — статистический фон действия внутренней партии, располагающей реальной и при этом безграничной властью. И ее расположения должен был искать и добиваться Брежнев. Но не в том смысле, что ему следовало перетянуть на свою сторону многие тысячи партийных секретарей различного достоинства — от районных до республиканских. Возможности и тех и других, при всем их влиянии, в конечном счете лимитированы механизмами "демократического централизма" — диктатом партийных верхов над партийными низами: над райкомами партии возвышаются горкомы, над ними располагаются обкомы и крайкомы. А их всех попирает и подавляет ЦК, над которым поставлен Президиум (теперь — Политбюро). Это — единственный партийный орган, не находящийся под более высокой инстанцией, он суверенен и независим, для себя утверждает нечто вроде демократии и все прочие партийные институции подчиняет жесткому, а порой и жестокому централизму.

Так что тот, кто главенствовал в Президиуме ЦК, господствовал и в партии, а стало быть — в государстве. Однако далеко не просто первому секретарю ЦК было подчинить своей воле Президиум: его власть была узурпирована его членами, и для того, чтобы обрести ее, он должен подорвать их власть. Президиум утверждал и проводил все свои решения (и через них направлял политическую и социальную жизнь страны) обычным большинством голосов. И в этом проявлялся один из парадоксов советской системы: тоталитарная и автократическая на всех уровнях, она неожидан-

ным образом проявляла и отстаивала определенную демократичность на самом своем верху — в Президиуме.

На нижестоящих этажах партийной иерархии произвол первого секретаря ни в чем и никак не ограничивается мнением или желанием членов партийных комитетов, он подвластен и подотчетен только перед другим секретарем — вышестоящим. В Президиуме же руководитель партии вынужден был имитировать власть — он двигался в фарватере диктатуры Президиума, пока (и если) не подчинял его собственной диктатуре. Это — сложный и длительный процесс, который никогда (во всяком случае, после смерти Сталина) не удавалось довести до модели абсолютной диктатуры главы партии. И происходит он поэтапно, на основе четкой и давно (за многие годы существования режима) разработанной и опробованной технологии. Прежде всего руководитель партии — тогда первый секретарь, а теперь — генсек — стремится обнаружить и выявить противоречия во взглядах и принципах членов Президиума (в настоящее время — членов Политбюро), затем, используя тщеславие, старается расколоть их на противоборствующие лагеря, поддерживая более влиятельную и сильную группировку. Опираясь на нее, он получает возможность удалить из высшего органа партии неугодных ему членов и провести на их место новых, полностью преданных и верных ему людей. Однако, не желая оказаться независимым от них, первый секретарь (генсек) производит в Президиуме (Политбюро) — и не раз — перегруппировку сил, расширяет число своих сторонников.

Иначе говоря, глава партии реализует свое право на власть за счет ущемления прав и сокращения объема власти Президиума (Политбюро). Но полностью парализовать деятельность и исходящую для него опасность от Президиума (Политбюро) глава партии не в состоянии. Кооптированные в Президиум (Политбюро) новые члены его никогда не становятся для первого секретаря (генсека) полностью своими — они со временем могут предъявить свои претензии на власть.

Более того, в партийной системе первыми предают, как правило, свои. И предшественники Брежнева это хорошо знали. Сталин прежде всего репрессировал собственных сторон-

ников, а с противниками он умел какое-то время уживаться — они находились на виду и были парализованы страхом. При этом наблюдалась определенная закономерность — она проявлялась уже во времена Хрущева: должно было пройти определенное время (от двух до пяти лет), прежде чем новые члены Президиума (Политбюро) были готовы (и способны) составить конкуренцию руководителю партии. А пока не завершилась их интеграция в Президиуме (в Политбюро) и партийном аппарате, в течение которой им предстояло обзавестись авторитетом в аппарате власти и получить известность в стране, они оставались послушными и угодливыми орудиями первого секретаря (генсека). И их зависимость от него была тем продолжительнее, чем ограниченнее были их связи с Центральным Комитетом. Советские руководители поэтому стремились свести до минимума, до двух-трех, число членов Президиума (Политбюро), являющихся секретарями ЦК. При этом чем больше в Президиуме (в Политбюро) оказывалось ветеранов, тем меньше была власть первого секретаря (генсека). И напротив, увеличение количества новых членов вело к укреплению и стабилизации его позиции.

Отличное средство для монополизации власти главы партии — нахождение в Президиуме (в Политбюро) деятелей, по своим данным не соответствующих их высокому положению: по образованию, по опыту работы, по партийному стажу, по возрасту (оптимальный вариант — они должны быть или чрезмерно старые, или, напротив, сверх меры очень молодые, или не иметь глубокие и прочные связи в столице и устойчивые корни в партийном аппарате).

Но идеальной оставалась и остается ситуация, позволяющая руководителю партии постоянно обновлять состав Президиума (Политбюро). Но именно этой возможности Брежнев был лишен: решением Пленума ЦК, избравшим его первым секретарем, было предписано соблюдать политику "стабильности кадров". И все-таки Брежнев нашел путь навязывать Президиуму свою волю, вернее — этот путь был найден для него Черненко. Ему, Черненко, удалось создать рычаги воздействия, пользуясь которыми он смог манипулировать

решениями (в отдельных случаях — политикой) Президиума. Это стало возможным в 1965 году, когда он вновь вернулся в аппарат ЦК и был назначен заведующим Общим отделом. На первый взгляд казалось, что этот отдел — всего лишь технический придаток партийной машины: составлял проекты постановлений и оформлял повестку дня Президиума. Но именно в этих обязанностях Общего отдела таилась огромная (и до Черненко неиспользованная) возможность утверждения и укрепления власти, а затем — и диктатуры первого секретаря.

Повестка дня заседания Президиума, как правило, оказывалась чрезвычайно загруженной: десятки, а порою сотни неравнозначных вопросов — от важных государственных проблем до совершенно мелких и незначительных, ибо высший партийный орган не желал (и не желает сегодня) отказаться от всеобщего контроля и регламентирования жизни страны. Да и многочисленные министерства и Государственные комитеты (их в СССР более сотни) так же стремятся, желая оградить себя от критики, заручиться поддержкой партийной власти: коллективная ответственность в Советском Союзе является надежной основой и условием социальной техники безопасности.

Таким образом, во власти руководителя Общего отдела — выбрать для рассмотрения одни вопросы и отклонить (отложить на следующее заседание) — другие.

И Черненко отбирал для Президиума ЦК главным образом те вопросы, которые были желанны Брежневу, и ставил их на обсуждение только тогда, когда было гарантировано их принятие. При этом, если дискуссия затягивалась, то голосование проводилось на следующий день — в пятницу — опросным порядком, и постановление считалось принятым, если за него высказывалось большинство членов Президиума. Комбинируя вопросы для членов Президиума, о взглядах и настроениях которых он был прекрасно осведомлен, Черненко мог провести или, наоборот, провалить любое решение. Конечно, при этом были у Черненко и свои трудности. Он всего лишь составлял проект повестки для Президиума. Утверждалась же она накануне заседания, в среду, ли-

дерами коллективного руководства: поначалу их было четверо — Брежнев, Косыгин, Сулов, Шелепин. Потом стало трое, когда последний, вытолкнутый из партийного аппарата, стал руководить профсоюзами. Так что порой случалось, что при конфиденциальном обмене мнениями руководством повестка заседания Президиума претерпевала существенные изменения — к неудовольствию Брежнева. Но и в этом случае у Черненко оставалась возможность оказать влияние на характер принимаемого решения. Если на Президиуме высказывались различные точки зрения (а они всегда были различными, если первый секретарь оставался в меньшинстве), искусство Черненко состояло в том, чтобы, затянув дискуссию (приглашались эксперты, специалисты и т. п.), перенести обсуждение сложного вопроса на следующее заседание.

В этом случае в обязанности Черненко вменялось подготовить совместно с секретарями ЦК проект нового решения: секретари ЦК обкатывали и согласовывали его, а Черненко, заведующий Общим отделом, оформлял. Но и процесс оформления таил определенные возможности — где-то можно было сгладить жесткое (для Брежнева) определение, где-то смягчить нежеланную (для него) критику. Кроме того, секретари ЦК — это всегда конкретные партийные деятели, за которыми стояли определенные участки работы: промышленность, сельское хозяйство, армия, госбезопасность. И всегда существовала возможность поставить для внеочередного рассмотрения на Президиуме — это было вполне во власти заведующего Общим отделом — подотчетные им ведомства. У них поэтому были достаточно веские причины не особенно настаивать на четкости и законченности формулировок, предлагаемых Черненко.

Судьба постановлений ЦК и решений Президиума, а затем и Политбюро, и после их принятия находилась (в определенной степени) во власти Общего отдела. Он должен был довести их (без изложения содержания прений) до сведения всех членов ЦК, но у него всегда была возможность их задержать — пока они станут неактуальными, или отредактировать (препарировать) в соответствии со вкусами (интересами) Брежнева — Черненко полагал и был прав, считая, что

не станут же члены Президиума, готовясь к новым заседаниям, возвращаться к старым протоколам, сверяя и уточняя их рекомендации и выводы. Тем более что те, кто делал большую политику в Кремле в те первые годы прихода Брежнева к власти — Косыгин, Суслов, Подгорный, Шелепин, — скептически (а иные — иронически) относились к Черненко: серый, угодливый чиновник.

Конечно, они, возможно, предпочли бы на должности заведующего Общим отделом видеть более самостоятельного работника, а не человека-функцию, заурядного, как им казалось, во всем, что не имело отношения к партийной работе. Тем более, что и сам Черненко всем своим видом выражал смирение и услужливость — они были обращены на Брежнева (здесь в нем проявлялось почитание и подобострастие), но отчасти распространялись на всех членов Президиума ЦК.

С годами Брежневу стало необходимо постоянно видеть Черненко — ему важна была его заискивающая речь, благоговейный взгляд, покорная преданность. Они стали ему необходимы подобно тому, как идолу, готовящемуся стать божеством, нужны молитвы и вера. Никто лучше Черненко не мог угодить Брежневу — он постоянно искал его взгляд, ловил его расположение на тонкие комплименты и полон был лихорадочной энергии исполнять его желания и прихоти. Настолько, что сам как личность казался законченным и завершенным только с блокнотом в руках и рядом со своим шефом. И окружающих его людей он оценивал в одном измерении — насколько выгодны они Брежневу. Если оказывались полезными — усердно их обхаживал, были ненужными — не замечал. Отсюда он очень часто в поведении различных людей усматривал противоречия и непоследовательность, поскольку в одних случаях оно совпадало с потребностями Брежнева, а в других — противоречило им.

Возможно, трудно было Черненко приспособить форму своего сознания к форме своего поведения, и, может быть, наедине с собой он чувствовал смятение, иногда — стыд, и всегда — тревогу за будущее. Перспектива существования на обочине политической жизни не устраивала его. И, разжигая в Брежневе без меры честолюбие, он создавал его потреб-

ности в соответствии с собственными интересами: поднимая первого секретаря к самовластию, он и себя его руками подталкивал к власти. Угодливо сгибаясь перед его авторитетом, он вкладывал в душу своего хозяина убеждение, что и другие должны перед ним преклоняться — и они склонялись. И когда тот (легко и быстро) уверовал в собственную исключительность, он дал понять Брежневу, что пришла пора и ему, его помощнику, подбросить что-нибудь со стола власти.

Почему бы и нет? — наверное, рассуждал первый секретарь. И разрешил ему войти в сонм избранных: стать кандидатом в члены ЦК и депутатом Верховного Совета. Честолюбие Черненко на какое-то время было удовлетворено. Был доволен, надо полагать, и Брежнев, в котором жила постоянная потребность обманывать себя, превращать реальность в иллюзию: личный помощник в роли ответственного партийного работника — даже Сталин не мог себе этого позволить. Оба в глубине души знали, что они ведут игру и, забавляясь, радовались ей.

Черненко, действительно, на первый взгляд не обладал свойствами, необходимыми партийному лидеру — был косноязычен, слабо натренирован в искусстве бесцельной и бесплодной демагогии. Но в нем были в избытке качества, необходимые для успешной партийной карьеры: целеустремленность, настойчивость и беспринципность, и еще — презрение к общественному мнению. И первой задачей, которую он поставил перед собой, вернувшись в аппарат ЦК, было передвинуть власть от Президиума к канцелярии первого секретаря. И члены Президиума, не являющиеся секретарями ЦК, начинают получать от Черненко политическую информацию неполную и с большим опозданием. Параллельно им, совместно с советниками, которыми он окружил Брежнева, — Георгием Цукановым, Андреем Александровым-Агентовым, Анатолием Блатовым — велась разработка стратегии наступления на коллективное руководство.

И очень скоро период относительного умиротворения в Президиуме ЦК закончился, — закончился, так и не успев проявить себя и развиваться — как только погасли и замолкли призывы новых советских руководителей преодолеть

”волюнтаризм” и ”субъективизм” предыдущего правителя. Подобный же образ поведения на верхушке власти мы находим и в 1953 году, когда в борьбе за лидерство в государстве и гегемонию в партии столкнулись Маленков и Хрущев. Иначе не могло и быть, ибо медовый период политических отношений, как и брачных, характеризуется не столкновением и преодолением противоречий и конфликтов, а их игнорированием. И чем глубже и поспешнее они загоняются вглубь, тем острее проявляются позднее. Однако особенность напряжения в Президиуме ЦК, проявившегося в 1964 году, существенно отличается от кризиса, захлестнувшего систему власти десятью годами раньше, — на этот раз оно, казалось, носило теоретический характер.

Через несколько месяцев после падения Хрущева Брежнев выступил с дорогостоящей программой сельскохозяйственного развития. Она преподносилась в соответствующем идеологическом обрамлении: отмечалось, что подъем сельского хозяйства есть нечто жизненно необходимое для успешного строительства коммунизма. Иную социальную политику отстаивал Косыгин. Он отдавал приоритет развитию производства потребительских товаров. И она также была индокринирована: Председатель Совета Министров полагал, что инвестиции в промышленное производство более эффективны и действенны, чем вложение в колхозное хозяйство.

Разница во взглядах Брежнева и Косыгина на перспективы и формы развития советского общества, однако, отнюдь не свидетельствовала об антигородских позициях первого секретаря или же об антикрестьянских настроениях премьера.

За поляризацией их взглядов просвечивала борьба за лидерство в Президиуме. И еще — стремление выдвинуть экономическую программу, более привлекательную и притягательную для широких масс: заигрывание с народом в Советском Союзе всегда отмечается в переходные периоды его истории, когда решаются вопросы о наследовании власти (это проявляется в подбрасывании дополнительных средств в сферу потребления, в повышении зарплаты и т. д.). Таким образом, для упрочения власти Брежневу прежде всего было не-

обходимо дискредитировать идеи Косыгина — этим и занялся секретариат Брежнева во главе с Черненко.

Косыгин был сильным и серьезным противником, блестяще искусственным в политической борьбе — иначе он не стал бы в 36 лет заместителем Председателя Совета Министров (тогда — народных комиссаров), а в 42 — членом Политбюро. Волевой и интеллигентный, талантливый администратор, он отличался острым умом и завидной работоспособностью. При этом был он пуританского нрава, терялся и робел на публике. Эта черта его характера умело была использована советниками Брежнева. И тот оказался совершенно беззащитным перед партийной демагогией.

На церемонии встречи с космонавтами в октябре 1964 года Брежнев заявил: "Мы будем повышать ответственность партии и ее ведущую организаторскую роль в советском обществе". Это был камертон антикосыгинской политики, перекинувшийся на страницы газет. В "Правде", в "Коммунисте", в "Партийной жизни", в "Агитаторе" был опубликован ряд статей, критикующих правительство (а значит, и Косыгина) за отсутствие "реализма" в планировании, в стремлении опереться на "прошлый опыт"². Цели критики ставились таким образом, что оказывалось, что реформы Косыгина противоречат целям построения коммунизма. И призывалось положить конец "волютаризму" и "субъективизму" — в этих брежневских словах отчетливо проявлялась угроза отождествления взглядов Косыгина с осужденной партией философией Хрущева.

В лучших традициях партийной демагогии Брежнев стремился противопоставить деятельность Косыгина ленинской идеологии. Он отмечал, что "подъем сельского хозяйства" (*а не развитие легкой промышленности* — акцентировал Брежнев) Ленин рассматривал как важнейший вопрос хозяйственной политики партии, поскольку он затрагивает основы советского государства — отношения между рабочим классом и крестьянством³.

В стремлении Брежнева подвести под реформы Косыгина антикрестьянские тенденции, возможно, есть что-то от почерка Черненко — он в аппарате первого секретаря был боль-

шим мастером наклеивания политических ярлыков. Точно так же как и образ Запада как капиталистического ада, в полемике Брежнева с Косыгиным в 1965 — 1966 годах, возник, мы полагаем, не без помощи Черненко. Брежнев постоянно в своих выступлениях напоминал о социальном и политическом упадке буржуазного общества с его инфляцией, преступностью и безработицей. И этот образ, яркий, иногда — волнующий, навевал мысль о нежелательности политических реформ, цели которых — бездумная погоня за потребительскими товарами.

Мы не знаем, насколько искренне Брежнев исповедовал свои взгляды. Что же касается Черненко и его помощников, то их не обуревали сомнения, они знали, что риторика первого секретаря находится в идеологических традициях режима, но главное — она обещала ему поддержку консервативного партийного аппарата. И не ошиблись: 23-й съезд партии в 1966 году поддержал идеи Брежнева (и их) — одобрил вложения в сельское хозяйство и оборону. И с того года Косыгин понизился в протокольном плане: отныне выступления первого секретаря встречались бурными аплодисментами, а речь премьера — только аплодисментами. И еще одно важное событие произошло на том съезде — его тщательно продумал и готовил аппарат Черненко: специально для Брежнева был восстановлен титул Генерального Секретаря Центрального Комитета, и престиж и влияние его сразу же поднялись. Отныне он был не просто руководитель — первый среди равных, а возвышался над неравными членами Президиума. Впрочем, и само название Президиума изменилось — со съезда он начинает именоваться "Политбюро". И здесь уже сам Брежнев, только что избранный генсеком, не полагаясь на помощников, проявил инициативу: на основе предложений, содержащихся в "письмах трудящихся", он рекомендовал переименовать Президиум в Политбюро — так, как оно называлось в сталинские времена.

Таким образом, в 1966 году Брежнев выходил на политическую сцену в качестве единоличного руководителя партии. Но прежде чем это произошло, команде его помощников пришлось много потрудиться. Вскоре после антихрущев-

ского переворота, приведшего Брежнева к власти, стало очевидно, что на его пути к единовластию стоит не только Политбюро, но и Секретариат ЦК. Падение Хрущева вытолкнуло во вторые секретари ЦК Подгорного. Он же направлял работу Организационного отдела и, опираясь на него, мог вернуть собственную паутину власти.

Другим секретарем ЦК, представляющим потенциальную угрозу для Брежнева, был Шелепин, избранный на ноябрьском (1964 года) Пленуме членом Президиума. Он действовал на широкой и разветвленной базе, которую предоставлял ему пост заместителя Председателя Совета Министров и должность секретаря ЦК. За ним же стоял Комитет партийного контроля с необъятными полномочиями, позволяющими ему контролировать и партию, и правительство — его он возглавлял еще с хрущевских времен. Но наиболее опасным для Брежнева все-таки оставался Подгорный: он высказался вслед за Косыгиным за приоритет развития легкой промышленности. И они могли (или готовы были) объединиться в стремлении организовать экономику, ориентированную на потребителя, и взять курс на продолжение умеренной хрущевской внешней политики (и тот и другой непосредственно к ней были причастны).

И вот здесь и обозначилась для Брежнева возможность союза с Шелепиным — консерватором, мировоззрение которого на международные отношения совпадало с его взглядами.

Шелепин охотно выступил против оси Косыгин — Подгорный еще и потому, что сам готовился предъявить заявку на власть в партии (если удастся) или в правительстве. Фабрика слухов в Москве (возможно, Шелепин их сам и распускал через КГБ) утверждала, что Брежнев — всего лишь промежуточный правитель, на смену которому должен прийти молодой и энергичный деятель, быстро поднимающийся к вершинам власти (то есть, кто же другой, если не он?).

Вероятность такого развития событий, конечно, была не велика, но эти слухи подтверждали остроту конфликта в советском руководстве. О том же свидетельствовала еще одна дискуссия на страницах партийной печати, инспирирован-

ная, по-видимому, советниками Брежнева. В одном из номеров "Экономической газеты" за 1965 год была опубликована статья, критикующая партийную организацию Харькова, старую вотчину Подгорного, за неумелое руководство экономикой⁴. Цель публикации — использовать бывшие ошибки Подгорного для того, чтобы поставить под сомнение его способность принимать участие в управлении государством. Затем от прошлого перешли к настоящему. В "Правде" появилась статья, отмечающая, что иные партийные руководители (давалось понять, что одним из них является Подгорный), отстаивая приоритет легкой промышленности, не считаются с объективной реальностью⁵.

Подгорный, однако, был еще достаточно силен, чтобы в июне 1965 года, во время поездки в Баку, решиться на откровенный выпад против Брежнева. "Было время, — сказал он, — когда советский народ намеренно шел на материальные затруднения, чтобы развить тяжелую промышленность... Но сейчас... Наше национальное богатство увеличивается, и создаются необходимые условия для удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей"⁶. И тут Подгорный просчитался — он выступил не только против Брежнева и Шелепина, но бил по всем консервативным силам Политбюро, видевшим в приоритете тяжелой промышленности краеугольный камень развития милитаризма в советской экономике. И Суслов, до той поры занимавший нейтральную позицию в противоборстве Брежнева с Подгорным, не мог более оставаться безучастным. Он обрушился на ревизионистские взгляды второго секретаря ЦК, и не столько во имя солидарности с первым, сколько отстаивая чистоту учения (он не признавал компромиссов в этом вопросе). Переход Суслова в лагерь Брежнева предопределил судьбу Подгорного — позиции его в Президиуме ЦК ослабли, и 9 декабря 1965 года он был отправлен в политическое изгнание: назначен Председателем Президиума Верховного Совета. (Брежневу хорошо было известно, несколько позиция главы государства оторвана от реальной власти.) А спустя несколько месяцев Подгорный лишился и своего места в Секретариате ЦК.

Закат второго секретаря стал началом политического

конца партийного деятеля, больше других способствовавшего сокрушению Подгорного, Шелепина — к его величайшему удивлению, но в строгом соответствии с планом Брежнева. Шелепин больше ему был не нужен, но по-прежнему продолжал оставаться опасным. И на том же Пленуме ЦК, на котором Подгорный был спущен в Верховный Совет, Шелепин лишился поста председателя Комитета партийно-государственного контроля — его упразднили. А затем был изгнан из государственного аппарата — лишился должности заместителя Председателя Совета Министров. При этом на Шелепина, в отличие от Подгорного, не было произведено прямого нападения — ему предложили сосредоточиться на партийной работе. Но вторым секретарем ЦК, он, как надеялся, не стал: Брежнева отнюдь не прельщала возможность видеть своим заместителем властного и амбициозного политического деятеля.

Так завершился первый этап борьбы Брежнева за власть в Кремле — разработанный, подготовленный и блестяще проведенный, если не целиком Черненко, то, несомненно, при его непосредственном участии. Брежнев вскоре стал признанным руководителем партии, а Черненко начинает свой долгий путь к партийному Олимпу, на котором ему предстоит стать влиятельным партийным боссом — равным среди равных.

Пожалуй, ничто так не отражает сущность (и проблем) советского общества, как облик его руководителей. Разными путями проталкиваются они к управлению государством и с неодинаковыми личностными чертами. Но при всей непохожести каждого из них просматривается некая общая политическая судьба. В первые десятилетия существования режима пропуском к власти служило пролетарское происхождение (там, где его не было, оно конструировалось) и участие в революции. По мере того, как вымирало поколение "отцов" (творцов и участников Октябрьского переворота), революционная деятельность вытеснялась участием (так или иначе) в гражданской войне. Далее шла обкатанная дорога: партийная деятельность, учеба в институте (заочно или по ускоренной программе), руководство обкомом или респуб-

ликой, затем политическая работа в действующей армии, а после войны — высокая номенклатурная должность в столице, откуда открывался путь в Секретариат ЦК и Политбюро. (Имелись и варианты: вместо войны — ответственная работа в тылу, в министерстве, в комсомоле или в промышленности.) А затем правила хорошего партийного тона требовали, чтобы секретарь ЦК обрастал собственными сочинениями — не каждому удавалось, как Сулову, стать теоретиком партии, но каждому, особенно, когда он входил в Политбюро, предписывалось сказать свое слово в теории, ну, а если и не слово, то оставить хотя бы в ней сборник собственных выступлений и речей — тем самым подчеркивалось право партии быть единственным толкователем и интерпретатором марксизма-ленинизма.

В эту схему (и программу действий) Черненко никак не вписывался: он не оставил свой след в революции, не принимал участия в гражданской войне (не успел), не руководил ни областью, ни республикой (мог бы успеть, но не довелось), не участвовал в войне (не решился — спрятался за бронь). И в Москве оказался не в естественном скольжении вверх, а по прихоти Брежнева. Но именно потому, что Черненко так многое в своей жизни не успел, не смог, и не решился сделать, ему так страстно хотелось все иметь: и власть (чем-то он уже обладал, но хотел большего) и признание, и почет, и уважение (никогда не было). И решил он свою личностную пирамиду отстраивать не снизу, а сверху: он начал с того, чем видный партийный деятель обычно заканчивает в СССР — с написания (с помощью своих помощников) и публикации собственных произведений.

Что искало в теоретическом творчестве неуемное и неудовлетворенное тщеславие Черненко? Преодоление комплекса неполноценности (не удалось получить систематического образования), или замещение прошлых неудач в карьере (от Красноярска до Молдавии — непрерывное скатывание вниз), или же бурлившая энергия, долго сдерживаемая прислужничеством и угодничеством, искала выхода и самовыражения.

Политбюро, покачивая своей коллективной головой, с

удивлением отнеслось к теоретическим упражнениям Черненко: ему вроде бы и не следовало заниматься идеологией ни по статусу — он был всего лишь член ЦК, ни по должности — руководил не самым престижным отделом ЦК, но решило, что, видимо, такова прихоть Брежнева — иметь при себе ученого секретаря. В действительности Брежнев к теоретическим изысканиям своего помощника был непричастен, так как он слишком был занят собой — своим успехом, хотя нельзя сказать, что не проявлял заботы о карьере верного друга. И степень движения Черненко по партийной лестнице прекрасно отражает как возможности Брежнева, так и характер его отношения к Черненко.

Открытие 23-го съезда КПСС (март 1966 года) обнаруживает Черненко в составе Секретариата съезда, а его закрытие (апрель) выявляет Черненко в составе кандидатов в члены ЦК. Далее "Правда" от 15 апреля того же года представляет Черненко кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. И в том же году имя Черненко впервые появляется в списке высоких партийно-государственных деятелей, подписавших некролог о смерти секретаря ЦК А.Н.Рудакова. Пока фамилия его теряется в конце списка (на 43-м месте), но главное — было положено начало публичной рекламе Черненко. Вскоре он окажется в составе Мандатной комиссии Первой сессии Верховного Совета СССР 7-го созыва. И затем — всегда будет находиться среди встречающих и провожающих генсека: сперва его имя будет печататься в середине списка, затем ближе к началу, пока не появится чуть ли не в самом начале и всегда — чуть-чуть впереди, чем то было положено по его партийному статусу.

На 24-м съезде партии в 1971 году он снова войдет в состав Секретариата съезда, но выйдет он из Секретариата по окончании съезда уже не кандидатом, а полным членом ЦК. И как свидетельство признания нового его положения, под некрологом М.А.Сиволюбова, директора Госполитиздата, имя Черненко будет стоять на втором месте — сразу же после фамилии секретаря ЦК и кандидата в члены Политбюро П.Демичева. А еще спустя пару лет в списке встречающих Брежнева, возвратившегося с переговоров с Никсоном из

Крыма, фамилия Черненко вновь окажется второй — после секретаря ЦК и кандидата в члены Политбюро Д. Устинова. Это произойдет в 1974 году, а пока вернемся в 1971 год, когда на страницах академического журнала "Вопросы истории" была опубликована статья Черненко, подводившая итоги только что закончившегося 24-го съезда КПСС. Это первая теоретическая работа Черненко свидетельствовала о том, что он в аппарате ЦК занимался не только протокольными делами, но активно и деятельно вторгался в сферу организационно-партийной работы — области, находившейся в компетенции секретаря ЦК и члена Политбюро Кириленко.

Черненко было позволено выйти за узкие, хотя и весьма важные рамки его обязанностей, что подтверждало его особое положение в партийной среде, вытекающее не из его должности, а из неформальных отношений с генсеком. В преддверии съезда ему, а не Кириленко, было поручено подготовить часть доклада Брежнева, анализировавшую внутривнутрипартийную работу. Это дало ему возможность уже по завершении партийного форума вновь вернуться к этой проблеме и еще раз осмыслить, а в некоторых случаях переосмыслить ее⁷.

Черненко выводит оригинальную мысль, согласно которой существует возможность совмещения в советском обществе руководящей роли партии (идея в угоду Брежневу) с расширением и развитием в нем демократии.

Делает он это диалектически — по следующей формуле. Возрастание руководящей роли партии в государстве (у него — это положение не требует доказательств) с неизбежностью ведет к увеличению роли коммунистов в социальном процессе. В этом высказывании явный перегиб — правильнее было сказать: увеличивается значение партийного аппарата в жизни общества. Но для неискушенного советского сознания подмена понятий незаметна. Далее следует уже совершенно необоснованное заключение: примеру коммунистов следуют миллионы беспартийных. Если бы это было действительно так, вернее — если это стало бы возможно в Советском Союзе, то неизбежно бы ослабла диктаторская (Черненко говорит — руководящая) роль партии. Иначе говоря,

была бы аннигилирована та посылка ("увеличение руководящей роли партии"), отталкиваясь от которой, Черненко выводит свою идею о расширении участия масс в общественном процессе⁸.

В поисках выхода из противоречия Черненко пытается опереться на традиционные догмы: он заявляет, что руководящая роль партии предполагает для коммунистов необходимость сверять каждый шаг их деятельности с марксистским учением — "компасом ленинизма". Но именно этот "компас", как свидетельствует советская история, всегда поворачивается только в одну сторону — к тоталитарному управлению, управлению без масс и за счет масс.

Так что идея Черненко о возрастании "направляющей роли партии" не только не подтверждает возможности развития свобод в Советском Союзе, но, напротив, подводит к противоположному выводу — о расширении партийного вмешательства и контроля в деятельности тех немногих полудемократических институтов, которые еще оставались в социалистическом обществе.

Предложенная Черненко мысль о расширении рамок демократии при социализме свидетельствовала о его теоретической неискушенности. Но не только. Эта идея, прозвучав в резолюции партийного съезда, стала директивной: в ней никто не вправе был усомниться, а стало быть, становилось невозможным поставить под сомнение и способность Черненко заниматься философскими изысканиями.

Впрочем, прямолинейность мышления нередко оставляла Черненко. В той же его работе мы находим и некоторые нестандартные и интересные высказывания (его или работающих с ним и на него помощников — это не столь существенно, так как, выражая и отстаивая их, Черненко невольно с ними сживался и сливался). Он утверждал, что в разработке планов современного государственного строительства не следует только и особенно полагаться на марксистское учение, но необходимо — цитирую: "...учитывать и опыт, и мнение миллионов коммунистов и беспартийных"⁹. Для брежневских времен это было явно необычное суждение, и Черненко не мог бы его позволить себе, если бы он не был так уверен,

что стоит вне критики. Эта смелая мысль перекрывает недостатки его статьи: слабую композицию, перегруженность общими суждениями и постоянными ссылками сверх (даже принятой) меры на решения съезда.

Эта статья, понятно, не сделала Черненко "еще" теоретиком партии, но позволила ему более основательно и по более широким вопросам вмешиваться в организацию партийной работы.

При его самом непосредственном участии был произведен брежневский набор в партию: между 23-м и 24-м съездами партии (1966 — 1971 гг.) членами КПСС стали 2 миллиона 200 тысяч человек. Партия обвилась чуть ли ни на четверть людьми, видевшими в Брежневе бесспорного руководителя страны. Параллельно по инициативе Общего отдела было решено освободить партию от тех, кто не проявлял должную степень почтения к новому руководству — чистка была закамouflирована под обмен партийными билетами. То, что это была именно чистка партийных рядов, а не рутинное мероприятие, подтвердил Черненко: "Предстоящий обмен партийных билетов... предусматривается провести как важное организационно-политическое мероприятие, способствующее дальнейшему укреплению партии, повышению активности и дисциплины коммунистов"¹⁰.

Черненко задавал не только тон, но и темп партийной работы: между двумя съездами партии, в течение пяти лет — 66-м и 71-м годом, было организовано 16 пленумов ЦК. Он не разрабатывал, разумеется, их проблематику. Они были посвящены вопросам, от которых он был в те годы весьма далек — промышленности, сельскому хозяйству, социальному строительству, международному коммунистическому движению, внутренней политике. Но проведение столь большого их числа стало возможным благодаря необыкновенной оперативности и огромной пропускной способности возглавляемого им отдела, успевавшего готовить многие тонны исходящей (от ЦК) и входящей (в ЦК) документации.

Впрочем, один из вопросов, поднятый на Пленуме ЦК в 1970 году, мог быть (и должен был быть) не только подготовлен, но и разработан Черненко — вопрос о практической

работе Политбюро. В этом деле Черненко был признанным авторитетом. Он, как никто другой, мог организовать деятельность Политбюро — блистая пунктуальностью, заседания начинал без опоздания, в четко обозначенное время — в 9 часов утра, регулярно, каждую неделю — в четверг. Уже на следующий день, в пятницу, отпечатывались и распространялись для ознакомления членам ЦК протоколы Политбюро с соответствующими решениями, а в особую папку подшивалась короткая их стенограмма.

Искусство Черненко состояло в умении предугадывать принимаемые Политбюро постановления, и он загодя заготавливал лаконичные и четкие их проекты (в отличие от многословных проектов решений, составляемых Секретариатом ЦК). Возможно, здесь дело было не столько в таланте ясновидения Черненко, а в понимании правил партийной игры и близости с Брежневым. Но так или иначе, в условиях постоянного напряжения, царившего на Политбюро, оперируя с противоречивыми точками зрения — Шелепина, Подгорного, Шелеста (с одной стороны) и Брежнева и его сторонников (с другой), Черненко умудрялся так обрабатывать материалы Политбюро, что у членов ЦК не возникало никакого сомнения в прочности и надежности позиций генсека.

Черненко добился, что под его контролем оказался Отдел писем ЦК — он объяснял это необходимостью обеспечить Политбюро широкой внутрипартийной информацией — "как инструментом руководства, воспитания и контроля". В действительности идущий в ЦК поток писем, — это важный, если не важнейший, канал информации, не извращенный приписками и лестью, стал использоваться им как инструмент утонченного шантажа. Перед ним сразу предстала жизнь и деятельность многомиллионного партийного аппарата, с его коррумпированной системой, шовинистическими тенденциями, беспринципностью и цинизмом.

Письма в ЦК, как правило, — это зов отчаяния или крик о помощи, в них раскрывались преступления, в которые втягивались отдельные коммунисты и целые партийные организации — от районных до республиканских. И только Чернен-

ко решал, какую часть этих сведения утаить — для последующего плетения интриг, а что (и когда) довести до сведения Политбюро — в этом случае принимались решения или же для разбора письма пересылались в Секретариат ЦК или Совет Министров. И очень скоро даже секретари ЦК, не говоря уже о министрах, стали искать близости и расположения Черненко. Тем не менее на пороге 70-х годов Черненко все еще оставался деятелем, не знакомым широкой общественности. Иначе обстояло дело в партийных кругах. Здесь влияние Черненко если и не определялось целиком близостью к Брежневу, то являлось проекцией авторитета и силы генсека. Они обеспечивали Черненко известную степень независимости на заседаниях Политбюро и определяли его возможности в манипуляции информацией.

Вместе с тем Черненко был достаточно благоразумен, чтобы скрывать (до времени) характер своих отношений с Брежневым. При посторонних рядом с генсеком он совершенно стирался и утрачивал свою индивидуальность — настолько, что вызывал насмешки и презрение (правда, скрытые) владетельных и влиятельных членов Политбюро. Он в любую минуту был готов сорваться (и срывался) выполнять малейшее пожелание или прихоть своего хозяина — подносил бумагу или записи, подавал очки, предлагал локоть — чтобы, не дай Бог, тот не поскользнулся. И при этом с удивительным упорством и настойчивостью искал свое лицо в партийной работе.

К 70-му году, казалось, все ее важнейшие области и подразделения были распределены и закреплены между секретарями ЦК. На кадрах "сидели" Андрей Кириленко и Иван Капитонов, сельское хозяйство курировал Федор Кулаков, промышленность опекал Владимир Долгих, идеологию вел Михаил Суслов, армию — Дмитрий Устинов, за культуру отвечал Петр Демичев, а за социалистическими странами и коммунистическим движением присматривали Борис Пономарев и Константин Катушев.

Так представлялось всем, но не Черненко. Он обнаруживает, вернее, конструирует, сферу деятельности, не занятую другими — партийное строительство. Многим думалось, что

из этой темы ничего стоящего и любопытного не вытянешь — кроме банальности. Но почему бы ему не быть идеологом общеизвестных истин (разве это хуже беспредметных марксистских теорем?). И он решил их повторять (с видом первооткрывателя) до тех пор, пока не возникла видимость, что они открыты, разработаны и развиты им.

Сперва он постарался связать свое имя с графаретными партийными шаблонами, а затем уже сами эти стереотипы стали завязываться на его имени. И невозможно стало разорвать эту связь — понять, что первично, а что вторично.

Вот как это началось. Им была разработана идея, согласно которой одним из средств (при этом чуть ли не доминирующим) проведения и осуществления политики КПСС является партийный аппарат. Он, мол, политику партии творит, производит, выражает, своевременно и принципиально оценивает, утверждает, определяет, направляет и т. п. Вроде, мысль, с партийной точки зрения, бесспорная. И в этом была ее ценность для Черненко, она не порождала споров в среде аппаратчиков и не вызывала отпора со стороны толкователей, хранителей и защитников чистоты марксизма в Кремле.

А Черненко тем временем это положение с многозначительным видом стал повторять и углублять на различных партийных форумах. Обильно пересыпал его примерами (положительными — для достойного подражания, критическими — для острастки сомневающихся) до тех пор, пока в партийных кругах не возникло мнение, что все недостатки и вся эффективность идеологической и организационной работы — в несовершенстве конструкции партийного аппарата. И когда в ЦК появилась мысль его усовершенствовать, показалось вполне естественным, что занялся этим важным делом именно Черненко — признанный специалист по партийному строительству (так стало называться новое направление в марксизме, открытое Черненко).

И в качестве первооткрывателя теории партийного строительства Черненко принял участие в организации в конце 60-х годов новых партийных комитетов: 9 обкомов, 21 горкома, 291 сельских райкомов¹¹. Оппоненты Брежнева по Политбюро не придали особого значения этой акции и отнес-

лись к ней как к локальной внутривнутрипартийной перестройке, не затрагивающей их интересов. И просчитались: только что созданные партийные комитеты стали подбрасывать в Центральный Комитет партии десятки новых членов — потенциальных союзников генсека.

Другая идея Черненко — создание узловых парткомов на железной дороге — также послужит интересам Брежнева: она не столько усиливала партийный контроль (как провозглашалось) в железнодорожном транспорте, сколько создавала еще один подконтрольный генсеку отряд номенклатурной элиты.

Под видом заботы о повышении уровня партийной работы (совершенствовании стиля, углублении содержания и т. д.) Черненко проводит через ЦК постановление о переподготовке на специальных курсах руководящих работников. Ставилась задача воспитания "зрелых" (в понимании Черненко — созревших для признания приоритета власти генсека) и знающих свое дело (значит — понимающих требования нового руководителя) партийных работников. Черненко, наконец, запустил в обращение лозунг (переживший его — он станет знаменем горбачевской эпохи) об усилении партийной ответственности, дисциплины. И тут же предложил средства его реализации: проверка исполнения принятых решений. ЦК охотно предоставил его отделу право осуществлять указанную проверку — обязанность хлопотливую и сопряженную с известным риском и неудобствами: связи местного руководства с Центром не всегда удавалось проследить, так как, начинаясь с самого низа, они нередко простирались до Политбюро. Черненко, однако, не боялся подводных бюрократических течений (связей, зависимостей) — он был о них широко уведомлен. И знал: тот, кто оценивает работу партийных организаций, тот и определяет и делает их политику.

Немало сил и энергии отдал Черненко разработке вопроса о научной организации труда в партийном аппарате. Идея была навеяна временем — в 70-х годах в советском обществе получили распространение различные американские теории изучения социальных и психологических аспектов производственной деятельности.

Но выдвинутые им критерии НОТа партийной работы к ним не имели отношения. Они были абстрактны и не конкретны: умелое (не разъяснялось в чем) использование кадров, сочетание революционного размаха с деловитостью (понятие не раскрывалось), трезвостью, реалистичностью, борьбой с бюрократизмом (традиционные советские призывы, лишённые определенного содержания). Общность требований, однако, была сознательно заданной, она позволяла Черненко наполнять их различным содержанием — в зависимости от его целей и политической необходимости.

Черненко так же высказался за использование электронно-вычислительной техники в партийной работе — идея совершенно новая для 60-х годов в Советском Союзе. И он ее реализовывал: в Общем отделе появились компьютеры, позволившие Черненко наладить четкое оформление документов и оперативно обобщать информацию.

Пропагандируя передовые средства связи и автоматические системы управления, Черненко не ограничивался рамками Центрального Комитета, он ставил, но теперь уже через Брежнева, задачу совершенствования управления государственных учреждений — Совмина, Госплана (проникая в косыгинский аппарат), требовал улучшения их структуры, предлагал уточнить и ограничить их функции, улучшить организацию. И тем самым создавал условия (для него и Брежнева) вторжения в структуру местных советских организаций — империю Подгорного. Исполнительные советские органы, по его мнению, должны были быть перестроены снизу и доверху. Иначе говоря, предлагаемая Черненко реконструкция этих учреждений призвана была охватить широкий комплекс вопросов, что дало бы им возможность вникать в проблемы развития экономики, культуры, общественной жизни, заниматься совершенствованием здравоохранения и трудовых отношений.

Подгорный был доволен: Советы, его ведомство, поднималось над вотчиной Косыгина, Советом Министров, и он не придавал значения тому факту, что инициатива реформы Советов принадлежит не ему и не ему доведется ее осуществить. Впрочем, сложно было ему, члену Политбюро, усмотреть

опасность в Черненко, партийном чиновнике среднего уровня. Опасность, действительно, его ждала не от Черненко, а пришла с другой стороны — от Брежнева. Но Черненко, как оказалось, был первым, кто подал Брежневу мысль распространить его власть генерального секретаря на Советы. Он и первый ее теоретически обосновал. Подготовленное при его участии в 1971 году постановление ЦК обосновывало целесообразность расширения партийного контроля над Советами¹². А спустя шесть лет, в 1977 году, ЦК, исходя из той же идеи — “возрастание руководящей и направляющей роли партии” — признает необходимым, чтобы генсек занял пост Председателя Президиума Верховного Совета. И Подгорный навсегда исчезает с политической карты страны.

А пока что, в промежутках между 71-м и 77-м годом, Черненко руками Брежнева подтачивал власть и влияние Совета Министров¹³. Политбюро предложило расширить права районных и городских советов и укрепить их материальную базу (за счет министерств), подняло престиж статуса депутата Верховного Совета (в ущерб прерогативам членов правительства).

Черненко подтолкнул Брежнева превратить Москву в образцовый коммунистический город. И в курортном предместье Барвиха весной 1970 года была созвана грандиозная конференция градостроителей и социологов для того, чтобы рассмотреть комплексное развитие столицы, улучшение ее архитектуры, совершенствование транспортных магистралей и социального качества жизни. Собрание проходило, разумеется, под руководством Черненко — теперь уже признанного специалиста партийного строительства. И в этом качестве он уже в 1973 году выступил интерпретатором ленинских взглядов об управлении — опубликовал в ноябрьском номере журнала “Вопросы истории” (в том же самом журнале, в котором была напечатана его предыдущая работа) статью, разрабатывавшую “основополагающие документы государственного строительства”.

Исторический фон статьи неинтересен, это — история советской конституции. Более примечателен предмет исследования — разработка вопроса о сущности Основного советско-

го закона. Черненко обращается к этой теме, потому что Брежнев старался в те годы форсировать принятие новой конституции. Для генсека это был вопрос не тщеславия — войти в историю, а возможность через новую конституцию ограничить права и свободу действий Косыгина. И Черненко уже не в первый раз оказывается в авангарде брежневского наступления.

Подходил к вопросу о новой конституции Черненко издавна — с Ленина. Он писал: "Важнейшими по своему значению документами современной эпохи, в разработке которых проявился ленинский гений... является советская конституция"¹⁴. Примечательное замечание: Черненко говорил и имел в виду не только конституцию, разработанную Лениным, но оценивал "ленинским гением" все принятые в Советском Союзе конституции, а значит, и подготовляемую под руководством Брежнева. Тем самым нимб гениальности распространялся на его покровителя, которому конституционная комиссия с ее 97 членами давала дополнительную власть над теми в партийном аппарате, с кем он должен был бы ее разделять.

Черненко подробно прослеживал процесс утверждения сталинской конституции, попутно реабилитируя ряд сталинских сатрапов, в том числе Вышинского — одного из организаторов Большого террора 30-х годов. И делал он это не случайно, так как историческая ткань позволяла ему прочертить для Брежнева путь маневрирования: Черненко отвечал на вопрос не только *что* необходимо высветить в новой конституции, но и *как* преподнести ее народу. С этой целью он тревожил тень Сталина, в архивах выискивал забытые письма Крупской, короче — создавал для Брежнева модель действия. И попутно — разворачивал его сценарий: предлагал обнародование и широкое обсуждение проекта конституции в печати и по радио — первый акт. Последующие картины действия: массовое разъяснение ее на лекциях, в докладах, беседах и в специально организуемых партийными комитетами кружках.

Черненко подталкивал Брежнева организовать направленный поток "благодарственных" писем в ЦК и очерчивал

их число несколькими миллионами. Не забывал он и чисто процедурные вопросы: советовал при принятии конституции созвать чрезвычайную сессию Верховного Совета для рассмотрения различных предложений, поправок и дополнений. Высказывался за организацию редакционной комиссии и даже отмечал (предлагал) единодушное одобрение конституции. Свои идеи он преподносил при этом ненавязчиво, деликатно, казалось, на первый взгляд, что он всего лишь реконструирует историю, обобщает прошлый, сталинский опыт. И когда спустя несколько лет, в 1977 году, наконец, состоялся спектакль принятия брежневской конституции, выяснилось, что постановка осуществлена практически по сценарию Черненко¹⁵.

Предварял Черненко — на годы вперед и будущие брежневские аргументы и обоснование новой конституции: "изменение облика советского общества", "сближение классов и становление общенародного государства". В течение лет эти понятия идеологически стерлись, стали стереотипами. И немногие вспоминали, что Черненко был один из первых, выдвинувших их в обоснование брежневской конституции, и первым партийным работником, которому Брежнев разрешил ("доверил") выступить с ее теоретическим анализом.

С легкой руки Черненко очередная советская конституция получила и свое название — "Конституция развитого социалистического общества" (официально назвать ее "брежневской" по аналогии со сталинской конституцией он не посмел: престиж его хозяина явно не дотягивал до авторитета "великого учителя").

Работа по подготовке принятия новой конституции занимала важнейшее место в жизни Черненко, но все-таки не основное. Главным оставались его партийные обязанности, пока не обнаружилось, что и они не захватывают его полностью — его привлекали и притягивали и чисто научные проблемы. И сразу же определилось, что он не желал оставаться узким специалистом по "партийному вопросу". Его амбиции распространялись на разработку теории государственной деятельности. При этом высказываемые им идеи часто отличались своеобразием и оригинальностью: сначала они препод-

носились в традиционном обрамлении — в окружении ленинских или брежневских цитат, а затем и вовсе без вуалирования, с ссылками на социологические исследования, а то и просто собственный опыт.

В ряде статей 70-х годов Черненко разрабатывал структуру государственного аппарата и раскрывал методы его функционирования. И здесь заслуживала внимания высказанная им мысль о необходимости научного обоснования (Черненко говорит: "научного оправдания") государственной службы¹⁶. Не менее смелым (и явно несвоевременным для брежневских времен) являлось суждение о пользе полной и правдивой информации в государственной работе.

Новые взгляды Черненко, однако, пропускались через марксистские постулаты и подавались, как правило, в традиционной догматической форме. Так, на первый взгляд, представляется, что выдвинутое им понятие распорядительности в качестве одного из принципов государственной деятельности — явление, лишенное содержания. На самом же деле истертый идеологический штамп использовался Черненко для обоснования требования персональной ответственности руководителей, все еще продолжавших пребывать, по Черненко, в чванстве и высокомерии.

Ключ к реорганизации управления виделся ему в умении находиться в гуще событий. Такая производственная установка деятельности явно противоречила ортодоксальному мировоззрению Суслова, видевшего в идеологии универсальное средство познания и организации социальных процессов¹⁷.

Расхождения во взглядах Суслова и Черненко оказались неслучайными. Они будут расширяться и развиваться. Черненко попытался предстать в образе (еще один образ) либерально и современно мыслящего руководителя, но не достиг успеха. Виной оказалась его личностная идентификация с Брежневым — она была настолько полной, что в общественных кругах не обратили внимания на мысли, которые, несомненно, были передовые для того времени — им просто не поверили. Тень брежневской вторичности закрыла Черненко настолько, что все, что выйдет из-под его пера, а priori было

признано шаблонным и тривиальным. А между тем Черненко, возможно, был единственным в Центральном Комитете, посмевающим в начале 70-х годов подвергнуть критике организационную структуру государственной службы в СССР, и вел он ее откровенно, хотя и непоследовательно. Указывал на недопустимость управления, при котором партийная форма ставится выше экономического содержания, осуждал неспособность хозяйственных руководителей решать вопросы, находящиеся в их компетенции, и ждущих указаний вышестоящих инстанций, призывал повесить ответственность директоров предприятий и уменьшить их зависимость от плановых организаций.

Спустя 15 лет подобные мысли будут высказаны Горбачевым и вызовут сенсацию. Но тогда, заявленные до времени и без должного авторитета, они прошли незамеченными.

Черненко был среди первых (а возможно, первый) в ЦК, кто предложил изучать опыт руководства в Грузии — там, вслед за Азербайджаном, разворачивалась борьба с коррупцией¹⁸. Но и эти его призывы не были услышаны — оказались несвоевременными. Они станут актуальными только через 10 лет, на пороге прихода к власти Горбачева, но тогда — парадокс — Черненко встанет на пути их реализации.

Черненко выступил за перевод промышленных министерств на новую систему организации, стремился улучшить их функционирование, приблизить к производству и предложил заменить их многоступенчатую структуру управления (министерство — главк — объединение — управление — производство) на двух- или трехзвеньевую (министерство — управление — производство, или же министерство — производство). И здесь вновь возникает аналогия с тем, что в Советском Союзе попытаются осуществить, когда в живых не будет ни Брежнева, ни Черненко.

К какому же выводу мы подводим? Советские реформаторы следующего партийного поколения, несостоявшийся Андропов и более удачливый Горбачев, в сущности двинулись в том же историческом направлении, куда призывал идти Черненко, и по которому ему самому не довелось, вернее — не удалось пойти. В этом суждении — мы сознаем это

— есть известная степень упрощенности, ибо подлинная сущность политического характера советского деятеля начнет выявляться только тогда, когда он становится руководителем, и полностью проявляется, когда он превращается в руководителя, над которым не стоит другой руководитель. А до той поры он живет и действует в тени других: стремится не выделяться, не обнаруживать взглядов, отличных от мнения начальства, интересуется не справедливостью идей или разумностью концепции, а возможностью их использования для собственной пользы и продвижения. Так вели себя все советские правители, пока не оказывались у власти: Сталин идентифицировал себя с Лениным, Хрущев — со Сталиным, Брежнев — с Хрущевым, Андропов — с Брежневым и т. д. Разворачивались они и проявляли свою индивидуальность — вкусы, принципы, убеждения и взгляды, — только становясь генеральными (или первыми) секретарями ЦК. Тогда-то и обнаруживалась их социальная и политическая несовместимость с предшественниками. Черненко, однако, прорвался к власти слишком поздно и слишком ненадолго — на пороге смерти, когда в самую пору было заботиться о потустороннем существовании (в советском понимании — о некрологе в газете), а не о политическом бытии.

Так что личность Черненко раскрылась не во всем объеме: едва уловимый и осторожный либерал брежневских времен мог оказаться консерватором, доведись ему править страной достаточно продолжительное время. Или — кто знает? — проявил бы готовность к радикальным реформам.

Во всяком случае, несомненно одно: не блистая яркой индивидуальностью (а кто из советских руководителей после Ленина ею блистал?), он был достаточно осмотрителен и умен, чтобы понять, что на одном низкопоклонстве Брежневу большой карьеры не сделать — важно было быть ему полезным, больше того — необходимым. Но и этого было недостаточно: генсек мог поднять его в Секретариат ЦК, но дотянуться до Политбюро он должен был бы сам. И для этого следовало позаботиться о собственном "лице". В партийной среде он сравнительно быстро его приобрел, действуя через Общий отдел. В обществе, за пределами партийного ап-

парата, представление о нем, однако, было очень смутное. И он решил сфокусировать его через партийную печать, осаждая ее десятками статей, каждую из которых старался сделать проблемной, идя на сознательный и хорошо отмеренный риск, желая привлечь внимание высказыванием нестандартных взглядов и мыслей.

Так Черненко неожиданно предложил упорядочить деятельность государственных органов, и выдвинутые им при этом идеи отличались такой неожиданной смелостью, что кажутся списанными с сегодняшнего дня — с горбачевских реформ. Он убеждал в необходимости удешевить аппараты управления за счет сокращения непроизводственных расходов и увеличения рентабельности работы, ее эффективности и приближенности к производству. Предлагая повысить персональную ответственность директоров, высказался за внедрение нового подхода в руководстве, основанного на постоянном анализе жизненной ситуации, опирающегося на научный поиск. Отмечал важное значение учета при принятии решений общественного мнения. А поскольку его, как такового, не было в стране, призывал внимательно изучать поступающие в партийные органы письма, которые, не являясь голосом масс — он понимал это, — являются реакцией масс на жизненную несправедливость и неустроенность¹⁹.

Выступил против параллелизма партийных и советских организаций, высказав неожиданную мысль — разработать и установить в административной работе государственные стандарты, наподобие тех, что существуют в производстве. Отстаивал широкое ведение гласности в партийном руководстве, тем самым более чем на 10 лет предворяя лозунги Горбачева.

Своеобразно рисовался Черненко и образ совершенного (он говорил "передового") руководителя: образованность, специальные знания, позволяющие охватывать и осмысливать различные стороны действительности, отличать существенное от второстепенного, общее от частного, и широкий политический кругозор, под которым он понимал не столько идейность, сколько способность администратора регулировать отношения между людьми²⁰.

Разумеется, оригинальность взглядов и мыслей Черненко весьма относительна: в наложении на общечеловеческие понятия и западные стандарты многие его идеи кажутся упрощенными и банальными, но, взятые в контексте советского времени, в особенности в сопоставлении с ортодоксальным мировоззрением и идеями Сулова, они отличаются определенной смелостью и самобытностью.

В отличие от партийных современников, Черненко постоянно искал возможность перебросить мост от теории к жизни. В апреле 1974 года Черненко проводит в Москве совещание руководящих работников Общих отделов партийных комитетов и на нем сделал попытку материализовать многие из развиваемых им мыслей. Поставленные им для обсуждения доклады и выступления явно выходили за пределы его служебной компетенции. В них рассматривалась (и анализировалась) деятельность государственного аппарата в самых различных и притом — неожиданных аспектах: дисциплина, процесс разработки и принятия решений, меры борьбы с волокитой и бюрократией. Особенно остро стоял вопрос о контроле. И не случайно. Черненко предложил превратить Общий отдел ЦК (и, соответственно, Общие отделы в партийных организациях республик) в некое суперуправление, надзирающее и анализирующее деятельность партаппарата²¹. И, видимо, его предложение было поддержано Политбюро. Иначе невозможно понять и объяснить непосредственное и деятельное участие Черненко в перемещениях, которые стал проводить Брежнев.

Все эти годы за фасадом коллективного руководства, едва только Хрущев был отправлен на пенсию, шла глухая борьба за власть. На первом этапе из партийного аппарата вычищались только сторонники смещенного секретаря ЦК. Руководство в стране держалось на трех головах — Брежнев, Косыгина и Подгорного. В Полибюро у Брежнева не было большинства: из 11 членов, избранных на 23-м партийном съезде, только четверо — А.Кириленко, А.Пельше, М.Сулов, Д.Полянский — были сторонниками генсека. При этом один из них — Сулов — союзник был "блуждающий". Он следил за равновесием сил в Политбюро: когда преимущество скло-

нялось к Брежневу, переходил на сторону Косыгина, когда выявлялась сила Косыгина, оказывался в стане его противников. Один из членов Политбюро, А.Шелепин, был попутчиком, им Брежнев воспользовался в противоборстве с Подгорным. Однако при столкновениях с Косыгиным Шелепин уходил в сторону, предоставляя генсеку и премьеру истощать свои силы.

Не было единства и в лагере Косыгина и Подгорного — между ними шло постоянное соперничество за второе место в политической иерархии. Г.Воронов и П.Шелест были близки Подгорному, а К.Мазуров, как правило, выступал вместе с Косыгиным. Но стоило Косыгину и Подгорному прийти к соглашению по какому-нибудь вопросу, как Брежнев, учитывая ненадежный нрав и амбиции Шелепина, оказывался в Политбюро в меньшинстве. Так что главной заботой Брежнева было не дать им возможности объединиться²².

Иной баланс сил был в группе кандидатов в члены Политбюро. Из семи функционеров шестеро: П.Демичев, Д.Кунаев, П.Машеров, Ш.Рашидов, Д.Устинов, В.Щербицкий солидаризировались с Брежневым. (Кунаев, Щербицкий, Устинов были его ближайшими друзьями, а Машеров, Демичев, Рашидов были обязаны ему своим возвышением.) И только один из них — В.Мжаванадзе, из наследства Хрущева — никак не решался определиться ни в один из лагерей. Оказавшись без своего покровителя, он боялся прогадать: восточная мудрость подталкивала его к поддержке генсека, а восточная осторожность подсказывала ему не ссориться с премьером.

У Брежнева, кроме того, было большинство в Секретариате ЦК. Там он мог рассчитывать на Кириленко, Капитанова, Кулакова, Пономарева — безусловно, и относительно — на Суслова и Андропова, которые считали, что лучше всего смогут удовлетворить свои интересы путем поддержки генсека.

Вот почему, не имея возможности полностью утвердить себя в Политбюро, Брежнев проводил большинство своих решений через Секретариат и стремился опереться на аппарат ЦК — туда он торопливо стал насаждать своих сторонников

и союзников. Сначала он попытался опереться на жертв Хрущева. Этот метод реставрации политических трупов был успешно использован и его последователями в будущем.

Брежнев вызвал из политического небытия Федора Кулакова, назначив его заведующим сельскохозяйственным отделом; вернул из Ивановской области попавшего в немилость в начале 60-х годов секретаря московского горкома партии Ивана Капитонова — назначил его заведующим отделом парторганов (по РСФСР). Руководителями отделов и подразделений ЦК в течение 65-го и 66-го годов стали: Георгий Павлов — управляющий делами ЦК, Михаил Соломенцев — тяжелой промышленности, Сергей Трапезников — науки. Последний не был в числе не угодивших Хрущеву, его рекомендовал вывести из провинциального аппарата Черненко: тот был директором Высшей партийной школы Молдавии. Скоро стал одним из первых винтиков политического механизма молдавской группировки в Москве, которая притянет Николая Щелокова, заместителя председателя Совета Министров Молдавии — он возглавил Министерство внутренних дел (в 1966 году). Семен Цвигун, когда-то руководивший службой безопасности в Кишиневе, займет должность заместителя председателя КГБ (в 1967 году).

Так возникнет традиция кланового управления советским государством. Их будет два — рядом с молдавским будет развиваться, расширяться и набираться сил днепропетровский, который вберет в себя партийных аппаратчиков, директоров предприятий или просто знакомых, кто в разные годы или учился с Брежневым, или работал, или помогал ему в продвижении в Днепропетровске. Позднее эти кланы разрастутся, выйдут за рамки Молдавии и Днепропетровской области и втянут в себя всех тех, кто встретился Брежневу на длинной и извилистой дороге его партийной карьеры, кто обратил на себя его внимание или угодил ему. В этом политическом механизме, координируемом Черненко и построенном на принципах мафиозной психологии и племенной солидарности, будут перемолоты в конечном итоге все противники Брежнева.

В начале 1971 года пал Василий Мжаванадзе, партийный

босс Грузии; он был обвинен в коррупции. И Политбюро закачалось — это был первый выстрел генсека по высшему партийному органу. За предыдущие годы правления Брежнева по его инициативе не было произведено ни одного снятия среди членов Политбюро — его побуждали считаться с необходимостью коллективности руководства. За прошедшие семь лет Политбюро покинули только трое: Фрол Козлов — по болезни, Анастас Микоян и Николай Шверник — по старости. А затем, на Пленуме ЦК в апреле 1973 года, из Политбюро сразу были выведены Петр Шелест и Геннадий Воронов. Их место заняли трое, и все — сподвижники Брежнева: Андропов, председатель КГБ, Громько, министр иностранных дел, и Гречко, министр обороны.

Обстоятельства смещения Шелеста и Воронова явились отзвуком и следствием противоборства генсека с премьером. Брежнев долго и сложно манипулировал, прежде чем решился нанести удар по Политбюро. Вначале, не будучи в состоянии его подорвать извне, он решил его расшатать изнутри — он увеличил число его членов с 11 до 15 (по опыту Сталина). И сразу приобрел в нем большинство. Следующий шаг был вопросом партийной техники. Проявив благосклонность к Шелепину, он столкнул его с Шелестом, а потворствуя соперничеству между Косыгиным и Подгорным, изолировал Воронова. Шелест был обвинен в национализме и переведен с Украины, где был первым секретарем республиканской компартии, в Москву. И став одним из многих заместителей Председателя Совета Министров и лишенный опоры власти в Киеве, был выставлен из Политбюро.

Воронов же проиграл тогда, когда вместе с Косыгиным повел атаку на сельскохозяйственную программу Брежнева. Поначалу он был высечен публично: его не удостоили правительственной награды по случаю шестидесятилетия, хотя, как члену Политбюро, ему полагалась Звезда Героя, а затем в Протоколе Политбюро (по месту стояния на приемах и в расположении портретов на торжествах) упал с пятого-шестого места на четырнадцатое.

Возможно, Брежнев мог избавиться от Воронова и раньше, уже в 70-м году. К тому времени распались связи, перво-

начально возникшие в Политбюро. Косыгин, теряя влияние, терял и союзников (сперва от него отошел Сулов, а затем оставил и Мазуров). А Подгорный, смирившись с уходом из партаппарата, прижился в Президиуме Верховного Совета и больше не искал столкновений с генсеком. Но тогда он не изгнал Воронова из Политбюро, не желая пошатнуть зыбкое равновесие сил при обсуждении политики детанта, против которого постоянно выступал Шелест.

Падение Воронова и Шелеста произошло на фоне возвышения Романова — еще один ловкий ход Брежнева: впервые за десять лет — после ухода Козлова — первый секретарь Ленинградского обкома партии стал полным членом Политбюро.

И чем больше усиливал свои позиции Брежнев, тем больше падали престиж и влияние Косыгина. С конца 70-го и до середины 71-го года он чуть ли не полностью отстранился от дел в Совете Министров (там всеми делами управлял Мазуров), проводя часть времени в больнице, а часть — на даче. Косыгин был главным препятствием для установления единовластия Брежнева, но не единственным. Оставался еще Полянский, затаивший обиду на Брежнева за то, что тот, пообещав, не сделал его премьером. На него Брежнев быстро нашел управу — обвинил в развале сельского хозяйства и на 24-м партийном съезде (1971 г.) вывел из Политбюро.

Падение другого соперника Брежнева — Шелепина — проходило в несколько этапов и было постепенным. Спад его карьеры начался в 1965 году и завершился спустя ровно десять лет, в 1975 году, в течение которых разваливалась база его власти: сперва комсомольская, затем в системе службы безопасности, далее — в партийном аппарате и, наконец, в профсоюзах.

Ни одна из политических звезд Кремля не поднялась на партийном небосклоне столь блистательно и не закатилась столь безрадостно, как звезда Шелепина. 1964 — 1965 гг. — пик карьеры Шелепина и начало ее конца: в этот период он становится членом Политбюро и... утрачивает свое политическое влияние, когда сперва теряет пост заместителя Председателя Совета Министров, а затем выводится из Секретариа-

та ЦК. Шелепин, однако, обладал слишком большим авторитетом в партии, и многие еще помнили его роль в свержении Хрущева, чтобы было возможно отстранить его от власти сразу. Так что Брежнев был вынужден "позолотить" расправу над Шелепиным — в честь 50-летия ему была вручена Звезда Героя Социалистического Труда, и уж затем он был отправлен руководить профсоюзами. Шелепин, однако, еще многие годы оставался членом Политбюро, в котором он в поисках опоры начал метаться из стороны в сторону. Поддерживая противников Брежнева, он неожиданно стал проявлять себя либералом, лихорадочно искал сочувствия и поддержки Косыгина и решился на критику Брежнева за отсутствие у него целенаправленности и определенности во внутренней политике. Спустя какое-то время вдруг сделался горячим поборником генсека и попытался, угождая Брежневу, организовать в Политбюро поддержку детанта. Но было уже поздно: Брежнев не простил отступничества. В 1975 году он послал его во главе профсоюзной делегации в Англию. И вождь Шелепина стал его поездкой в политическое небытие. Воспользовавшись волной протеста, поднявшейся против него в Европе (возможно, инспирированной по указанию Брежнева), он в апреле 1975 года на Пленуме ЦК провел решение о снятии Шелепина с формулой, означающей полный и окончательный его крах: "По личной просьбе". Большого и худшего унижения для честолюбивого и гордого партийного деятеля нельзя было придумать.

Наконец, Брежнев смог без шума и суеты приступить к созданию собственного величия. Угодников, готовых преклоняться и прислуживать ему, было более чем достаточно, но для создания культа ему необходим был жрец — он оказался под рукой: Черненко. Только необходимо было поднять его авторитет и статус — тогда бы его проповеди в его честь и славу были услышаны и им бы стали внимать с большим благолепием и почитанием. И Брежнев начал проталкивать к власти Черненко. В нарушение всех правил партийной игры Черненко в 1975 году оказывается в составе правительственной делегации, отправившейся в Хельсинки на совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Это была его вторая поездка за границу вместе с Брежневым. Первая состоялась много лет назад, у истоков его карьеры в Москве, в 1961 году. Тогда 9 февраля их самолет в 130 километрах от Алжира был по ошибке обстрелян французскими истребителями. И Черненко сумел проявить завидное самообладание и хладнокровие — об этом часто вспоминает Брежнев. На этот же раз он не просто сопровождал Брежнева (свита состояла из доброй сотни человек: советников, переводчиков, журналистов, охраны), а был полным и полноправным участником делегации: Брежнев — председатель, Громько — заместитель, члены — он и А.Ковалев — из Министерства иностранных дел.

Брежнев был великолепен, он доминировал на совещании и наслаждался вниманием. Черненко держался скромно и скованно — не было опыта международных встреч и, чтобы не попасть впросак, старался уйти от вопросов журналистов. Зато по возвращении домой он получил возможность на страницах журнала "Международная жизнь" одним из первых прокомментировать итоги встречи. И сделал это отнюдь не по-дилетантски. Дал историю проблем международной безопасности от 60-х годов до последнего времени, осветил вклад коммунистических партий в переговоры (здесь не было никаких собственных идей), а затем подробно изложил советскую позицию таким образом, что стало очевидно, что без Брежнева была бы невозможна разрядка и ее материализация в Хельсинки.

Завистники и недоброжелатели в партийном аппарате выражали удивление, каким образом Черненко, руководивший далеким от международных отношений отделом, оказался в Финляндии, пока не поняли — скоро Черненко появится в новом политическом качестве.

И не ошиблись. В марте 1976 года Черненко было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Обычно эта высокая советская награда дается в связи с особой годовщиной выдающегося партийного работника — с 60-летием или 70-летием членов или кандидатов в члены Политбюро или в особых случаях присуждается первым секретарям ЦК республик, но никак не положена заведующему отделом ЦК.

При этом никакого юбилея у Черненко не было — 65-летие ему предстояло справить только через полгода, в сентябре, и он не являлся даже секретарем ЦК. Впрочем, секретарем ЦК он стал буквально через несколько дней — пятого марта. И тогда же впервые в "Правде" появилась его фотография — среди фотографий других секретарей ЦК, избранных 25-м съездом.

До этого дня Черненко для советских людей оставался загадкой — окутан был завесой таинственности. И вот впервые на страницах прессы появилась его краткая биография — скупые и лаконичные строки: родился, учился, работал... И еще портрет. Схематичный, в двух измерениях, он давал представление о человеке, в котором, возможно, есть немалая примесь монгольской крови. Широкие скулы и слегка суженные глаза, лицо без морщин (заретушированы, чтобы убрать следы возраста), под шапкой совершенно белых волос, с высокими плечами (верный признак проблем с легкими), несомненно работоспособный: пройдя через сталинскую школу, он сам был способен трудиться по ночам и заставлял работать подчиненных. И это все, что мог советский человек увидеть или догадаться по фотографии в газете. Но отныне фотографии Черненко, или с Черненко, все чаще стали появляться на страницах газет.

2 апреля 1976 года он — в ложе руководителей партии и государства по случаю торжественного заседания памяти Ленина. 29 апреля — на трибуне мавзолея (впервые) в день похорон маршала Гречко: пока он самый крайний — справа. Но постепенно переместился ближе к Брежневу. 1 мая — еще раз на трибуне мавзолея приветствовал демонстрантов, и опять — последний²³. Но вот при вручении Брежневу маршальской звезды он уже находится ближе к середине: за ним оказываются секретари ЦК — Зимянин, Катушев, Капитонов — это верный знак продолжавшегося движения вверх Черненко. Еще один прыжок, и Черненко стоял близко, совсем рядом от Сулова и Кириленко — во время подписания советско-американского договора 29 мая 1976 года²⁴.

Десятки фотографий в газетах, и каждая из них едва заметно прорывала туман загадочного скольжения Черненко

к вершинам власти. 12 июня 1976 года "Правда" — подписание Декларации о сотрудничестве между Индией и Советским Союзом: Черненко расположился сразу за Суловым, Кириленко и Демичевым. "Правда", 28 июня — проводы советской делегации в Берлин, на конференцию коммунистических партий — Черненко стоял в группе секретарей ЦК, членов Политбюро: Кириленко, Пельше, Кулаков. "Правда", 6 октября: возвращение Брежнева в Москву из Алма-Аты — Черненко рядом с генсеком. 23 октября "Правда" сообщила о поездке Черненко в составе правительственной делегации на переговоры Консультативного Совета в Бухарест.

Еще одно сообщение прессы — 4 октября 1976 года: Черненко в составе Редакционной комиссии по подготовке новой конституции, председатель — Брежнев²⁵. Отныне, где бы ни появлялся генсек — в заграничном турне, в поездке по стране, на отдыхе в Крыму — с ним неизменно бывал Черненко. Он отправился вместе с Брежневым в Баку; Брежнев и он — и только они — в летней резиденции принимали Чаушеску, беседовали с Герекком, встречали Живкова.

Он и Брежнев на трибуне стадиона: генсек — страстный болельщик и любитель футбола; он неизменный попутчик Брежнева на охоте в угодьях Завидово на Московском море и в степях Казахстана — там специально для генсека содержатся охотничьи заповедники. Черненко следил, чтобы милая сердцу Брежнева футбольная команда киевское "Динамо" не проигрывала — нельзя огорчать генсека, а отстрел на охоте был бы удачным — надо было дать Брежневу возможность похвастаться: подбил дюжину уток, свалил одного-другого кабана, загнал десяток зайцев.

А Брежнев следил, чтобы общественный статус Черненко соответствовал его отношениям с ним: не очень удобно (и престижно) ему, генсеку, было близко сходитья и притом на виду у всей страны с секретарем ЦК — одним из десяти. И на октябрьском Пленуме ЦК в 1977 году, спустя только год после того, как он вошел в Секретариат ЦК, Черненко становится кандидатом в члены Политбюро. Еще год — и смерть Кулакова освобождает ему место в Политбюро.

Он проезжает с улицы Качалова, из дома ЦК КПСС, в

здание для самых высоких партийных чинов на Кутузовском проспекте, рядом с Брежневым. Шестикомнатная квартира: три спальни, гостиная, музыкальный салон, кабинет — широкие холлы, высокие потолки, изысканная мебель. И, конечно, он становится владельцем специального бунгало — еще одна привилегия членов Политбюро: вилла в калифорнийском стиле, с плоской крышей, бассейном и внутренним двором. Меняет "Чайку" — он, по-видимому, так и не успел привыкнуть к ней за менее чем два года секретариата в ЦК — на длинный черный ЗИЛ-114. Отныне спереди и сзади его будут постоянно, как и других членов Политбюро, сопровождать автомашины службы безопасности, милиционеры будут останавливать встречное движение, когда он будет мчаться к Старой площади к зданию ЦК по средней линии московских проспектов, отведенной для высшей советской элиты.

Но главное — Черненко стал обладателем двух постов: члена Политбюро и секретаря ЦК, необходимых для участия в забеге на получение наследства Брежнева. Такой возможностью (и привилегией) обладали кроме него только двое — Суслов и Кириленко. Но Суслов входил в полосу неудач. Он был более не нужен Брежневу, получившему на Пленуме ЦК в декабре 1978 года доминирующее большинство в Политбюро. Из него был выставлен последний союзник Косыгина Кирилл Мазуров и вошел на правах кандидата Николай Тихонов, а в Секретариате вместо Кулакова появился Михаил Горбачев — величина в то время в Москве совершенно неизвестная.

А Кириленко Черненко обошел на виражах протокола: при выдвижении в Верховный Совет в 1978 году он впервые баллотировался не от Молдавии, а избирался от Пензы — еще одно признание его заслуг (тем самым пензенский период его деятельности больше не рассматривался провалом). Его представляли как "видного партийного и государственного деятеля", в то время как Кириленко, все еще считавшегося вторым секретарем ЦК, называли всего лишь "видным деятелем партии". Раньше других разительное изменение в статусе Черненко осознали не в Москве — его почувствовал инстинктом опытного интригана руководитель Болгарии Жив-

ков. Он встречал Черненко, посетившего Софию вместе с Брежневым, как второго человека в Кремле.

А почему бы и нет? — мог задать себе этот вопрос сам Черненко: он тяжело потрудился на ниве партийной работы. И разве высшая мудрость состоит не в том, чтобы сделать в жизни правильный выбор? Почти 30 лет назад, в далеком Кишиневе, он поставил на Брежнева, и вот теперь пришло время в Москве получить выигрыш.

Советская Россия умирает с каждым своим руководителем, и с каждым новым своим руководителем она рождается вновь.

Глава пятая

БОРЬБА ЗА НАСЛЕДСТВО

Советские люди нередко задавали себе вопрос: кто такой, в сущности, Черненко. Его настойчиво представляла партийная пропаганда, он возглавлял официальные делегации в зарубежных поездках, был желанным гостем в восточноевропейских странах, удостоивался высших наград. И сам вручал ордена: городам и — совсем удивительно — пограничному отряду, в котором много лет назад начинал военную службу — честь неслыханная и для отряда, и для Черненко. Все чаще появлялись его портреты в руках демонстрантов на Красной площади, сперва их число было строго отмерено количеством портретов других членов Политбюро, потом их стало больше, и с каждым новым его портретом таяла загадочная завеса умолчания, окружающая Черненко многие годы. В партийных кругах стали говорить о сильном впечатлении, которое производила его личность — широкая эрудированность, глубокий ум, хорошие манеры (человечен, внимателен, умеет слушать собеседника). И, подкрепляя этот образ руководителя нового типа, Черненко на Всесоюзном совещании партийных работников в Москве в 1980 году произносит необычную речь о стиле и методах партийной работы, пересыпанную смелыми идеями и замечаниями. Он вы-

ступил против кабинетного руководства (иного партия не знала), бесконечных собраний, коллегиальности, ограничивающей единоначалие руководителей. На этой же встрече обнаружилась важная деталь: отсутствие обтекаемых и общих формулировок в Постановлениях ЦК последних лет — заслуга Черненко, ему принадлежала идея персонифицировать обвинения, содержащиеся в партийных документах — называть имена виновных, не взирая на лица, будь то влиятельный министр или руководитель предприятия.

Выступление Черненко было направлено против взяточничества, пьянства, аморальности, злоупотребления властью и, слушая эту критику, самоуверенную и жесткую, партийные чины должны были сделать вывод: Черненко вошел в группу "гонщиков" за наследство Брежнева и утвердился в ней.

В отличие от Брежнева, общительного, барственного, склонного к иронии и шутке, Черненко был поглощен своей личностью, отличался способностью удовлетворяться собственным обществом, холодной сдержанностью, умением подчинять себе окружающих. Его мышление и подсознание были занято работой — и никаких удовольствий. Каждое утро (если он не был в отъезде) за несколько минут до начала рабочего дня он появлялся в своем кабинете в здании ЦК на Старой площади, отделанном с простотой и скромностью: портрет Брежнева и деревянная панель. Отличался педантичностью и внимательно следил за порядком в комнате: книги были аккуратно разложены в шкафу — том в том, кресла симметрично расставлены вокруг журнального столика — на нем графин с водой и стаканы, на письменном столе тоже гармония: отрывной календарь — в центре и бумаги, тщательно подколотые по краям. И еще — у чернильного прибора пепельница и янтарный мундштук, которым он, куря, пользовался, подражая Брежневу.

Оставлял свой кабинет Черненко, как правило, позже других секретарей ЦК — часов в восемь или девять вечера и часто захватывал с собой документы: он любил просматривать их дома, мысленно ставя перед собой задачи, и подыскивать к ним решения. Задачи же, стоявшие перед ним, дей-

ствительно, были чрезвычайно сложными и требовали неожиданных (для соперников) решений.

Черненко, прагматик и политик, свой путь к власти должен был пройти не в двадцать лет, как Хрущев, и даже не в десятилетие, подобно Брежневу, а в несколько лет — в три, может быть, в четыре года — этот и не большой срок ему оставляли жизнь и смерть Брежнева. Ему следовало найти особую форму политического ускорения, чтобы из одного из членов Политбюро — потенциальных претендентов на партийный престол — превратиться в единственного, главного. На первый взгляд это казалось невероятным: осторожный, сдержанный и, как представлялось, ограниченный Черненко в роли наследника. Члены Политбюро посмеивались над причудой генсека постоянно видеть подле себя Черненко, объясняя это странностью впадающего в детство правителя. И мирлись со слабостью генсека потому, что, казалось, и сам Черненко в игру не верит и ведет ее только для того, чтобы угодить хозяину.

Секретари ЦК были убеждены: симпатия и привязанность Брежнева проходящи. И ошиблись: генсек был утомлен, раздражен болезнью и напуган неожиданно надвинувшейся старостью и немощностью. Еще совсем недавно он и думать не хотел о наследнике — боялся, что тот предаст его, как когда-то он отступился от Хрущева. Но в Черненко он был уверен и рассчитывал на него; чужой и нежеланный в Политбюро, он опирался только на генсека и тех, кого тот поддерживал. Ни с кем поэтому Брежнев не мог позволить той простоты, раскованности и естественности, которые проявлял с Черненко.

С ним не надо было рисоваться, разыгрывать роль великого человека. И маски, которые Брежневу приходилось одевать и носить (нередко по несколько разных в один и тот же день) спадали с него, когда он оставался наедине с ним. И в один из таких моментов Брежнев, по-видимому, решил довериться Черненко: он пообещал ему подвести его к партийному престолу, а тот — сохранить его у власти до последних дней и позаботиться о его престиже (и месте в истории) после смерти.

Но планы, понимал Черненко, — это область желаемого, а политика — сфера реального. И, не обладая ни хитростью, ни ловкостью Брежнева, он лучше него владел искусством политического маневрирования. Будучи от природы консерватором, стал — чтобы противопоставить себя консерваторам, окружающим Брежнева — сторонником реформ. Черненко не был либералом, но, представляя себя надежным партийным руководителем, обладающим опытом и напористостью, стремился подчеркнуть, что ему не чуждо чувство нового, необходимое для успешного и динамичного управления.

В каждой из опубликованных им книг (к 80-му году их, написанных им или редактируемых, набралось около десяти — больше, чем у всех членов Политбюро, не считая Брежнева, вместе взятых) он, сквозь массу дежурных высказываний, обязательно стремится провести несколько нестандартных суждений. Особенно урожайным для него оказался 80-й год — в печати появляются чуть ли не одновременно сразу три книги: в одной из них он является главным редактором — "В.И. Ленин. КПСС и работа с кадрами", а в двух других — автором: "Вопросы работы партийного и государственного аппарата" и "КПСС и права человека"¹.

Их диапазон и многообразность проблематики впечатляют и убеждают: на Черненко работала целая бригада авторов. Он, разумеется, был не единственным в партийном аппарате, кто пользовался услугами безымянных ученых. При Брежневе считалось хорошим тоном, если ответственный работник заботился о приобретении научной степени. При этом расплачивались с помощниками охотно и быстро — одаривали их квартирами, привилегиями и постами. Черненко, однако, не думал о научных званиях и не стремился пройти в Академию Наук, он искал признания в качестве теоретика партии, с широким (в отличие от Суслова) диапазоном взглядов и возможностей. Он сперва заявил о себе в философии — это было несложно, так как другие члены Политбюро были прагматичными и стремились не к положению в науке, а к выявлению в политике, — а затем искал утверждения в партийной среде².

Материалы сборника "В.И. Ленин. КПСС и работа с кадрами" Черненко расположил таким образом, что на фоне общеизвестных статей, речей, записей Ленина он разворачивал и разрабатывал собственную стратегию власти. Поставив под сомнение брежневский принцип "закрепления кадров", — он начинает мешать Черненко, стремившемуся убрать из партийного аппарата нелояльных к нему деятелей — он обрушивается на неугодных ему руководителей "за упущения в хозяйственной работе, за узкие места в управлении, за организационные неполадки"³.

Теория у Черненко неизменно шла рядом с практикой и обслуживала ее. В скором времени после написания книги он как признанный эксперт по кадровому вопросу подготавливает специальное постановление ЦК по подбору и расстановке руководящих работников. И тем самым осмысленные им в его книге идеи получили реальное отражение в жизни. Еще один шаг Черненко от теории к действительности — подготовка им материалов о кадровой политике к предстоящему 26-му съезду партии. В них он вновь возвращается к излюбленной его проблеме — стилю партийного руководства. Выдвинутые им мысли, однако, оказались совершенно неслезучными брежневской эпохе и не получили существенного отражения в отчетном докладе генсека. Черненко считал, что партийные кадры лучше и глубже овладевают эффективными методами работы тогда, когда их деятельность контролируется не только сверху, но и снизу (идея будет подобра на Горбачевым только пять-шесть лет спустя). Черненко так же призывал к созданию резервного эшелона руководителей, когда рядом с директорами предприятий и учреждений работали бы потенциальные кандидаты на их должность⁴.

Мысль Черненко, несомненно, передовая, не будет услышана в Кремле и по сегодняшний день, несмотря на то, что он ее обосновал, исходя из интересов системы. Отмечал, что наличие хорошо подготовленного резерва руководителей явится гарантией, что при всех обстоятельствах производство не останется без квалифицированного управления и в то же время позволит быстро смещать на ответственных постах неквалифицированных специалистов.

Не принял партийный аппарат (ни раньше, ни теперь) предложение Черненко не уводить от критики в первичных партийных организациях провинившихся руководителей. Практика остается прежней: для того, чтобы не уронить в коллективе авторитет номенклатурного работника, его проступки по-прежнему будут обсуждаться в вышестоящих партийных организациях.

К вопросу о кадрах Черненко вновь возвращается в следующей своей книге "Вопросы работы партийного и государственного аппарата", но на этот раз рассматривает его в контексте научного обоснования партийной работы (излюбленная его проблема). Книга не дает новых идей — она, по существу, является комбинацией из написанных ранее статей Черненко, но, собранные вместе, они позволили автору еще раз затронуть и рассмотреть актуальные темы (важные для него и партаппарата) — принципы руководства, проанализировать вопросы коллегиальности, единоначалия, контроля и исполнения⁵.

Третья книга Черненко "КПСС и права человека" вводит читателя в совершенно новый и незнакомый (для читателя и самого автора) мир юридических и социальных проблем. Черненко смело вступил на тонкий лед дискуссии с Западом, обвиняющим Советский Союз в нарушении прав человека. Риск был не велик — он не предложил новых решений и взглядов. Все его рассуждения полностью укладывались в коммунистические схемы: анализ советской конституции, программы партии и дежурные выпады против капиталистических стран. Единственная живая струя — факты и свидетельства зарубежной прессы⁶. Однако политический выигрыш оказался сверх ожидания: книга Черненко (в совокупности с его другими работами) была представлена на Ленинскую премию, и он сразу же поднялся над членами Политбюро, не удостоенными такой милости.

Естественным поэтому казалось присвоение ему второй Звезды Героя — в день 70-летия. И сразу же Черненко повысился в партийном протоколе: ему было предоставлено право прочитать доклад на торжественном заседании в Москве, посвященном 111-й годовщине со дня рождения Ленина

— честь не малая (ее удостаивались самые именитые партийные руководители), но не в ней суть. В официальных материалах прессы было отмечено, что выступление Черненко завершилось "бурными, продолжительными аплодисментами" присутствующих⁷. Не просто "продолжительными аплодисментами", которыми надлежало встречать и провожать речи членов Политбюро, а "бурными", положенными только генеральным секретарям ЦК (и то необязательно: одно из первых выступлений Андропова на посту генсека на ноябрьском Пленуме ЦК в 1982 году было выслушано всего лишь с "продолжительными аплодисментами")⁸.

Как же удалось Черненко, опередив других членов Политбюро, встать, если и не вровень, то рядом с Брежневым?

Ответ на этот вопрос дает анализ манер и стиля деятельности Черненко — они всегда исходили из понимания места политического действия и возможностей времени. Тонко пользуясь неумным тщеславием Брежнева и искусно его раздувая, Черненко, постоянно сталкивая генсека с Подгорным, а затем с Косыгиным, довел их отношения до полного разрыва. И тот, и другой во второй половине 70-х годов были совершенно неопасны Брежневу: его возраста, состарившиеся и утомленные в партийных сражениях, они уже давно не посягали на безмерные, раздутые (и раздуваемые) права и власть генсека. Они давно отказались от честолюбивых притязаний: Подгорный — от стремления со временем стать генсеком, а Косыгин — от либерализации экономики. И единственной их заботой и желанием было спокойно, в уютной роскоши и благочестивом признании скоротать свои последние годы жизни. Но оба мешали Черненко: пока были политически активны, они сводили его на вторые и третьи роли в партии. Они, даже униженные и ущемленные, оставались соратниками Брежнева и председательствовали на заседаниях Политбюро, когда генсек болел (а болел он все чаще) или находился в отъезде.

И не мог Черненко, ставший секретарем ЦК милостью Брежнева, рассчитывать (и надеяться) со временем пробиться в их замкнутый круг, — круг ветеранов Политбюро, стоявших у истоков заговора против Хрущева. Он скорее от-

крылся бы перед их политическими противниками, равными им, чем перед безродным неопитом. И Черненко, который, как считали, не посмеет перешагнуть даже через тень Брежнева, стал плести сложную сеть интриг против Подгорного и Косыгина.

Один за другим противники Брежнева покидали политическую арену и покидали ее постепенно: таким путем генсек охранял систему от резких и внезапных потрясений. Его соперники длительное время терпели неудачи и поражения, прежде чем их выводили из Политбюро. С Подгорным было иначе. Он не только не скатывался постепенно с партийного Олимпа, а, напротив, поднимался по нему с полного согласия и одобрения Брежнева. Брежнев использовал Подгорного для расшатывания влияния и авторитета Косыгина — в начале 70-х годов он начал передавать ему часть функций председателя Совмина. И Подгорный тотчас же переместился с третьего на второе место в советской политической иерархии. Но, не полагаясь на партийную удачу, Брежнев решил увековечить подчинение Совета Министров Президиуму Верховного Совета — отразить его в новой конституции. В этом он встретил полное понимание Подгорного, который рад был получить возможность контролировать формулирование и исполнение государственных решений. Брежневым, однако, овладела тревога и озабоченность: не составит ли Президиум Верховного Совета конкуренцию партийному аппарату? И он дал Черненко указание разобраться, что в старой конституции можно пересмотреть и осмыслить заново — теперь уже для того, чтобы ограничить власть Подгорного.

Оказалось — ничего, и тому были многие причины, и главная среди них та, что Подгорный имел возможность в Верховном Совете заблокировать планы Брежнева. Решение пришло от Черненко, и оно казалось естественным: тот, кто проводит высшую власть в партии, вправе утверждать ее и в государстве — генсек должен стать Председателем Президиума Верховного Совета.

Подгорный, естественно, воспротивился. И тогда 24 мая 1977 года была созвана конституционная комиссия: было решено освободить Подгорного от должности Председателя

Президиума Верховного Совета, и стал неминуемым его выход из Политбюро. И на следующий день, на том же Пленуме ЦК, на котором был принят проект новой конституции, закончилась политическая жизнь Подгорного. Брежнев получил возможность провести в конституцию статью о ведущей роли партии в государстве, подтверждающую его приоритет высшего руководителя, а перед Черненко оказалось одним противником в борьбе за власть меньше.

Следующим должен был пасть Косыгин. Он начал терять власть после 24-го съезда партии в 1971 году, когда впервые прозвучала формула: "Политбюро, руководимое Брежневым". На следующем партийном съезде в 1976 году Косыгину пришлось одобрить экономический план Брежнева, полностью похоронивший его реформы, с таким энтузиазмом начатые им 12 лет назад. Брежнев настойчиво и активно расширял партийное руководство и свою власть над государственными делами, что обосновывалось теоретически — лозунгом: "Администрирование — проблема политическая".

Тогда-то распространились слухи о предстоящей отставке Косыгина, которые несколько спали в связи с его болезнью (а может быть, именно эти слухи привели его к болезни). Но так или иначе, Брежнев воспользовался отсутствием Косыгина, чтобы провести через Политбюро назначение Тихонова первым заместителем Председателя Совета Министров, который был вытаскен им к власти из апробированной колоды днепропетровской мафии. И с той поры он, а не Косыгин, стал проводить в Совете Министров основную работу по руководству экономикой.

Власть Косыгина ослабевала все больше, он отступал перед генсеком по всем вопросам, государственным и партийным. И Брежнев возможно бы и пощадил премьера — до тех пор, пока бы один из инфарктов его не добил, если бы на него не оказывал постоянного давления Черненко. Тот разжигал в генсеке постоянно тлевшую в его душе зависть к популярности и известности Косыгина. Имя Косыгина еще прозвучало на июньском Пленуме ЦК в 1980 году — оно было названо в качестве докладчика на 26-м съезде партии, но на самом съезде с изложением основных направлений экономи-

ческого развития советского общества выступил новый премьер — Тихонов, готовый услуживать Брежневу и служить Черненко. Косыгин был снят всего за несколько месяцев до смерти, и Черненко сразу же оказался в Политбюро равным среди равных. Но, может быть, не вполне равным, так как там оставались отцы-основатели брежневского режима — Сулов и Кириленко. Но у Черненко уже был готов план, каким образом их обойти. Для этого необходимо было еще больше поднять Брежнева над членами Политбюро — настолько, чтобы превратить его в вождя; в этом случае партия обязана была бы склониться перед тем, кто получит власть из его рук.

И Черненко, отвечающий за протокольное оформление партийных форумов еще с тех времен, когда руководил Общим отделом, стал внедрять, насаждать и распространять культ Брежнева. На партийном съезде в 1971 году каждый второй секретарь ЦК или член (кандидат) Политбюро счел необходимым подчеркнуть важную роль Брежнева в руководстве страной и процитировать его. На следующем съезде партии, пять лет спустя, в речах каждого секретаря ЦК или члена (кандидата) Политбюро содержалось восхваление Брежнева, а некоторые из выступавших умудрялись уделять генсеку специальные разделы своего доклада — больше других Эдуард Шеварднадзе. Еще через пять лет, на 26-м съезде, открывшемся в 1981 году, в выступлениях уже всех делегатов, партийных руководителей и министров и подготовленных "представителей из народа" звучали подобострастные дифирамбы Брежневу. Они составляли в каждом докладе до ста и больше слов, и в каждом просматривался почерк Черненко, многоопытного специалиста по партийному строительству. Так что шаблоны и словесные модели были у всех одни и те же. У Гришина, первого секретаря Московского горкома партии, связывавшего с Брежневым все "успехи внутренней и внешней политики" и представившего его "пламенным борцом за мир и коммунизм". У Щербицкого, первого секретаря ЦК компартии Украины, отметившего, что "Брежнев снискал на всей планете искреннюю признательность подлинных революционеров, высокий авторитет у широких госу-

дарственных и деловых кругов". У Кунаева, первого секретаря компартии Казахстана, говорившего, что "к слову Брежнева с вниманием и надеждой прислушивается все прогрессивное человечество" и назвавшего Брежнева "верным продолжателем бессмертного дела Ленина", которого отличает "неиссякаемый талант... страстность и проницательность, постоянное внимание к людям труда, глубокая отзывчивость". У Романова, первого секретаря Ленинградского обкома партии, охарактеризовавшего Брежнева как "самого авторитетного политического и государственного руководителя нашего времени"⁹.

Цветистое многословное выражение подобострастия Брежневу Черненко считал важным свидетельством укрепления власти генсека, но его необходимо было еще более материализовать. Но как? Брежнев, казалось, уже занимал все мыслимые государственные и общественные посты, их было в его коллекции больше, чем у Сталина и Хрущева: он являлся Генеральным секретарем ЦК, Председателем Президиума Верховного Совета, Председателем Совета Оборона, главнокомандующим армией. Так что следовало придумать что-то новое, неожиданное. И вот зимой 1978 года Брежневу присваивают звание Маршала Советского Союза, а затем одаривают — и это в мирное время — высшим военным орденом "Победа". Этого, по-видимому, показалось недостаточным, и ему вручают почетное оружие с золотым изображением герба. Идеи, несомненно, были Черненко, но реализовать их было поручено Кузнецову, который всего за год до подписания им указов о награждениях Брежнева, будучи заместителем министра иностранных дел, был избран кандидатом в члены Политбюро. До той поры в советской истории не было случая, чтобы какое-либо министерство было представлено в Политбюро двумя своими сотрудниками — министром и его заместителем (Громько и Кузнецов). Но очень скоро выяснилось: прецедент этот временный и он был необходим для того, чтобы быстрее и проще продвинуть Кузнецова на декоративный пост первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета, созданный исключительно для того, чтобы освободить Брежнева, ставшего его Председа-

лем, от скучных и обременительных протокольных обязанностей.

Многие в те годы задавались вопросом: что скрывается за стремительным взлетом Брежнева — увеличение его реальной власти или усиление контроля над армией. И не многие понимали: скрывается не *что*, а *кто* — Черненко. И пока Брежнев купался в лучах славы, Черненко прибавляет новые штрихи к картине величия генсека. Выходит шесть томов сборников его выступлений и статей, ему присуждают Ленинскую премию мира, издают пластинки с его речами, печатают марки, запечатлевшие его визит на Кубу, тысячи его фотографий заполняют улицы и полки магазинов.

Еще один мазок в низкопоклонстве — привязывание к Брежневу понятия вождя. Определение, дискредитированное Сталиным и выпавшее на многие годы из партийного лексикона, вновь вводится в идеологический оборот — оказывается в палитре красок, которыми рисуют портрет Брежнева. Пишут его другие, а Черненко действует в тени: разрабатывает сценарии и распределяет роли. Довериться он может поначалу только самому близкому (пока) человеку генсека — Кириленко, он первый произнесет заветное слово "вождь"¹⁰. А затем его подхватят другие — Кунаев, Алиев, Шеварднадзе, Щербицкий.

Подобострастие, отлично отрететированные восторги, заранее отработанные аплодисменты — продолжительные, бурные, переходящие в овацию, должны были продемонстрировать, что Брежнев является единоличным правителем партии и государства.

Однако вождя из Брежнева так и не получилось — у него не оказалось тех качеств, которые необходимы советским диктаторам — беспринципности, политической изоционности Ленина, жестокости и садистских наклонностей Сталина, авантюризма Хрущева. Ритуальное поклонение Брежневу в чем-то оставалось видимостью, призванной — это понимал Черненко — закамуфлировать, что генсек в последние годы все больше имитировал единовластие, чем проявлял его. Впервые это определилось в 1981 году и окончательно выяснилось в 1982-м.

1981 год был кульминацией признания (и почитания) Брежнева: он утверждал непогрешимость и беспорочность его руководства и, вместе с тем, — был началом спада его влияния и ослабления власти. 26-й съезд партии в мертвящем единодушии и давящей торжественности еще провозглашал деяния Брежнева "эпохальными" (Шеварднадзе) и даже "гениальными" (Медунов), но он же отразил — впервые — пошатнувшийся баланс сил и хрупкое равновесие между генсеком и Политбюро: не было произведено на нем никаких смещений или перемещений. На Брежнева по-прежнему продолжал сыпаться поток наград и почетных званий, но престиж его падал, поначалу именно из-за их перебора, а затем — обрушившихся на него недугов и болезней. О них заговорили откровенно: Брежнев не в себе после инфаркта — спала его активность, быстро устает; нарушения сердечного ритма и колебания дыхания оставляли ему для работы всего пару часов в день, на заседаниях замечали, что он сидит с безучастным, отсутствующим взглядом. Затем перестали полностью транслировать по радио и телевидению его выступления и речи — только начало и конец: видимо, не желая публично представлять его, бессильного и больного.

Состарившееся Политбюро заботилось о состарившемся генсеке, стремилось сохранить свою однородность, видя в ней залог и условие удержания власти — в этом была слабость Политбюро и относительная сила Брежнева. Такое положение продолжалось до тех пор, пока не обнаружилось, что не все члены Политбюро готовы соблюдать статус-кво, предоставляя времени (и болезням генсека) вывести власть из стагнации и застоя.

Черненко осторожно, проявляя напористость и терпение, начинал обходить своих более опытных соперников в Политбюро, захватил одну за другой их области партийной деятельности (и базу власти). Сперва он отеснил Суслова от международных проблем: он, а не некогда всемогущий идеологический секретарь, представлял советское руководство на съездах компартий Греции, Дании, Кубы, Франции. А затем подкрался к владениям Кириленко: захватив контроль над кадрами, спешно стал отстраивать собственную мафию —

подбирал и продвигал на важнейшие партийные посты нужных ему людей (человеческий материал был — брежневский, и он, не противопоставляя себя генсеку, перетягивал его в свой лагерь). И одновременно он ни на минуту не покидал Брежнева — настолько, что получить встречу с генсеком можно было только через Черненко. Он выполнял самые различные его поручения: от координации деятельности Политбюро (тогда он впервые стал председательствовать на его заседаниях в отсутствие Брежнева) до обязанностей помощника — помогал ему подняться с дивана, провожал и встречал, присутствовал при встречах, заботясь, чтобы глуховатый генсек правильно реагировал на обращенные к нему вопросы.

Члены Политбюро вынуждены были терпеть Черненко при Брежневе, но не готовы были видеть Брежнева при Черненко, а тем более, Черненко у власти без Брежнева. Советский партийный аппарат был терпелив, но мстителен — он не простил Черненко его стремительный политический взлет: он способен был смириться с его интригами, но не в состоянии был забыть попрания законов иерархии. Оказалась поэтому разорванной взаимная привязанность партаппарата и генсека, гарантировавшая Брежневу безмятежное доживание, а членам Политбюро — стабильное и гарантированное существование.

Возмутителем спокойствия оказался Черненко — это по его вине (из-за его честолюбия) страна на пороге 82-го года оказалась погруженной в драматические потрясения, а Политбюро — охвачено острыми конфликтами. Но открыл борьбу за наследство не он, а Андропов. Подспудное и глухое недовольство Черненко он выразил своеобразно и неожиданно: ударил по Брежневу, но, атакуя генсека, он метил в Черненко¹¹.

Не имея (или имея недостаточно) опоры в партаппарате, Андропов мог опереться на Госбезопасность и, действуя ее средствами и методами, решить скомпрометировать Брежнева — с тем, чтобы дать понять, что нельзя полагаться и доверять его выбору наследника.

Конечно, было бы лучше и эффективнее дискредитировать — опорочить и обесславить самого Черненко, а не искать

обходных путей для подрыва его авторитета, но, по-видимому, в делах Госбезопасности не оказалось (или оказалось недостаточно) компрометирующих материалов на него. Он не был — один из немногих в ЦК — вовлечен в коррупцию, не брал взятки, не прелюбодействовал. Так что Андропов мог действовать только в одном направлении — в направлении Брежнева.

И на протяжении первых месяцев 1982 года личность генсека стала предметом жестоких интриг в типично русском духе: с таинственными слухами ("Брежнев впал в маразм"), с мрачными преступлениями (было предъявлено обвинение его детям в незаконных валютных сделках, краже бриллиантов, в стремлении бежать за границу), с неожиданными разоблачениями (был смещен друг Брежнева давних лет, секретарь Краснодарского крайкома партии Медунов) и таинственными смертями (в течение нескольких месяцев неожиданно умирают или погибают первые секретари обкомов партии Якутии, Татарии, первый секретарь ЦК Таджикистана, председатель Совета Министров Грузии, и все — друзья Брежнева).

Черненко был смущен и растерян, а его коллеги по Политбюро — шокированы (а кое-кто и напуган) гангстерскими методами Андропова, который вообще до этого не котиrowался в качестве возможного претендента на партийное наследство, занимая по протоколу только что закончившегося 26-го съезда КПСС 8 — 9-е место в кремлевской иерархии.

Поколение Брежнева, оно все еще доминировало у власти, привыкло и склонно было к иным действиям — респектабельным: партийным заговорам, тайным сговорам, тихим и скрытым инсинуациям. Но так или иначе, Черненко вынужден был ответить на вызов Андропова. Болезнь Брежнева была реальной и нарушала относительную стабильность Политбюро, которое, лишенное лидера, раскололось на несколько групп и независимых одиночек, стоящих вне коалиции. Среди последних находились Кириленко и Суслов — они более других имели право предъявить претензии на наследство Брежнева. Один — как второй секретарь ЦК, другой — как наиболее авторитетный член Политбюро. Но на длинной пар-

тийной дистанции, усеянной препятствиями, они растеряли часть своего престижа и влияния. Им не хватило жесткости, напора, целеустремленности и особенно — должного уважения к генсеку, как раз того качества, которое в избытке было у Черненко, прагматика и ловца власти.

Но и самому Черненко грозила опасность остаться в одиночестве. Поставив на Брежнева, он забыл, что, не являясь генсеком, не вправе (и не в силах) посягать на правила партийной игры: не соблюдал в должной мере коллегиальности, проявляя склонность к независимости и единоличным решениям.

Выйти из изоляции, как это ни парадоксально, Черненко помог Андропов: стремительность, размах и широта действий председателя КГБ прибили к черненковым берегам растерявшихся членов брежневской мафии. Видя, как власть ускользает из слабеющих рук престарелого генсека, они искали возможности на кого-нибудь опереться. Они, разумеется, предпочли бы другого лидера — с большим авторитетом в партии, более самостоятельного и независимого, Андропова, например. Но его воцарение не сулило им ничего отрадного: подрывая позиции Брежнева, он бы не пощадил и его сторонников. Кириленко же оказался вообще вне борьбы за власть, он был загнан и затравлен, и его головы требовал Черненко, претендовавший на его место. А Сулов вообще не посягал на наследство (по причине возраста и в соответствии со взятой им ролью "арбитра" партии) — стоял над группами, следя (и защищая) степенность и естественность обновления руководства. Так в окружении Черненко оказались — за отсутствием выбора — Тихонов и первый секретарь ЦК Казахстана Кунаев. Еще один член Политбюро — Пельше и кандидаты в Политбюро — Кузнецов и Киселев склонялись так же к его поддержке: они столь многим были обязаны Брежневу, что не решались переступить через его образ в облике Черненко, которого в партийном аппарате поддерживали секретари ЦК Капитонов, Русаков и Зимянин.

Вокруг Андропова сомкнулись все те, кто считал себя обойденным или неудовлетворенным при Брежневе: члены Политбюро Романов, Громько и Устинов и несколько кан-

дидатов в Политбюро: Пономарев, Алиев, Шеварднадзе. Из младших секретарей ЦК Андропов мог рассчитывать на Долгих и еще главного редактора "Правды" Виктора Афанасьева¹².

Таким образом, Черненко опирался на престиж своих сторонников: генсека (Брежнев номинально все еще функционировал), Председателя Совета Министров (Тихонов) и председателя Комиссии партийного контроля (Пельше), а Андропов рассчитывал на реальную силу, стоявшую за его союзниками: армию (Устинов), Госбезопасность (сам Андропов), дипломатический корпус (Громыко). В стороне, в состоянии позитивного наблюдателя пока что оставалась самая грозная и решающая сила: партийный аппарат, скованный выжиданием и, возможно, нерешительностью Суслова. Обдумывали, решая, на чью сторону выгоднее переметнуться, Щербицкий, первый секретарь ЦК Украины, и Гришин, первый секретарь Московского горкома партии — оба члены Политбюро, и его кандидат Демичев, министр культуры. Каждый из них по-своему хотел распорядиться своими возможностями: Щербицкий считал, что по степени своей приверженности генсеку и по положению он, а не Черненко, должен был возглавить сторонников Брежнева; Гришин предпочитал, чтобы обе группы — Черненко и Андропова — истощили себя в борьбе, и тогда он станет на сторону сильнейшей; Демичев, желая выторговать себе членство в Политбюро, готов был предложить свои услуги любому, кто обеспечит его выдвижение и возвращение (еще одно его желание) в Секретариат ЦК. И в стороне оставался Горбачев — самый молодой член Политбюро: сохраняя лояльность к генсеку, он ориентировался на Суслова — своего покровителя.

Оба лагеря настороженно наблюдали за ходом развития болезни Брежнева, выжидали момента наибольшего благоприятствия для своих действий. Но развязка наступила неожиданно и пришла не со стороны генсека: внезапно скончался Суслов. И Черненко, используя свои связи в партийном аппарате, стал исполнять его функции, совмещая одновременно обязанности второго и третьего секретарей ЦК. Но обе должности он замещал де-факто, и необходимо было

провести Пленум ЦК, чтобы формально утвердить его в ролях, которые он исполнял: он стремился наложить руку на оба партийных владения — курировать кадры и вести идеологию.

И это оказалось ошибочным: вместо того, чтобы как можно скорее созвать пленум ЦК и укрепиться в статусе секретаря ЦК по идеологии, он стал расчищать для себя место второго секретаря и усилил травлю Кириленко, подготавливая его снятие со всех партийных постов. В этом неожиданно ему стали подыгрывать Андропов и его сторонники, преследуя совсем иные цели. Они выяснились и обнажились постепенно. На одном из заседаний Политбюро, где-то в начале апреля, Андропов (он всегда предпочитал брать инициативу в свои руки) выступил с речью, в которой, опираясь на агентурные сведения, взволнованно обрисовал тревожную (и ужаснувшую членов Политбюро) картину появления в литературе идеологически опасных тенденций. С ним охотно согласился Брежнев, у которого были личные претензии к литераторам, выставлявшим его в последнее время без должного почитания. Вопрос ставился Андроповым о перестройке литературной деятельности. И этот процесс необходимо было начинать, по его мнению, с глубокой реорганизации идеологии, то есть с реформ того участка работы, который оказался под контролем Черненко после смерти Суслова.

Интервенция председателя КГБ Андропова в идеологию продолжалась: 22 апреля 1982 года, на торжественном заседании в Москве, посвященном дню рождения Ленина, он в своем выступлении вновь возвращается к вопросам пропагандистской работы и коммунистического воспитания. И это представлялось вполне естественным и понятным: Андропов уже однажды касался этой проблемы на заседании Политбюро. Более догадливые усмотрели во внимании Андропова к идеологии стремление ограничить власть и влияние Черненко. Никому, однако, не пришло в голову, что Андропов начал и ведет борьбу за наследство Суслова. И за несколько дней до созыва Пленума Андропов чуть было не утратил возможность вернуться в ЦК. По глухим отголоскам советских газет становится очевидно, что у Черненко был заготовлен

чертеж Пленума: Кириленко предполагалось отстранить от всех постов в партийном аппарате, а его утвердить вторым секретарем ЦК, что дало бы ему возможность считаться официальным наследником Брежнева.

Передачу власти в руки Черненко предполагалось провести в два этапа. На первом предстояло осторожно оттеснить Брежнева от партийных обязанностей, сохранив за ним почетную должность Председателя Президиума Верховного Совета. На втором — в соответствии с "пожеланиями трудящихся" и "волей партии" планировалось его избрание генсеком. Посвящение Черненко в правители, однако, должно было состояться не на ближайшем, а на следующем Пленуме ЦК: где-то в конце декабря — в канун торжеств по случаю 60-летия образования СССР. А пока что существовала проблема для приближающегося Пленума ЦК: оставалась вакантной должность третьего (идеологического) секретаря ЦК. Оптимальным решением для Черненко было бы не замещать ее никем до тех пор, пока он не возьмет всю полноту власти в руки, другая возможность — утвердить в ней одного из младших секретарей ЦК: Зимянина или Русакова. Но здесь у Черненко существовали сомнения: насколько и до каких пор можно было на них рассчитывать. Таковы были планы (и надежды) Черненко весной 1982 года.

У Андропова был иной сценарий развития событий. И он начал его развивать, и он стал сам в чем-то самостоятельно развиваться задолго до Пленума ЦК. Во время посещения Брежневым тракторного завода в Ташкенте перед ним неожиданно обрушивается пешеходный мост. Покушение на генсека? Сомнительно. Вероятно, подпорки моста, не выдержав напора и тяжести тысячи рабочих, собравшихся (или собравших) для встречи Брежнева, сломались. Но, может быть, их кто-нибудь предусмотрительно подпилил. Но так или иначе, большое сердце генсека было потрясено — он слег в кремлевскую больницу. И Пленум ЦК, столь тщательно подготовленный Черненко, пришлось отложить на несколько месяцев.

Андропов хорошо распорядился временем и болезнью Брежнева. И на заседании Политбюро, за день или два до открытия Пленума ЦК, который наконец-то удалось созвать в

конец мая, сторонники Андропова неожиданно предложили избрать его третьим секретарем ЦК — на место Суслова. Такое развитие событий застало Черненко врасплох. Непонятным и странным представлялось стремление Андропова оставить Госбезопасность с ее мощным аппаратом давления и шантажа ради призрачной власти идеологического секретаря. Но мотивы Андропова выяснились очень скоро — на том же Пленуме Андропов воспротивился смещению Кириленко. В результате Черненко оказался после заседания Политбюро намного дальше от власти, чем был до него: вторым секретарем ЦК по-прежнему оставался Кириленко, третьим стал Андропов. Пленум ЦК 24 мая 1982 года проштамповал оба решения, так как ни одна из соперничающих групп не желала выносить свои противоречия и противоборство на более широкий партийный форум. И Черненко сразу же в партийном протоколе со второго места (после генсека) сместился на четвертое (после Брежнева, Кириленко, Андропова). Возвращение Андропова в партийный аппарат было серьезным поражением Черненко — стало очевидно, что Андропов, став секретарем ЦК и будучи членом Политбюро, идет к власти.

Некоторым утешением для Черненко должен был послужить уход Андропова из КГБ — теперь должна была спастись (и она спала) кампания диффамации Брежнева и запугивания его сторонников. Но рассчитывать особенно на нового председателя КГБ Федорчука Черненко не приходилось: профессиональный чекист с Украины, он, не будучи членом ЦК, оставался под контролем Андропова, который по-прежнему курировал, как член Политбюро, Госбезопасность и находился в явной зависимости от Щербицкого — бывшего своего партийного босса.

Так что Черненко оставалось только уповать на Брежнева, и теперь состояние его здоровья становилось важным, а для Черненко — единственный фактором борьбы за власть. И неожиданно в самочувствии Брежнева произошло изменение — он стал показываться публике и начал давать интервью. Возможно и другое: Черненко решил поставить на ноги и заставить действовать Брежнева — ценой его здоровья и вопреки болезни.

Что здесь сыграло большую роль — упрямство Черненко, лекарства или искусство врачей, или страх Брежнева лишиться влияния — мы не знаем. Но замысел удался: возвращение генсека к некоторой активности вызвало растерянность в стане Андропова. Воспользовавшись им, Черненко в начале октября проводит в Политбюро постановление о снятии Кириленко: видимо, у сторонников Андропова сдали нервы и они решили не противодействовать генсеку. Черненко становится вновь вторым секретарем, теперь уже официально. Но слишком поздно. И, видимо, чувствуя недостаток времени, оставленного ему историей, он развивал необыкновенную активность — свою и Брежнева: встречи, совещания, переговоры, поездки по стране. Это оказалось ошибочным решением. Во время выступления Брежнева в Баку ему подбрасывают неверный текст. Одурманенный лекарствами генсек его читает. И прочел бы — никто бы не заметил ошибки — настолько все партийные выступления похожи одно на другое. Но кто-то позаботился вернуть Брежневу другой текст — более приличествующий случаю. И генсек оказывается смешным на виду у миллионов телезрителей. В растерянности он бормочет слова извинения: "Товарищи, я не виноват". И Секретариату ЦК и Политбюро становится очевидным: Брежнев кончается.

Черненко все еще пытается оживить генсека: он подталкивает его провести в Москве (27 октября) совещание военачальников. Впечатление жуткое — Черненко руками деградирующего генсека-маразматика, полутрупа, стремится ввести армию в политическую игру. И вводит ее... на стороне Андропова. Более 500 военачальников всех родов войск, видя бессильного руководителя, с трудом ворочающего языком, решают поддержать сильного человека в Кремле — Андропова¹³.

Бег Черненко наперегонки со временем продолжается. Он устремляется в Красноярск — на пленум крайкома партии. Ищет опору там, где когда-то начиналась его карьера. И еще ему важно было показать, продемонстрировать красноярцам и всей стране степень его близости с генсеком — он начал свое выступление с рассказа о беседе с Брежневым, ко-

торый сказал ему: "Передайте сибирякам-красноярцам, что я и до сих пор хорошо помню мои встречи с ними"¹⁴. И продолжал как руководитель партии — дал оценку майского Пленума ЦК и выразил уверенность в способности взять на себя реализацию нерешенных проблем. О них он говорил свободно и смело обещал позаботиться о прогрессе страны (искал популярности). Он не приводил ни фактов, ни цифр развития края, ибо поездка в Красноярск для него — возможность через голову Политбюро обратиться к народу и к партии. Народу он обещал жилье (развернуть строительство дешевых квартир) и хлеб (рассказывал о планах осуществления продовольственной программы), а партии — стабильность и надежность ее рядов. И никаких, присущих ему новых идей (на последнем перекрестке смены власти они нежелательны), и никакой, свойственной его выступлениям критики (сейчас она была опасна — могла отвратить от него потенциальных сторонников)¹⁵.

Черненко вызвался поехать в Закавказье — ему важно было перед броском к власти проверить и позаботиться о флангах. Повод незначительный — вручение Тбилиси ордена Ленина. Можно было бы вполне эту обязанность передоверить одному из младших секретарей ЦК, но Грузия — вотчина Шеварднадзе, кандидата в члены Политбюро. И его позиция в расстановке сил в Кремле ему не была вполне ясна — когда по службе тот был близок к Андропову, но вместе с тем он всегда оставался доброжелательным к Брежневу (а как — предстояло выяснить — он относится к нему, его наследнику?).

Черненко необходимо было сломить предубеждение, сложившееся о нем в Грузии, где презирали грубую лесть и откровенное низкопоклонство. И он в лучших восточных традициях стал восславлять "неповторимую" и самобытную грузинскую историю. Не пожалел красок, оценивая деятельность руководства республики. "Чего греха таить, — сокрушался Черненко, — бывает у нас иногда: спустя некоторое время после принятия постановления соберутся товарищи, обсудят, подсчитают проценты роста того или другого и разойдутся. В Тбилиси же сделали по-иному, собирались — и

не раз, на всех уровнях, и обсуждали, но не только проценты, а и то, как, какой ценой они достигнуты, в какой атмосфере шла практическая работа, как она повлияла на состояние дел в коллективе... То есть было учтено все, что затрагивает не только материальные усилия жизни человека, но и его моральный уровень, весь нравственный климат в трудовом коллективе"¹⁶.

Никаких недостатков или контрастов в работе "грузинских товарищей" он не заметил — хвалил их за все: за творческий труд и за заботу о резервах, за открытое, откровенное и своевременное обсуждение назревших проблем и за сплочение интеллигенции на партийных позициях. Короче — сплошная идиллия, настолько, что Черненко не удержался и с грустью вспомнил о временах, когда Тбилиси был столицей Кавказа (задумываться о реакции других закавказских республиканских столиц ему было недосуг)¹⁷.

Он торопился перейти к другой теме — здесь он обращался уже не к Грузии и даже не к советским народам, а к человечеству — он решил проявить перед миром умеренный характер своих убеждений. Нарисованная им картина международных отношений была сложна, динамична и противоречива — в отличие от схематических, в одном измерении, полотен Брежнева и неясных и нечетких (все еще) рисунков Андропова. Он призвал мир отказаться от ставки на использование силы, сесть за стол переговоров и в рамках советско-американских отношений искать решение сложных проблем. В его речи, в которой прозвучали эллегические нотки по временам разрядки, не было никакой "игры мускулов" и обычных выпадов против капиталистической системы, отчетливо проявлялся подтекст, обращенный к Западу: он должен был засвидетельствовать готовность советского руководства (в случае, если он его возглавит) к миру и сотрудничеству¹⁸.

В Тбилиси выступление Черненко встретили, словно он уже был генеральным секретарем, "бурными" аплодисментами¹⁹, но в Москве нарисованная им панорама политических перемен не вызвала отзвука — советская столица готовилась к ноябрьским праздникам. Готовился к ним и Черненко. Го-

товился по-своему. Он привез с кунцевской дачи в Москву Брежнева, которому все больше нездоровилось, для вручения второй Звезды Героя Тихонову. Черненко важно было, чтобы свою награду Председатель Совмина, главный его сторонник, получил из рук генсека — это бы явилось свидетельством преемственности будущего руководства. 7 ноября он побуждает Брежнева выйти на Красную площадь и несколько часов в мороз и ветер простоять на Мавзолее — народ (и его противники) должны видеть (и помнить) здорового генсека. Еще один запланированный ритуал — присутствие Брежнева на приеме в Кремлевском дворце. И он так же прошел удачно: генсека, улыбающегося и бодрого, видели сотни дипломатов и партийная общественность. И теперь — Черненко продолжал осуществлять свой сценарий — предстояло склонить Брежнева достойно уйти на "заслуженный покой".

Но история распорядилась судьбой Брежнева (и Черненко) иначе — он умер. Возможно, от перебора различных ролей, взятых им на себя (или расписанных ему). И меньше других в Кремле оказался к такому развитию событий подготовленным Черненко, во всяком случае, меньше Андропова, может быть, потому, что тот имел программу действий не только на случай жизни Брежнева, но и в расчете на его смерть. Тело покойного генсека еще не успело остыть, как в Москву были вызваны части гвардейской Кантемировской дивизии (по указанию Устинова) и дивизия Госбезопасности имени Дзержинского (вопреки воле Федорчука — за что ему вскоре после прихода к власти Андропова пришлось распрощаться с КГБ).

Танки и солдаты на улицах города были хорошим аргументом Андропова на заседании Политбюро, созванного в день кончины Брежнева — утром 10 ноября. Заседание было бурным. Политбюро раскололось: Тихонов (несомненно), Кунаев (вероятно) предложили избрание Черненко. Устинов, Громько, Романов потребовали назначения Андропова. Кузнецов и Рашидов должны были также поддержать Черненко и не исключено — проголосовали за него. В отсутствии некоторых членов Политбюро (Кириленко и Пельше), они как кандидаты в члены Политбюро получали право решаю-

шего голоса. Мнения раскололись, положение складывалось драматическое: в случае отсутствия единогласного решения Политбюро, вопрос о наследнике должен был быть перенесен на Пленум ЦК. И Черненко, несомненно, совершил ошибку, не потребовав избрания генсека на Пленуме — там он вправе был рассчитывать на поддержку брежневцев, их было большинство. Но, видя, как его оставляют Шербицкий, Горбачев, Демичев, Пономарев, счел за лучшее для себя уступить Андропову: знал и боялся, что, потерпи он поражение на Пленуме, он бы не только лишился своих постов, но вполне мог оказаться в "антипартийной группе", как когда-то Молотов и Маленков.

Черненко смирился с новым генсеком, но не склонился перед ним. Рекомендую Пленуму избрание Андропова (под давлением Политбюро, потребовавшего подчинения меньшинства большинству), он не препятствовал своим сторонникам на Пленуме вновь выдвинуть его кандидатуру в генсеки. Он и они и на этот раз проиграли — в силу принципа "демократического централизма", предполагавшего выполнение нижестоящей инстанцией (ЦК) решения вышестоящей (Политбюро). Собственно, Черненко проиграл Андропову еще до Пленума. Первый раз, когда уступил ему на Политбюро, второй — когда согласился в явное нарушение партийного протокола на то, чтобы Андропов председательствовал на заседании ЦК. Но Андропов и Черненко не желали рисковать. Андропов, превышая свои полномочия, решил сам вести Пленум. Черненко же отступил от своего права второго секретаря открыть Пленум.

Единственное, на что его хватило на Пленуме, — это выступить (робко и завуалированно) с критикой Андропова. Он сказал — намекая на нового генсека: "Леонид Ильич хорошо знал, что одни благие пожелания — это пустой звук. Мало высказывать правильные идеи, нужно подкреплять их четкой организаторской работой"²⁰. И еще он решился напомнить Андропову — и предостеречь его — о необходимости беречь и развивать требовательное уважение к кадрам (он имел в виду кадры именно брежневского поколения и, разумеется, себя в них) и не посягать на коллективное руковод-

ство: "сейчас вдвойне, втройне важно вести дела в партии коллективно"²¹.

Андропов, собственно, и не помышлял отказаться от коллективного руководства. Да и не мог, так как возможности его политического маневрирования были ограничены не только противниками, но и сторонниками, не желающими ни его быстрого возвышения (чтобы не подавил их), ни скорого падения (чтобы не лишиться собственного влияния). Так что вопрос, стоявший перед Андроповым, был не в том, как править, а в каком направлении править. И здесь перед ним стояла дилемма: развитие системы могло происходить медленно, постепенно (эволюционно) или идти ускоренно, форсированно (скачкообразно).

Другая его проблема — предстояло восстановление аппарата власти, расшатанного за годы брежневского правления. В нем не хватало многих конструкций и блоков: свободной оставалась должность Председателя Президиума Верховного Совета, незаполненным было Политбюро, неукомплектованным — Секретариат ЦК. При этом с неизбежностью вырисовывалось столкновение с Черненко: смерть Брежнева дала ему ненадолго то, что он никак не мог заполучить при его жизни — руководство промышленностью и идеологией, и еще — контроль за партийными кадрами. Андропову для того, чтобы утвердиться у власти, необходимо было вырвать из рук Черненко или партийный аппарат, или экономику (а еще лучше — и то, и другое). Черненко же для того, чтобы сохранить себя у власти, важно было не дать ввести в Политбюро ни одного из секретарей ЦК (так за ним бы твердо сохранилось положение второго человека в руководстве).

Черненко, однако, знал: как ни считай, он остался в Политбюро в меньшинстве, и это меньшинство со временем будет уменьшаться — такова плата за сопротивление с генсеком. Поддержка к Черненко пришла неожиданно и от тех, от кого он меньше всего ее ожидал: от Щербицкого и Гришина. Крутой нрав Андропова им, подозрительным, ожесточенным долголетней борьбой за власть, явно пришелся не по вкусу. Их оттолкнула и напугала суетливость нового генсека, стремившегося в несколько месяцев провести процесс

обновления и омоложения — не за их ли счет? — партийного аппарата. Власти генсека, однако, присуща собственная динамика, отчужденная от воли и устремлений Политбюро, и на ноябрьском Пленуме ЦК (1982 г.) он переводит из кандидатов в члены Политбюро Гейдара Алиева, и сразу же Тихонов, важнейший союзник Черненко, оказался под жестким контролем Андропова.

Сторонники Черненко с неудовольствием восприняли и другое новое назначение — избрание Николая Рыжкова секретарем ЦК. И, вопреки стремлению генсека, они не дали согласия на избрание его в Политбюро. Это лишало того возможности руководить экономикой. Но она не осталась и под опекой Черненко — ее решительно стал прибирать к своим рукам сам генсек. Это обнаружилось уже в первые дни его правления — на Пленуме ЦК 22 ноября. В своем выступлении Андропов развернул широкую программу социально-экономического переустройства советского общества — то, к чему все последние годы настойчиво, но безуспешно призывал Черненко. И это бессилие Черненко было недвусмысленно (и зло) обыграно Андроповым — он сказал: "Немало есть руководителей, которые охотно цитируют крылатые слова Леонида Ильича о том, что экономика должна быть экономной, но практически мало что делают для решения этой задачи".

Ускользали из-под контроля Черненко и партийные кадры: они оставались открытыми для политических пасьянсов совсем недолго. В начале января 1983 года они перешли под опеку Горбачева, в дополнение к его обязанностям секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Это назначение предопределило позицию Горбачева — он становится горячим приверженцем нового генсека, и сказилось на партийной судьбе Черненко — он целиком оттесняется в сферу деятельности второстепенную и незначительную: идеологию.

Закрепление же за Черненко обязанностей секретаря по идеологии означало для него не только отступление со второго на третье место в партийной иерархии (после Горбачева), но и возвращение к проблемам далекого прошлого — почти на тридцать лет назад, когда он в Молдавии руково-

дил агитационной работой. Это был последний и с той поры единственный его пропагандистский опыт. И очень скоро Черненко понял, что в идеологии ему будет совсем не просто проявить свою индивидуальность. И суть была не в отсутствии соответствующих знаний — при необходимости он мог опереться на разветвленный и отработанный аппарат агитпропа, доставшийся ему в наследство от Суслова, а в общем падении престижа и авторитета идеологии как таковой в системе приоритетов Андропова. И, оказавшись на периферийном направлении партийной работы, он мог и должен был быть вытолкнутым на задворки политической деятельности.

И, действительно, он на несколько месяцев почти совершенно исчезает с социальных подмостков власти. Его не оказывается на проводимом ЦК совещании руководителей министерств, на котором обсуждался вопрос, казалось бы, непосредственно связанный с его новыми обязанностями, — проблемы производственной дисциплины (январь 1983 года). Не был приглашен Черненко и на важную встречу первых секретарей ЦК республик в Кремле, где присутствовали кроме него все члены Политбюро (апрель 1983 г.).

И вновь пришлось Черненко обратиться к старому, но испытанному средству самовыражения: он выпускает в начале 1983 года еще одну свою книгу — "Утверждать ленинский стиль в партийной работе"²². В книгу вошли произведения, статьи и речи, относящиеся главным образом к прошлому периоду деятельности автора — 81-му и 82-му годам. Но, препарировав их и дополняя, Черненко вступает в скрытую полемику с генсеком. Андропов пытался насадить в советском обществе новые нормативы поведения — трезвость, дисциплину, сознательность с помощью угроз и насилия — облав, увольнений, ограничений и изобличений. Черненко же настоятельно советовал обратиться к убеждению, считая этот метод главным средством работы с массами. Он указывал, что "организационная работа государства, не учитывающая психологии личности и не опирающаяся на воспитание, беспредметна и бесперспективна". Черненко иллюстрировал эту мысль многочисленными примерами, и каждым из них под-

тверждал несостоятельность расчетов и надежд Андропова на основе сильной власти и принуждения возродить в людях трудовую мораль. Нравственность не утверждается безнравственно, отмечал Черненко, прикрываясь высказываниями Ленина — чтобы отвести от себя критику и неудовольствие Андропова²³.

В книге Черненко улавливался также и осторожный протест против возрождаемого Андроповым в партийной работе духа сталинизма: он указывал, что стиль и методы руководства масс не могут оставаться застывшими и неизменными, они обязаны быть адекватны конкретным условиям жизни. Отсюда шел его призыв (или, возможно, обращение к генсеку) — своевременно улавливать вновь возникающие явления и процессы, анализировать и обобщать их²⁴.

Черненко ставил перед собой цель повернуть партию от решения экономических проблем к проблемам идеологическим. И не потому, что он не понимал важности реформы — еще совсем недавно, во времена Брежнева, он сам разрабатывал и защищал ее тогда неясные и смутные контуры. Но времена изменились, и теперь Андропов, разворачивая программу своего правления, замкнул идею реформы (не в теории, как когда-то, а в действительности) на процессах переустройства общества. Поддержать Андропова в этом означало для Черненко публично продемонстрировать и признать собственную вторичность в деле, в котором ему принадлежал (но кто вспомнит?) приоритет. Кроме того, для партийного аппарата, озадаченного и напуганного новыми методами руководства, динамичными и стремительными, Черненко хотел оставаться альтернативой Андропову. Это был вопрос не вкуса, не мировоззрения, а выбора тактики ведения борьбы за власть. И Черненко становится под знамена консерватизма — сохранения и защиты идеологического наследства. Но и в этом он сумел проявить нестандартный подход: настоял на проведении (впервые за двадцать лет) специального Пленума ЦК, посвященного идеологическим вопросам, на гребне которого попытался вырваться в духовные руководители партии.

Идеологический бум, однако, не произошел, так как стра-

на была охвачена навязчивой идеей экономических реформ, но премьера Черненко все-таки состоялась: он, а не Андропов, произнес на Пленуме главную речь, заставив весь партийный актив вращаться вокруг пропагандистских вопросов, поставленных и предложенных им для обсуждения.

На первый взгляд казалось, что выступление Черненко выдержано в духе Андропова, в ключе поставленных им перед партией задач. Форма речи Черненко, и верно, следовала стилю генсека — была острой (хотя и недостаточно резкой), проблемной и полемичной. Однако содержание ее явно было антиандроповским, хотя выпады против генсека были выдержаны в полном соответствии с требованиями партийного протокола. Черненко в свою речь вмонтировал пространные (и здесь ему явно изменило чувство меры) цитаты из Андропова. Он сказал — в самом начале своего доклада: "Эффективность идеологической работы прямо зависит от того, насколько точно учитываются особенности периода, переживаемого страной"²⁵. И уже в этом положении была заложена антиандроповская установка. По мнению Черненко, "продвижение вперед" сдерживает недостаточная гражданская зрелость советских людей, в то время как Андропов полагал (это было широко известно) — неполадки в хозяйственном механизме и неудовлетворительная производительность труда²⁶. Между двумя высказываниями на самом деле не было противоречий, правы были оба — и Черненко, и Андропов, — так как отсутствие "гражданственности" объяснялось пороками "хозяйственного механизма" (существовала здесь и обратная связь). Но Черненко сознательно акцентировал внимание на человеческом факторе — в ущерб экономическому, чтобы подчеркнуть теоретическую неосведомленность генсека.

Не случайными оказываются и избранные Черненко объекты критики: Институт социологических исследований в Москве и Центральный экономико-математический институт в Новосибирске. Оба этих исследовательских центра активно поддерживали Андропова. Институт социологии представлял генсеку широкую информацию о конкретных социальных процессах — общественном мнении, трудовой дея-

тельности, политической активности населения. А в новосибирском институте под руководством профессора Т.Заславской разрабатывались различные проекты экономических реформ.

Это было вполне достаточным для того, чтобы Черненко мог заявить на Пленуме: "Многое мы ожидали от созданных еще в 60-х годах Института социологических исследований и Центрального экономико-математического Института Академии Наук. Но до сих пор так и не дождались обстоятельных конкретных исследований"²⁷.

В выступлении Черненко было не меньше неизбитых и смелых мыслей, чем в докладах Андропова — на этом и прошедшем Пленумах ЦК. Однако высказывания Черненко, в отличие от идей Андропова, не привлекли к себе общественного внимания и прошли незамеченными. Причина этого, вернее — причины (их было несколько) — видятся в предмете, к которому они были обращены, и в особенностях характера Черненко и Андропова. Все, что связано с идеологией, вызывает в советском сознании недоверие и предубеждение; считается, что в ней нет места для самобытности, оригинальности — все здесь избито, стандартно и банально. В то время как социальная и экономическая деятельность — предмет приложения политических идей Андропова — непосредственно затрагивала поведение и жизнь людей. Отсюда — тот интерес и заинтересованность, с которой встречались, после многих лет политического застоя, предложения нового генсека, в них хотелось видеть и виделись неповторимость и смелость.

В различном социальном измерении воспринимались и оценивались и личности Черненко и Андропова. На Черненко лежала печать производности от Брежнева — так складывалась его партийная судьба. В то время как образ Андропова — над ним заботливо поработали пропагандисты из КГБ — был скроен по необходимым для советской страны политическим стандартам: умен, образован, тонкий политик, искусный прагматик и чуть ли ни скрытый либерал.

В действительности и тот и другой политик был продуктом одной и той же советской системы: один (Черненко) ее партийной микроструктуры и был менее удачлив, другой

(Андропов) — полицейского аппарата и являлся баловнем обстоятельств. Отсюда — их общность и различия. И Черненко, и Андропову в одинаковой мере были присущи конформизм и двоемыслие, оба обладали советским инстинктом сознания — воспринимали и оценивали жизнь в понятиях марксистской диалектики, были безжалостны и циничны, лицемерны и коварны. Но Андропов долгие годы возглавлял службу безопасности, распорядился судьбами миллионов людей, умел проявлять твердость и настойчивость, был решителен, мог заставить себя бояться и внушал страх. Черненко же, вращаясь в партийных коридорах власти, и долгие годы не на самых высоких ее этажах, стремился расположить людей к себе, вызвать уважение и доверие. И — парадокс — советские люди, извращенные тоталитарной системой, ее насилием и жестокостью, способны были быстрее принять Андропова — он как руководитель был им понятен и привычен, чем воспринять Черненко, который в их представлении никак не укладывался в образ настоящего правителя.

Отсюда — из этого социального источника — возникала постоянная гипотеза недоверия и предубеждения, которая питала скептическое и ироническое отношение советских людей ко всем выступлениям (а позднее — и деятельности) Черненко. Что, однако, не умаляет их исторической значимости и ценности для понимания сущности его личности, несомненно, незаурядной.

Необычно в советских условиях звучал призыв Черненко на Пленуме научно исследовать международные отношения, двигаясь от известных истин к пониманию закономерностей процесса. В этом его обращении, возможно, была известная мера горечи — он при Андропове (особенно в первый период его правления) оказался полностью устраненным от внешнеполитической деятельности: почти не присутствовал на приемах, не принимал участия в переговорах и встречах с иностранными делегациями. Но было в речи Черненко и нечто совершенно непривычное. Он говорил о необходимости глубоко анализировать социально-политические явления в странах Запада, то есть не полагаться на традиционные модели и шаблоны советской пропаганды²⁸.

Новый подход проявил Черненко и в вопросе исследования общественных явлений. Он считал, что научное познание должно исходить "из реальности, которая есть", а не из застывших идеологических схем и понятий. Он предлагал воспринимать действительность объемно, многогранно, в ее динамике и противоречиях. Весьма примечательным было и его замечание о неправомерности рассмотрения и объяснения различных пороков советского общества — пьянства, взяточничества, стяжательства — пережитками прошлого. Их истоки он усматривал в существующей советской практике, в реальных ее проблемах и трудностях. И как следствие — полагал, что одни экономические меры воздействия (имелись в виду реформы Андропова) являются недостаточными и призывал к изменению социальных условий общества.

Мысль о детерминированности общественного процесса прозвучала в докладе Черненко еще раз — когда он поднял вопрос о кризисе в сельском хозяйстве²⁹. По его мнению, было недостаточно перевести сельскохозяйственный труд на промышленную основу — еще один из призывов Андропова, — но необходимо и важно было перестроить инфраструктуру села и прежде всего улучшить его жилищные и бытовые условия.

Комплексному подходу Андропова к развитию экономики Черненко противопоставлял задачу формирования нового типа социального мышления, которое виделось ему в утверждении гласности и демократичности: "Без широкой гласности немыслимо развитие социалистической демократии... Мы будем продолжать эту линию, обеспечивая максимально возможную гласность в вопросах, затрагивающих интересы людей. Следует, очевидно, придать обязательный характер систематическим выступлениям по телевидению и, в частности, руководителей министерств и ведомств, партийных комитетов"³⁰.

Разумеется, гласность и демократия понимались Черненко по-советски: как развитие дозированной демократии и насаждение управляемой сверху гласности*. Но и в этом слу-

---

* Не выйдет за эти рамки и Горбачев, воспринявший идею глас-

чае восприятие Черненко путей общественного прогресса и его возможностей чаще оказывалось шире экономического мышления Андропова, его однозначного апеллирования к порядку и дисциплине.

Вместе с тем мы далеки от намерения идеализировать Черненко. Его взгляды в чем-то, действительно, опередили его эпоху, но это была тоталитарная эпоха, а он был и оставался коммунистически ограниченным руководителем. Так что стремясь превратить "слово в дело", он под "делом" имел в виду партийное слово, слово советской пропаганды, что, впрочем, не умаляет его эрудиции и заслуг с позиции системы. Он хотел ее сделать более гибкой и современной, а ее идеологию — тонкой и изощренной.

Не случайно поэтому он часто возвращался в своей речи на Пленуме ЦК к мысли о том, что партийные комитеты обязаны поднимать уровень и совершенствовать стиль агитационной работы внутри самой партии. При этом объяснял эту необходимость не с помощью дежурных идеологических штампов, а вполне научно: потому что менялся социальный облик советского общества и происходило обновление партии — в ее рядах оказалось "свыше трех миллионов коммунистов в возрасте до тридцати лет"³¹. И в таком подходе к работе — серьезном, вдумчивом и глубоком — был весь Черненко. Он не знал и боялся торопливых решений, был неспособен быстро перестраиваться и легко приспособливаться, но если брался за какое-то дело, то неизменно вносил в него обстоятельность, степенность и солидность.

Еще он искал гармонии: стремился заставить идеологию работать как хорошо слаженный оркестр, где каждый инструмент имел бы свой голос, а он бы оставался умелым дирижером. Благополучия и слаженности, однако, не было ни в марксистской идеологии, ни в советской политической жизни, что, впрочем, не помешало Черненко искусно исполнить собственную партию. Он разыграл ее с завидным мастер-

---

ности у Черненко. В его понимании гласность так же окажется не свободой слова, гарантированной законом, а правом высказывать мнение по вопросам, разрешенным для обсуждения партией.

ством на болезни Андропова. На официальных политических подмостках — на сессии Верховного Совета 16 июня — он, униженный, угодливо представлял Андропова, восхвалял его ум, опыт и государственную мудрость³². А за сценой, на Пленуме ЦК, открывшемся двумя днями ранее, он, с помощью своих союзников, теснил Андропова, не позволил ему ввести ни одного нового члена в Политбюро, состав которого со смертью Пельше упал с четырнадцати членов (при Брежнев) до одиннадцати.

Черненко поменял тактику борьбы с Андроповым: он больше не стремился собрать своих сторонников на общей политической платформе, альтернативой генсеку: Андропов был в апогее славы, и такая попытка не увенчалась бы в партийном аппарате успехом. Он действовал иначе — стал противопоставлять и сталкивать поколения: старое — молодым. И сразу же выяснилось, что у ветеранов в Политбюро много общего, каждый из них стремился сохранить как можно дольше свою власть и привилегии. Постепенно в Политбюро образовался широкий фронт единомышленников — пока не антиандроповский и еще не прочерненко-ский: Тихонов, Кунаев, Щербицкий, Гришин — пять членов Политбюро, включая и самого Черненко. Все они единодушно противились выходу на партийную сцену новых лидеров. Но им не удалось бы заблокировать стремление Андропова провести глубокую реорганизацию партийного аппарата, если бы не произошел раскол в самом стане генсека: один из "стариков" его лагеря — Устинов — ревниво заботясь о сохранении собственной власти и влияния, воспрепятствовал омоложению Политбюро.

И у Черненко сразу же появилась возможность (теперь его поддерживали шесть членов Политбюро из одиннадцати) помешать Андропову произвести перетряску кадров. Ни один из новых сторонников генсека не был введен на Пленуме в Политбюро или же избран его кандидатом. И Андропов был вынужден заполнить (частично) вакуум, образовавшийся в Секретариате ЦК, за счет одного из членов Политбюро — Романова. В этих условиях Черненко согласился поддержать избрание Андропова Председателем Президиума Верховного

Совета, тем более, что новое назначение не увеличивало реальной власти генсека.

Вскоре, однако, у Андропова появилась возможность вновь унижить Черненко. 15 августа с большой помпой в Центральном Комитете проводится встреча с ветеранами партии. Андропов мог сам открыть совещание, вправе был предоставить эту честь одному из ветеранов Политбюро, например, Черненко. Однако с вступительным словом выступил самый молодой член Политбюро — Горбачев. Именно он, а не Черненко, представлял генсека деятелям, вот уже много лет как вышедшим в партийный тираж, но у которых Андропов, стремясь подчеркнуть преемственность своей власти, искал понимания и поддержки. Черненко же вообще не был приглашен на встречу, и было ясно, что Андропов с ним не считается — настолько, что считал возможным недвусмысленно высмеять его. В беседе с ветеранами партии он иронически заметил, что следует говорить не об идеологическом обеспечении экономики (главная мысль черненковского выступления на июньском Пленуме ЦК), а в "не меньшей, если не большей степени об экономическом или — шире — социальном обеспечении идеологической работы"³³.

Но на встречу с ветеранами партии не был приглашен вообще никто из старейшин Политбюро, в том числе и те, кому генсек был обязан своей властью: Гришин (он вправе был находиться там как секретарь Московского городского Комитета партии), Щербицкий, представляющий самый большой республиканский комитет партии. На встрече с ветеранами было представлено молодое поколение партии — выдвиженцы Андропова: Горбачев, Романов и еще несколько секретарей ЦК, на которых он, по-видимому, опирался — Зимянин, Капитонов, Рыжков.

В отличие от Черненко, Андропов недостаточно знал психологию партийной элиты, ее капризный, мстительный и обидчивый нрав. Ни Гришин и ни Щербицкий не простили генсеку бестактности. Пока Андропов был здоров и деятелен, они не искали иных средств для выявления (и увеличения) своего влияния, чем служение (вернее, подчинение) ему. Стоило, однако, Андропову по болезни слегка ослабить вожжи, как у

них появилась возможность выбора, кому — Горбачеву или Черненко — оказать поддержку. Какое-то время они балансировали между противоположными группировками Политбюро: приценивались к Черненко и присматривались к Горбачеву. Черненко был им понятнее, Горбачев же, интеллигент, технократ, был не из их мира и вызывал смутное беспокойство.

Он как-то совершенно неожиданно появился в Москве — сразу же после смерти Кулакова. Но, в отличие от беспокойного и бескомпромиссного Кулакова, он казался им — поначалу — уравновешенным и уступчивым, легко принимал нужные (ему и руководству) политические окраски. И в ЦК очень скоро возникло ощущение, что Горбачев — человек надежный, солидный, основательный. Он всегда оказывался в числе тех, кто чутко и быстро реагировал на малейшие и поначалу едва уловимые колебания генеральной линии. И что самым ценным им представлялось в Горбачеве — его искренность: он полностью растворялся в руководящих директивах.

Таким он и оставался — человеком на все требования Политбюро и Брежнева, пока тот сохранял свою власть, до 1982 года. Но стоило разметаться старым и почитаемым силам Политбюро — одни выпали из него по смерти, а другие — в процессе борьбы за власть, — как тут же исчезла идеологическая вялость Горбачева, а вслед за ней — и его политическая покладистость. Он стал строже, жестче — в соответствии с теми требованиями, которые предъявлял к руководителям Андропов. И с той поры ветераны Политбюро увидели иного Горбачева — амбициозного, сурового.

Не просто было им понять и оценить перемену в Горбачеве: то ли произошла в нем психологическая мимикрия в соответствии с новым его статусом — приближенного более других к новому генсеку, то ли проявилась и раскрылась его подлинная (до той поры тщательно скрываемая) сущность. Или же, возможно, за долгие годы своей политической карьеры Горбачев играл чужие роли, играл талантливо, написанные для него различными партийными режиссерами — вживался в нужный им характер и выдавал требуемый им

стереотип социального поведения. Но с приходом к власти Андропова, как только Горбачеву удалось приблизиться к режиссерскому пульта, он стал сбрасывать старые маски. Или, быть может, сбрасывание масок было еще одной из ролей Горбачева. При этом в последний год в нем обнаружилась черта, которая не могла не вызывать у ветеранов Политбюро озабоченности и тревоги — политическое властолюбие. И Андропов, болезнь которого все больше ограничивала его деятельность, всемерно поощрял эту черту характера Горбачева. Он передал под его контроль сперва управление партийными кадрами, а затем поручил осуществлять надзор за экономикой.

В апреле Горбачеву было поручено руководить инструктивным совещанием первых секретарей республиканских и областных комитетов партии, а уже в июне он от имени Политбюро на сессии Верховного Совета РСФСР рекомендовал Воротникова в Председатели Совета Министров Российской Федерации.

Наконец, на Горбачева Андропов возложил чрезвычайно важную обязанность — руководство и проведение отчетно-перевыборных партийных конференций. И Горбачев получил возможность начать возводить и отстраивать фундамент собственной власти — он стал собирать своих сторонников на различных этажах партийной пирамиды — от городских до республиканских комитетов партии. И, балансируя между бюрократической инерцией и реформизмом, он старался произвести впечатление консервативного либерала, а временами, когда этого требовали обстоятельства, — либерального консерватора.

Но партийный аппарат, изрядно потревоженный Горбачевым, с недоверием и настороженностью следил за его действиями. Он не желал предоставлять ему то, что у него сильно отбиралось Андроповым — мирного, безмятежного и уверенного существования, и он постепенно стал обращать свои симпатии и надежды к Черненко. Между ними было много общего. Он, как и Черненко, поднялся к власти при Брежнев; Черненко, как и он, видел угрозу своей стабилизации в Андропове.

Партийная чистка "вымела" из него чуть ли не треть его руководящих работников: в партийной организации Москвы — 31 процент, Украины — 34 процента (в том числе было снято 9 секретарей горкома), Казахстана — 32 процента (было назначено вновь 7 первых секретарей горкома) и т. д.

Персональные перемены в меньшей мере затронули аппарат ЦК и еще меньше членов ЦК — их предполагалось радикально обновить на съезде партии. И не дожидаясь его, они — секретари и заведующие различными отделами ЦК КПСС, ответственные партийные работники республик, краев и областей (в том числе и уже смещенные с должностей, но пока что являющиеся членами ЦК) — обратили свои взоры к Черненко, связывая с ним возможность своего сохранения (или восстановления) у власти.

Не однозначна была расстановка сил и в самом Политбюро: в нем по-прежнему доминировали приближенные Андропова, но их поддержка далеко не обязательно была обещана Горбачеву. И это в равной степени относилось как к старому, так и к молодому поколению сторонников генсека. Романова вполне бы устроила кандидатура Черненко (во всяком случае, больше, чем Горбачева), с его заведомо ограниченным периодом правления, в течение которого он собирался, укрепив свои силы, предъявить права на власть. Те же мотивы и сомнения подталкивали Щербицкого и Гришина к поддержке Черненко. И вообще еще было неясно, как сложится и распределится расстановка сил в Кремле, если и когда Андропова не будет. А пока что игра и взаимоотношения различных интересов определяли рисунок (и узор) очередной борьбы за власть в Кремле.

В ней мы можем выделить несколько этапов. Первый. Он начался вскоре после избрания Андропова генсеком, точнее — ровно через три месяца. Как только ухудшилось его здоровье, в Политбюро обозначились скрытые приготовления к переходу власти. И приступил к ней не кто иной, как сам Андропов — он стал задумываться о том, что (и кто) будет после него. Уже сама постановка вопроса о наследовании предполагала известное ограничение его власти. Но, находясь под угрозой смерти, он стал искать посмертного самовыра-

жения — политической самореализации через задуманную им систему реформ. И ему нужен был помощник (и последователь), способный довести до конца начатые им преобразования. Им оказался Горбачев, которого Андропов стал настойчиво двигать в неофициальные вторые секретари ЦК. В течение этого периода сфера общественной активности Черненко начинает падать, пока не сводится Андроповым (с помощью Горбачева) на нет. Он исчезает с арены политической жизни с января по апрель — настолько, что даже не появился на юбилейном ленинском вечере и на майской демонстрации. В июле Черненко не оказывается на торжественном заседании, посвященном 80-летию Второго съезда большевистской партии и среди приглашенных на переговоры с венгерским руководителем Я.Кадаром. В августе Черненко не удостоивается приглашения на беседу с генсеком португальской компартии Альваре Куньялом и на встречу с американской профсоюзной делегацией.

Но стоило Андропову в сентябре исчезнуть с политического горизонта, как Черненко тут же перешел в наступление и начался новый — второй этап борьбы за власть. Он снова стал публиковаться. В октябре его статья появляется в журнале "Коммунист" — она была посвящена изменению стиля партийной работы, а в ноябре — в журнале "Проблемы мира и социализма", и в ней Черненко размышлял о развитии творческого начала в общественной структуре советского общества. Увидели свет и новые его работы по внешней политике. В этой сфере он от теории — от статей — переходит к практике — начинает лично ее направлять и определять: принимал алжирскую делегацию (октябрь), вел переговоры с представителями ливанских коммунистов (ноябрь). Активность Черненко все больше расширялась, он все больше доминирует в Политбюро — настолько, что занял место (стояния) Андропова на трибуне мавзолея на параде 7 ноября, а двумя днями раньше, на юбилейном вечере в Кремле, возглавил (за столом Президиума) процессию советских руководителей.

Черненко искал популярности и за рамками партийного аппарата: на заседании Политбюро в самом начале января

1984 года он поставил вопрос об освобождении от оплаты за содержание в школах-интернатах детей одиноких матерей и малоимущих семей. Сумма, выделенная для этой цели, была ничтожна — 40 миллионов рублей на миллион воспитанников, но замысел Черненко — далекоидущий: показать себя государственным деятелем, проявляющим заботу о народе³⁴. В эти же дни в советских газетах публикуется проект школьной реформы, подготовленный под руководством Черненко. И опять мы видим заигрывания с "простым человеком": ему обещается "коренным образом улучшить постановку трудового воспитания", "вооружить учащихся знаниями и навыками использования современной техники" и "совершенствовать формы, методы и средства обучения"³⁵.

Нарастание темпов политической активности Черненко побудило и Горбачева поспешить с захватом различных ступеней партийной иерархии — он приступает к форсированию давно откладываемых решений. Ему удается провести двух своих надежных сторонников на ключевые должности в аппарате ЦК: Егор Лигачев становится заведующим Отделом организации партийной работы, а Николай Кручина — управляющим делами. Они открывают перед Горбачевым возможность контроля над назначением ответственных партийных работников. И сразу же ускорились перемещения в областных и республиканских партийных комитетах: в августе — сентябре в них было произведено два важных замещения, в сентябре — ноябре — три, в ноябре — четыре, а в течение декабря — января — шестнадцать.

Персональные изменения, сделанные на Пленуме ЦК 26 — 27 декабря, также свидетельствовали об усилении позиции Горбачева. Его ставленник и приятель Лигачева был назначен секретарем ЦК по кадрам, оттеснив с этой важной должности Ивана Капитонова. Воротников — партийный руководитель андроповского набора — становится полным членом Политбюро. А Виктор Чебриков, еще один выдвигенец генсека, — кандидатом.

Членом Политбюро избирается и Михаил Соломенцев. Его политическая ориентация оставалась какое-то время неясной: по возрасту и партийному стажу он принадлежал к по-

колению Черненко, а скачком в карьере (по-видимому, перед ее закатом) был обязан Горбачеву. Так что он, по-видимому, стремился опереться на его поддержку и симпатии. Для Горбачева это становится особенно важно в декабре, когда борьба за власть в Кремле окончательно сфокусировалась в противоборстве между ним и Черненко. Горбачев попытался вновь — на этот раз косвенно — скомпрометировать своего соперника. ЦК, на основе материалов, представленных Лигачевым, принимает постановление о методе и стиле работы партийной организации Молдавии, с руководством которой Черненко был связан многие годы.

И здесь Горбачеву явно изменил политический вкус: вместо того, чтобы повернуть партию к решению важных социальных проблем, бесплодно (из-за болезни Андропова) ждущих своего решения многие месяцы, он обрушивается с острой критикой на малозначительную республику, критикой бесплодной даже по советским стандартам. Им инспирируется Постановление ЦК по Молдавии, которое уже по своему характеру было необычным: вопрос в нем шел не о результатах проверки одного из партийных комитетов республики, городского или районного (такие обследования обычны в практике работы ЦК), а о деятельности всей республики.

Необычным было и содержание Постановления. Как правило, такие документы составляются по стандартной схеме: вначале отмечаются успехи и достижения партийной организации, далее перечисляются трудности ("трудности роста") в ее работе — "нерешенные проблемы", "узкие места" и т. д. И лишь затем — в воспитательных целях — дается критика "отдельных недостатков". Деятельность же партийного руководства Молдавии была обрисована в одних и сплошных черных красках. Выявлялись пороки в содержании его работы: "Силы партийного актива растрачиваются на разработку стереотипных планов". Отмечалась его неспособность принимать меры "по утверждению подлинно партийного, делового стиля". Констатировалось "систематическое невыполнение заданий по росту производительности труда". Осуждалась структура управления и система принятия решений, которым "зачастую недостает необходимой заостренности и де-

ловитости, нацеленности на решения важнейших хозяйственно-политических задач”³⁶.

ЦК призвал ”решительно пресекать” проявления высокомерия и грубости в Молдавии и сам же характером и тоном постановления насаждал и утверждал презрение и хамство к республике³⁷. Постановление ЦК разрушало еще одно табу партийной работы — неприкосновенность баз власти, на которые опирались советские руководители. Каждый член Политбюро имел ”свою”, подотчетную только ему, партийную организацию, республиканскую или областную, — в ней он сложился, как партийный работник, и из нее он черпал верные и преданные ему кадры. Эти партийные комитеты изымались из проверок и стояли над критикой. Обрушившись на Молдавию, Горбачев отступал от этой традиции: ему было необходимо посеять (еще раз) сомнение в профессиональной компетенции Черненко.

Стремился блокировать своего противника Горбачев и с флангов: он наносит удар по его важнейшему союзнику — Тихонову: в декабре на заседаниях Политбюро разбирается деятельность Совета Министров и подвергается острому разному ряду министерств³⁸.

Атака Горбачева, однако, выявила не столько его силу, сколько предел его возможностей: позиции Черненко окрепли настолько, что он сумел вывести и уберечь от погрома своих подопечных и подзащитных. На этом завершился второй этап противоборства Черненко с Горбачевым, он закончился равновесием сил. И начался третий — заключительный.

Возрастающее влияние Черненко отбрасывало длинную тень — через голову умирающего генсека. В течение первых недель 84-го года вновь отмечалось увеличение его влияния. Вышел вторым изданием сборник его речей и выступлений. И пресса (”Правда”) впервые отметила выдающийся вклад Черненко в разработку марксистской теории (в прошлом заслуги Черненко оценивались значительно скромнее: говорилось о его большом вкладе в развитие партийного строительства)³⁹. В это же время Черненко удается вывести вперед Тихонова, который фактически исполнял обязанности руководителя государства: председательствовал на заседаниях

Политбюро, возглавил советскую делегацию на переговорах СЭВа в Берлине, вел двусторонние переговоры с руководителями восточноевропейских государств, принимал премьер-министра Финляндии. Короче — становится козырной политической картой Черненко, разыгрывая которую — используя ее авторитет и влияние — он рассчитывал привести себя к власти. С Андроповым и при Андропове Черненко явно проигрывал в противоборстве в Политбюро: восемь его противников противостояли трем, а затем четырем его сторонникам. Но без Андропова оказалось, что черненкоовское качество перерастало андроповское количество.

Андропов пришел к власти слишком поздно для себя и слишком рано для страны, в которой он жил. Задуманная им широкая программа реформ осталась незавершенной. И он, чувствуя, что время, данное ему историей, ограничено, стремился уместить свое правление в 15 месяцев политической жизни, а по существу, в 8 — 10 месяцев своей активной деятельности. Андропов придавал социальному ускорению масштабы и темпы, сопоставимые с первыми годами революции в России. В несколько месяцев он прошел путь, который у его предшественников — всех, начиная со Сталина, занимал годы. Он сосредоточил в своих руках всю полноту власти: стал генсеком, Председателем Президиума Верховного Совета и Председателем Совета Обороны. И даже свою болезнь он обратил себе на пользу — на какое-то время стихли противоречия в Политбюро, ибо никто в нем не хотел быстрой смены власти: как его сторонники, приведшие его и сами пришедшие с ним к власти, так и его противники, боявшиеся, что радикальные и быстрые политические изменения могут поставить их, переступивших 70-летний возраст, вне рамок правительства. У постели Андропова, смертельно больного, сошлись друзья и враги, противники и сторонники, и он получил возможность в конце 1983 года заполнить Политбюро недостающими членами, и заполнить так, как ему, здоровому, возможно, не удалось бы сделать.

Андропов был уже у самого пьедестала величия, и чтобы обрести его, ему нужно было только приподняться с постели и продержаться у власти совсем немного — еще год, может

быть, два. В стране уже начинался экономический эксперимент, разворачивалась реформа образования, которая призвана была дать производству (насильственно втолкнуть в него) миллионы недостающих промышленности рабочих рук, намечалось изменение программы партии. Это был путь в единоличные правители, возможно — в вожди. На декабрьском Пленуме ЦК Андропов не смог присутствовать, но на нем царил его дух, господствовала его воля. Он ни с кем не хотел делить свое право быть первым в партии, и на Пленуме было зачитано выступление отсутствующего генсека. Народ должен был понять: Андропов — не Брежнев, он все еще не выпустил власти из своих рук. И создавалось впечатление — Андропов вот-вот вновь появится на политическом горизонте и с ним следует считаться. Однако болезнь рассудила иначе — Андропов умирает. 24 часа не сообщалось о его смерти, больше, чем после кончины Брежнева. Времени — 7 месяцев болезни Андропова — было вполне достаточно, чтобы Политбюро могло решить, кому наследовать генсеку. Оказалось — недостаточно. И только на вторые сутки стало известно, что председателем комиссии по организации похорон назначен Черненко. Те, кто мыслил в советских понятиях власти, рассудил: ему и быть генсеком. Он, действительно, им стал, но не на Политбюро, а спустя три дня — 13 февраля. А между тем днями и днем, и ночью шла ожесточенная борьба за власть.

Как только Андропов перестал быть частью политической жизни, коалиция его сторонников зашаталась и распалась. Ничто, вернее, никто уже не удерживал ее вместе. Каждый ее член стал искать возможности продвинуть собственные интересы в одиночку.

В результате в Политбюро сложилась ситуация, при которой пяти сторонникам Черненко противостояло шесть его противников. Щербицкий и Гришин, не желая уступить дорогу рвущемуся к власти Горбачеву и шедшему за ним молодому поколению, движимые инстинктом самосохранения, сомкнулись вокруг Черненко, Тихонова и Кунаева. Исход борьбы должен был решить Романов: поддержи он Горбачева, тот бы прошел в генсеки семью голосами против пяти.

Романов предпочел встать на сторону Черненко. И в Политбюро сложилась "нулевая" ситуация: 6 его членов проголосовало за Черненко и 6 — за Горбачева. Романов, конечно же, не желал Черненко у власти, но еще больше он не стремился видеть там Горбачева — для этого он должен был отказаться от собственных честолюбивых планов прорваться в генсеки. И он предал Горбачева в самый критический для того момент — во время голосования в Политбюро.

И то, что в состоянии было сделать Политбюро в начале ноября 1982 года — рекомендовать Пленуму ЦК нового генсека, оказалось невозможным для него в первой половине февраля 1984 года: генсек не был назначен. Вопрос о его избрании был перенесен на Пленум ЦК, которому предлагалось два кандидата в генсеки: Черненко и Горбачев. Всего на одну голову уменьшилось количество членов Политбюро — голову Андропова, но оно, сразу же расколотое, оказалось парализованным. Ибо это была голова генсека, перед которой в Советском Союзе все прочие головы обязаны склоняться в почтении и благоговении.

Среди же сторонников Горбачева не оказалось ни одного человека (кроме него самого) с глубокими и прочными связями в партийном аппарате. У Устинова был огромный опыт государственной работы, которого не было ни у одного члена Политбюро. Еще в сталинские времена, когда одни его коллеги по Политбюро только делали свои первые шаги в карьере, а другие — обучались политграмоте в советской школе, он уже был влиятельным министром. На своем долгом жизненном пути он успел побывать и первым заместителем Председателя Совета Министров, и председателем Высшего Совета народного хозяйства, и секретарем ЦК. Он был лауреатом Государственной премии и трижды удостоивался звания Героя, но для ЦК он так и остался чужим — человеком со стороны.

Громько, другой влиятельный сторонник Горбачева, первый заместитель Председателя Совета Министров и министр иностранных дел, не много значил для партийного аппарата — в нем у него не было влияния. Своим выдвижением он обязан был своему трудолюбию и чисткам — он неизмен-

но занимал места тех, кого репрессировал Сталин. Послушный и исполнительный, дисциплинированный и в меру интеллигентный, он начал и продолжил свою карьеру в Министерстве иностранных дел, пройдя путь от посла до министра. Эта совсем нетипичная для крупного советского руководителя карьера объясняла настороженное, граничащее с отчуждением, отношение к Громько партаппарата, которое не удалось ему преодолеть, даже будучи избранным в Политбюро.

Алиев для ЦК КПСС всегда оставался человеком другого, подчиненного ему мира чекистской жизни и к тому же являлся непонятым (и психологически чуждым) мусульманином, случайно, капризной волей Андропова занесенным в Политбюро. Соломенцев так же не вызывал почтения в ЦК — он считался неудачником, которого ввел в Политбюро случай — болезнь генсека — после двенадцати лет отстаивания в нем в качестве кандидата. При жизни Андропова партийные чиновники перед ними, как и перед другими сторонниками Горбачева, заискивали, лебезили, но их никогда не боялись, их не почитали и им не верили.

Партийный аппарат по-прежнему оставался брежневским — Андропов только приподнял и заменил его верхний слой. Вот почему члены ЦК, поспешно собранные на Пленум 11 февраля, не были готовы (и не желали) пойти за Горбачевым. Они усвоили и хорошо поняли, что социальные реформы в Советском Союзе начинаются с кадровой перетряски — за год власти Андропов сменил несколько сот ответственных сотрудников партаппарата. И на партийном съезде — его намечалось провести в ближайшие годы — предполагалось его радикальное обновление. Таковы были правила политической игры, которую вел каждый советский генсек. Однако сценарий смещения был нарушен смертью Андропова. И у членов ЦК, собранных на Пленум, появились шансы переиграть игру: не дать возможности сторонникам Андропова продолжить его кадровую политику — за их счет и ценой их благополучия. Да и сам Черненко не оставался пассивным. Он за последние недели перед смертью Андропова провел десятки встреч — с секретарями обкомов, с ответственными сотрудниками ЦК — выяснял, с кем и за кем они пойдут пос-

ле Андропова. Потеряв власть, вырванную у него из рук в ноябре 1982 года, он стал более осторожным и менее самоуверенным. Его союзником в борьбе за власть оказался мертвый Андропов: в стремительном вихре перемещений на нем, как на единственной надежде, сошлись, остановились и сомкнулись интересы и надежды партийного аппарата.

Горбачев же оказался перед лицом враждебного ему Пленума, который всего за год до этого с энтузиазмом поддерживал Андропова, а теперь отказал в поддержке ему, его наследнику. Это произошло потому, что впервые в советской истории генсеку не удалось завершить реорганизацию партийной машины. И впервые в советской истории Пленум независимо от Политбюро решал и решил, кому быть генсеком, тем самым подтвердив свое право на высшую власть в стране, в течение многих лет узурпированную Политбюро.

Черненко стал генсеком волей Пленума. И его зависимость от членов ЦК должна была определить и определила характер его правления. Он обязался возратить партийному аппарату уверенность в себе, данную ему Брежневым и поставленную под сомнение Андроповым, и внести в его жизнь спокойствие и стабильность. Взамен Черненко рассчитывал получить его поддержку и приобрел ее. Вот почему его выступление на Пленуме ЦК было непохоже на выступление Андропова по случаю смерти Брежнева. Андропов произнес речь, приличествующую случаю — краткую, сжатую, почти целиком посвященную покойному: отдал дань почтения его памяти и призвал следовать его заветам⁴⁰.

Выступление же Черненко вышло за рамки траурного сообщения. Бесстрастно и несколько холодновато обрисовав жизненный путь Андропова, он широко развернул намечаемую программу своих действий. И сразу же обнаружились различия в понимании сущности реформ между ним и его предшественником. Андропова интересовал прогресс сам по себе, так сказать, его социальная материя: как быстрее его развернуть и успешнее осуществить. Черненко же вскрывал его человеческую сущность, его цели — насколько могут (и будут) они способствовать улучшению условий труда и быта людей. Он выразил сомнения в том, что ускорения возмож-

но достичь только организационными средствами — более совершенной системой труда и усилением дисциплины. Главным, на его взгляд, являлся материальный фактор, лучшее стимулирование трудовой деятельности. И — социальная справедливость. При этом данное понятия осмысливалось им в контексте широких преобразований: в перестройке управления, в воспитании человека, в идее мирного сотрудничества с Западом⁴¹.

Разумеется, многое в словах Черненко было спродуцировано пропагандистскими соображениями, он искал популярности за рубежом и стремился завоевать расположение собственного народа. Но часть высказанных им мыслей вполне укладывалась в его мировоззрение — они долгие годы кочевали по страницам его книг, пока не отложились в программе его действий, которую он, став генсеком, предполагал осуществить.

Впрочем, не сразу, ибо Пленум ЦК не спешил воспринять и поддержать идеи нового генсека. И Тихонов поторопился успокоить партократов — он представил Черненко последователем не только Андропова, но и Брежнева, имя которого почти полностью исчезло из политического лексикона. "Воскресение" Брежнева было необходимо — оно обещало (и гарантировало) партаппарату, что политические изменения, в каком бы направлении они не развивались, не затронут его интересов и привилегий. И только на этих условиях тот предоставил власть Черненко, человеку с двумя политическими лицами. Одним — обращенным в прошлое, другим — смотрящим в будущее. Черненко попытается удержать в своих руках эти оба конца советской истории — традиционный и реформаторский. И попытается их соединить. Сумеет и посмеет ли? События в Москве в феврале 1984 года не давали ответа.

Унижение — это возмездие за признание.

Глава шестая

ЦЕЛЬ ВЛАСТИ — ВЛАСТЬ

Андропов умер как и жил — в тайне. Он скончался 9 февраля 1984 года. Но никакого сообщения о его смерти в утренних газетах на следующий день не последовало. "Правда" поместила на первой полосе пространный отчет о деятельности правительства, материалы подготовки к выборам, зарубежную хронику. И все. Кремль нуждался в Андропове, так как все еще не закончилась раскладка сил в Политбюро. И Андропов был мобилизован для сверхсрочной службы советскими руководителями, которые, не имея нового генсека, стремились на какое-то время удержать тень старого. Неуверенные в себе, они еще какое-то время подпирались его словами и делами.

Все дни до назначения Черненко, с пятницы до вторника, в районе Центрального Комитета на Старой площади и перед зданием правительства в Кремле отмечалось активное перемещение патрулей в военной форме и штатском. А на площади перед Колонным залом, в котором было выставлено тело Андропова, напротив, народу было сравнительно немного — люди проявляли безразличие к покойному. Когда же, наконец, советские руководители появились в Колонном зале, отдавая последние почести Андропову, они были усталыми и раздраженными.

О глубоких внутренних трениях в Политбюро свидетель-

ствовал и характер шествия траурной процессии: ее возглавлял Черненко — он шел не первым, а впереди — на несколько шагов — от следовавших за ним Тихонова, Устинова, Громько и Гришина. А затем рядом, вплотную друг к другу, словно для того, чтобы рассеять слухи о соперничестве, шли Горбачев и Романов. И расположились советские руководители у гроба, по-видимому, в том же порядке, в котором сгруппировались на заседании Политбюро — не по субординации, а в окружении своих единомышленников: Черненко, Кунаев, Щербицкий, Тихонов, Романов в одной стороне, Горбачев, Алиев, Соломенцев, Воротников — в другой. И между ними, словно разделяя противников, стояли Устинов, Гришин, Громько¹.

Пока что Черненко был утвержден лишь председателем похоронной комиссии — на него были возложены обязанности чисто церемониальные, которые вполне укладывались в требования партийной субординации. Черненко являлся вторым секретарем ЦК, и представлялось вполне естественным, что он является председателем правительственной комиссии по проведению похорон почившего генсека. Так что назначение Черненко не носило столь символического характера, как такое же назначение Андропова после смерти Брежнева. Тем не менее особый смысл имела традиция — те, кто утверждался председателем комиссии по организации похорон генсеков, очень скоро сами становились генсеками: Хрущев после Сталина, Андропов после Брежнева. Имел значение (в данном случае) и состав комиссии — он не был церемониальным: в нее вошли члены Политбюро, и Черненко недвусмысленно оказался поднятым над ними.

Объявив проведение государственных похорон во вторник, Политбюро ограничило время своего политического маневрирования. До этого дня необходимо было провести Пленум ЦК и на нем избрать нового руководителя. Рискованно было затягивать процедуру с его назначением, так как в СССР смена власти всегда таит в себе опасность кризиса власти. К тому же невозможно было провести показательный правительственный прием (важная государственная процедура) иностранных гостей, приглашенных для выражения соболезнова-

ния в Георгиевский зал Кремля, без нового правителя (что в таком случае об устойчивости режима подумали бы за границей — союзники и противники?)

У Черненко, он казался спокойным и невозмутимым, в те дни были основания для оптимизма. В работе Пленума ЦК должны были принять участие (а значит — и голосовать) более 50 видных партийных работников, смещенных Андроповым. Они, без сомнения, должны были пойти за Черненко, увлекая за собой тех, кого Андропов не успел снять и кто неизбежно был бы сметен, если власть в стране прибрал бы к рукам кто-нибудь из его сторонников. Ожидания не обманули Черненко — на Пленуме он был избран генсеком. Однако в Политбюро сложилась сложная обстановка: возникла новая иерархия, которая сразу отразилась на внешней его картине. Она стала просматриваться уже во вторник, когда члены Политбюро вновь сошлись в Колонном зале у гроба Андропова — они стояли строго по рангу, без какой бы то ни было импровизации. Черненко — в центре, справа от него находился Горбачев, что свидетельствовало о его выдвижении на второе место в партии, слева от генсека — Тихонов, Председатель Совета Министров, рядом с Горбачевым оказался Романов: Черненко не удалось провести его во вторые секретари ЦК, и ему пришлось довольствоваться третьим местом в партийной иерархии. За Тихоновым разместился Громько (он не утратил влияния и по-прежнему входил в пятерку самых значительных советских руководителей), за ним расположился Устинов, еще один сильный человек в правительстве. Поднялись в статусе Щербицкий — он занял место рядом с Романовым, и Гришин, оказавшийся за Устиновым (на него Черненко вполне мог рассчитывать). Замыкали экспозицию членов Политбюро слева — Алиев (скольжение вниз в сравнении с временами Андропова), справа — Соломенцев и Воротников (в их статусе не произошло изменений).

Вот в таком иерархическом виде выстроилось у гроба Андропова Политбюро, силы, симпатии (и соответственно — поддержка) которого распределялись ровно поровну между Черненко и Горбачевым².

Черненко, победив на Пленуме ЦК, проигрывал на Политбюро. В нем он мог рассчитывать только на шестерых его членов — себя (естественно), Тихонова, Кунаева, Щербицкого, Гришина (вполне) и Романова (отчасти), таким образом число голосов, которым он располагал, было явно недостаточным для проведения самостоятельной политики. Горбачев же, напротив, потерпев неудачу на Пленуме, в выигрышном положении оказался в Политбюро: из 12 членов его поддерживали 6: он сам, Громько, Устинов, Воротников, Алиев и Соломенцев. Это было достаточно, чтобы заблокировать любое решение генсека. И большие маневры сторон начались уже на первом заседании Политбюро — в четверг 16 февраля. Но это произойдет после погребения Андропова, а пока что Черненко важно было приготовиться к похоронам — сдержанно-торжественным и впечатляющим.

Траурная церемония с его участием началась уже в Колонном зале. Черненко подошел к жене покойного (о существовании которой на Западе не подозревали), поцеловал ее — мир должен был увидеть, что состоялось примирение генсеков (у гроба одного из них), а затем трогательно дотронулся до плеча его сына Игоря Андропова, и тот, растроганный, зарыдал. Затем действие было перенесено на улицу, где среди огромной толпы одетых по-зимнему москвичей Андропова поджидал орудийный лафет, задрапированный красной и черной материей, а Черненко — его коллеги по Политбюро, в одинаковых черных пальто и надвинутых на глаза меховых шапках.

Траурная процедура (как и маршрут похорон — мимо здания Госплана, минуя гостиницу "Националь" и Исторический музей, к Кремлевской стене) со времени смерти Брежнева стала привычной. Вслед за бесконечным потоком венков (их было не менее тысячи) шли офицеры с орденами Андропова, приколотыми к красным бархатным подушечкам (их было явно меньше, чем у Брежнева, но более чем достаточно для человека, всего год пробывшего у власти). Привычным и чуть ли не традиционным было и распределение ролей. За гробом покойного шла его семья, за ними — члены Политбюро во главе с Черненко, далее на некотором

отдалении — многочисленная толпа отобранных ”трудящихся” — им предстояло расположиться на Красной площади, куда медленно вытекала похоронная процессия.

Черненко путь от Дома Союзов до Красной площади преодолел самостоятельно и для своего возраста вполне успешно. Он лишь пару раз сбивался с шага, переводя дыхание, и только у самого Мавзолея отделился от членов Политбюро и поднялся на трибуну на лифте, в то время как остальные чинно взбирались по ступенькам. Черненко предстояло преодолеть еще одно нелегкое испытание — произнести речь на морозном воздухе и на виду у тысячи зрителей. Говорил (вернее — читал) он недолго, быстро, суетливо, надтреснутым голосом. И было очевидно, что Андропов в подобной ситуации годом раньше держался более впечатляюще. ”Прощай, наш дорогой друг и товарищ, Юрий Владимирович Андропов!” — закончил он свое выступление. И в тоне его послышалась искренняя печаль.

Он явно переживал и нервничал у могилы Андропова: рука, взятая под козырек, дрожала и несколько раз бессильно опускалась, взгляд бы потухший, растерянный. Ему бы в эти минуты — он шел к ним тяжелым трудом многие годы — наслаждаться, гордиться. Мог ли он (или кто другой?) в далеком сибирском захолустье 60 лет назад представить, что он, деревенский парень, оставивший школу (и так никогда и не получивший систематического образования) для того, чтобы работать у богатых крестьян, станет руководителем величайшей державы?! Но радости, казалось, Черненко не чувствовал. В его взгляде, обращенном к земле, в которую под мелодию Шопена опускали тело Андропова, был ужас. О чем он думал? Может быть, о том, что он пришел к власти слишком старым, слишком поздно, изнуренный, одинокий, больной. И недалек тот день, когда уже он, а не Андропов, станет главным действующим лицом такой же церемонии у Мавзолея. Но траурная атмосфера внезапно исчезла — заиграла бравурная музыка марша. И по Красной площади, чеканя шаг, зашагали войска Московского гарнизона: генсек умер — необходимо было приветствовать нового генсека.

В советской жизни ничего не ново. И Черненко надо бы-

ло возвращаться к политической действительности с ее особенностями, придающими ей оттенок театральности, или, вернее — маскарада, в котором действующие лица, а он отныне главный среди них, вовремя должны были успевать сменять маски. Ему предстояло начать свою деятельность на новом посту с большого приема иностранных гостей в Георгиевском зале Кремля. И важно было провести его энергично и по возможности эффектно — несмотря на ужасную нервозность и усталость последних дней, когда ему удавалось поспать едва ли больше нескольких часов в сутки.

Давний рефрен советской политики — что скажет Запад? Этот вопрос не мог не волновать Черненко. И он попытался произвести на мир (а через его восприятие — на собственный народ) благоприятное впечатление. Это тем более ему было необходимо и важно, потому что он знал — слышал от своих помощников — о презрительном и снисходительном отношении к нему на Западе. Впрочем, неприязнь была взаимной: Черненко так же не питал расположения к Западу, он его отталкивал и пугал. И поэтому он его не знал и не стремился понять. Посещая свободные страны — ему пришлось побывать в Соединенных Штатах, Греции, Дании, Финляндии, Франции, Австрии, — он не имел возможности познакомиться ни с их жизнью, ни с социальным устройством.

Различные города мелькали за окнами бронированных автомобилей. И поверхностные впечатления, полученные на съездах "братских компартий", вполне укладывались в давно вложенные в его сознание идеологические схемы о том, что в мире капитала существует и ведется ожесточенная классовая борьба, царят неравенство и эксплуатация. А те сведения, из увиденного, что не помещались в его озноточные и линейные модели, считал пропагандой, предназначенной для одурачивания неискушенных людей. Такое восприятие его вполне устраивало: оно создавало видимость цельного восприятия мира и убеждало его в правоте дела, которому он служил. И он никогда не испытывал желания глубже проникнуть в реальности другой действительности, всегда остававшейся для него чужой и враждебной. Вместе с тем в нем, как и во многих русских людях, теплилась скрытая зависть

и восхищение Америкой, ее размахом, величием и могуществом.

Посетив в 1975 году с частным визитом Нью-Йорк в качестве гостя советского посла, он с интересом знакомился с работой компьютеров для обработки информации в ООН: техническое превосходство Америки он признавал. Но, будучи в Европе, был вынужден целиком отдаваться служебным обязанностям. И у иностранных дипломатов, постоянно видевших его при Брежневле, сложилось впечатление, что он плохо разбирается в международных делах, они воспринимали его как человека ограниченного, хитрого, расчетливого — но не более.

Не следует думать, что Черненко не пытался развеять сложившегося предубеждения, но не всегда делал это умело и успешно. Впрочем, мнение о нем постепенно менялось, и искушенные в политике государственные деятели признавались, что Черненко производит на них сильное впечатление³.

Но в целом его образ за границей продолжал оставаться негативным. Так что Черненко со всей серьезностью решил погрузиться в ритуал приема в Кремле. Среди царской роскоши Георгиевского зала, сверкающих хрустальных люстр, блеска серебряных канделябров, старинных ковров он держался достойно и уверенно. Как когда-то Андропов, он принимал гостей, представляющих более чем 100 правительств и политических движений, съехавшихся в Москву на траурную церемонию. Он стоял несколько в стороне от сопровождающих его Тихонова, Громько и Кузнецова, и обращало внимание, что рядом с ним не было Горбачева. Но, в отличие от Андропова, он не стремился никого очаровать. На его лице не было дежурной улыбки, всех гостей он встречал одинаково: пожимал руку и внимательно выслушивал. Собственные высказывания он приберегал для последующих бесед. Различие в стиле поведения Андропова и Черненко сразу же бросалось в глаза. Андропов, знакомясь, для каждого, кто его приветствовал, заготавливал нечто индивидуальное — проявлял что-то вроде персональной дипломатии: особую реплику или шутку. А с министром иностранных дел Китая, отступив от протокола, он разговаривал несколько ми-

нут. Удивил он и президента Пакистана, согласившись на незапланированную встречу с ним⁴.

Черненко вел себя иначе — более сдержанно: каждой делегации он уделял не более десяти — двенадцати секунд. Представителя Китая, на этот раз более солидного, чем на похоронах Брежнева (полного члена Политбюро), он поручил Гейдару Алиеву, а президенту Пакистана во встрече отказал. Но он, как и Андропов, уделил достаточно времени для бесед с вице-президентом США, премьер-министрами Франции, Англии, Канады, президентом Италии, канцлером Западной Германии. При этом он воздержался (в отличие от Андропова) от полемического тона и дал понять, что готов отойти от жесткой позиции своего предшественника. Расчет был правильный — с тонким пониманием психологии западных руководителей. И они охотно убедили себя, что Черненко — руководитель, с которым надо считаться и с которым приятно и можно иметь дело⁵.

Вице-президент Буш заметил, что у Черненко есть потенциал сильного лидера и он обладает чувством юмора. Президент Италии Александро Пертини увидел в Черненко рассудительного государственного деятеля, способного к объективным решениям. Канцлер Германии Гельмут Коль охарактеризовал его как человека откровенного, умеющего высказываться без пропагандистского подтекста. Премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер в своей оценке Черненко была более осторожна — отметила, что он дал четкое изложение советской позиции и, не раскрывая подробностей беседы с советским руководителем, выразила уверенность в том, что он не испытывает враждебности к Западу. Французский премьер заявил, что при новом руководителе русские очень скоро пойдут на переговоры о ядерном разоружении. Его оптимизм разделил глава правительства Канады Пьер Трюдо, который сказал: в воздухе опять повеяло брежневским детантом, Черненко создает основу для взаимопонимания⁶.

Короче, западные политики, переоценив Андропова, боялись недооценить Черненко. Они, находясь под впечатлением сдержанности и некоторой доброжелательности, проявленной, а точнее — разыгранной советским руководителем,

не придали значение ни его нетерпимости (он ее проявил достаточно откровенно в беседе с представителями Бонна — отметил, что советское правительство и в дальнейшем предполагает ориентироваться в своей политике в Европе на Восточную Германию), ни консервативности (он не был готов к политическому диалогу с Западом, предпочитая опереться на опыт Громыко и знания Устинова). Не заметили они и того, что Черненко был дипломатом начинающим, неопытным и неискушенным. Ему не доставало уверенности, и он не был склонен к импровизации: при встречах с западными лидерами он пользовался заранее заготовленными записями, часто повторялся, сбивался, с трудом подыскивал необходимые слова. А когда разговор от общих тем переходил к конкретным предложениям или деталям, стремился переключить беседу на своих советников.

Проникнуть в характер нового советского лидера для Запада оказалась задачей такой же сложной, как и постигнуть суть советского государства, которое долгие годы оставалось памятником непроницаемости и тайны. Но Черненко уже однажды удивил мир, придя к власти. И теперь от него вновь ждали чуда. Оно не произошло. Это стало очевидно, как только знаки траура исчезли с московских улиц. Большинство советских руководителей ненадолго переживают свою смерть и быстро исчезают из истории. Еще быстрее развеялась иллюзия Черненко и вокруг Черненко. Знамением его времени стал лозунг "преемственности". Под прикрытием этого принципа Черненко выдвинул главную идею своего правления: "спешить медленно", и сразу же выявились трудности в ее реализации и противоречия.

Будучи человеком активным и решительным, Черненко попытался руководить энергично и эффективно — его опыт и карьера свидетельствовали о его склонности к переменам. Обратиться к ним он готов был не только для того, чтобы оставить о себе добрую память (и такие мысли, наверное, его посещали), а для того, чтобы, наконец, приложить к жизни свои теории и взгляды, многие из которых так и не смогли выйти со страниц его книг во времена Брежнева и Андропова. Это обещало ему поддержку молодого поколения По-

литбюро. Получить ее ему, однако, не удалось: Горбачев не хотел реформ от имени Черненко — он ждал его смерти. Тогда Черненко попытался обратиться к известному (и популярному в Советском Союзе) средству подкупа сторонников Горбачева. Влияние и авторитет генсека обещали ему в этом успех. Но при этом Черненко следовало остерегаться своих сторонников — чтобы не оттолкнуть их от себя непродуманными и поспешными нововведениями. И в таком клубке противоречий пришлось Черненко действовать — делить свою власть с противниками и улаживать союзников. Возникла система правления (она всегда повторялась в Советском Союзе при смене лидеров), отражающаяся в формуле "коллективного руководства".

Впервые Черненко заявил, что представляет "коллективно выработанную политическую линию Политбюро", на встрече с лидером западногерманских социалистов Гансом Фогелем⁷. К идее коллегиальности правления он вновь возвращается в своей предвыборной речи в Верховный Совет⁸. И еще раз остановился на ней, выступая на совещании работников аппарата ЦК⁹.

Предшественникам Черненко также приходилось признаваться, что они действуют от имени коллектива Политбюро. Но никогда они не говорили об этом столь настойчиво и определенно и так часто, как Черненко. И это указывало, что положение нового генсека недостаточно устойчиво. Признаков конфликтов в советском руководстве еще не было, однако слабость его позиции проявлялась достаточно определенно. Ее можно было проследить во время визита советских руководителей за границу. В этом случае правительственные приветствия зачитывались от имени Черненко, Тихонова и Громько¹⁰. Такая формулировка не соответствовала общепринятой, так как предполагалось (и в прошлом не раз подчеркивалось), что внешней политикой руководит генсек¹¹.

О неустойчивости позиций Черненко свидетельствовала и поляризация сил в Политбюро. Разделение власти в руководстве с приходом нового генсека — явление обычное в советской стране. Но никогда в прошлом столь явным и ост-

рым не было противостояние (и противоборство) двух соперничающих за власть групп: старой гвардии, поддерживающей Черненко, и молодых лидеров, стоявших за Горбачевым. Первые откровенно выражали свое удовлетворение избранием Черненко, вторые — совсем не торопились проявлять свою поддержку новому генсеку. Интересным и важным индикатором их отношения к Черненко явились речи, произнесенные ими на предвыборных собраниях в Верховный Совет. Странники Черненко откровенно льстили ему и с подчеркнутой, а иногда — с вызывающей холодностью отзывались об Андропове.

Для нового руководителя подыскивались утонченные комплименты — отмечались его "огромный вклад в разработку теоретических и практических проблем современности", "высокий авторитет", "международное признание", а об ушедшем генсеке отзывались снисходительно — уже! — говорилось, что он "посвятил свою жизнь служению народу" и "рано умер". И все. Гришин представил Черненко как "главу партии", то есть удостоил звания, которым вознаграждались советские руководители лишь на закате их правления, а Тихонов попытался перекинуть мост от Черненко к вождю коммунистической революции — назвал его "руководителем ленинского типа".

Характеристики, которыми наделяются советские руководители, очень четко и определенно привязаны к их положению. Странники Черненко в своем верноподданничестве, однако, переступили через принятый протокол чинопочитания, который положен только что избранному генсеку — они сверх всякой меры восхваляли его "пламенный патриотизм" и "блестящие способности" (о таких вещах принято, как правило, говорить уже после того, генсек утвердится у власти). Вместе с тем они вполне оставались в рамках дозволенного преклонения, когда представляли его "выдающимся деятелем коммунистической партии и Советского государства". В соответствии с традицией советского угодничества, генсека принято называть "выдающимся руководителем", в то время как деятелей более низкого уровня надлежит определять скромнее. Секретарю горкома поло-

жено быть "замечательным организатором", а секретарю райкома — всего лишь "талантливым пропагандистом".

Так что нежелание сторонников Горбачева — Громыко, Устинова, Воротникова — характеризовать Черненко "выдающимся руководителем" явилось явным отступлением от партийного протокола и было не случайно. За ним просматривалось их разочарование выбором генсека. И еще — оно свидетельствовало о слабости и недостаточной прочности авторитета Черненко. Исключением являлся Алиев. Он, единственный член Политбюро в лагере Горбачева, говорил и отзывался о Черненко хвалебно, с восточной цветистостью и подобострастием¹². Для генсека это был намек, что в раскладке сил в Политбюро нет ничего завершенного и постоянного.

Делили свои симпатии и почести между двумя группами Чебриков — осторожно, и Шеварднадзе — смело и откровенно. Руководитель Госбезопасности вспомнил о "давних" симпатиях генсека к чекистам, а партийный секретарь из Тбилиси подчеркивал его традиционные дружественные связи с солнечной Грузией¹³, Скользящие симпатии обоих лидеров обещали Черненко возможность политического маневрирования в Политбюро — с теми фигурами, что были в нем представлены. Впрочем, указанная возможность была обращена к будущему — если бы Черненко удалось, преодолев переходный год правления, утвердиться в Кремле. А пока что его реальная власть не соответствовала уровню его формальной власти. Это выяснилось, когда Черненко не удалось затушевать важную роль Горбачева на Пленуме ЦК. В отчетах, появившихся в газетах сразу после Пленума, упоминалось о речах Тихонова и Черненко и не было никаких намеков на выступление Горбачева¹⁴. И только спустя несколько дней, когда появилась брошюра с материалами Пленума, стало ясно, что закрывал заседание не Черненко, а Горбачев, который произнес небольшую речь в триста слов, и в ней не нашлось ни единого слова для восхваления Черненко.

Его сухое, подчеркнуто деловое и директивное выступление свидетельствовало, что смена власти в Советском Союзе все еще не закончилась — она продолжается¹⁵. И вслед

за Черненко идет (и придет) не поколение партийных деятелей, родившееся в 20-х годах (оно предъявило свои претензии на власть слишком поздно), а руководители, появившиеся на свет в 30-х годах — их представлял Горбачев. Черненко поэтому сразу же испытал большие трудности в создании собственной базы власти, необходимой для твердого и решительного правления. Другая сложность для него была в том, что, став генсеком, он обнаружил в верхнем слое власти руководителей, отобранных двумя его предшественниками — людей совершенно непохожих, с неодинаковым жизненным опытом и разными взглядами. Он попытался контролировать их противоречивые интересы, но не преуспел, и они очень скоро стали действовать независимо от него. Черненко тем не менее не хотел (по крайней мере в самом начале своего правления) возвращения к стилю брежневской эпохи, с ее замедленной бюрократической атмосферой, видимым благополучием и показной образцовостью.

Став генсеком, он попытался развернуть кипучую деятельность — изнурительные встречи и совещания следовали одни за другими. Впечатление было такое, что нет никакой разницы между действиями Черненко и Андропова. Ибо они оба сталкивались с одинаковыми проблемами, и пространство для экономического маневрирования и социальных экспериментов у них оставалось ограниченным. И когда речь заходила о принципиальных политических вопросах, схожесть ситуации определяла общность их поведения. Но различие между ними — и существенное — все-таки было. Андропов опирался на КГБ — он составлял костяк его власти. Черненко же искал поддержки в партийном аппарате — в его привилегированном секретарском корпусе.

К нему апеллировал в важнейшем и, по-видимому, программном выступлении — на встрече с работниками аппарата ЦК. Черненко предупредил собравшихся, что не стоит рассчитывать на возвращение к старым временам — застою, спокойствию и бездеятельности. Он подчеркнул свое намерение проводить в жизнь самостоятельный политический курс, улучшать стиль и методы управления, усовершенствовать организацию производства, развивать экономику. И призвал "рабо-

тать так, чтобы обеспечить не только выполнение, но и перевыполнение заданий, установленных на 1984 год”¹⁶.

72-летний Черненко осознавал, что у него нет много времени для укрепления собственной власти, поэтому он стремился решать проблемы, стоявшие перед страной (и перед ним) сообща — всем руководством, не занимаясь изнурительными интригами. Он отметил, что предлагаемая им программа действий — не есть его личная инициатива, а ”решение, выработанное коллегиально”¹⁷.

Вместе с тем оказалось, что у Черненко есть совсем немного, что он мог предложить обществу. Углубление им социальной критики означало бы реставрацию политики Андропова, что лишало его индивидуальности. Возвращение к Брежневу подтверждало мнение об отсутствии в нем самостоятельности и самобытности. И Черненко выбрал третий путь — самый худший. Он попытался создать симбиоз из брежневской неподвижности и андроповского реформизма.

Обращение к такому противоречивому курсу явилось результатом не свободного его выбора, а следствием компромисса двух групп Политбюро — наследников Брежнева и сторонников Андропова. Приняв их требования, Черненко стал утрачивать независимость и инициативу. И его политика по существу свелась к голословным акциям — словам и декларациям, которые он в изобилии находил в собственных книгах, написанных в разные годы.

Он призывал ”неуклонно повышать” организованность и дисциплину, активно использовать ускорение научно-технического прогресса, обеспечивать полную загрузку производственных мощностей, ”повсеместно” усиливать режим экономии¹⁸. Эти идеи, написанные Черненко в условиях брежневской инертности и застоя, несомненно, были прогрессивными для того времени. Но возвращение к тем лозунгам много лет спустя, их повторение без четкой и эффективной программы переустройства общества совершенно стирало их когда-то передовое и прогрессивное содержание и значение. Оказалось, что высказывать правильные мысли и реализовать их — не одно и то же.

Для того, чтобы сдвинуть и заставить работать тяжелую

машину советского бюрократизма, недостаточно было разумных и справедливых слов, необходимы были эффективные действия. Это хорошо понимал Андропов, который зажег общество фейерверком неожиданных кампаний, постановлений, решений. Черненко так же необходимы были конкретные дела, пусть неэффективные, но обязательно яркие, захватывающие, впечатляющие. Следовало сместить несколько высокопоставленных работников за косность, нерадивость, инертность, ввести в действие на производстве дублеров руководителей, расшевелить и поманить массы возможностью контролируемой демократизации и управляемой гласности, то есть насадить и утвердить собственные идеи действием, и облик его в глазах общества сразу же изменился бы — консерватор предстал бы преобразователем.

Черненко, однако, не рискнул (или не сумел) перейти с реформ на бумаге к экспериментам на социальной ткани советского общества. И виноват, возможно, не столько он сам, сколько его окружение. Оно не хотело и не ждало от него действий по самым разным причинам. Горбачев стремился дискредитировать Черненко его бездеятельностью. Романов не желал реформ генсека, так как знал, что проводить их в жизнь будет партийный аппарат, находящийся под контролем его соперников. В результате призывы и благие пожелания Черненко повисали бессильно и бессмысленно в социально разряженной атмосфере советского общества, которое отучилось и устало реагировать на слова — оно отзывалось только на действия. Но действий смелых, решительных не было. Вместо них были паллиативы: новые цели — ориентация на выполнение принятых решений, разработка планов, обращенных к 21-му столетию, и старые средства — "поднятие уровня партийной работы", "неотступное следование ленинскому стилю". И еще — реверансы партийному аппарату, в поддержке которого Черненко нуждался. Но ЦК не дал новому (и доброму) генсеку многого: он привык не к просьбам, а к требованиям, не к убеждению, а к наказанию, уважая не проникновенные обращения, а окрик и страх. И потому догадался, что имеет дело с руководителем, а не хозяином, да к тому же — слабым, робким, неуверенным. Чернен-

ко не решился на широкие преобразования, потому что боялся, что ЦК его не поддержит. А ЦК его не поддержал, так как знал, что он на них не решится.

Инертность Черненко, таким образом, была спродуцирована (а впоследствии — запрограммирована) рядом причин: во-первых, ошибочным выбором им социальной политики. Во-вторых, могуществом Политбюро, в котором его сторонникам противостояло равное им число противников, что ставило генсека в одинаковую зависимость от тех и других. В-третьих, его возрастом. В ожидании скорого конца он не решился приступить к перетряске руководящих кадров, и столь серьезное отступление от жестоких партийных правил игры обусловило неэффективность правления — до самой его смерти.

И здесь мы наталкиваемся на удивительный парадокс советской действительности: слабость генсека может обусловить силу и устойчивость коммунистического общества. Черненко-эпоха способствовала укреплению режима как режима партократического, с его склонностью к произволу и страстью к власти. Для того, чтобы существовать и воспроизводить себя, советская система в начале 80-х годов совсем не нуждалась во властном и самоуверенном правителе, она вполне довольствовалась руководителем номинальным, проявляющим лояльность к правам и привилегиям партийной элиты. Система была консервативна и не желала конструктивных перемен. Для того, чтобы управлять ею, не обязательно было верить и в идеологию — ее достаточно было принимать и использовать. Появление самостоятельного и инициативного правителя — Андропова — грозило режиму кризисом и вело к расшатыванию его тоталитарных принципов. Черненко же лучше, чем его предшественник, вписывался и отвечал требованиям партократической машины — в период ее упадка. Черненко, однако, пришел к власти очень поздно и для себя — был стар и физически слаб, и слишком поздно для тоталитарного режима — завершалась стадия его эпигонствующего развития. Советское общество стояло на пороге неотвратимых перемен: ломки устаревших институтов и отказа от архаичных доктрин. К такому развитию оказались

не подготовленными ни сам Черненко, ни партийный аппарат. Отсюда — бессилие и сила Черненко.

Бессилие потому, что цель, поставленная им перед собой, была недостижима — довести коммунистическую систему до следующего столетия с помощью старых или недостаточно новых (и уже успевших устареть) методов правления. И сила — потому что он, став генсеком, стремился управлять не номинально, а потребовал для себя могучий и разветвленный партийный аппарат власти. Приобрел его, но не сумел (вернее — не успел) им умело распорядиться.

На заседании Политбюро, состоявшемся 23 февраля 1984 года, Черненко определил важнейшие направления предлагаемой им политики: развитие экономики, укрепление обороноспособности, совершенствование планирования. Он призвал обратить внимание на "рост технического прогресса" и улучшение "порядка и дисциплины". Это были лозунги Андропова, и обращение к ним Черненко свидетельствовало об отсутствии у него четкой программы действий. Но имелись некоторые политические реакции, присущие каждому новому генсеку. Он искал поддержки и популярности в массах, и поэтому заявил, что "постоянной заботой партии" (т.е. его целью) будет "подъем благосостояния трудящихся" и предложил "последовательно укреплять связи с массами", "улучшать не только хозяйственную работу, но и воспитательную" (в этом призыве проявился его инстинкт старого идеологического работника)¹⁹.

Черненко уже в первые дни пребывания у власти был явно нездоров. Его грудная клетка и спина выглядели опухшими, что свидетельствовало о расширении легких. Он тяжело передвигался, семеня мелкими шажками, неуверенно волоча ноги по полу. Поднимаясь по лестнице, нуждался в поддержке и не мог долго самостоятельно удерживаться на ногах. Дыхание его часто прерывалось, и даже короткие предложения давались ему с трудом — он их, как правило, читал по бумаге прерывающимся от постоянного кашля голосом. Тем не менее свое правление он открыл бешеной гонкой приемов, чересчур напряженных и трудных для него. В течение марта он провел многочасовые беседы с министром оборо-

ны Восточной Германии Г.Гофманом, председателем фракции социалистов в Бундестаге Г.Фогелем, правителем Эфиопии Менгисту Мариамом²⁰. На следующие месяцы были назначены встречи с королем Испании Хуаном-Карлосом, генералом Войцехом Ярузельским, северокорейским диктатором Ким-Ир-Сеном, с министром иностранных дел Западной Германии Гансом Геншером.

В феврале и марте Черненко очень часто появлялся на экранах телевизоров, а газеты постоянно печатали его ответы и обращения к руководителям и политическим деятелям мира. Шел и обратный поток писем и поздравлений к нему — от глав правительств, общественных деятелей и просто "советских трудящихся"²¹.

Взрыв активности Черненко призван был компенсировать долгие месяцы бездеятельности и пассивности советского руководства при его предшественнике. Другой целью пропагандистского бума было стремление утвердить в общественном сознании привлекательный образ нового советского генсека. Это стало особенно необходимо, когда выяснилось, что широкие массы всерьез не воспринимают Черненко и не испытывают к нему уважения и доверия.

Советские люди всегда отпускали шутки и охотно рассказывали анекдоты о своих руководителях. Но публично никогда не позволяли (не осмеливались) непочтительно о них отзываться, в глубине души сохраняя к ним некоторую степень почтения и уважения — власть и ее носители в России испокон веков внушали не только страх, но и вызывали трепет. Положение изменилось с приходом к власти Черненко. И дело было не только в особенностях его личности (хотя общественное сознание, мстя Черненко за собственную покорность и бессилие, не простило ему унижений, через которые ему пришлось пройти по пути к власти), а в том, *как* и *почему* он оказался у власти.

Престиж и авторитет правителя в Советском Союзе был основательно подточен и подорван его предшественниками. Простоватым Хрущевым, который презрительно и грубо был отстранен от своей должности. Основательно развенчал культ, которым окружает себя коммунистическая власть,

Брежнев, при жизни превратившийся в памятник самому себе, с его беспредельной и чуть-чуть наивной жадой признания и неумным (до смешного) тщеславием.

Долгие месяцы отсутствия Андропова вызвали к нему жалость и сострадание, но никак не прибавили почтения к институту руководства. А Черненко окончательно сорвал ореол загадочности и таинственности с облика правителя — он был такой, как каждый.

Советские люди увидели и узнавали в нем недостатки и слабости, знакомые и присущие им, и не почитая очень часто друг друга, не могли и не хотели уважать его. Черненко почти сразу презрительно прозвали "кучером". Этим именем он был обязан склонностью советских людей к сокращенным словам — к его инициалам (К.У.) прибавили первые буквы его фамилии (Чер), и получилось "К.У.Чер". И тотчас же услужливое воображение улицы представляло Черненко, старого и неуклюжего, взобравшегося на облучок и ухватившегося натруженными руками за вожжи. Такого цинизма к своим руководителям советские люди раньше себе не позволяли. Не позволяли его и официальные советские представители. Тем более неожиданным и дерзким должно было показаться появившееся на страницах зарубежной печати замечание академика Арбатова, снисходительно назвавшего Черненко "мужиком". И совсем нетерпимой представлялась реплика Афанасьева, редактора "Правды", как будто бы сказавшего о генсеке, что он является "компрометирующей фигурой". Истоки столь неожиданной смелости партийных функционеров таились в могущественных силах, стоявших за ними и способных и готовых отвести от них наказание (в иных условиях — неотвратимое) и заинтересованных в развенчании и дискредитации Черненко.

Сторонники генсека со своей стороны спешили "подкрасить" его облик. Они знали, что стоит полностью развеяться чарам генсека (и вере в него), как под сомнением окажутся не только их положение, права и привилегии, но и способность партии, от имени которой они выступали, править.

Попытки "выправить" образ Черненко, однако, оказывались недостаточно эффективными и часто давали противо-

положительный результат. Творческих, пропагандистских находок почти не было. Черненко подавался в обрамлении многочисленной свиты услужливых помощников. И практически — в одном и том же издании. Менялись только действующие лица, которых принимал он: Черненко и министр иностранных дел Италии, он и президент Финляндии, он же и глава коммунистической партии Греции. Был однообразен и стандартен и сценарий встреч: Черненко, всегда серьезный и надменный, сосредоточенно разговаривал (или слушал) собеседников²².

Новое в Советском Союзе как правило представляет собой более или менее позабытое старое — и по этой модели Черненко выявлял и проявлял себя на людях. Картины были известные и давно знакомые со времен Брежнева: Черненко принимал космонавтов — они выстроились рядом с ним в стройном и скучном ряду. Или — вел заседание Президиума Верховного Совета. За одним столом сидел он с каменным лицом, скрестив руки, за другим, бесконечно длинным, — подчеркнуто серьезные члены Президиума²³.

Десятки фотографий в газетах, и каждая была похожа на другую, и казалось, что все они сделаны со старых негативов, только вместо Брежнева вмонтировали Черненко, стоявшего или сидевшего в той же позе и в таком же костюме, как покойный генсек. Столь же банальны были речи, его и тех, кого он пригнул вниманием, — они выжимались по одной и той же схеме: Черненко ”с большим удовлетворением” отмечал (или констатировал) заслуги и успехи собравшихся, а удостоенные чести генсека выражали ему ”сердечную благодарность за высокую оценку их деятельности”²⁴.

Советские люди сжились с такими сценами, они стали будничными и потеряли остроту и новизну за время бесконечного правления Брежнева, и ученик, старательно копирующий своего учителя, не вызывал у них ни интереса, ни волнения. Не удалось дизайнерам от ЦК создать впечатление, что Черненко интересуется жизнью народа. В действительности он, как и все его предшественники, страшно был далек от него. Они все были замурованы в узком и замкнутом кругу партийных интриг, роскошных вилл, пышных выездов,

ослепительных приемов и ярких театральных премьер. И о простых людях знали только то, что читали о них в газетах, отражавших не действительность с ее противоречиями и проблемами, а сюрреалистический мир условных, искусственных и лживых понятий. Вот почему, когда Черненко появился на металлургическом заводе, выяснилось, что ему не о чем говорить с рабочими. Вместо того, чтобы поинтересоваться условиями их жизни, размером зарплаты, характером работы, как это сделал когда-то Андропов, тонкий психолог и большой мастер мистификации, Черненко, не мудрствуя, стал проявлять внимание и интересоваться призраками (потому что он жил ими и они заменяли ему реальность) — организацией социалистического соревнования, работой партийной организации. А затем решил наставлять рабочих в вопросах международной политики.

Работники завода (и общество в целом) остались безразличными к выступлению Черненко. Одна из причин была в том, что "хождение в народ" успело потерять свою новизну и остроту. Черненко шел по пути, открытом и уже проложенном Андроповым (тогда разговор с глазу на глаз генсека с трудящимися казался необычным). И складывалось и оставалось ощущение заданности и искусственности происходящего.

Другая причина равнодушия — неумение Черненко найти правильный тон общения с рабочими: он говорил стереотипными словесными штампами, сухими, холодными, в которых тонул и терялся смысл. Сыграло свою роль и поведение Черненко. Ему было трудно стоять, и он сел и, задыхаясь, сбивчиво и торопливо стал читать по конспекту. А смысл в его словах между тем был. Черненко выдвинул интересную идею о необходимости интенсивного развития экономики: "Запасы у нас, действительно, немалые. Но они, как известно, природой не возобновляются". Он высказался за бригадную организацию труда: "Эта форма... стимулирования труда, — сказал генсек, — получила путевку в жизнь". Он предложил прогрессивную систему оплаты труда и тут же стал убеждать, что не следует ждать итогов экономического эксперимента, который проводит Государственный ко-

митет по труду, а насаждать и внедрять его в жизнь — "там, где имеются условия".

При этом Черненко очень хотелось завоевать расположение и приобрести популярность у работников завода — настолько, что он елейно стал благодарить их за хороший труд: "От имени Политбюро, ЦК и правительства хочу сказать коротко и от души: спасибо, товарищи. И вашему коллективу, и всем трудящимся".

Остановился Черненко и на трудностях в развитии производства — вполне в духе Андропова. Он говорил о сложностях, с которыми столкнулась советская экономика на переломе 70 — 80-х годов, высказал возмущение нерадивостью и беспечностью руководителей. Но критика недостатков в его изложении звучала иначе, чем в выступлениях Андропова — она была безлична, обтекаема, неконкретна. Не упомянул он и о реформе. Впрочем, это слово было произнесено в неожиданном контексте — в приложении к школе, к организации образования (давняя его идея), однако не по отношению к производству. Здесь он предлагал "выйти на новые рубежи" старыми, неэффективными, но испытанными средствами — с помощью призывов к высокопроизводительному труду и к увеличению хозяйственной заинтересованности. Необычным резонансом в этом подтексте прозвучало предложение соблюдать справедливость в системе вознаграждения за труд, но эта здравая мысль, не получившая развития, затерялась в пропагандистских лозунгах.

Не было в речи Черненко никакой импровизации, каждое понятие было прилежно выверено и идеологически выдержано. Он не перекидывался замечаниями или шутками с присутствующими, все было респектабельно, чинно, солидно. И, как положено, под конец раздались "бурные, долго не смолкающие аплодисменты", и "все встали". А затем последовал дежурный и обязательный поток словословия в адрес генсека — он испил его в полной мере. Из уст директора завода, секретаря парткома и от специально для этой цели отобранных рабочих. Все они дружно отмечали, что высоко ценят его "выдающийся политический талант" (наивысшая степень угодничества), "богатый жизненный опыт" (так не льсти-

ли ни Брежневу, ни Андропову, у которых действительно был многогранный послужной список), его человечность и постоянную заботу о людях труда (никто не уточнил, когда генсек успел ее проявить). И еще — выразили благодарность за мир на земле (это прозвучало так: "За то, что над нами сейчас мирное небо")²⁵.

Был ли рад Черненко, слыша двуличные славословия в свою честь и наблюдая равнодушную и отчужденную от него людскую массу? Он был достаточно опытен, чтобы понять, что они загодя отрепетированы и отработаны. Но усомниться в этом, сказать "нет" — значит не понять суть и характер советского образа жизни, пронизанного ханжеством и лицемерием. Несомненно, однако, что черненковцы спектаклем на заводе были не вполне довольны. Им нужна была более грандиозная постановка — представление на всю страну. И сюжет его они списали с жизнеописания почивших генсеков — к полному удовольствию генсека здравствующего. И главная роль в нем в соответствии с московскими правилами политической игры была отведена Горбачеву: ему, поверженному и униженному в противоборстве с Черненко, было предложено провозгласить своего соперника очередным советским президентом, что он и сделал на совместном заседании обеих палат Верховного Совета СССР 11 апреля 1984 года. Сладкозвучным баритоном (призванным, надо полагать, подчеркнуть готовность и услужливость) и слегка нервным (голос, по-видимому, выдавал двусмысленность ситуации) Горбачев восхвалял Черненко как "испытанного и стойкого борца за коммунизм". И — это он делал впервые — назвал его "выдающимся руководителем"²⁶.

Депутаты Верховного Совета вряд ли нуждались в пылком славословии Горбачева (их требовал ритуал "социалистического реализма"), чтобы утвердиться в добродетелях генсека. И едва он кончил свою восторженную речь, как тысячи рук механически взметнулись вверх, одобряя избрание Черненко. И вслед за ними, подчеркивая и выражая казенное единодушие, поднялись со своих мест члены Политбюро, приветствуя нового Председателя Президиума Верховного Совета. То было мгновение высшего триумфа Черненко.

Брежнев шел к этой должности 13 лет. Андропов, сумевший, казалось, до невозможности сжать процесс политического ускорения, заполучил ее спустя 7 месяцев после прихода в Кремль. Черненко же в свои 72 года уложился в два месяца.

И он искренне наслаждался победой, подняв и сомкнув (как спортсмен-рекордсмен) над головой руки, не ведая (или стремясь забыть), что успехом он более не обязан себе — его выносила наверх машина власти, запрограммированная почти 70 лет назад на культ личности правителя. Эту истину не без умысла раскрыл и разъяснил Горбачев, причем в тех же самых выражениях, которые год назад произнес Черненко, представляя Андропова для избрания на тот же пост. Горбачев сказал: осуществление генсеком функции Председателя Президиума Верховного Совета вытекает из духа советской конституции, провозгласившей партию движущей и определяющей силой советского общества, и продиктовано высшими интересами государства²⁷.

Исполненный достоинства и понимания важности момента, Черненко, надутый и подтянутый, занял место в центре сцены Кремлевского дворца. С обеих сторон его окружала старая гвардия Кремля: переступившие 70-летний возраст или приближающиеся к 80-летию Устинов, Громыко, Тихонов, Гришин, Щербицкий, Соломенцев, Кунаев, друзья и враги, баловни судьбы и опытные мастера партийных интриг, раньше и быстрее его пробившиеся к партийному Олимпу и теперь подобострастно склонившиеся перед ним. Они, люди прошлых времен и давних политических битв, действуя за сценой, могли бы пользоваться наивысшим влиянием в стране, если бы в старой картине Политбюро не просматривалась одна деталь — появление в ней рядом с Черненко молодого и здорового до неприличия Горбачева. Он и провозгласил — особая честь — новое назначение генсека, что свидетельствовало, что в Кремле происходит осторожный сдвиг власти в пользу следующего поколения.

Впрочем, время Горбачева еще не пришло. Он поэтому старался действовать и вести себя сдержанно, чтобы не дать Черненко возможности столкнуть его с ЦК. Тщательно одетый — в темно-сером костюме, при шелковом галстуке, с оч-

ками в изысканной золотой оправе, Горбачев явно нервничал на сессии Верховного Совета, обеспокоенно перелистывая страницы уже произнесенной речи, разложенной в красной кожаной папке. За два часа до этого, когда зал в неоклассическом стиле был погружен в летаргию после долгого и скучного утреннего заседания, когда совсем немного оставалось в нем депутатов, он был назначен председателем комиссии Совета Союза (одной из двух палат Верховного Совета) по иностранным делам. Назначение было знаменательно: этот пост традиционно предоставляется секретарю ЦК, второму у власти, и позволял приобрести опыт в международных делах, которого ему не доставало. Но совсем немного (или явно недостаточно) значило второе место, когда Андроповым было ему уготовано первое. Тем более, что время в стране было уже постандроповское и все внимание в нем уделялось другому герою — Черненко.

Для идеализации его образа в советской печати, сперва в "Красной звезде", газете Министерства обороны, а затем в журнале "Огонек" появились статьи, призванные залатать досадные дыры в военной биографии нового генсека и теперь — президента. Красочно и ярко, в стиле вестерна, описывалась его борьба с бандитами в степях Казахстана в начале 30-х годов. Там же была помещена фотография, изображавшая молодого Черненко, робко затерявшегося в заднем ряду пограничников, с указанием, что будущий хозяин Кремля был искусным наездником и отличным стрелком²⁸.

Для утверждения авторитета генсека, подчеркивая его "простоту и человечность", ТАСС распространило еще одну фотографию "неформального Черненко", запечатлевшую его в компании жены, дочери и внука. Черненко явно нравилось выступать в роли доброго семьянина, в отличие от недоступного Андропова, не позволяющего прессе вторгаться в мир его личной жизни (его супругу впервые увидели только на его похоронах). И, в сущности, он таким и являлся. Первый брак его был неудачным. Он распался спустя несколько лет. После него остался сын, по его примеру избравший партийную карьеру, но не преуспевший в ней — сумел подняться всего лишь до скромной должности заведующего отделом

пропаганды обкома в Томске. Второй жене, Анне, Дмитриевне, женщине простой, материнского типа, он оставался верен всю жизнь. Влияние ее на мужа было огромным. Она, не отличавшаяся ни красотой, ни хорошими манерами, окружала его заботой и вниманием.

Стиль их дома, его интерьер и обстановка, однако, не отражали ее вкусов: он был стандартен для роскошного квартала особняков влиятельных партийных функционеров — все самое дорогое и изысканное, в подражание Брежневу. Да и сам Черненко не вполне уютно чувствовал себя на шумном Кутузовском проспекте, в здании из стекла и стали. И при первой возможности старался выбраться на дачу в Подмосковье. Природа там — хвойные леса, залитые солнцем поляны — возможно, напоминала ему родную Сибирь.

Когда у него было время, он любил устраивать обеды в традиционном русском стиле — со множеством блюд и напитков и часто сам являлся поваром. Если бы не иссушавшая его постоянно жажда власти, Черненко бы вполне удовлетворился жизнью человека, принадлежащего к среднему классу. И дети у него были вполне советские: безупречного поведения и строгих нравов, без пристрастия к романтическим приключениям, мотовству и распутству, столь характерному для элитарных семей. Сын от второго брака, Владимир, окончив Институт международных отношений, работал в Госкино в скромной должности редактора, а дочь Елена была кандидатом (даже не доктором) философских наук в Институте марксизма-ленинизма.

Вместе с тем не следует упрощать Черненко. Он, как все аппаратчики на различных этажах советской системы, был оторван от народных масс, не понимал их и боялся. Невозможно представить его, имеющим представление (ну, разве что самое общее — газетное) о тесных коммуналках, бесконечных очередях, битвах с бюрократией и "бесплатной" (а потому ничего не стоящей) медицинской помощью.

Понятно, что, став генсеком и получив в свое распоряжение фешенебельные виллы, яхты и самолеты, он не возмутился. Он не был ханжой и знал, что почет и привилегии ему положены по статусу. Его пуританская натура не страдала

даже тогда, когда врач измерял температуру моря перед тем, как он купался. Таково было установление иерархической системы, рассматривавшей личность генсека (его здоровье и образ жизни) как государственное достояние. Черненко воспринял все это как должное — он всегда питал почтение к порядку и правилам. В них была вся его жизнь. Они заслоняли и заменяли для него реальную действительность. Если бы он читал Гегеля, то вполне мог и объяснить такую философию словами: все разумное действительно, и все действительно разумно.

Все его духовные запросы, интеллектуальные и культурные порывы заполнялись партийной работой и ею гасились. Он не стремился расширить круг своих интересов и обязательные походы в Большой театр, где ему приходилось десятки раз смотреть балет "Спартак" Хачатуряна или "Лебединое озеро" Чайковского, рассматривал как повинность. Им он предпочитал сентиментальные фильмы, просмотр которых для кремлевских дам любила устраивать его жена. У Черненко были и чисто деревенские вкусы: он любил рыбалку, плавать и ездить верхом — пока позволял возраст, и под влиянием Брежнева пристрастился к охоте — это увлечение считалось престижным в Кремле.

Однако город, а не деревня сформировал его мировоззрение и взгляды, и в этом он многим походил на Брежнева. Основным учителем и того и другого, при всем различии их образования, была партия. Она отложила в них одинаковыми штампами, которые легко просматривались в их речах. В капитализме они искренне видели систему жестокой эксплуатации и полагали, что его дни исторически сочтены. Считали и верили, Брежнев, по-видимому, меньше, а Черненко, возможно, больше, что коммунизм способен решить проблемы человечества и привести людей к свободе и благополучию. Но было между ними и различие: Брежнев был счастливым, его карьера развивалась легко и успешно — от одного подъема к другому, ему не приходилось находиться под давящей пятой стоявшего над ним хозяина слишком долго, и он не знал покорности и угодничества. Был горд, независим и благополучен, любил женщин, и они любили его.

Черненко же пришлось много перетерпеть в жизни — обид, унижений, самодурства. У него было видение мира необычное для провинциального партийного работника — он питал склонность к экспериментированию, к поиску новых форм и направлений. Но, находясь почти все время в тени более сильных руководителей, не решался до конца его проявить и защитить. А когда он наконец вышел из-под их влияния, оказалось, что его теории и идеи во многом устарели.

Брежнев был консерватор, единственной его страстью были покой и удовольствие, и еще он любил себя — больше, чем свою работу и близких людей. Черненко же отличался практичностью и реализмом, он полностью растворялся в деле, которому служил (и в людях, которым служил). Брежнев видел в Черненко педанта, полагал, что он никогда *ничего* не забывает — даже самую малость. Однако натура Черненко была не только богаче, но и шире — он никогда *никого* не забывал.

Черненко был явно не склонен драматизировать андроповский поход за дисциплину и законность. Приверженности лозунгам он предпочитал верность личным связям. И такое мировосприятие следует объяснять не столько отсутствием у него принципиальности, сколько его обязательностью, в которой был даже какой-то элемент человечности, некоей порядочности по-советски.

Хорошо понимал, что призывы Андропова к борьбе с коррупцией продиктованы не порывами души, а точным и хорошо отмеренным расчетом — использовать их для укрепления власти. Мораль служила безнравственности — она должна была направить усилия и жертвы общества не на его пользу и благо, а для укрепления системы. Люди были и оставались в ней всего лишь винтиками машины унижения и эксплуатации. В этих условиях Черненко, не желая умножать бессмысленное зло, старался делать по возможности добро — особенно тем, с кем был как-то связан или кому был чем-то обязан. Он оставался верен идеям Брежнева: живи сам и и давай возможность жить другим.

В полном согласии с этим принципом он возвратил в Москву дочь своего бывшего патрона — Галину. Ее появле-

ние на приеме у его жены Анны Дмитриевны, на котором сверкала супруга Горбачева, перегруженная драгоценностями, стало сенсацией апреля. Это был первый выход Брежневой в свет с ноября 1982 года, в начале которого начались ее несчастья. Ее несколько раз допрашивали в КГБ в связи со скандальной историей хищения бриллиантов, в которой был замешан ее приятель, артист цирка, покончивший жизнь самоубийством. "Дело" было подстроено и заведено противниками Брежнева с целью скомпрометировать и ослабить его политические позиции. Эта история имела катастрофические последствия для ее мужа, генерала Чурбанова, который при жизни тестя стал первым заместителем министра внутренних дел. Он был снят с поста Андроповым и отправлен в глухую провинцию — Мурманск, город за Полярным кругом, начальником местного управления милиции. По слухам, его жена, дочь Брежнева, долго и безуспешно пыталась сохранить квартиру в Москве, пока ее не вынудили уехать к мужу.

Черненко решил реабилитировать и ряд известных партийных функционеров, карьера (а часто и жизнь) которых была принесена его предшественником в жертву борьбе за власть. В апреле руководитель Молдавии Семен Гроссу, двумя месяцами до этого подвергнутый резкой критике "за инерцию и применение бумажных методов в работе", получил орден Ленина. Было прекращено следствие против бывшего председателя ВЦСПС Алексея Шибанова и смещенного секретаря Краснодарского крайкома партии Сергея Медунова, обвиненных в финансовых махинациях и крупных хищениях. Приостановили и судебное разбирательство дела министра энергетики и электрификации Петра Непорожного — ему было предложено уйти на пенсию.

Полагают, что Черненко, выводя из-под андроповского удара известных партийных деятелей, стремился повернуть страну к застою последних лет Брежнева. Мы, однако, выскажем иное суждение. Он, возможно, не считал целесообразным использовать декорум разоблачений для насаждения в обществе произвола и насилия²⁹. Понимал, что коррупция в СССР спродуцирована самим режимом, а не является единственно результатом своекорыстной деятельности.

И не в том смысле, который выражается известной формулой: преступление социально детерминировано. А в политическом и непосредственном плане — общество понуждало и принуждало стоящих у власти к постоянному поправанию законов. И тому существовали причины как общие (объективные), так и частные (субъективные).

Общие — это сама порочная советская система: беззаконие (у людей нет гарантированных прав), произвол (диктат партии), отсутствие свободы (человек — слуга общества), поправка демократии и отказ от гласности (и не в узком, функциональном понимании, при котором ограниченная демократия и управляемая гласность подчинены целям консолидации власти, а в широком значении, когда люди не защищены конституцией и законом).

Частные факторы обуславливались атмосферой, в которой жила и проявляла себя каждая элитарная семья. Это — особые распределители (торгующие дефицитными товарами по низким ценам), специальное обслуживание (привилегированные больницы, дома отдыха и санатории, изысканные клубы). И еще определялись — спецификой советского государственного строя: права и привилегии не передаются по наследству, ими пользуются только пока находятся у власти. Отсюда — стремление номенклатуры компенсировать зыбкость, ненадежность социального положения богатством, которое можно сколотить в советской стране только незаконным образом — взятками, хищениями или махинациями в подпольном бизнесе.

Советское общество оказалось закрытым не только для иностранцев, но и для собственного народа. Перегородки между трудящимися массами и партократией дополняются различными барьерами: жестокой цензурой, уголовной ответственностью за критику властей ("советского общественного и государственного строя"), монополизацией государством массовой информации. И, что самое важное, — ощущением социальной защищенности (чувством безопасности) элиты — суд и милиция находятся целиком в ее руках.

Справедливее было увеличить вознаграждение правящего класса в несколько (даже в десятки) раз, чем подкармли-

вать и развращать его стыдливо и тайно: открытыми счетами в банке (для членов Политбюро), квартирами вне очереди (для простых людей растянутой на долгие годы), услугами персональных водителей, бесплатными (или с огромной скидкой) столовыми и путевками на отдых.

Все эти блага, по существу, антиконституционны, они, регулируемые секретными инструкциями, развращают сознание и нравы элиты. И она жадно и смело преступает закон. В советском мире, где всего не хватает, наивысшая ценность — стяжательство. К нему устремлены взоры (и руки) партократии — ее самой и ее детей. Право в СССР всегда на стороне сильного: каждый ответственный работник в Советском Союзе находился (и сейчас находится) на содержании у преступников. Они, покупая себе безнаказанность, отчисляют в его бюджет огромные суммы. От десятков тысяч до миллионов — все зависит от его достоинства (места в иерархии). И чем выше он поднимается по служебной лестнице, тем большим становится вознаграждение и тем больше возрастает его безнаказанность.

На самом верху советской социальной пирамиды существовала, кроме того, система косвенного подкармливания партократии — через потомство. Элитарные дети, дочь и сын Брежнева в том числе, оказались вовлеченными и вплетенными в паутину преступного бизнеса. Многомиллионные взятки, чтобы не унижать их достоинства (и не оскорблять самолюбие их вельможных родителей) часто подносились натурой — в форме подарков ("в знак уважения") уникальными бриллиантами, антикварными украшениями, старинными картинами, ценными коврами. В ходу были и деньги (западная валюта), и золото (монеты и слитки). И все, что требовалось за это — доброе слово "родителю", а часто сущий пустяк — приглашение в дом и ничего больше (только напомнить о себе на всякий случай).

Но совершались при этом и крупные дела. Зять бывшего премьера Косыгина Джермен Гвишиани, сам влиятельный вельможа (зам. председателя Комитета по науке и технике), проводил через секретаря Президиума Верховного Совета Гергадзе, своего земляка, прошения о помиловании пригово-

ренных к расстрелу. Ставки были от 100 тысяч рублей и больше.

С барского стола подкармливались члены семей практически всех членов Политбюро и секретарей ЦК — если это и не всегда были прямые подношения, то обязательно услуги, которые в конечном счете оборачивались взятками. Сын Громыко через отца устраивал престижные поездки за границу известным ученым, пока с их помощью сам не стал влиятельным ученым — директором академического института и членом-корреспондентом Академии Наук. Дочери Романова расторопные предприниматели оплатили свадьбу и обставили квартиру. Не были стеснены в средствах и дети Кириленко, Подгорного, Полянского и Шелеста. Во время зарубежных поездок своей щедростью они нередко посрамляли арабских шейхов: останавливались в гостиницах в королевских скинтах, а на чай официантам давали по сто долларов. Сын Гришина и зять Кунаева питали слабость к азартным играм и, находясь в Европе, просаживали в карты огромные деньги. Таковы были стиль и дух (и возможности) частной жизни советской элиты. Чем выше был официальный статус отца, тем больше и безнаказаннее сорили деньгами, гуляли, пьянствовали и... успешнее и быстрее продвигались по службе привилегированные дети. Сын министра внутренних дел Щелокова делал блестящую карьеру в комсомоле и был снят с изменением политической декорации в Москве — когда на смену эре Брежнева пришла короткая андроповская эпоха. Сын Андропова был удачливым дипломатом (пока не умер отец), а дочь стала редактором известного журнала. Зять Хрущева Аджубея при жизни тестя готовили в министры иностранных дел.

И выглядело вполне естественно (для нравов и обычаев Кремля), что сын Брежнева вместе с его зятем были введены в ЦК и стали первыми заместителями министров: Юрий Брежнев в Министерстве внешней торговли, а Юрий Чурбанов — в Министерстве внутренних дел. Столь же понятно становилось, почему они злоупотребляли служебным положением. Один, получая соответствующее вознаграждение, помогал западным фирмам оформлять выгодные заказы в

СССР, другой за не менее щедрые подношения "карал и миловал" и попутно спекулировал автомашинами, поставляемыми западногерманской фирмой "Мерседес-Бенц".

В сущности, ни тот, ни другой не были преступниками — их поведение не приходило в противоречие с реальной (а не декларируемой) моралью, так как общество, в котором они жили, было античеловечно и безнравственно, а других этических норм они не знали. Советское общественное устройство основывается на ограничении прав и возможностей одних социальных групп и поощрении других. И они не хотели, да и не могли быть праведниками в мире двоемыслия, лицемерия и ханжества. Более того — нарушения в коррумпированном обществе перестают быть социальным отклонением, становясь нормой, без которой система существовать и функционировать не в состоянии. А борьба с коррупцией на каком-то этапе перерастает в борьбу с режимом. И режим, чтобы сохранить себя, ищет компромисса между собственным благом и законом. Он выводит элиту из-под действия закона — становится возможным его переступить, формально его не нарушая. Изошренная система привилегий создает условия для своеобразной внутренней эмиграции партократии — она выводится из порочного общества с его неустроенностью и несправедливостью в искусственный (и искусный) мир специального обслуживания, в котором господствуют благоустроенность, богатство и порядок. И элита, поднятая над одними законами — социальными, смело и решительно переступает законы другие — уголовные.

Так что грани между законом и беззаконием стираются не людьми, а системой. Все ее существование и образ жизни безнравственны — от привилегий и прав, которые она предоставляет своей элите, до эксплуатации, которую она чинит над собственным народом. Преодоление преступности поэтому может происходить только через преодоление системы — ее порядков и философии. К этому не был готов ни один коммунистический руководитель. Не желал этого, вполне понятно, и Черненко.

Так что приверженность Черненко "молдавскому братству" (или, если угодно, — "днепропетровскому союзу" Бреж-

нева) не может рассматриваться как политика более нравственная (или безнравственная), чем деятельность Андропова с его показательными и выборочными репрессиями. Но в ней было одно достоинство — искренность. Черненко не прикрывался высокими понятиями и не прятался за благородными идеалами, обманывая народ. Он остался верным мафиозной этике, требовавшей защиты себе подобных — подлинной морали (мироощущения и психологии) советского правящего класса.

Вместе с тем Черненко совсем не желал отказываться от борьбы с коррупцией, если только она не затрагивала его единомышленников. Были приведены в исполнение смертные приговоры двумя работникам Министерства внешней торговли — председателю "Технопромэкспорта" Ю.Смелякову и его помощнику, начальнику отдела импорта В.Павлову. Это были самые высокопоставленные советские чиновники, приговоренные к высшей мере наказания за хищения и взяточничество в постбрежневскую эпоху. Был расстрелян и директор Елисеевского гастронома Ю.Соколов, которого до этого несколько месяцев содержали в тюремной больнице. По-видимому, рассматривалась возможность его помилования. Он был близок Галине Брежневой — поставлял продукты к ее столу. Но государственные соображения (важно было устрашить мелких жуликов) перевесили, тем более, что он присвоил слишком большую сумму — не по рангу: полтора миллиона рублей.

С занимаемых постов за приписки, взяточничество, растраты было снято несколько министров и секретарей горкомов в Узбекистане и отдано под суд несколько депутатов Верховного Совета республики³⁰. Более 100 ответственных работников были исключены из партии в Латвии — там была выявлена крупная афера с хищениями в министерствах сельского хозяйства, строительства и социального обеспечения. В итоге на скамью подсудимых село в общей сложности 260 человек. Раскрыта была преступная сеть и в Ростове, в торговле: 76 человек было арестовано за продажу недоброкачественного масла и мяса. Разоблаченной оказалась крупная группа жуликов, действовавшая в системе высшей шко-

лы в Одессе: речь шла о взятках, которые колебались от сотен рублей до десятков тысяч³¹.

И если руководствоваться статистикой преступлений, могло сложиться впечатление, что живущие в Советском Союзе люди изначально склонны к обману, хищениям, припискам. Стоит, однако, сложить эти факты в общую картину, и вывод получится непреложным — пороки коммунистической системы уйдут только с ней. Но не этого заключения искал Черненко — разоблачение преступлений должно было послужить примером и доказательством, что он идет в ногу с жизнью. И новая политика борьбы с коррупцией вылилась во множество, возможно, в десятки тысяч судебных дел, подобных описанным нами. Так новый генсек вел поиски и эксперименты по совершенствованию "механизма социального управления". Только андроповские начинания по выявлению злостных прогульщиков и алкоголиков были заменены черненковским лозунгом "восстановление законности". Цель же у обеих кампаний была одна и общая — массы должны были поверить в заботу партии о их благе. И в то, что все социальные проблемы: неустроенность людей, нехватка продуктов, низкое качество товаров — идут не от системы, а от нерадивых хозяйственников и недобросовестных людей. Этого хотел Андропов, и к этому стремился Черненко.

Что еще было нового на фронте борьбы с коррупцией? Новое было в том, что возвращалось... старое. Черненко решил восстановить политотделы в органах милиции, ликвидированные в сталинские времена. Отныне политруки-комиссары новой закваски должны были осуществлять руководство идеологической работой служителей общественного порядка. А чекист Федорчук тем временем наводил порядок в "тюремном ведомстве": переодевшись в кургузый пиджачок и нахлобучив на голову помятую кепку, он как-то появился в одном из отделений милиции Москвы. Попытался встретиться с начальником отделения и, два часа разыгрывая "простого человека", он безуспешно добивался приема.

Федорчук явно искал популярности. Малоизвестный в партийных кругах, даже не член ЦК КПСС, он стремился утвердить за собой представление как о человеке честном,

принципиальном, действующим, не взирая на лица, с полицейской исполнительностью, прямолинейностью и упорством. Вся его карьера была связана с разведкой: в годы войны служил в СМЕРШе*, в конце 40-х годов — в оккупационной армии в Восточной Германии, пока судьба (и связи) не вынесли его в 70-м году в начальники КГБ Украины. На этой должности он обратил на себя внимание беспощадностью в процессах над диссидентами. Оппозиционное движение на Украине было разгромлено с невиданными даже в советских условиях жестокостью и коварством. Эти стандарты он попытался утвердить и на всесоюзном уровне, когда в результате сложных интриг оказался назначенным председателем Союзного КГБ. Но потерпел неудачу: стиль и манеры его, хорошо подходившие Киеву, не годились в Москве — здесь, на политическом Олимпе, нужно было больше тонкости, дипломатической изворотливости, которых у него, по-видимому, не оказалось. И он был переставлен Андроповым на Министерство внутренних дел. Федорчук был готов и в этой должности усердно прислуживать начальству и служил ему столь рьяно, что как-то не заметил (или не понял), что начальство с приходом Черненко стало иным — более деликатным, осторожным и осмотрительным. Но перестроиться не сумел. В его действиях продолжал просматриваться стиль и манеры почившего генсека — к неудовольствию правящего. И он очень скоро вызвал гнев Черненко, которому пришлось (нехотя) согласиться на лишение генеральского звания Щелокова.

Нельзя сказать, что Черненко не стремился спасти бывшего министра внутренних дел. Он попытался было укрыть Щелокова в армии: там его приютили в группе генеральных инспекторов Министерства обороны³². Но Федорчук, став министром Внутренних дел, решил, рассчитывая на благосклонность Горбачева, Щелокова не миловать, и сведения о его злоупотреблениях просочились в печать. И им пришлось пожертвовать — в конце 1984 года Щелоков застрелился. Так завершился жизненный путь приятеля Брежнева. Под

---

*Сложносокращенное слово от выражения "Смерть шпионам" — название военной контрразведки.

его покровительством он продвинулся в заместители председателя Совета Министров Молдавии, затем во вторые секретари ЦК республики, пока в 1966 году не получил в Москве пост министра Внутренних дел, который он занимал в течение шестнадцати лет — до 1982 года, пока днепропетровский клан не распался.

Падение Щелокова свидетельствовало о важных изменениях, происходивших в характере Черненко и в балансе сил в Кремле. Произошло известное раздвоение личности генсека: рационализм, вернее — расчет оказался в нем сильнее чувства долга и приверженности дружбе. Определился и предел его возможностей в защите верных ему людей. Маневрируя, он был вынужден ублажать своих сторонников и угождать противникам — они-то и потребовали голову бывшего министра внутренних дел.

Между тем хор восхваления Черненко по-прежнему продолжался. И он становился тем громче и сильнее, чем слабее и ограниченнее становилась его реальная власть. Тысячи его огромных портретов пронесли демонстранты в Москве Первого мая 1984 года. Красная площадь буквально стала красной от множества флагов и транспарантов с цитатами из речей Черненко. Это был его праздник, его торжество. И он, помолодевший, им наслаждался. Одетый в тяжелое черное пальто, невзирая на жару почти летнего дня, он радостно приветствовал демонстрантов, улыбался и оживленно беседовал с рядом стоящим Тихоновым.

Черненко испытывал потребность в славе и признании. А почему бы и нет? Ее не ставил в упрек ему и Брежнев, считавший склонность к почестям признаком доброго душевного здоровья. Тем более никто не вправе был осуждать его за эту слабость в нем теперь, когда он сам стал генсеком — ему таким образом хотелось забыть пережитый трудный и горький путь к власти. И его приближенные ему услужливо в этом подыгрывали. Наибольшее угодничество проявлял Шеварднадзе, еще совсем недавно горячо восхвалявший Брежнева и поддерживавший Горбачева. В одном из своих выступлений он сказал: "Трудящиеся страны считают Черненко светочем страны. Авторитет его велик. Руководящие и направляющие

указания его послужили основой для претворения важнейших проектов Грузии”³³.

Признание пришло к Черненко и со стороны Алиева — он еще не переметнулся в лагерь его сторонников (был осторожен и хитер этот восточный сатрап), но уже не противоречил ему на заседаниях Политбюро. И был вознагражден: его имя чаще стало появляться на страницах газет. Он все больше участвовал в правительственных приемах и сам принимал высоких зарубежных гостей. А на фотографиях, публикуемых в газетах, он переместился ближе к генсеку — с девятого-десятого места на пятое-шестое.

На первый взгляд советская социальная система поражает разветвленностью и многочисленностью своей бюрократии и сложностью ее интересов. Во многих отношениях так оно и есть. Но разнообразие ее часто оказывается чисто внешним — режим унифицирует человеческие характеры. И тем сильнее и больше, чем ближе и выше они подбираются и подбираются к конусу политической пирамиды. А на самой ее вершине, в Политбюро, стандартизация почти полная — настолько, что достигается полная заменяемость социальных ролей, которые они исполняют. Секретари ЦК, курирующие сельское хозяйство, без труда перебрасываются на идеологию, оттуда — на промышленность и — если надо — на кадры.

Это галерея серых и неподвижных типов — простоватые лица с тяжелыми подбородками, суровые и мрачные. Среди них нет выдающихся людей. Муки творчества, сомнения, искания им несвойственны и непонятны. Единственная яркая полоса в их жизни и страсть — борьба за власть. И только в ней как-то проявляются и просматриваются их индивидуальность и характеры. Несколько десятилетий пребывания в элитарной среде отложились в них внешним лоском и барственностью, они приобщились к добротным и дорогим вещам, к модному покрою костюмов. Но не приобрели ни хороших манер, ни тонкого вкуса и навсегда остались неучтивыми, грубыми, часто срывались на резкость и хамство и охотно воспринимали лесть и угодничество. Впрочем, они умели, когда это нужно (им, разумеется), скрывать свои мысли и чувства. И больше всего в этом искусстве преуспел Громы-

ко. Именно маска непроницаемости помогла ему стать самым известным кремлевским долгожителем — почти 50 лет он сумел продержаться в номенклатурном подворье.

Родился он в белорусском селе Старые Громыки. Учился в Минске в техникуме, продолжил учебу в сельскохозяйственной академии в Москве, защитил кандидатскую диссертацию и стал преподавать в вузе. Ему не было и 30 лет, когда он попался на глаза Молотову, комиссару иностранных дел, который отбирал на смену репрессированным сотрудникам новые и надежные кадры. Требовалось рабоче-крестьянское происхождение, послушание и трудолюбие — качества, которыми в избытке обладал Громыко. И через два года он из мелкого чиновника дипломатической службы превратился в советника посольства в Соединенных Штатах. И прошло всего два года, и он стал в Вашингтоне самым молодым советским послом. Подталкивали его по служебной лестнице расположение министра и партийные чистки. Они расчистили для угодливых людей, лишенных самолюбия и гордости, не способных думать (или умеющих скрывать свои мысли), немало престижных и влиятельных постов. В 1946 году Громыко назначается первым советским представителем в Совете Безопасности в ООН.

Настали новые времена — закончилась война — и изменился Громыко. Из поборника дружбы с Вашингтоном он превратился в гневного изобличителя американского империализма. И так всю свою долгую дипломатическую жизнь, почти 50 лет, он, всегда угрюмый, неуступчивый, лишенный чувства юмора, был вынужден перелицовываться в соответствии с политическими вкусами и интересами своих хозяев.

По указанию Сталина он в 1947 — 48 гг. настойчиво выступал за признание права евреев на самостоятельное государство, умело и последовательно подбирая и проявляя свои аргументы. Столь же убедительно он сумел обосновать и разрыв Советским Союзом дипломатических отношений с Израилем в 1952 году.

Выжив при Сталине, он укрепился при Хрущеве — стал министром иностранных дел. И сразу же из штурмана "холодной войны" он превратился в искусного лощмана совет-

ской политики "мирного сосуществования", с ее глубокими колебаниями и длинными зигзагами между подозрительностью и доверием, наведением мостов в Европе и экспансией в странах Третьего мира.

Успешно пройдя через капризы взбалмошного Хрущева, Громыко смело окунулся в мутные воды интриг Брежнева, которые вынесли его в Политбюро. И чиновник стал политиком, исполнитель — руководителем. Это превращение совершается независимо от Громыко — ему сопутствовали две причины. Первая — на советском Олимпе, опустошенном кадровыми перетрясками, не оказалось политических деятелей, компетентно разбиравшихся в международных проблемах. Вторая — болезнь Брежнева, которому все с большим трудом давались утомительные дипломатические приемы. Генсеку необходим был дипломатический дублер. Им — за выслугой лет — оказался Громыко, и его ввели в Политбюро.

Какое-то время Громыко не претендовал на власть — он вполне довольствовался тем, что был одним из тех, кто принимает решения. И его преданность, по-прежнему, не вызвала сомнений у Брежнева. Точно так же, как никогда не сомневался в его лояльности и Хрущев, заметивший как-то, что прикажи он Громыко снять штаны и сесть на лед, тот будет покорно сидеть на нем, пока не прикажут ему встать. Впрочем, Громыко не служил, а прислуживал Брежневу. И как только его не стало, он поддержал в борьбе за власть в Кремле не Черненко, его наследника, а Андропова. Этот выбор чуть не оказался для Громыко роковым — амбициозный новый генсек стал оттеснять его от руководства внешней политикой. Но вмешалась судьба — болезнь Андропова — и Громыко вновь стал доминировать в международных делах.

Здравый смысл и личные интересы должны были, казалось, подсказать Громыко поддержать Черненко — тот, не имея дипломатического опыта, был бы вынужден опереться на его знания, что надежно сохраняло бы его влияние в Политбюро. Но Громыко, политический долгожитель, не захотел оказаться под началом руководителя, лишь сравнительно недавно прописанного на кремлевских высотах. Он, услужливо склонявшийся перед другими генсеками, не захо-

тел лебезить и сгибаться перед человеком, придерживавшимся в жизни его собственных правил — беспринципности и угодничества. Он чувствовал свое интеллектуальное превосходство над Черненко, но чувства на этот раз обманывали Громыко. Постоянно встречаясь с иностранными деятелями, он действительно научился неплохо разбираться в психологии людей, в их слабостях и недостатках. Однако жизни, особенно западной жизни, он не знал. Он более или менее понимал, как функционирует западная политическая система, но почти ничего не знал о реальной действительности — социальном устройстве и нравах свободных стран. В этих вопросах он целиком оказывался пленником марксистской философии, ее плоских и банальных схем. За границей его прогулки были ограничены посольским комплексом, а у себя дома — правительственными санаториями и дачами.

Громыко имел возможность распорядиться собой иначе — стать ученым, его натура (и пытливый ум) вполне бы довольствовалась замкнутой жизнью, ограниченной стенами рабочего кабинета, но он стал политическим деятелем, приговоренным к постоянному общению с людьми. Отсюда — сложное раздвоение его личности.

В частной жизни он оставался вполне провинциальным и порядочным человеком — был учтив, сдержан в общении, не пил и был одержим манией диеты³⁴. Он прожил долгую жизнь со своей женой Лидией Гриневиц, от которой имел двух детей, сына и дочь. Но на службе с подчиненными он преобразался — становился мелочным, грубым, жестоким. Этот стиль он постепенно переносил на международные отношения. Взял за привычку высказываться резко, не скрывал своих чувств и перепадов настроения. При всем этом, в душе, он всегда оставался человеком европейской культуры и искренне полагал, что Советский Союз должен апеллировать в своей внешней политике к США — “главному противнику”, а страны Третьего мира советовал не принимать всерьез и сам уклонялся от визитов в Африку, в Латинскую Америку и Азию.

Вместе с тем Громыко не имел возможности по своему усмотрению определять советскую внешнюю политику. Сис-

тема принятия решений в Советском Союзе такова, что он всегда был вынужден выполнять волю партийных руководителей. Педантично и с тоскливым взглядом он подчинялся Сталину, Хрущеву, Брежневу и Андропову. Но Черненко — не желал: понимая его слабость и чувствуя силу Политбюро, в котором он делил власть с Устиновым, Романовым, Горбачевым и Алиевым. Они, каждый по-своему и исходя из собственных интересов, подталкивали Громыко к своеволию. На встречах с иностранными руководителями Черненко, державшийся на ногах с большим трудом, ограничивался зачитыванием общих заявлений, а переговоры вел Громыко. С ним, первым советским лидером, они встречались на аэродроме, и он был последним, кто их провожал. Пробыв на посту министра иностранных дел 27 лет — больше, чем кто-либо другой до него, он, наконец, получил возможность навязывать генсеку свою волю. Но и при новом руководителе, больном и старом, Громыко не совсем и не всегда мог определять направление внешней политики: он должен был считаться с интересами и целями Черненко, который попытался вывести международные отношения Советского Союза из застоя. В июне Черненко принял в Кремле Миттерана. Значение визита французского президента в Москву заключалось уже в том, что он вообще состоялся — Миттеран захотел приехать, и Черненко оказался в состоянии (физически) его принять. И у генсека появилась еще одна возможность поднять свой международный авторитет — он создал впечатление (а может быть, действительно хотел этого), что готов к сближению с Западной Европой. При этом ритуал самой встречи был тщательно отработан — была обеспечена прямая трансляция выступления двух руководителей и заранее было подготовлено совместное заявление. Но сценарий встречи был нарушен Громыко. Миттеран, как предполагалось, пригласил советского руководителя посетить Париж. Черненко с благодарностью принял приглашение. Однако вмешался Громыко: перегнувшись к Миттерану, он грубо заявил, что у Черненко в обозримом будущем для такой поездки не найдется времени. Бестактность министра не была случайной — она должна была продемонстрировать Западу несостоятельность нового совет-

ского руководителя. И заодно — его неспособность самостоятельно принимать решения.

Столь же бесцеремонно вмешивался Громыко и в беседу Черненко с западногерманским министром иностранных дел Геншером. Черненко был не единственным советским руководителем, который следовал советам своего министра, но Громыко был первым министром иностранных дел, который демонстративно подчеркивал беспомощность своего руководителя. Это было бы невозможно, если бы Громыко не чувствовал за собой солидарности Политбюро, а в нем — поддержки Устинова, считавшегося экспертом в вопросах международной политики.

Устинов был в менее выгодном положении, чем Громыко — его деятельность не подлежала огласке и он не демонстрировал — был лишен такой возможности — зависимость от Черненко. Но влияние его на генсека от этого не становилось меньше. Напротив, именно Устинов поддерживал хрупкое равновесие в Кремле. И от воли старого маршала зависело быть принятым тому или иному решению в Политбюро или быть отвергнутым. Голос Устинова превращал сторонников генсека в большинство.

Сила министра обороны вытекала не только из раскладки сил в Политбюро, в котором оба лагеря, Черненко и Горбачева, имели равное влияние. Она определялась еще и тем, что за ним стояла армия, многомиллионный срез советского общества, облаченный в солдатские мундиры. В будничной жизни армия не оказывала сколько-нибудь заметного влияния на социальную жизнь. Она приобретает его только в переходные периоды наследования власти (или в моменты кризиса режима) — тогда она из военной организации превращается в политическую. Этим умели пользоваться все советские руководители — от Ленина до Андропова.

Утверждение у власти Черненко явилось известной аномалией — оно произошло без армии, благодаря поддержке партаппарата. Но не считаться с армией он не мог, ибо коммунизм не может существовать иначе, как постоянно расширяясь. Эта фатальная необходимость системы ставила ее руководителей в зависимость от армии, побуждая и заставляя

их заигрывать с министрами обороны, с которыми были связаны самые экстремистские круги партийного аппарата. Вот и Устинова поддерживали Романов (а тот искусно подыгрывал амбициям секретаря ЦК) и Алиев, тяготевавший (в силу своих чекистских наклонностей) к силовым социальным решениям.

Со своей стороны Устинов шел охотно навстречу требованиям генералитета — заботился о его привилегиях и со вниманием относился к его советам, ибо сам он не был профессиональным военным. Сын рабочего, он выучился на слесаря и всего несколько месяцев мальчишкой в 1922 году провел на военной службе. И только в 1944 году, будучи уже несколько лет министром вооружения, получил чин генерал-полковника. И еще через двадцать два года, после назначения министром обороны, он был возведен в маршалы. Это был один из тех редких случаев в советской истории, когда высшее офицерское звание присваивается штатскому человеку. И с тем большим упорством Устинов стремился проявлять заботу об укреплении армии и расширении ее влияния. Он поддержал советское вторжение в Афганистан и высказался за размещение советских ракет средней дальности в Восточной Европе.

Обязанный во многом своей карьерой Брежневу, он не очень жаловал его наследника, считая его неспособным к жесткому управлению экономикой, необходимому, по его мнению, для наращивания военной мощи. Устинов был политиком изощренным и хитрым. Поощряя притязания на власть Горбачева, он давал понять, что его поддержка ему совсем не гарантирована. И на заседаниях Политбюро сохранял свободу действий, что порождало в душе Черненко надежду со временем склонить министра обороны на свою сторону. Оптимизм генсека питался отчасти близостью Устинова к Романову, с которым у того было много общего — характер, взгляды, политическая ориентация. Склонный к произволу, Романов должен был казаться Устинову достойным партийным руководителем — последовательным, целеустремленным и бескомпромиссным.

Романов выдвинулся на самый передний край советской

партийной жизни только при Андропове, который забрал его в Москву и назначил секретарем ЦК. До этого его карьера и политическая жизнь успешно развивалась в Ленинграде. Начал он ее с первого секретаря райкома и в 47 лет, в 1970 году, стал первым секретарем обкома, заменив Василия Толстикова, отправленного послом в Китай. К 53 годам он продвинулся до полного члена Политбюро. Подтянутый, элегантный, самоуверенный, Романов был человеком высокомерным и деспотичным, на все имел собственное мнение и не терпел возражений. Бравировал самодурством, любил устраивать шумные попойки, а однажды распорядился (на свадьбе дочери) подать к столу царский сервиз, осколки которого запечатлели для потомства его необузданный нрав и безнаказанность. В отличие от большинства членов Политбюро, он любил путешествовать — побывал в Финляндии, ездил в Грецию, Италию, Норвегию, Западную Германию, что, впрочем, не рассеяло его дремучего идеологического невежества и ограниченности. Узость кругозора, однако, не только не подрывала его репутации "хорошего администратора", но даже расположила к нему "старую гвардию" Кремля, и Романов стал задумываться над возможностью захвата власти.

На этом пути ему предстояло преодолеть ряд препятствий. Одно из них — духовного, вернее, фатального свойства. Над всеми ленинградскими руководителями довлело проклятие: они сравнительно быстро и успешно делали карьеру — до тех пор, пока не проникали в Политбюро или не становились секретарями ЦК. Там их постигало несчастье — они преждевременно умирали или смещались... Романов был полон решимости не повторять их судьбу.

Вторым барьером был Горбачев — его необходимо было обойти или оттеснить. Здесь существовало несколько возможностей. Создать собственную базу власти, более влиятельную, чем та, на которую опирался его соперник. Это было нереально: у Романова не было корней и прочных связей в ЦК. Оставался другой путь: сделать ставку на Черненко, стать ему необходимым, что позволило бы ему со временем переключить часть, а возможно, и всех его сторонников на себя. Но и здесь существовали свои трудности: он все еще оставал-

ся чужим в Москве. К тому же партийных ветеранов, которых никак нельзя было заподозрить в либерализме, отталкивал и пугал его политический радикализм — настолько он был жесток и бескомпромиссен.

Романов попытался поменять роль — стал более терпимым и приветливым, демонстрируя свою готовность (и способность) работать коллективно. При этом он показал неплохие актерские способности: на заседаниях Политбюро пытался не быть категоричным и безапелляционным, внимательно и спокойно выслушивал различные мнения. А по отношению к Черненко старался быть уважительным, никогда не становясь подобострастным. И даже с Горбачевым, который разгадал его игру, стремился оставаться корректным и тактичным. Сменил он и свое внешнеполитическое амплуа — высказывался за расширение американо-советских связей и проявлял готовность пойти на компромисс в международных отношениях: во-первых, потому что такова была воля Черненко, и во-вторых, был не прочь произвести благоприятное впечатление на Западе.

Результаты усилий Романова не прошли даром — были замечены и оценены. Он стал чаще появляться в аэропорту, встречая и провожая иностранные делегации, принимал участие в различных международных встречах и сам вел переговоры. А на официальных фотографиях он оказался в первом ряду руководителей, постепенно оттесняя Горбачева от Черненко.

Разумеется, натура и существо Романова не изменились. Он продолжал пользоваться теми же выражениями и лозунгами, что и десять лет назад, и в них проступала та же давняя его унылость и угрюмость. Он как и прежде стремился увести страну от реформ и был поборником волевых решений, сильной власти и жесткой дисциплины. И в этом он сходился с Устиновым и с Алиевым, но из них двух более рассчитывал на последнего.

Вот уже несколько лет, как Алиев жил в Москве — с 1982 года, когда Андропов ввел его в члены Политбюро и назначил первым заместителем Председателя Совета Министров. Он тяжело и много работал — по 12 — 14 часов в сутки

и отвечал за деятельность транспорта, курировал здравоохранение, культуру, образование. И на него продолжали вваливать новые обязанности. Когда планы выпуска продуктов широкого потребления были сорваны, ему пришлось возглавить межминистерскую комиссию, отвечающую за их производство. Выполнял он и политические задания: возглавил советскую делегацию во Вьетнаме, направлялся с особым поручением в Сирию — для ознакомления с ситуацией на Ближнем Востоке. И при этом он всегда оставался в Москве "одиноким волком" — такова была сила и влияние националистических предрассудков в советской столице. Недоверие членов Политбюро к нему было так же замешано на страхе: Алиев был с Кавказа, который уже однажды дал партии одного самодура-правителя, и в каждом пришельце оттуда им виделся новый тиран.

Алиев не был сторонником Романова — он поддерживал Горбачева, которому он достался из андроповского наследства. Но это было не столько его решение, сколько выбор обстоятельств. Андропову он был многим обязан. Под его опекой Алиев проделал длинный и успешный путь по коридорам власти: возглавлял Госбезопасность Азербайджана (несмотря на то, что существовал обычай в председатели КГБ республик не назначать нацменов), был введен в Политбюро, где стал первым азербайджанцем, и поднят в первые заместители Председателя Совета Министров. Так он и перекочевал в обозе Андропова к Горбачеву — без особого желания или видимого протеста. В нем сработал восточный инстинкт почтения к старшему, а также — воля его покровителя и армейское чувство дисциплины.

С армией, вернее — с армейской, а затем гебистской разведкой, была связана значительная часть его жизни. Молодым офицером он был причастен к попыткам оторвать Северный Азербайджан от Ирана. А когда эта авантюра провалилась, оставлен в Тегеране (затем его перебросили в Турцию, а оттуда — в Афганистан) для поддержания связей с иранскими сепаратистами из партии ТУДЕ*. Много лет спус-

---

* Просоветская партия, выступавшая с требованиями предостав-

тя Алиев пробудил интерес Андропова, ведавшего в то время в ЦК КПСС "братскими партиями", к созданию в Софии (в 1959 году) подпольной радиостанции, вещавшей на персидском языке. И в том, что в окружении Хомейни оказалось и осталось немало советских агентов, тоже была заслуга Алиева. Он установил связь с аятоллой, когда тот еще жил в изгнании в Неджифе, священном городе шиитов в Ираке, и по его рекомендации партия ТУДЕ из своей эмигрантской штаб-квартиры в Лейпциге распространяла подстрекательские прокламации Хомейни.

Но чекистская служба (а она развивалась весьма успешно: в 42 года Алиев уже был полковником и первым заместителем председателя КГБ Азербайджана) не удовлетворяла его амбиций (а возможно, склонностей). Алиев оказался в разведке по воле обстоятельств — началась война. Но он всегда чувствовал, что чекистская работа не захватывает его целиком. И постоянная необходимость поступаться собственными влечениями в угоду карьере не могла не нанести тяжелый урон его характеру. Непосредственность, открытость, импульсивность со временем превратились в алчность и фантастическое стремление к власти. Природная энергия нашла выражение в агрессивности, ирония — в язвительности, недостаток уверенности в себе переродился в подозрительность и мстительность.

Он умело эти качества скрывал в себе ото всех, но больше всего от Цвигуна, своего непосредственного начальника — председателя КГБ Азербайджана. При нем он не допускал грубости или несдержанности, старался покорить его исполнительностью. Алиев задерживался в своем рабочем кабинете допоздна — просматривал, не перепоручая подчиненным, многочисленные агентурные сводки, выезжал, хотя мог этого и не делать, в районы республики для встреч с агентами. И при этом старался казаться внимательным, заботливым и чутким человеком. Как никто другой умел принять гостей —

ления независимости Северному Ирану, населенному азербайджанцами. С изгнанием советских войск из Ирана в 1946 году ушла в подполье, в котором находилась до 1979 года.

широко, по-восточному сердечно и радушно. Цвигун любил бывать у Алиева — у него дома можно было встретить интересных людей. И никакой кичливости — скромно и серьезно. И когда возник вопрос о новом начальнике Госбезопасности республики (Цвигуну улыбнулось счастье — он был отозван в Москву и назначен заместителем председателя Союзного КГБ), другой и лучшей кандидатуры, чем Алиев, не оказалось.

Цвигун не ошибся в Алиеве. Он не зазнался, оставался дисциплинированным и исполнительным работником и стремился не только фиксировать факты преступлений, но и осмысливать их причины и истоки. В результате выяснилось, что существовавшая в республике власть на местном, районном и городском уровнях целиком захвачена коррупцией — настолько, что стала выходить из-под контроля Москвы. Возникла ситуация, угрожавшая существованию целостности партийной системы. И Алиев был призван спасти ее. Он, конечно, не мог (и не стремился) разрушить отлаженную государственную машину произвола, но своекорыстный произвол местных руководителей заменил централизованным — государственным. В результате ему удалось приостановить развал азербайджанской экономики.

Андропов попытался применить алиевские средства в Москве, Черненко же они оказались ненужными, и динамизм Алиева забуксовал на холостом ходу. Впрочем, и новый генсек не прочь был использовать опыт и энергию Алиева для оживления экономики. Тем более, что психологически Черненко совсем не отталкивали методы Алиева. Напротив, он находил их эффективными и полезными. Особенно нравился ему один из них, широко насаждаемый тем в Азербайджане: проворовавшихся министров в Баку не сажали в тюрьму, а, предъявив им доказательства их преступлений, оставляли на службе. И они работали с упорством отчаяния и страха много лучше, чем прежде.

Черненко, однако, понимал, что на Алиева он не может полностью положиться. Да и другим в Политбюро он не вправе был довериться целиком. Политбюро как орган коллегиальных решений фактически не существовал. Он распался на

конгломерат удельных владений. И каждый секретарь ЦК или министр требовал за поддержку генсека еще большую меру самостоятельности. И чем больше они ее получали, тем больше хотели. И в этом не было особого различия между сторонниками и противниками Черненко. Гришин и Щербицкий столь же ревностно следили и оберегали свою независимость, как Громько или Устинов свою.

Такое положение не могло продолжаться в Политбюро бесконечно — оно должно было закончиться подчинением непокорных или падением генсека. Это и так происходило всегда в переходные периоды правления в Советском Союзе: смена власти приводила к кризису власти. Время, однако, работало на генсека — оно давало ему возможность удалить бунтарей, и в Политбюро воцарялось спокойствие до нового взрыва.

Но беда и проблема Черненко состояла в том, что времени у него не оставалось — он жил в кредит у болезней и преклонного возраста. Это осознавал и он, и его коллеги в Политбюро, которые настойчиво и упорно стремились сохранить и умножить свои привилегии и права — то был час их торжества. Внешние связи монополизировал Громько, оборону — Устинов, промышленностью распоряжались Романов и Алиев. Не находил Черненко управы и на Щербицкого и Кунаева. В своих республиках они были неподсудны: потворствовали коррупции, забавлялись национализмом, пересматривали и перекраивали бюджеты и экономические планы. Только на таких условиях Черненко была обещана их поддержка. Ускользал из-под его контроля и партийный аппарат — там все больше влияния и веса приобретали чиновники, пришедшие в ЦК в период недолгого правления Андропова. И хотя их связи с Горбачевым проследить было, как правило, невозможно, они явно больше тяготели к молодому и энергичному секретарю ЦК, чем к Черненко.

Сам Горбачев, как и Черненко, не вел определенного направления советской политики (не считая идеологии, которой он занимался поверхностно и неохотно). Но если для Черненко в этом таилась опасность — он оставался королем без королевства (и это хорошо понимали его предшествен-

ники, стремившиеся забрать и сохранить под своим контролем узловые сферы жизни государства: Хрущев и Брежнев — сельское хозяйство и промышленность, Сталин и Андропов — Госбезопасность и кадры), то для Горбачева в этом было известное преимущество. Он превращался в дублера Черненко — и как только тот выходил из строя, становился вторым генеральным секретарем.

Вот почему Черненко не оставалось иного выхода, как обратиться к известному и единственно доступному ему средству укрепления власти — к политике перетряски руководящих кадров. Но если объекты чисток Андропова внутри руководства выбирались, как правило, по принципиальным соображениям (с их помощью покойный генсек стремился вывести страну из экономического застоя и духовной апатии), то свои жертвы Черненко подбирал, исходя из личностных мотивов — они должны были укрепить его влияние и авторитет.

Растратив свою энергию и почти исчерпав волю на изнурительную борьбу за власть, он готов был теперь довольствоваться управлением обществом, не изменяя его. Да и не многое он мог изменить, так как был связан с партийной элитой соглашением, приведшим его к власти — обязан был проводить политику полного доверия к ней. Этот своеобразный политический договор предназначался для Политбюро, в котором Черненко не вправе был ничего менять — никого не вводить и не выводить из него и не перекраивать обязанности его членов. Но в действительности он распространялся и на Секретариат ЦК. Так что поле для политического маневрирования Черненко было ограничено вторым эшелоном власти — заведующими отделами ЦК, министрами и в отдельных случаях секретарями обкомов. Но и эта часть руководства была открыта для кадровых пасьянсов Черненко лишь частично. Их нужно было раскладывать так, чтобы не затронуть и не ущемить интересы ни одной из группировок Политбюро.

Для него невыгодно было удалять сотрудников, утвердившихся в партаппарате при Брежневе — он сам рассчитывал на их поддержку. Непозволительно было выхватывать из партийной колоды "козырей" Горбачева — тех, кто сде-

лал рывок в карьере при Андропове. Нельзя было трогать и деятелей, поддерживающих тесные контакты с Громыко, Устиновым, Гришиным. Так что беззащитными оставались по существу только "выдвиженцы случая" — руководители, связи которых не просматривались ни с одним членом Политбюро. Они-то и стали жертвой репрессий. Но и здесь существовали трудности. Согласие Политбюро на смещение партийного работника еще не означало, что Черненко вправе был провести на его место своего сторонника. Каждая кандидатура на снятие или утверждение в должности внимательно рассматривалась в Секретариате ЦК, а затем в Политбюро и утверждалась только в том случае, если она не нарушала сложившегося равновесия сил. Частыми поэтому были кадровые компромиссы, основанные на балансе страха, когда прохождение представителя одного лагеря уравнивалось утверждением кандидатуры другого.

Случалось, но значительно реже, когда смещение происходило к взаимному удовольствию всех сторон. Нечто подобное произошло с генерал-полковником Семеном Романовым, который, будучи начальником главного штаба войск ПВО, годом раньше дал указание расстрелять в районе Сахалина южнокорейский самолет³⁵. Что бы ни лежало в основе этого приказа, гибель пассажирского самолета поставила под сомнение способность тогдашнего советского руководителя Андропова контролировать положение в стране. И хотя объективно такое развитие событий вполне устраивало Черненко, так как подрывался авторитет его соперника, он, придя к власти, не мог допустить, чтобы военные бесцеремонно и явно вмешивались в политику. В этом Политбюро было единодушно — его объединял скрытый страх и недоверие к армии.

Итак, Черненко было позволено производить лишь некоторые персональные изменения, который осуществлялись выборочно и проводились по следующей схеме. На места посылались представители центра (как правило, ответственные сотрудники ЦК), которые собирали партийные активы, на которых вскрывались недостатки работы руководителей края или области: компрометирующие материалы при этом

подбирались по представлению КГБ. Таким образом были смещены секретари двух крупных комитетов партии — Ростовского и Чечено-Ингушской АССР.

Решение о снятии сравнительно молодого Бондаренко, занимавшего на протяжении многих лет должность первого секретаря Ростовского обкома, было объяснено "уходом на пенсию" и состоянием здоровья — формулой, часто используемой Андроповым. В действительности же его отстранение следует рассматривать в контексте послеандроповского противостояния в Политбюро. Черненко ставил в вину бывшему секретарю обкома неправильный (с точки зрения его интересов) подбор кадров. Горбачев больше акцентировал внимание на злоупотреблении им служебным положением. На самом деле оба обвинения были ширмой — за действительный упадок области Бондаренко не пришлось бы отвечать, имея он сильную (и свою) руку в Москве. А так Черненко мог позволить себе бросить вызов ростовскому секретарю, и ему не противодействовал Горбачев. Но Горбачев не позволил генсеку провести на освободившееся место парторботника из своего окружения. Избран был 52-летний Александр Власов, работавший до этого (с 1975 года) первым секретарем Чечено-Ингушского обкома партии. Назначение руководителем Ростова человека "со стороны" было результатом достигнутого в Политбюро компромисса — оно обещало, как казалось, его лояльность по отношению к противоборствующим лагерям.

Черненко не видел, вернее — не смог проследить связей Горбачева с Власовым, который сделал карьеру в Иркутске, в комсомоле и на партийной работе. И ошибся. С 1975 года Власов управлял Чечено-Ингушским обкомом, то есть работал в республике, поддерживающей тесные контакты со Ставропольским краем, которым руководил Горбачев. Но близкие отношения Горбачева и Власова обнаружились позднее, когда Черненко уже не было в живых. А пока что генсек полагал, что сумел вывести Ростовский обком из партийной игры. На освобожденную Власовым должность в Чечено-Ингушетию был послан в порядке выдвижения В.Фотиев, до этого работавший вторым секретарем Куйбышевского об-

кома. Черненко надеялся, что введение чиновника среднего уровня в высшую номенклатуру обеспечит ему его поддержку в будущем. И так это, по видимому, произошло бы, если бы у Черненко было будущее³⁶

Став генсеком, Черненко начал задумываться над тем, как внедрить в КГБ верных ему людей, так как те немногие связи, что были у него в этой организации, оборвались со смертью Цвигуна или же были обрублены Чебриковым. И им было спланировано и осуществлено назначение первым заместителем председателя Комитета Госбезопасности Виктора Емяхина³⁷. А затем Черненко позволил себе ублажить чекистов на периферии. Такая возможность ему очень скоро представилась в Латвии, в которой складывалась весьма сложная ситуация — в ней развивались националистические настроения и разворачивалось правозащитное движение. Следовало подобрать республике сильного руководителя, строгого и неумолимого. Черненко нашел его в КГБ — им стал руководитель местной службы безопасности Борис Пуго. Это назначение обещало Москве неукоснительное проведение ее политики, а генсеку — благодарность и преданность еще одного потенциального члена ЦК.

Следовало Черненко подумать и о том, как подобрать к военному ведомству. Среди заместителей министра обороны не оказалось ни одного, кто был обязан ему своим продвижением. Это было нежелательно, и могло стать опасным, когда придет время (76-летний Устинов — не вечен) назначать нового министра. При этом Черненко необходимо было ввести своего человека не на второстепенную позицию в Министерстве обороны, а на узловую должность. И такая вакансия вскоре представилась, вернее, была организована: состоялось увольнение 82-летнего маршала Москаленко с поста главного инспектора Министерства обороны. На эту должность был проведен генерал армии Владимир Говоров, проведен легко и быстро, ибо его связи ни с кем из партийного руководства не прослеживались. Черненко, однако, вполне мог рассчитывать на его поддержку³⁸. Говоров, сын известного маршала времен германо-советской войны, был им замечен лет 10 назад, в бытность его командующим войсками Московского

военного округа. И не без его помощи был избран кандидатом в члены ЦК КПСС. Оказал содействие ему Черненко и в переводе его в члены ЦК в 1981 году. Говоров являлся военачальником, далеко не исчерпавшим возможностей политического роста — ему не было и 60 лет, так что не исключено, что Черненко планировал использовать его для более глубокого и основательного проникновения в цитадель Устинова.

Подумывал Черненко и о наведении порядка в вотчине Андропова — в Карелии. Эта искусственно образованная республика пользовалась особым вниманием его предшественника. Он решил осуществить смену руководства здесь без обычных в таких случаях критики и гонений — в порядке обычного перемещения. Первый секретарь обкома Иван Сенькин, управлявший Карелией в течение 25 лет, был передвинут на пост Председателя Президиума Верховного Совета, а вместо него был назначен Владимир Степанов, бывший до этого одним из секретарей обкома³⁹. Кадровая перестановка в республике произошла тихо и незаметно. Не считая одной детали. Первые секретари обкома редко выдвигались из партийного аппарата той же области — чтобы не потворствовать местническим настроениям. Так что новому руководителю Карелии было за что благодарить Черненко.

Далее, Черненко приступил к взятию еще одной "крепости" — прессы. Публикации газет не вполне соответствовали его политике (и вкусу): сказывалась, по-видимому, пропагандистская инерция, а возможно, и определенный умысел. В газетах публиковались материалы в ключе ушедшего (вместе с Андроповым) времени. В них содержались призывы (Черненко считал — слишком частые) к набору в партию способной молодежи. Приводился (ему казалось, чрезмерно подробный) перечень существовавших общественных зол и пороков — нерадивости, взяточничества, спекуляции, воровства, пьянства. Пресса призывала (он полагал — без всякой меры) к перестройке организации и структуры экономики (на первых порах, по его мнению, вполне можно было ограничиться внедрением "бригадного подряда")⁴⁰. Тон и стиль газетных публикаций задавала "Правда" — с нее моделировались статьи всей печати. Но в этой газете, являющейся официальным ру-

пором ЦК, Черненко бессилён был что-то предпринять. Его главный редактор Афанасьев полностью отождествлял себя с Горбачевым. И делал это столь непосредственно и откровенно (ловким он был человеком), что любое ущемление его прав было бы воспринято и расценено как выпад против второго секретаря, к столкновению с которым Черненко был не готов.

В неприязни Афанасьева к генсеку была, возможно, и личная причина. Они оба писали книги по одной проблеме — социальному управлению. И двоим им было явно тесно в этой узкой области исследования. Черненко уходил в сторону партийного строительства, а Афанасьев — в критику западной социологии. Что, впрочем, не избавляло редактора "Правды" от необходимости постоянно цитировать и ссылаться на генсека. И тот, и другой хорошо распорядились своими сочинениями — они обменяли их на престиж и власть. Но и в этом Черненко обошел Афанасьева. Отстал Афанасьев от Черненко и в научном признании. Хотя он и прошел в Академию Наук, его Государственная премия не шла ни в какое сравнение с Ленинской премией генсека.

Неприязнь Афанасьева к Черненко была столь велика, что он позволял себе суждения и высказывания, непозволительные для редактора партийной газеты. И не имея он поддержки Горбачева, не снести бы ему головы. Он первый запустил в политическое обращение мысль о наличии в Политбюро "второго генерального секретаря" — с тех пор этот титул неофициально утвердился за Горбачевым. Он намеренно допускал утечку информации с заседаний правительства — с тем, чтобы показать слабость и нерешительность Черненко. И тому не оставалось иного выхода, как махнуть рукой на "Правду" — до лучших времен. И он решил связать свои планы с "Известиями". Эта газета традиционно ориентировалась на Совет Министров (хотя и партаппарат не выпускал ее из-под своего контроля), и Черненко попытался превратить ее в трибуну выражения и защиты собственных идей. Это стало для него необходимым, когда он решил представить ЦК ряд новых проектов социального развития, которым необходима была умелая и искусная пропаганда. Избранная Черненко

тактика действий оказалась удачной. Главного редактора "Известий" Толкунова, к которому питал расположение Брежнев и покровительствовал Андропов, он переместил с повышением — назначил председателем Совета Союза Верховного Совета. И в руководители газеты провел Ивана Лаптева, опытного аппаратчика, а в прошлом — писателя и ученого⁴¹. Черненко не ошибся — очень скоро на страницах "Известий" стали появляться статьи и письма читателей, исполненные верноподданнических чувств к новому генсеку⁴².

Быть услышанным массами, обращаться к ним неизменно было желанием Черненко. Он с энтузиазмом отвечал на многочисленные приветствия и обращения, особенно международных деятелей, что позволяло ему показать свою заинтересованность широким и активным международным сотрудничеством⁴³. Однако рамки писем часто оказывались для Черненко недостаточными, ему хотелось, чтобы больше людей в мире почувствовали и поняли, что с его приходом в Советском Союзе начали устраняться препятствия, воздвигнутые на пути к переговорам с Западом. И он инспирирует собственное интервью с корреспондентами "Правды". Здесь перед ним оказалось благодатное социальное полотно: оценка ситуации в современном мире и переговоры по разоружению.

Черненко стремился уйти от привычной советской риторики. Он вдумчиво подбирал аргументы и тщательно взвешивал предложения: убеждал в необходимости диалога, отмечал опасность и бесперспективность противостояния блоков. Проявлял реализм и сдержанный оптимизм, оценивал перспективы и возможность достижения соглашения о сокращении испытаний ядерного оружия, о свертывании гонки вооружений в космосе. Но использование новых слов еще не означало готовности Черненко перейти к новой политике — он оказался в плену старых понятий и концепций и был вынужден повторять, по возможности смягчая, традиционные советские предложения, уточняя и детализируя их.

Тоталитарная структура общества унифицирует советскую политическую систему и гарантирует преемственность ее поведения. И в этом смысле роль отдельной личности, зна-

чение ее характера, взглядов, принципов на вершине власти становится все меньшим. И все большее влияние приобретает ее положение — оно определяет характер ее действий, диктует выбор идеи и целей. Так что было бы ошибочным воспринимать политическую деятельность Черненко только с точки зрения его индивидуальных предпочтений.

Он поэтому не смог на Пленуме ЦК, открывшемся 10 апреля в Москве, представить свой счет ни противникам, ни советской действительности, которая последние 30 лет старательно удерживала своих руководителей от радикальных перемен. Ему, чтобы удержаться у власти и удержать власть, пришлось многое забыть: личные обиды и надежду реорганизовать социальную структуру общества — проблему, которой он посвятил сотни своих статей, выступлений.

В своей речи он попытался сделать невозможное — сбалансировать прошлое и будущее, застой и развитие, призывы к переменам со стремлением сохранить систему без перемен. В результате выступление его оказалось противоречивым и лишенным внутреннего смысла. Поиски нового Черненко подменял видимостью нового. К удивлению членов ЦК, резервы для активизации социального процесса (сегодня бы сказали — ускорения) он призвал искать... в местных институтах власти — в Советах.

Сталину удалось превратить этот созданный Лениным в начале века инструмент власти для трудящихся в орган власти без трудящихся. Черненко сделал еще один шаг вперед: спустя 30 лет после смерти Сталина инструмент власти без трудящихся предложил превратить в орган власти за счет трудящихся. Идея Черненко была наивной, но объяснимой: ему предстояло через несколько дней — решение Политбюро на этот счет уже было принято — стать Председателем Президиума Верховного Совета. И ему хотелось проявить свою эрудицию в вопросе о Советах — годы, проработанные им в канцелярии Верховного Совета, не прошли бесследно.

Предложенная Черненко реорганизация управления оказалась несостоятельной, но в ней был определенный смысл: если неустроенность городов, развал промышленности, преступность, хулиганство являлись результатом неудовлетво-

рительной работы Советов, то легко просматривалось средство для исправления — налаживание их работы. Столь же мало убеждали и предлагаемые Черненко меры по развитию экономики — они были не столько идеологическими, сколько идеалистическими. Он призвал руководителей "запретить себе" какую-либо расслабленность и "оживить" беспокойством тревогу за государственный план. И еще убеждал заключить социальный контракт: "Давайте договоримся: за каждый срыв, за любые недоделки, допущенные в этом году, спрос должен быть строже, чем когда-либо"⁴⁴.

Когда-то Черненко хорошо поработал над созданием программы социального управления — в ней были свежие мысли и смелые решения. И вот почти все эти идеи оказались утраченными и забытыми (а может быть, ему пришлось их забыть и предложили утратить). И вместо них выдвигалась умозрительная программа для спасения производства: "творческая и инициативная деятельность", "умение и способность организовать дружную работу", "четкое взаимодействие", "постоянная забота и внимание к нуждам и запросам трудящихся"⁴⁵.

Невольно возникает вопрос: как бы отнесся Черненко 70-х годов к этим наивным рецептам? Наверное, его холодный и цепкий разум и деятельная натура тогда бы возмутились. Значит, в несколько лет старость и болезнь разрушили его личность. Или, возможно, это старое и больное общество руками партаппарата, вцепившись в Черненко, заставляло его на Пленуме выговаривать нужные ему идеи. Суфлеры навязывали актеру текст — не иначе. Когда Черненко завел разговор об общественном управлении, казалось, что это была не его речь, в ней не было ни одной живой мысли из прошлого — из тех, что были рассеяны на страницах его книг. И лишь осторожной и робкой тенью проносились в его выступлении былые идеи: о сокращении и реорганизации административного аппарата, об оптимизации режима работы, о научном учете потерянного времени⁴⁶.

Оживился Черненко только однажды, когда заговорил о реорганизации образования. Это был его проект. Он вынашивал его долгие годы — еще с доандроповских времен, а

затем, когда возглавил комиссию по подготовке предложений школьной реформы. Он втайне надеялся, что она явится тем политическим рычагом, опираясь на который ему удастся преобразовать жизнь общества: идейное воспитание, профессиональное образование, основы производства, короче — весь уклад советской жизни. Это был его ответ экономическим планам Андропова, как ему казалось, ограниченным и узким.

Никакая в прошлом намечаемая школьная реформа — а их проводилось множество за годы советской власти — не носила столь всеобъемлющего характера, не предусматривала такого глубокого сдвига социальных слоев и коренной ломки общественных отношений, как черненковская. Вместо известного ленинского призыва "Учиться и учиться!" он выдвинул лозунг: "Превратить школьный класс в рабочий!" Реализация плана школьной реформы (в течение двух пятилеток) должна была предоставить производству миллионы дополнительных рук и, приобщив школьников к неквалифицированному физическому труду, снизить уровень их интеллектуальных притязаний. Иными словами — осуществить максимальную пролетаризацию населения, приблизив общество к идеалу социалистической революции.

Была у реформы и более близкая цель: получить прибыль за счет эксплуатации школьников. Рекомендовалось "часть заработанных учащимися средств направлять в распоряжение школьного коллектива". Воображение Черненко шло еще дальше: в будущем школьные заводы и хозяйства должны были позволить перевести всю систему образования на самоокупаемость. "Мы ждем от реформы, — сказал он откровенно, — отдачи экономической, кадровой. Каждое созданное для старшекласников рабочее место должно будет приносить обществу конкретный результат — пусть небольшой, но обязательно реальный"⁴⁷. Последнее замечание было, по-видимому, продиктовано осторожностью Черненко, который хорошо знал, как много принимаемых в Советском Союзе планов было утоплено и похоронено режимом. Но он верил, вернее, надеялся, что эффект школьной реформы будет реальный. Но даже если бы предлагаемой им реформе не

суждено было состояться, то и в этом случае общество получило бы пользу: сотни тысяч учащихся должны были пойти на заводы и фабрики подготовленными, с квалификацией, приобретенной в школе. Он поэтому решительно предложил проект своей реформы для всенародного обсуждения. Понимал, что общество было готово воспринять его идеи — в стране усиливались антиинтеллектуальные настроения и возрастал дефицит трудовых ресурсов.

Перестройка школы лежала на пересечении различных проблем. Психологических — в обществе установилось пренебрежительное отношение к физическому труду. Идеологических — родители стремились вытолкнуть своих детей из производственной деятельности. Экономических — производство испытывало хроническую нехватку рабочих рук. Демографических — в центральных районах государства ощущался острый недостаток квалифицированных рабочих кадров, в то время как на окраинах был их избыток. И тем не менее цели реформы были неосуществимы — именно из-за своей универсальности. Практика советской действительности свидетельствовала, что социальное развитие при существовавшей политической системе (как и при любой другой замкнуто-тоталитарной) могло происходить только по кругу: выигрывая в скорости, оно проигрывало в силе, а увеличиваясь в силе, отставало в скорости.

И неизбежными становились отрицательные последствия школьной реформы. Увеличилась бы коррупция, ибо родители любыми, в том числе и незаконными путями стремились бы вырвать своих детей из производства. Усилилась бы миграция молодежи из центра страны на ее окраины, где существовали большие возможности для поступления в высшие учебные заведения. Более мощным стал бы отток специалистов из производственной сферы в систему обслуживания, в которой неформальные заработки были выше. Понижился бы уровень общеобразовательной подготовки — она оказалась бы ненужной на производства. И неизбежным следствием всего этого явилось бы глубокое чувство безысходности, которое при углублении социального неравенства привело бы к еще большему падению общественной морали⁴⁸.

И все-таки Черненко не прислушался к голосам противников реформы: при всем своем показном материализме он, в сущности, был и остался идеалистически ограниченным человеком. Мастер кабинетных интриг, он в совершенстве познал науку власти, но так и не смог постичь искусство управления обществом. Его знания рассыпались при столкновении с жизнью. Он запутался сам и стал путать других, растерянно ища поддержки в умозрительных догмах. Таких как: "Более общие, более широкие или более далеко идущие взгляды нам сейчас вдвойне необходимы"⁴⁹. Кроме этих беспредметных ленинских высказываний Черненко ничего не смог предложить Пленуму ЦК. Общество же ждало от него дел, конкретных и определенных.

Идеи и взгляды, которые приобретаются по необходимости, напоминают искусственные зубы — как ни совершенны, они не становятся плотью.

Глава седьмая

ПЕРЕИЗДАНИЕ БРЕЖНЕВСКОЙ ЭРЫ

Советских людей всегда интересовали вопросы: что делать? и *кто* виноват? Не в состоянии был пройти мимо них и Черненко. Его не могла не волновать проблема: кто или что повинны в том, что общество, еще совсем недавно стремившееся обогнать в своем развитии Запад, на пороге 21-го столетия оказалось в глубокой депрессии. Социальная патология начиналась от экономики, парализованной центральным планированием и недостатком рабочих рук, простиралась до общественной жизни, захваченной взяточничеством, ложью и безразличием. Государство, способное вместить на своей необъятной территории Соединенные Штаты и Канаду (и еще оставались бы незаполненными миллионы квадратных километров нетронутой тайги и бесконечной тундры), не было в состоянии прокормить и одеть собственный народ.

Героический период советской истории кончился, и в стране царили апатия и цинизм. Непосредственной опасности для режима тем не менее не существовало, испытывали лишь известное неудобство его правители. Черненко поэтому считал неоправданными драматические обращения и призывы к народу — в стиле Андропова. Советский Союз по-прежнему

оставался обществом с высокой степенью стабильности. Он развивался и функционировал по законам, отличным от движения прогресса в свободных странах.

На Западе полагали, что сельское хозяйство в Советском Союзе оказалось на пороге краха. В действительности же недостаток продовольствия прекрасно обслуживал систему: он отвлекал постоянно озабоченные народные массы от глубоких и важных социальных проблем. Советская промышленность, не испытывающая конкуренции, была малоприбыльной и неэффективной, но именно в этом состояло ее преимущество: предоставляя работу всем желающим, она создавала и гарантировала высокую степень общественной стабильности и надежности. Низкая заработная плата, тяжелые условия труда и несовершенство быта так же не было основания рассматривать как признаки и меру бедствия, ибо в закрытом советском обществе существовали особые критерии благосостояния — определяющее значение приобретал не абсолютный уровень жизни, а сравнительный. Не могла, как мы уже отмечали, считаться нарушением общественной нормы и коррупция, которая являлась одним из принципов коммунистической идеи распределения: грабь награбленное (по Ленину).

Социальная философия Черненко могла быть, таким образом, выражена в принципе: советская система не самая лучшая, но лучше всех существующих. А поэтому он полагал неоправданным подталкивать ее на путь глубоких и быстрых перемен. По его мнению, следовало сохранить все основные ее структурные особенности и искать новые пути решения старых проблем. Так Черненко подошел к первому вопросу исторической дилеммы: что делать?

Он предусматривал продуцирование существовавшей в СССР экономической системы в будущее с минимальными ее изменениями. Перемены, на его взгляд, должны были носить технический, а не принципиальный характер — касаться вопросов показателей планирования и разработки методики его составления. Он так же считал, что со временем крупные производственные объединения уступят место более гибким комбинациям средних и мелких предприятий. В рамках этой

модели более важное место уделялось им показателям эффективности — они должны были основываться на поднятии прибыли. Рекомендовал Черненко установить и договорные отношения с предприятиями и был сторонником перераспределения рабочей силы, что позволило бы производить больше товаров широкого потребления.

Реорганизация управления — явление в Советском Союзе обычное, его необходимость признавалась и провозглашалась каждым руководителем. Не составлял исключения и Черненко. Он, в отличие от Андропова, полагавшегося на административные меры (ужесточение трудовой дисциплины, повышение ответственности за выполнение заданий, наказания за самовольный уход с работы, опоздания и прогулы), отдавал предпочтение экономическим средствам хозяйствования: повышению производственных расценок, прогрессивной оплате труда.

Черненко видел, что ни одна из многочисленных проведенных в прошлом реформ не привела к существенному изменению в экономике, поэтому само понятие "реформа" изъясил из употребления и заменил его более гибким выражением "усовершенствование механизма управления". "Выветривание" революционной фразеологии из лексикона Черненко не было случайным — оно означало, что он смирился с оставанием Советского Союза от индустриальных стран. И даже находил в этом известное преимущество — сокращались производственные потери и издержки на проведение экспериментов на собственном опыте (методом проб и ошибок) и высвобождались ресурсы и средства для освоения открытий, сделанных на Западе.

Стратегия экономического выживания Черненко была непривлекательна, но экономична, так как позволяла ему некоторое время перебиваться небольшими вариациями на старую тему "экстенсивного" развития общества. Опасность при этом существовала одна — непрекращающийся (особенно — последние годы) спад производства, но и при низких темпах экономического роста, в пределах двух-трех процентов, возможна была социальная стабильность и даже медленный прогресс. Для этого важно было привести его в соответ-

ствии с уровнем потребления, не дать ему скатиться ниже черты, когда недовольство населения приводит к беспорядкам. И здесь у Черненко не было никаких оснований для особого беспокойства. Советский народ обладает беспримерным потенциалом терпения и устойчивости к трудностям и лишениям, а государство располагает широкими возможностями "снимать" социальное напряжение, удовлетворяя простейшие потребности людей. Систематическая идеологическая обработка сделала народные массы податливыми для манипулирования, их способность к сопротивлению оказалась полностью парализованной, а когда время от времени она прорывалась, стихийно и неорганизованно, существовало средство погасить ее — накормить их. Продовольствие для этого бралось из стратегических запасов, заготовленных на случай войны, или приобреталось на Западе, которому важнее было его продать, чем СССР — купить. Так что Черненко имел вполне определенное представление, как балансировать на социальной перекладине человеческих инстинктов и общественных возможностей — и сценарий его игры хорошо просматривался в постоянных, назойливых публикациях советской прессы.

Сопоставив два документа — сообщение Центрального Статистического Управления СССР за 1983 и 1984 гг., мы обнаружим, что при Черненко темпы экономического роста были выше, чем когда у власти находился Андропов¹. Точно так же при Андропове они оказывались большими, чем при Брежневе. Такова была традиция, но не столько экономическая, сколько пропагандистская. Всякий раз, когда в Советском Союзе сменялось руководство, темп развития в цифрах — по отчетным данным — ускорялся, так как новому лидеру необходимо было проявить и утвердить себя. Все — от директоров предприятий до руководителей главков и министерств — это понимали. И сложная и запутанная система учета позволяла им без труда и напряжения предоставлять нужные Кремлю цифры. Нередко при этом доходило до курьезов. В первое полугодие 1984 года Министерство нефтяной промышленности сообщило, что план по продаже нефти государству выполнен на 100,3 процента. Однако в другом со-

общении указывалось, что показатели добычи нефти в стране упали и с трудом дотягивали до 97 процентов².

Естественно, что у каждого советского правителя были свои приоритеты. Андропов заботился о прогрессе транспорта, и темпы его развития в 1983 году оказывались большими, чем в предыдущие годы (у Брежнева). Черненко же концентрировал внимание на продаже населению товаров потребления — в результате по этим показателям он обогнал Андропова³.

Таким образом, если судить по советским статистическим данным, экономика в Советском Союзе развивалась всегда успешно. Но в таком случае непонятным становится, что волновало (и возмущало) Андропова, который в беседе с московскими рабочими как-то сказал: "Всем вам знакомо выражение "корректировать план". Признаться, мне не приходилось слышать, чтобы такая корректировка происходила в сторону увеличения планового задания. Если говорят: "надо корректировать", то, значит, речь идет об уменьшении"⁴.

Черненко не допустил подобного промаха. Он неизменно был оптимистичен: "Наше народное хозяйство достигло такого уровня, когда острой необходимостью стал перевод на рельсы интенсификации. Вы знаете, что партия энергично поддерживает инициативы, направленные на повышение эффективности производства, рост его производительности... Строить производство по последнему слову науки и техники, внедрять все новое, передовое — вот как стоит задача"⁵.

Вывод: невозможно из официальных заявлений и сообщений составить правильное представление о советской экономике. Несколько более объективную картину предлагает пресса. Разумеется, она в Советском Союзе тенденциозна и партийна — в нее попадает лишь незначительная часть информации, только то, что надлежит знать народу: отдельные и разрозненные факты — сотни из тысяч⁶. Но социальная ситуация в стране в начале 80-х годов была настолько сложной, запутанной и проблематичной, что замалчивать провалы в экономике не было никакой возможности.

Сперва на июльском заседании Политбюро на них остановился Черненко: "Предприятия не обеспечивают рост про-

изводительности труда, не снижают стоимость продукции, а также не ведут борьбу за экономное расходование ресурсов”⁷. А затем о них заговорили газеты, которые больше, чем в таких случаях было принято, стали публиковать сообщений о срывах и профессиональной некомпетентности в производстве⁸. Эти материалы шли не разрозненными и редкими статьями, а подавались целыми сериями, подборками. И при этом в таком количестве, что возникло впечатление, что речь шла не об отдельных случаях и фактах неорганизованности, а о всеобщей бесхозяйственности. Рассказывалось о систематическом нарушении предприятиями договорных обязательств, постоянных срывах в поставках сырья, в результате которых образовалась цепь, захватывающая и парализующая все хозяйство⁹.

На протяжении всех лет советская промышленность развивалась неравномерно, спорадически. Предпочтение отдавалось росту количественных показателей, а не совершенствованию качества продукции. Основные капиталы вкладывались в строительство и сооружение гигантских заводов, шахт, промыслов, и уже на их обновление или замену устаревшего оборудования, совершенствование технологических процессов средств не хватало. В результате — при постоянном росте производственных мощностей нехватка в промышленной продукции, особенно в энергии и оборудовании, не только не уменьшалась, но возрастала.

Необходимо было изменить систему предпочтения — направить ресурсы на модернизацию промышленности. Однако реконструкция оказалась экономически нерентабельной, ибо цены на новое оборудование в несколько раз опережали возможности его производительности. И в 1984 году в Советском Союзе было обновлено лишь три процента действующего оборудования¹⁰. При таких темпах его замена обещала растянуться на 33 года. Стало быть, 33 года советская промышленность была обречена на отставание. А между тем, если обратиться к официальным материалам, сложится впечатление, что экономика при Черненко развивалась успешно, и особенно благополучная картина рисовалась в сельском хозяйстве. Судя по советской прессе, оно получало ежегодно

сотни тысяч тракторов, хлопкоуборочных машин, многие миллионы тонн удобрений. Впрочем, полностью скрыть кризисные явления в сельском хозяйстве не удавалось, настолько, что в 1984 году не было вообще опубликовано сведений об урожае зерна. Эту цифру удалось вычислить лишь косвенно: 195 миллионов тонн, что гораздо ниже планового задания (предполагалось, что сбор зерна в тот год должен был достичь 240 миллионов тонн), но выше — правила статистической игры строго соблюдались, — чем в 1983 году.

И тут совершенно неожиданно в советской печати промелькнула и задвигалась ностальгия по временам, когда не было насильственно обобщенной колхозной собственности. "Вот она, китайская стена, разделяющая все на две части: свое и чужое. На своей что хочешь вырастет"¹. Очень быстро эта опасная тема была приглушена, и трудности в сельском хозяйстве стали объяснять нехваткой рабочих рук. В действительности в Советском Союзе наблюдается не нехватка рабочей силы (на полях страны работает 23 миллиона человек, то есть в три раза больше, чем на фермах в Соединенных Штатах), а несовершенная и неумелая организация труда. Однако признать несостоятельность колхозной системы власти не решались и искали выхода из кризиса в деревне путем эксплуатации города: ежегодно миллионы его жителей направлялись (и сегодня направляются) на сельские работы. В СССР полагают, что таким образом удастся как-то улучшить снабжение населения продовольствием. И вновь мы оказываемся в плену противоречивых цифр: сообщалось, что с первого полугодия 1984 года поставки населению мясо-молочных изделий увеличились на 7,5 миллиарда рублей. И тут же выясняется, что товарооборот на эти продукты в стране был невыполнен. "Спасая" план, торговые организации пустили в продажу дешевые сорта водки, и сразу же — расходы населения на спиртные напитки оказались в три раза больше, чем на продукты питания¹².

О недостатке продуктов в Советском Союзе говорится глухо и неохотно. Но вот к "перебоям" в снабжении промышленными товарами во времена Черненко стали относиться с юмором. настолько, что на Выставке Достижений Народно-

го Хозяйства открыли павильон, демонстрировавший изделия, которых в свободной продаже многие годы не было: ножницы, вилки, ножи, сковородки, чайники, мясорубки — более полутора тысяч различных товаров¹³.

Чем же вызваны проблемы быта? — задавались вопросом советские газеты: очереди на приобретение жилья растянуты на многие годы, общественный транспорт находился в упадке, и в нем царили неорганизованность и теснота, невозможно было своевременно отремонтировать квартиру, автомашину, постирать белье, в торговле насаждались безразличие, высокомерие, пренебрежение и грубость. В поисках ответа пресса обращалась к тем же вопросам, с которых начинал Черненко: кто виноват и что делать? Виноватыми оказывались недобросовестные руководители и широкая система очковтирательства, с помощью которых корректировались плановые задания и извращались статистические сведения. В Советском Союзе даже возникла своеобразная классификация очковтирательства: выделяют приписки необходимые — они служат для создания видимости благополучной работы, производственные — используют для получения премий, своекорыстные — призваны скрыть хищения и недостатки, карьеристические — предназначены для продвижения по службе и ублажения начальства.

Обстоятельный анализ этих (и многих других) недостатков производства советская пресса (и Черненко) сделать не решалась, ибо проблема упиралась не в недостатки определенных и конкретных руководителей, а в порочные принципы организации советской экономики. А именно — в лимитированное распределение ресурсов, в дефицитность предоставляемых населению услуг и товаров, в чрезмерную расточительность руководителей, в диктат производителя над потребителем, в низкое качество промышленной продукции, наконец, в снижение темпов роста. Реальная хозяйственная жизнь в советской стране складывалась иначе, чем хотели ее руководители — в стране образовывалась (и образовалась) стихийная форма частного производства и децентрализованные механизмы принятия решений. Но не на государственных предприятиях, где против них ополчалось партийное ру-

ководство, а на черном рынке — там не было проблем в снабжении и можно было купить (советские люди предпочитали говорить — “достать”) все: от запасных частей к автомашинам, видеомэгнофонон, компьютеров (самых лучших фирм) до люстр, чая и популярных книг. Этот рынок в Советском Союзе оказался вполне созвучным времени (в отличие от производства); он давно переместился и съехал с безобразных старых барахолок и стал благообразным и солидным. Он не суетится, не теряет достоинства, а солидно и чинно идет на встречу покупателю. Старомодное представление о нем удерживает воспоминания о спекулянтах, шумно и бесцеремонно суетящихся у подъездов гостиниц и магазинов, дилетантов-любителей, которые лезут в глаза и создают впечатление, что они и есть подлинный подпольный рынок. На самом же деле это всего лишь его видимость и поверхность — пена и шелуха (не те люди и не тот размах), скрывающая его истинную суть, основательную и respectable: государственную торговлю, подпольные каналы снабжения, перепродажу завезенных из-за границы товаров и вещей, приобретаемых в закрытых правительственных распределителях. При этом, кроме черного рынка товаров, в Советском Союзе существует скрытый рынок услуг, охватывающий чуть ли не всю сферу обслуживания. На них невозможно сразу и просто выйти, необходимо наладить соответствующие связи, завести нужные знакомства, полезные контакты, и из них выстраивается еще одна разновидность (или подразделение) черного рынка — серый рынок: взаимный обмен товарами и услугами напрямую, минуя денежное обращение, по принципу: “ты мне — я тебе”.

У подпольного рынка в Советском Союзе имеется своя стратегия и география (разумеется, и принципы — тоже). Добротные, высококачественные товары он притягивает из-за границы, преимущественно из свободных стран и значительно реже — из социалистических государств: их поставляют советские служащие, находящиеся (или находившиеся) в зарубежных командировках. Везут для себя — все подряд, а для продажи — то, что обеспечивает наибольшую прибыль. И здесь черный рынок (в отличие от официальной, государст-

венной торговли) очень тонко и точно реагирует на конъюнктуру.

В 60-е годы большим спросом пользовались шерстяные изделия "махер" и транзисторные приемники, голландские или японские. Спустя 20 лет, ко времени прихода к власти Черненко, дефицитом стали стереосистемы, видеомагнитофоны и компьютеры — их продажа давала прибыль, в десять раз превышающую вложенные в них средства. Характер товаров четко определял разделение труда: на черном рынке осуществлялся принцип, который никак советским властям не удавалось внедрить в производство — специализация: моряки, шоферы, проводники поездов, стюардессы привозили (и везут сейчас) вещи небольших габаритов, которые можно припрятать в чемоданчике или укрыть на теле — золотые булавки, серебряные цепочки, часы, лифчики, чулки, шарфики. Малый объем этих товаров, однако, совсем не свидетельствует о малых доходах. Оборот на "душу" здесь достигает миллионы рублей, из которых чистая прибыль очень часто составляет не менее 80 — 90 процентов от вырученной суммы, что является достойной самокомпенсацией за риск (если спекулянта поймают с поличным, то его на долгие годы сделают "невъездным", порой могут посадить и всегда — исключают из партии) и малую зарплату.

Оборотный капитал создается так же путем "движения" товара, но уже не с Запада на Восток, а с Востока — на Запад: вывозят из СССР главным образом антиквариат — редкие монеты, марки, старинные предметы религиозного культа, а также ценные иконы и картины и т. д. И здесь чистая прибыль также измеряется пяти- и четырехзначными цифрами¹⁴.

Советские служащие, занимающие более солидное положение — сотрудники Министерства иностранных дел, Министерства торговли, партийные работники привозят радиоэлектронику. Доход их не менее велик — перепродажа пары стереосистем позволяет в Москве купить двухкомнатную кооперативную квартиру.

Спортсмены, артисты, писатели предпочитают везти в Советский Союз одежду, которую закупают за границей по де-

шевке — на распродаже или в магазинах, торгующих третьесортными вещами. Получаемая прибыль при этом, возможно, и не очень большая, но она не требует больших капиталовложений и вполне соответствует возможностям советского туриста¹⁵.

Черный рынок в Советском Союзе очень тонко реагирует на баланс спроса и предложения (на то он и является рынком, чтобы в отличие от советской торговли отзываться на рыночные механизмы): когда предложение становится массовым, снижаются цены, или, что происходит значительно чаще, капитал перемещается на другие привозимые предметы, более дефицитные.

Сбыт товаров осуществляется по нескольким каналам. Самый простой и удобный (но не самый доходный) — через комиссионные магазины: скупка и перепродажа товаров в Советском Союзе узаконена, и "естественная" прибыль здесь достигается разницей цен на заграничные и отечественные изделия. В комиссионные магазины, однако, попадает (не все принимают) не самая лучшая и незначительная часть ввозимой в СССР продукции, в основном она реализуется по другим каналам черного рынка — растекается по знакомым или распродается на квартирах, специально арендуемых ("снятых") для этой цели.

Распродажа большинства вещей ведется анонимно и лишь в очень редких случаях, когда имеются предварительные заказы от родственников или близких людей, осуществляется лицом к лицу: поставщик — покупатель; доход при этом солиднее, но и риск больше.

Но важнейшие операции подпольного рынка поставлены на солидную деловую основу — проводятся чужими руками, через разветвленную сеть посредников и перекупщиков, связи с которыми поддерживаются не непосредственно — не напрямую, а доверенными лицами, которые набираются из различных слоев общества (в зависимости от характера и качества товара), но главным образом рекрутируются из уважаемых и почитаемых людей. Это — степенные пенсионеры, проворные журналисты, юркие юристы, представители свободных профессий — писатели, артисты, художники, ко-

роче — люди, которые при своих ограниченных доходах стремятся и пытаются вести более или менее приличный образ жизни. Они, сдавая вещи, просиживают многие часы в очередях в комиссионных магазинах, отправляются с товарами в различные города или реализуют их по месту своей работы.

Черный рынок смело и глубоко вторгается в государственную торговлю, в официальную систему услуг. В Советском Союзе существует широкая номенклатура товаров и огромный ассортимент услуг, за которые приходится переплачивать. Оплачивается с соответствующей надбавкой, составляющей сто и более процентов от официальной стоимости, большинство товаров так называемого повышенного спроса — модная одежда, добротная обувь, мебель, бытовая техника, ювелирные изделия и многое другое. В структуре бытового обслуживания населению приходится доплачивать как за легальные услуги — за внимание и добросовестную работу врачей, юристов, санитаров, парикмахеров, слесарей, таксистов и т. д., так и за незаконные операции — за получение вне очереди квартиры, за продажу места на кладбище (существует в СССР и такой бизнес), за место в больнице, в детском саду, в престижной школе и многое другое.

Черный рынок не только не встречает морального неприятия, но, напротив, функционирует с полного согласия и при поддержке населения — для него очень часто это единственная возможность вкусно поесть, хорошо одеться и прилично обставить квартиру. Но советские люди втянуты в замаскированные формы подпольного рынка и помимо своей воли — в магазинах и мастерских их обчитывают, обвешивают, обмеривают. Безграничны в СССР возможности для манипуляции с ходовым товаром. Мясо и масло продаются замороженными — для увеличения их веса; осуществляется пересортировка товаров, второй сорт продается как первый, бракованные изделия — как высшего качества, в продукты добавляются заменители: в сметану — молоко, в молоко — вода, в творог — кефир и т. д.

Истоки и причины этих и многих других махинаций определяются не особенностями поступающих на советские прилавки изделий, допускающих неограниченные возможно-

сти для манипулирования, и даже не всеохватывающим дефицитом, а вызваны характером и принципами организации торговли в СССР, которая в рамках закона существовать и функционировать не в состоянии. Без надувательства и подлогов рассыплется вся система "подкормки" в Советском Союзе, идущая цепью от продавцов к директору магазина, от него — к заведующему базой и далее — к управляющему главком, министру, партийному руководству местного, районного, городского, республиканского и союзного уровней. Вне этой системы взаимной зависимости и круговой поруки торговые работники не в состоянии работать — не смогут покрывать многочисленные недостатки и в требуемом количестве, хотя всегда недостаточно, получать продукты и ходовые товары, без которых невозможно выполнить план. Вовлечение же в систему коррупции обеспечивает им совсем неплохую прибыль. По опубликованным в СССР, явно заниженным данным, доходы торговых работников на 60 процентов превышают их официальный заработок¹⁶.

Торговая сеть активно вплетается в "серый рынок", основанный на принципе обмена товаров на услуги. Эта практика (сегодня — уже традиция) надежно защищает советских людей от многих проблем и сложностей жизни: дефицитные товары переводятся в блага, удовлетворяющие различные социальные и духовные потребности: килограмм колбасы обменивается на билет в театр, гарнитур импортной мебели или автомашина — на протекцию при поступлении в институт, внимание учителя (забота врача, уход санитарки) на путевку в санаторий или номер в гостинице и т. д. Одностороннего движения на этой бирже не бывает — невозможно получить никаких преимуществ, если нечего предложить, ее принцип и философия: "ты — мне, я — тебе".

Только таким путем можно приобщиться еще к одному филиалу подпольного рынка — к "розовому рынку": в обход существующих правил получить приоритетные условия снабжения, положенные лишь для привилегированной категории советских служащих, иначе говоря — с черного входа войти в систему спецраспределения, созданную для номенклатуры.

Черный рынок с различными его полутонами — серым и розовым — подтачивал и подрывал советскую социальную структуру, основанную на определенном регламентировании и строгой иерархии, при которых блага и права четко привязаны к месту человека в обществе. С ним, несомненно, следовало бороться — но как? Меры по "пресечению" и "ужесточению", Черненко видел из практики Андропова, не давали результатов. Средства морального воздействия, за которые он поначалу выступал, также оказались неэффективными. Подпольный рынок можно было бы одолеть только путем ликвидации причин, заложенных в нем. Но они были вплетены в ткань советской экономики, в ее основу и структуру, в ее товарную несостоятельность и множественность систем снабжения. Поэтому конкретные способы борьбы с подпольным рынком совпадали с задачами перестройки экономического и хозяйственного механизма — к ней же Черненко был не готов. Так что ответ на вопрос "что делать?" не был для него однозначен и прост.

Черненко не был сторонником радикальных перемен, он действовал осторожно и осмотрительно. Нового он успел предложить не много, но по-новому расставил акценты на некоторых формах экономической деятельности. Он отмежевался от ряда рискованных идей своего предшественника и попытался ненавязчиво изменить шкалу экономических предпочтений. Советская бюрократия, чувствительная к изменению настроений "наверху", тут же заметила и откликнулась на перемену. В июле 1984 года "Правда" напечатала статью А.Аганбекяна, который еще совсем недавно, при Андропове, был горячим поборником реформ. Теперь он благоразумно отказывался от идей перестройки производства и призывал к незначительным экономическим переменам: ускоренному развитию машиностроения, созданию целостной технологии систем, организации научно-производственных объединений¹⁷.

Мысли Аганбекяна не были оригинальными — все советские руководители со времен Ленина призывали к внедрению в производство передовой технологии. Но должно было пройти после революции почти семьдесят лет, прежде чем в

Советском Союзе была принята конкретная программа проведения научно-технических преобразований в экономике (28 августа 1983 года). Но уже спустя полгода — при Черненко — выяснилась ее несостоятельность и неэффективность: план ее реализации оказался невыполнимым. Однако сама проблема не исчезла. По-прежнему острым оставался и вопрос об эффективном использовании научных работников — их в СССР более полутора миллиона — четвертая часть ученых мира¹⁸. Так что Черненко не мог совершенно отказаться от проведения экономического эксперимента, однако распорядился осуществлять его ограниченно — только в нескольких специально отобранных министерствах. Предприятиям предоставлялась известная самостоятельность: в определенных пределах директорам разрешалось устанавливать размер заработной платы — она могла по их усмотрению быть увеличена от 25 до 50 процентов. Для снижения себестоимости продукции предусматривалась строгая экономия сырья и топлива. Сокращались плановые показатели, и промышленность получала право по своему усмотрению использовать свои фонды — направлять их для реконструкции цехов или использовать на нужды бытового строительства¹⁹.

У Черненко тем не менее оставались серьезные сомнения как относительно существа, так и характера проведения экономического эксперимента. Реформа носила ограниченный характер — в нее была вовлечена незначительная часть предприятий страны, для которых был создан особо благоприятный режим работы. И в этих условиях — он понимал — должна была заработать традиционная советская показуха. С другой стороны, у него не было уверенности в готовности и способности министерств приступить к проведению широкомасштабной реформы: она обещала ущемить их самостоятельность и права. Его беспокойство оказалось обоснованным: инициатива предприятий постоянно наталкивалась на глухое сопротивление Совета Министров и Госплана, выступить против которых он не решился.

И тогда Черненко решил извлечь из эксперимента политическую выгоду — попытался создать видимость собственной готовности (и способности) активно руководить эконо-

микой страны путем совмещения в ней центрального планирования и личной инициативы. Он стал говорить о необходимости совершенствования хозяйственного механизма, и в хаосе различных его представлений можно выделить два основных направления. Первое — он высказался за предоставление предприятиям прав, позволяющих им маневрировать в своей деятельности. И второе — разрешил легализовать (в определенных пределах) частную инициативу, которая, спустя пару лет, при Горбачеве, получит название "индивидуальной деятельности".

Идея расширения свободы предприятий стала популяризоваться в Советском Союзе задолго до Черненко — где-то в середине 60-х годов. Он, однако, попытался придать ей дополнительный импульс — высказался за реализацию ее на базе бригадных форм труда, работавших по подрядному принципу или на основе хозрасчета.

При нем в сельском хозяйстве получили распространение безрядные звенья. В сущности, такая форма организации труда реставрировала систему оброков, которая широко практиковалась в крепостной России: часть собранного урожая отдавалась помещику, а часть — излишки — распределялась между крестьянами. На этот раз в роли распорядителя земли выступало государство.

Еще более ограниченным оказался уровень самостоятельности промышленных бригад. Свобода их деятельности, оцениваемой по результату труда, как правило, сводилась к распределению работ и зарплаты. Этот принцип также не был новый, он практиковался в России еще до революции — использовался на подрядных работах, а затем, много лет спустя, в 50-е годы, утвердился среди "шабашников" — разрозненных групп рабочих, самостоятельно подряжающихся на строительные и сельскохозяйственные работы. Бригадный характер труда в промышленности оказался неэффективным: расчленение производственного процесса на "куски", отдаваемые "на откуп" отдельным коллективам, вступало в противоречие с необходимостью проведения сложных и комплексных работ.

Черненко, разумеется, не помышлял о создании частно-

го сектора в советской экономике — так далеко его мысли не шли. Все, что намечалось им, — это передача отдельным лицам некоторых кустарных производств (главным образом на селе) и организация семейных предприятий. И при сохранении централизованного планирования их деятельность и возможности были ограничены: ущемлены государственным контролем и жесткими ценами.

Тем не менее сторонники Черненко отнеслись с остороженностью к робкой либерализации экономики — они боялись утратить свое влияние и власть. И их реакция оказалась незамедлительной и безжалостной: со страниц советской печати исчезли статьи с осторожными призывами к созданию частных предприятий, а их авторам было предложено каяться в отступлении от генеральной линии. Такое поведение вполне объяснимо: в советском обществе настойчиво проводится в жизнь идея централизации экономики. Человеку отводится роль винтика государственной машины, а предприятию — роль узла, который не имеет самостоятельного значения и целиком зависит от работы других социальных агрегатов — объединений и трестов. В философском плане данная структура производства подкрепляется концепцией разделения труда, в практическом — объясняется стремлением партии подвести и подчинить усилия и труд людей одной цели — укреплению тоталитарного общества. Легко просматривалась и еще одна задача — отчуждение человека от орудий и средств производства, от результатов собственного труда делало его зависимым от государства, лишало самостоятельности.

При Андропове пришло понимание, что безличная организация труда невыгодна экономически. Государство не в состоянии было ни рационально спланировать производство, ни продуманно создать и провести учет, ни наладить снабжение: населения — продуктами и товарами, заводы и фабрики — материалами и сырьем. При Черненко возникла мысль переложить часть функций обеспечения на самих граждан и предприятия. И сразу же изменилось отношение властей к личной инициативе и подсобным хозяйствам, а населению (и не только городскому, но и сельскому) было рекомендовано переходить на самообслуживание. И как во многом другом, Чер-

ненко в этом вопросе ударился в крайности: городским жителям, стремящимся приобрести дефицитные товары, было предложено сдавать государству фрукты и овощи, собираемые в личных огородах. На самообслуживание вынуждали переходить и предприятия — производить подручными средствами недостающее сырье. Провозглашая курс на интенсификацию производства, власти уповали на натуральное хозяйство и на примитивные формы организации труда. Намерение Андропова перейти от административного руководства экономикой к использованию "рыночных" регуляторов производства осталось нереализованным. И его преемник торопился похоронить идею реформ, спустив ее на тормозах.

Неверно, однако, считать, что у Черненко не было собственной экономической программы. Убежденный, что единственную угрозу существующему строю составляет недостаток продуктов и товаров первой необходимости, он допустил в определенных границах оживление частного и кустарного производства. Сомнительно, что в долговременном плане такая политика была бы оправданной. Но у самого Черненко не было долговременной перспективы, и он видел свою задачу в том, чтобы, смягчив товарный голод в стране, создать впечатление, что под его руководством страна постепенно выходит из экономического кризиса и преодолевает застой. У него не хватало воображения (или смелости) на большее, чем вернуться к программе косыгинских реформ. Но время их прошло. Во второй половине 80-х годов требовался не ремонт системы, а создание новой системы управления экономикой.

Те качества, которые обеспечили Черненко успех — упорство характера, настойчивость, целеустремленность — остались, конечно, в нем и тогда, когда он пришел к власти. Но они с возрастом поблекли, потускнели и оказались отодвинутыми новыми обстоятельствами жизни в Кремле. На поверхность вышли черты, которые он в прошлом стремился подавить и скрыть — прямолинейность, недостаток воображения, консерватизм. Они все в большей мере начали определять его поведение. Хотя порой в нем вновь пробуждался интерес к новому, стремление по-своему, самостоятельно

переосмыслить события и факты действительности. Отсюда — двойственность и противоречивость его политики и стремлений.

Он верил в Советский Союз (больше — в Россию), в существовавший в нем образ жизни. Но под ним он больше понимал (и знал) образ жизни коммунистической элиты, с ее стремительными взлетами и жестокими падениями, трудными зигзагами карьеры и беспощадными интригами. Он верил также в ряд других, более расплывчатых и идеализированных понятий, крайне далеких от реальной жизни — в коммунизм, например. И вся его деятельность проходила под куполом этой убежденности и выражалась на основе цитат. Иначе он, как и все другие советские руководители, думать и говорить не мог. И когда Черненко решил внести свой вклад в программу партии (к этому его призывало не столько честолюбие, сколько нужда: ее начал пересматривать Брежнев, стремился разработать Андропов — не успел, и ему предстояло, он надеялся, ее завершить), он не нашел ничего лучшего, как опереться на Ленина — его высказывания и мысли.

Впрочем, существовала и практическая необходимость в пересмотре коммунистической стратегии. Следовало преодолеть противоречия между многими положениями действующей программы партии и реальным развитием советского общества. Хрущев в 60-е годы обещал советским людям — и это было отражено в программе КПСС — в течение двадцати лет построить в стране коммунизм и обогнать свободные страны по уровню и качеству жизни. Во второй половине 80-х годов стало очевидно, что в Советском Союзе не было создано не только бесклассового общества, но только еще предстояло сформировать реальный социализм, как говорилось, развитый или зрелый. И чтобы еще раз не оскандалиться с поисками обещанного рая, Черненко решил позаботиться, чтобы в новой редакции программы не было ни конкретных указаний, ни сроков построения "нового" общества — одни общие и обтекаемые формулировки. Поэтому было решено писать программу партии сжато и кратко, так, чтобы "ее легко мог усвоить, понять... каждый коммунист". Она должна была "отразить не только измененную нами жизнь, но и наш

изменившийся политический язык — язык деловой, строгий в формулировках”²⁰.

Черненко вынужден был, как и его предшественники, отметить, что кремлевская держава по-прежнему продолжает идти к коммунизму, однако больше не указывалась скорость, с которой происходит это движение. Вместо этого он заявил: ”Мы не сомневаемся, что социализм одержит победу в соревновании с Западом, даже если капитализм еще располагает немалыми резервами, которые далеко еще не исчерпаны”²¹. Последние слова были новыми в лексиконе советского руководителя — раньше считалось, что империализм обречен и полностью утратил свои жизненные силы.

”Загнивающий капитализм”, так же как устаревший советский патриотизм, представлял ценный политический образ, на который опиралась коммунистическая пропаганда. И Черненко проявил известную смелость, решившись переступить этот стершийся штамп. Точно так же нестандартность мышления он проявил, дав указание избегать нарочитой жестокости в преследовании оппозиции. Инакомыслящих, разумеется, арестовывали, как сажали их все годы советской власти, и по-прежнему одаривали их суровыми сроками заключения. Но не культивировались больше в обществе страх и жестокость. Суровость не было показной, преследования стали рутинными, снисходившими порой к состраданию: известны были случаи, когда не состоялись спланированные Госбезопасностью судебные процессы, а среди помилованных оказывались политические заключенные²².

Черненко здраво рассудил, что нет необходимости продолжать андроповскую ”охоту за ведьмами”: почти все известные диссиденты находились в лагерях, тюрьмах и психиатрических больницах. А с немногими оставшимися на свободе можно было позволить себе ”поиграть”, не вызывая гнев и возмущение Запада — припугнуть возможностью наказания и оставить на свободе.

Еврейская эмиграция продолжала снижаться, но тоже, по-видимому, не по злему умыслу Черненко, а потому что разворачивалась по инерции политика политического шантажа Запада, начатая Брежневым и продолженная Андропо-

вым. Евреи стали капиталом — не в том значении, что власти неожиданно оценили их опыт, знания и соответственно — вклад в развитие советского общества, а потому что планировали обменять их выезд из СССР на западную технологию и выгодные контракты и кредиты. "Еврейский вопрос" был единственной проблемой, в которой советские власти были готовы и способны пойти на уступки. Они не желали отказаться от экспансионистских устремлений и были неспособны (пока) осуществить либерализацию режима. А вот предложить выезд евреев в обмен за отказ Соединенных Штатов от программы развертывания в космосе системы стратегической обороны представлялось заманчивым и вполне реальным. И, будучи опытными политиками, советские руководители проявляли, с одной стороны, трогательную заботу о том, чтобы в их стране сионистское движение полностью не погасло — тогда нечем было бы торговать с Западом, а с другой — внимательно следили, чтобы национальное возрождение евреев не вышло бы из контролируемых берегов — тогда трудно было бы им управлять. Их устраивало еврейское национальное движение в полузадушенном состоянии.

В таком виде его и нашел Черненко, не проявив к нему особого интереса. И по инерции, то поднимаясь, то спадая, разворачивалась деятельность созданного Андроповым Антисионистского комитета — время от времени проводились пресс-конференции, устраивались собрания, печатались заявления. В выражениях, которыми пользовалась эта организация, в стиле и характере ее работы иногда откровенно проглядывал шовинизм и отчетливо слышалась неприязнь к Израилю, но делалось это без патологии и без особого энтузиазма — обычная пропагандистская работа, в которой знал толк Черненко.

Сотни тысяч евреев стремились покинуть Советский Союз. И Черненко, не исключено, дал бы им эту возможность, как когда-то предоставил им ее Брежнев, его учитель, если бы не тот драматизм и издержки, с которыми был сопряжен и связан выезд евреев из страны. Тем не менее осторожная либерализация эмиграции не исключалась Черненко, он намекнул о ней через своих представителей в Вашингтоне — по-

обещал разрешить выезд нескольких десятков тысяч евреев, при условии, если Соединенные Штаты будут готовы пересмотреть — снять ограничения — условия торговли с Советским Союзом.

Таковы были планы, возможно — надежды Черненко в связи с еврейским вопросом. Он осторожно подталкивал к ним общественное мнение, представляя все новые доказательства своей терпимости. Главному раввину Франции Моше Сира советские дипломаты дали понять, что он будет желанным гостем в Москве. Это было первое за многие годы приглашение еврейскому священнослужителю посетить Советский Союз с официальным визитом. Далее, в советских газетах стали появляться статьи, в которых не оказывалось привычных и в таких случаях — обязательных выпадов против сионизма²³.

Некоторая политическая мягкость Черненко вызвала неудовольствие в Политбюро. Последовала реакция — провокационная: в Ленинграде был задержан после встречи с отказниками бывший президент Израиля Эфраим Кацир, приехавший в Советский Союз на международный конгресс биохимиков. Черненко, тем не менее, продолжал проявлять склонность, вполне прагматическую, к расширению зоны своей идеологической терпимости. Он стал искать форму сосуществования с интеллигенцией. И начал (неожиданно) — с писателей.

Приход к власти Черненко произошел на фоне идеологических "заморозков". Гуманистическая волна в советской литературе, с ее поисками национальных истоков и защитой общечеловеческих ценностей, натолкнулась на рациональное мышление Андропова. И разбилась о его социальную ограниченность. В черном списке оказались многие направления советской литературы, и среди них: проза "деревенская" — ей инкриминировалась в вину идеализация прошлого, и "городская", которую критика обвинила в стремлении "очернить современность". Лишенные права самовыражения, многие писатели предпочитали не публиковаться, и "печатная площадь" была захвачена поставщиками партийной конъюнктуры, ратующими за оживление национал-большевизма и насаж-

дающими его "оборонными", державно мыслящими произведениями²⁴.

Воцарение Черненко вылилось в победную "тризну" этих писателей. Им казалось, что новый генсек — поборник триединой формулы советского патриотизма: национализма, шовинизма и милитаризма — их поймет и поддержит. Определенные основания для такой надежды были: Черненко являлся одним из авторов андроповского постановления по литературе и стоял у истоков идеологического Пленума ЦК 1983 года. Но то было время, когда Черненко только подбирался к власти, и ему необходима была хорошая струя консерватизма и реакционности — для устойчивости. Но, обретя власть, он решил дать волю своему вкусу (возможно — моде) и немного поработать на историю — подобно Брежневу. И, как Брежнев, решил опереться на умеренных писателей, не либералов, но здравомыслящих. Сигнал к разрядке напряженности с ними подала "Правда", предоставив свои страницы неконформистским публицистам и критикам²⁵.

О психологической переориентации Черненко свидетельствовала и осторожная реабилитация либеральной литературы. Вскоре она получила еще один дополнительный импульс и стимул для своего развития. 296 орденов, выделенных для награждения советских писателей в связи с 50-летием их организации, распределялись почти равномерно между всеми действующими литературными лицами: от правого спектра до левого. Идеологических предпочтений не делалось. На литературном "фронте" временно установилось равновесие²⁶, что позволило Черненко благополучно выступить на юбилейном Пленуме Правления Союза писателей. Он дал понять, что внимательно следит за динамикой развития литературного процесса. И пояснил, что прекрасно понимает, что "дело это, конечно, сложное, оно не терпит легковесного, упрощенческого подхода. Тут прямо просится на язык присловие: куда ни кинь — умом раскинь"²⁷.

Черненко, очевидно, старательно готовился к своей речи: ему, лауреату Ленинской премии, хотелось, по-видимому, произвести на аудиторию благоприятное впечатление. И стремясь завоевать ее расположение, а также желая показать, что

представляет и понимает творческий процесс, он высказал ряд нестандартных (для партийного деятеля) суждений. Отметил, что гуманистические цели не нуждаются в легковесных славословиях, и пояснил, что непрофессионально написанные книги дискредитируют самые возвышенные темы и идеи. А затем позволил элегантно процитировать — так, как это любил делать Сталин — Щедрина: "Хладное пережевывание азбучных истин лишь в насмешку может быть названо художественной литературой"²⁸.

И еще однажды появилась у Черненко возможность вывить свою "литературную" эрудицию — когда он, уже смертельно больной, вручал писателям ордена. Он вновь остановился на вопросе литературного мастерства и более откровенно (он чувствовал, времени у него осталось немного), призвал писателей поддержать его. В соответствии с правилами коммунистического двоемыслия, эту свою мысль он высказал иносказательно: писатели должны стать надежными помощниками партии²⁹.

Конфликт "Андропов — Черненко" продолжался и после смерти одного из них (остался он как философская дилемма и тогда, когда в живых не оказалось обоих). Он просматривался в различных уровнях советской жизни — политическом, социальном, идеологическом. Обнаружился он и в эстетическом измерении, где проявился в поисках Черненко компромисса между двумя направлениями советской литературы: прогрессивного (его представляли писатели, исповедовавшие демократический идеал) и консервативного (за ним стояли поборники сильной власти).

Награждая писателей первого лагеря, Черненко стремился придать системе (и себе) человеческое лицо. Но при этом он понимал, что это "лицо" должно было быть государственным — сильным, мощным, властным. И самые высшие награды, Героя Социалистического Труда, были отданы писателям-неосталинистам. Причем четверым из них — славянско-го происхождения — Черненко вручил Золотые Звезды лично (А.Ананьеву, А.Иванову, С.Сартакову, М.Хромченко). Всем прочим ордена и медали раздавал секретарь ЦК М.В.Зимянин.

Такую двойственность и непоследовательность (в кото-

рой была своя последовательность — он шел навстречу желанию партаппарата и учитывал по мере возможностей настроение общественности) проявлял Черненко и по отношению к другим музам искусства. В начале 1984 года видный советский режиссер, создатель Театра на Таганке Юрий Любимов был вынужден стать невозвращенцем. Находясь в Лондоне, где он ставил пьесу по роману Достоевского "Преступление и наказание", он сделал неосторожное заявление для печати — сказал, что в 65 лет у него нет времени дожидаться, пока советские чиновники начнут понимать культуру, которая достойна его страны. Через несколько дней он повторил эти слова для советских радиослушателей на радиостанции Би-Би-Си. По советским понятиям — это было преступление. И сразу же последовало наказание: он был смещен с должности главного режиссера театра. Черненко не мог позволить себе (и ему бы не позволили) не отреагировать на дерзость Любимова: одно дело фривольные, вполголоса, высказывания в своей стране (их часто допускал Любимов), другое — вводить ими публично в искушение Запад. Так обязаны были действовать и действовали все советские руководители: от Ленина и Сталина до Андропова. Но свое некоторое несогласие с их методами Черненко выразил своеобразно и типично в своей манере. На должность художественного руководителя Театра на Таганке был назначен не правоверный партийный деятель от искусства, а режиссер такого же беспокойного нрава и блестящего, яркого таланта, как Любимов — Анатолий Эфрос.

Накануне прихода к власти Андропова в общественном сознании теплилась вера, что 80-е годы повернут страну к вольным временам 20-х годов. Этим ожиданиям не суждено было сбыться: Андропов явно тяготел к упорядоченности и уповал на силу государства. Черненко не хотел рассеивать эти надежды, но не в состоянии был их поддержать. Общество при нем словно застыло на полустанке между прошлым и будущим, через который стремительно, но беспорядочно проносились различные партийные и правительственные постановления. Между ними не было преемственности или внутренней связи, присутствовала только внешняя цель: Чернен-

ко хотел продемонстрировать активность и деятельность своего руководства.

Одно из первых таких постановлений — апрельское — еще работало на топливе (и инерции движения) Андропова. В нем остро критиковалась работа промышленности — говорилось о срывах плановых заданий, отмечался выпуск некачественной продукции, критиковалось отсутствие научной организации труда. Но средства преодоления недостатков были уже собственно черненковские: ставка делалась на организацию и проведение социалистического соревнования. Это была уже вторая попытка Черненко (первой было его стремление активизировать деятельность местных Советов) использовать старые и неоднократно дискредитированные средства для гальванизации общественного производства.

Не отличалась новизной и мысль опереться на массово-политическую организационную работу для повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции³⁰. Попытки (безуспешные) реконструировать "народное" хозяйство с помощью лозунгов и призывов предпринимались в Советском Союзе и раньше. Как принимались (неоднократно) в прошлом постановления, подобные опубликованным в советских газетах в мае 1984 года. Этот месяц оказался явно перегруженным инициативами Черненко. Он предложил улучшить трудовое воспитание — первое постановление. Второе — предусматривало повысить зарплату работникам народного образования. Третье — дополняло оба постановления решением усовершенствовать квалификацию педагогических кадров³¹. Как мы видим, все три "постановления" вторгались в одну и ту же сферу — в педагогический процесс и призваны были дополнить (и тем самым завершить) предложенный Черненко проект школьной реформы.

Июнь принес "постановления" также из духовной области — на этот раз Черненко задался задачей усовершенствовать деятельность районных и городских газет. Оказалось (так считал генсек), что советская печать не удовлетворяла читателей. Она слабо освещала местную жизнь. Поверхностно проникала и схематически раскрывала духовный мир человека, не откликалась на письма читателей³². После глубоко-

го, описанного в деталях и частностях, анализа (и осуждения) многочисленных упущений прессы, перед ней были поставлены задачи очередного витка (декады) коммунистического правления. Их объемность и многоцельность, широта и обстоятельность явно соперничали с новаторскими порывами Андропова. Но с одним различием. Андропов пытался перестроить социальную жизнь, реорганизуя экономику, Черненко к той же цели шел через реконструкцию идеологии. И тот и другой оставались утопистами (если, конечно, верили в то, что делали), стремясь изменить уклад советской жизни и ее нравы, модифицируя, один — экономику, другой — идеологию.

Реформы, чтобы стать эффективными и действенными, должны начинаться и завершаться изменением общественных и, прежде всего, политических отношений. Только в этом случае они способны были развязать народную инициативу и создать новую мотивацию труда. Но существующий строй вполне устраивал обоих руководителей — они не мыслили себя вне его (и его вне себя). И "бег на месте" Черненко продолжался.

В июле он инспирировал постановление об улучшении работы молодежи³³. И вновь перед нами шаблонная демагогия: совершенствовать, улучшать, повышать, поднимать и т. п. Но на этот раз за дежурной партийной фразеологией скрывалась серьезная проблема вовлечения молодежи в производство. Потенциал возможностей здесь был огромным. Это — десять миллионов учащихся старших классов, более миллиона студентов, мобилизованных в рабочие отряды, и столько же молодых людей, которые после окончания школы оказались за пределами высших учебных заведений. Эффективному использованию их, однако, препятствовали организационная бесхозяйственность и неприязнь советских людей к труду.

Постановление деликатно обходило эти опасные вопросы. Не замечало оно и разлагающего влияния социальных условий жизни на молодежь — они порождали в ней цинизм, равнодушие, инертность, толкали ее на непробудное пьянство и преступления. И все внимание сосредотачивало на ана-

лизе деятельности комсомола, выхватывая и критикуя организацию и стиль его работы, которые не поддавались ни изменению, ни исправлению.

Черненко пытался решить трудные и важные проблемы молодого поколения шаблонными приемами и средствами: увещеваниями и убеждениями. И лишь однажды его реакция оказалась достаточно конкретной — когда разговор зашел об увлечениях молодежи. Но и этот вопрос был им представлен и обозначен в пропагандистском оформлении: аморальное поведение он объяснил "подражанием западной моде", а "аполитичность" — несовершенством воспитательной работы. Присутствовали в постановлении мысли и об издержках собственно советской социализации, которая отложилась в молодежи безыдейностью и беспринципностью. Речь в постановлении шла о существовании особой молодежной субкультуры, не укладывающейся в систему официальных ценностей. Черненко настойчиво призывал к созданию классового сознания, не замечая, что оно давно сложилось в молодежной среде, но оформилось иначе, чем он его представлял. В Советском Союзе произошло глубокое расслоение молодежи (как и общества в целом). Из нее выделились две неоднозначные и неравноценные группы — элитарная, привилегированная, и многомиллионная, ограниченная в своих правах. Соответственно определились (в зеркальном отражении к социальным условиям жизни) и их различные системы морали. Выходцы из правящего класса считали себя хозяевами жизни, искали и требовали удовольствия, благ, а тем, кто были вытолкнуты из рабочей среды, предписывалось воспроизводить и повторять опыт существования своих родителей. Им надлежало тяжело трудиться и проявлять смирение.

Черненко понимал, что идейная эрозия молодежи таила угрозу не только духу, но и телу партии, в которой увеличивалось число людей, не достигших сорокалетнего возраста: к 1984 году они составляли 30 процентов членов партии³⁴. И их количество продолжало увеличиваться: в советском правящем классе происходила смена поколений, приводящая к переосмысливанию ценностей не только во внутренней жизни государства, но и в его внешней политике.

*Будущее – это одна из вариаций
прошлого.*

Глава восьмая

БУДУЩЕЕ – В ПРОШЛОМ

Невозможно определенно и точно проследить влияние внутренней жизни на международную политику советского государства. Но несомненно, чем менее устойчиво его социальное положение, тем больше оно ищет путей для сотрудничества с Западом. При этом имеют значение и состояние советской экономики и общий характер глобальных устремлений Кремля. Однако фон, на котором разворачивается и проявляется сценарий внешней политики, всегда остается неизменным — это идея враждебного капиталистического окружения. Данное представление является важнейшим источником оправдания законности коммунистического режима, и он же представляет последнюю линию обороны, к которой советские руководители обращаются в трудные для них периоды. Любил использовать этот образ и Черненко.

Уже в первые месяцы его правления страну захватил тотальный военный психоз, граничащий с истерией — он нашел широкое отражение в советской прессе, а затем, нарастая в ненависти и страхе, перекинулся на телевидение. Чуть ли не ежедневно на его экранах показывали натовских солдат, самодовольных, безжалостных, с перекинутыми на грудь автоматами, маршировавших под грохот самолетов и танковых колонн. Эти сцены оживляли в советском воображении фашистов — аналогия приходила сама собой или выводилась

комментаторами. Вот как это делалось: корреспонденты задавались вопросом: "Столь ли велика разница между планом "Барбаросса" и идеей крестового похода против большевизма двух деятелей от культуры, одержимых манией величия?" Почему двух? — терялись в сомнениях советские люди. Один из них был достаточно известен: Гитлер. Кто другой — предстояло догадаться, и советская пропаганда услужливо подсказывала: Рейган. Так в Советском Союзе враг впервые был назван по имени — американский президент.

Не устоял от искушения провести аналогию между империализмом и фашизмом и Черненко. Он сказал, что "война 1941 года не повторится. Любого агрессора настигнет незамедлительное возмездие"¹. Советский руководитель несомненно имел в виду Америку — его восприятие этой страны было противоречивым и сложным: он относился к ней со смешанным чувством страха и восхищения. Его страх был инспирирован советской пропагандой, провозгласившей Соединенные Штаты непримиримым врагом его страны. И в этой его убежденности просматривается один из парадоксов формирования коммунистических убеждений. Жертвами пропаганды становятся в равной мере и те, кто ее определяет и распространяет — советские руководители, и те, на кого она направлена — народные массы. Так что Черненко вполне искренне верил в исходящую от Америки угрозу. И в то же время он отдавал дань известного уважения успехам этой страны, ее силе и мощи, желал и боялся улучшения отношений с ней. И при этом во всем — в развертывании холодной войны и в противостоянии двух миров — винил Америку.

Советские люди мыслили иначе, чем их правители, но их чувства к Америке в чем-то оказывались общими и похожими. Они подсознательно отталкивались от пропаганды и в то же время оказывались захваченными ее ханжеством и лицемерием. Они не могли остаться безучастными и безразличными, читая рассказы — их в изобилии организовывала и поставляла советская пресса — о глубоких противоречиях американского образа жизни: о нищете и произволе, бесправии и насилии. И в их идеологизированном сознании возникали неприязнь и страх — они проявлялись неожиданно и самым

невероятным образом. В газеты поступали письма перепуганных детей: "Папа, убей янки". А взрослые, вполне образованные люди, искренне считали, что если случается где-то град, землетрясение или наводнение, это значит, американцы испытывают новое метеорологическое оружие.

У человека, живущего в советском государстве, должна была появиться неприязнь к Соединенным Штатам, он обязан был научиться бояться и ненавидеть эту страну. Однако здравый смысл очень часто оказывался сильнее пропагандистских штампов. И возникал вопрос — опасный для властей: как может государство, разлагающееся десятилетиями, производить современную технику и создавать спутники и самолеты? Герметически скрыть правду об американской действительности советским средствам информации никак не удавалось: телевизионный экран, пресса показывали и описывали не только трущобы американских городов, но воспроизводили — вынужденно — их обитателей, которые питались и одевались намного лучше советских людей. Они были независимы и свободны, даже не имея работы, — это вызывало зависть и недоверие к пропаганде.

Черненко, разумеется, не мучили подобные сомнения, не задавал он себе и противоречивых вопросов. От них его защищала идеология, которая старательно заготовила для него благополучные и благонравные ответы на все случаи жизни. Но у него возникал протест против искусственного нагнетания антиамериканских настроений. Разумеется, при всех ограничениях его личности — он не выдержал испытания детантом, не в состоянии был преодолеть и привычный стереотип советского мышления, подводящий к вере в неизбежность глобальной победы коммунизма. Не смог он и научиться уважать интересы других государств или по крайней мере считаться с ними. У него, как и у всех кремлевских руководителей, навсегда осталось недоверие к другим мирам, не похожим на советский и неподвластных ему. Только выводы из своего недоверия он сделал другие — собственные.

Его предшественников (Андропова в том числе) страх перед Западом — его технологическим превосходством, свободой — толкал и гнал к конфронтации с ним. Они устремились

к этой пропасти в надежде перепрыгнуть, преодолеть ее с помощью развертывания нового оружия. Нарращивали его, полагая, что станут всесильными. Запугивали Запад и сами испугались — оказались уязвимыми перед американской программой космической обороны. И Черненко был вынужден изменить тактику: страх перед свободным миром заставил его двигаться в другом направлении — пятиться от конфронтации назад. Это придало новое направление советской внешней политике, что сразу было замечено на Западе.

Там стали говорить о сдержанности и миролюбии кремлевского руководителя, хотя в действительности имело место изменение не столько содержания, сколько стиля советской политики. "Либерала" в Черненко на Западе еще не видели. Но уже считали его уравновешенным и рассудительным государственным деятелем — не потому ли, что ему удалось вопреки всем прогнозам добраться и дойти до вершины власти? И с деловым, а тем более с энергичным руководителем возможно было и следовало искать взаимопонимания — настолько, что американский президент счел возможным пригласить его встретиться с ним. Черненко не отказался от встречи, но и не принял ее: больной и старый, он был не в состоянии предпринять столь дальнюю и длительную поездку. И к тому же он был совершенно неподготовлен к переговорам. Ему еще только предстояло окунуться в омут международной политики с ее противоречивыми проблемами и сложным дипломатическим этикетом. А его министр иностранных дел совсем не торопился прийти ему на помощь. Громько многие годы не проявлял своих чувств и симпатий, неизменно оставаясь носителем чужой воли — генсека или Политбюро. Он уважал и подчинялся только силе — силе руководства. Но когда выяснилось, что у Черненко, как руководителя, сил недостаточно, стал проявлять своеволие и независимость. В результате американская политика Кремля стала напоминать колеблющийся вальс. Генсеку никак не удавалось попасть в желаемый такт из-за своего партнера — министра иностранных дел, который танцевал под собственную музыку.

Сначала в Москве заявили о намерении Черненко встре-

титься с Рейганом — предполагалось в Вене, но возможно было и в Хельсинки, затем объявили переговоры преждевременными. Черненко оказался перед противоположными целями. Идеологическими (их отстаивал Устинов) — они подсказывали ему не доверять классовому противнику, и тактическими (их выдвигал Громыко), которые подсказывали повременить со встречей в верхах до исхода президентских выборов в США. Необходимо было учитывать и стратегические соображения — они же и прагматические. Из них исходил сам Черненко, в котором еще живо было воспоминание об утраченном детанте: он не хотел жить по сценарию взаимного уничтожения. Так что следовало как-то совместить собственные цели с интересами его коллег, и их всех свести воедино. И Черненко не нашел ничего лучшего, как обратиться к андроповской формуле — бумажной дипломатии, с обменом многочисленными посланиями, письмами, заявлениями и сообщениями для печати.

Черненко не стремился эксплуатировать старые политические инстинкты — окапываться и устрашать население, они оживали в его посланиях подсознательно, как тени прошлого и как дань настроениям в Политбюро. Желая преодолеть их в себе, Черненко в свои выступления настойчиво вкладывал уверения о мире, подчеркивал желание содействовать уменьшению международной напряженности и военной опасности. Его слова при этом звучали убежденно и искренне. Проблема, однако, была в его исходных позициях, традиционных для советского руководителя — в стремлении опереться на идеологию и военный диктат. Но и здесь он стремился без нужды не злоупотреблять угрозами, подбирая выражения по возможности корректные и уравновешенные.

Узнав, что палата представителей американского Конгресса решила запретить выделение средств на проведение испытаний противоспутникового оружия, он не стал злорадствовать, и сдержанно заметил: "Или будет предотвращена милитаризация космоса, или же он превратится в источник грозной опасности, нависшей над всем человечеством"². А затем, отвечая на вопросы американского журналиста, подробно объяснил советскую позицию по разоружению. При этом,

конечно, подобранные им аргументы не отличались новизной, они неоднократно высказывались в прошлом и основательно были проштампованы в официальных документах; но их тон и выбранная Черненко интонация отличались мягкостью и простотой. Без надрыва и дежурной риторики он подчеркнул, что СССР в одностороннем порядке принял обязательство не выводить в космос ядерное оружие. Это решение, разумеется, не преодолевало женевских тупиков, потому что Черненко все еще был не готов отказаться от попыток переиграть Соединенные Штаты в гонке вооружений: предложить меньше и получить больше³. Вместе с тем стратегическая торговля велась им миролюбиво — без непосредственных угроз и оскорблений.

Не менее уравновешенными (по советским понятиям) были высказывания Черненко, предназначенные для внутреннего пользования, — интервью газете "Правда"⁴. Комментируя встречу руководителей ведущих западных стран в Лондоне, он позволил себе определенную меру иронии — жесткую, даже гневную ("одно заявление лежит на поверхности, о нем буквально гудит американская пресса. Это — соображения, связанные с президентскими выборами в США"), но она не выходила за рамки допустимого в политике сарказма, а подобранные им сравнения ("ширма для прикрытия... превращение территории... западных стран в стартовую площадку") вполне находились в рамках дипломатического этикета.

Совсем иначе подготавливались выступления Громыко — в них отчетливо прослушивались необузданный нрав советского министра иностранных дел и его презрение к Западу: "Страны НАТО под диктовку США отбрасывают принципы неприменения силы, грубо отходят от сложившегося в годы войны сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, пытаются превратить бряцание силой в норму международных отношений" и т. д.⁵ Громыко, наконец, получил возможность говорить с собственного голоса, и оказалось, что своим звучанием он до удивления напоминает сталинские мелодии. Из него выветрились, будто их никогда и не было, интонации хрущевской и брежневской эпохи, с ее надеждой и

иллюзией мирного сосуществования. Стоило Черненко при встрече с Геншером заговорить о намерении приостановить гонку вооружений, как Громыко тут же вмешивался и добавлял: "Призывы к возобновлению переговоров на этот счет не могут быть приняты всерьез. Не стоит обольщаться — мы отброшены к временам холодной войны".

Порой возникало подозрение, что в Кремле ведется игра с заранее запланированным распределением ролей: Черненко — миротворец, Громыко — экстремист. Но шло время, и становилось ясным — это не игра, генсек действительно верил в возможность заключения соглашения с Западом по разоружению. Он был готов к уступкам по широкому кругу проблем, в частности, в вопросе о контроле за выполнением подписанных договоров. Здесь, "в неясных ситуациях", он не возражал против проведения "обмена информацией и консультаций на местах", то есть готов был пойти на то, что ни один советский руководитель до него сделать не решался⁶.

Трудно было усомниться в серьезности сделанных Черненко предложений. И в европейских столицах, и в Вашингтоне к ним отнеслись с интересом и серьезностью. Сомнения в их целесообразности возникли и проявились в Москве — их высказали Устинов и Громыко. На страницах "Правды" ими инспирируются статьи с выпадами против проведения контроля за разоружением. Возражение известное — оно неоднократно выдвигалось и в прошлом: Запад под видом контроля за разоружением будет проводить на советской территории сбор разведывательной информации. И, наконец, противореча Черненко, Громыко заявил, что следует ограничиваться контролем с помощью национальных средств "размещения на суше, в океане и в космосе"⁷. Столь же непочтительным по отношению к генсеку было и его поведение: он принимал иностранных гостей не в своем рабочем кабинете, а в Кремле, в великолепном Екатерининском зале — честь не по его должности. И когда (и если) там появлялся судорожно дышащий Черненко, Громыко вел себя весьма независимо — бесцеремонно перебивал его, всем своим видом давая понять, что он, а не генсек, уполномочен говорить и действовать от имени правительства.

Так ли это было в действительности? Ответ, который мы предлагаем, неоднозначен и, возможно, покажется противоречивым — потому что советская внешняя политика последние десятилетия не определялась волей одного руководителя, а являлась результатом деятельности многочисленного коллектива. Министр иностранных дел в СССР выдвигает лишь общие идеи международной политики, которые конкретизируются и обосновываются в партийном аппарате. И партийный аппарат, а не Министерство иностранных дел, выносит их на рассмотрение Политбюро. И здесь характер и форма обсуждения определяются не столько позицией министра, сколько мнением генсека, и еще больше персонифицируются в зависимости от размера его власти, возраста и состояния здоровья. Из этих переменных складываются сценарий и сюжет деятельности Политбюро. Партийный аппарат стремится унифицировать процесс принятия государственных решений путем определения системы подбора генсеков: на высший партийный пост, как правило, выталкивается компромиссная фигура, устраивающая Политбюро. Исключение составляли первый советский руководитель (Ленин) и последний (Горбачев). Они оба пришли к власти на гребне революционного перелома коммунистического общества: один — при его возникновении и становлении, другой — эррозии и распада. Они своим взлетом в карьере были обязаны себе и обстоятельствам, а не милости партии. И могли поэтому позволить себе в своей деятельности известную степень самостоятельности. Все прочие советские партийные лидеры были ставленниками и выдвигенцами партийного аппарата. Их правление начиналось безлико и невыразительно. Они услужливо проводили в жизнь его волю и решения. Но проходило какое-то время, и начинались политические маневры и перестановка сил в Политбюро. Характер этой борьбы однажды был предложен Сталиным и с тех пор с успехом исполняется в Кремле при постановке каждого тура правления. Ее правила четко определены, не допускают никакой импровизации и распадаются на несколько этапов.

Переходный — это так называемый период коллективного руководства. Свобода действий генсека ограничена — она

ущемлена как его сторонниками, навязывающими ему свою волю, так и противниками, подталкивающими его к выгодным для них решениям. Генсек утверждает себя, противопоставляя различные группировки Политбюро и сталкивая их друг с другом. Его цель — не допустить их сближения и сплочения. Далее наступает следующая стадия: генсек в конфликтной ситуации начинает выводить из Политбюро наиболее активных и динамичных его членов. Первыми жертвами становятся его сторонники — генсек расправляется с ними руками своих противников, которые на какое-то время становятся его попутчиками — опираясь на них, он проводит в Политбюро новых членов. Так начинается третий период власти генсека, отмеченный равновесием сил между ним и членами Политбюро. Он непродолжителен и завершается по мере увеличения в Политбюро сторонников генсека. Когда их становится большинство, генсек с их помощью изгоняет своих противников, и в системе власти устанавливается единодушие и единомыслие. Таковы черты четвертого акта правления генсека — он становится ведущей и направляющей личностью в партийном аппарате, а остальные члены Политбюро низводятся на роли его помощников.

Этот период наивысшей и наибольшей активности генсека — время реализации его планов и проектов. Спокойствие в Политбюро, однако, проходящее: постепенно в нем вызревают противоречия и наступает кризис. Он происходит тогда, когда единомышленники генсека становятся его соперниками. Партийная власть не терпит равенства, и генсеку предстоит новая акция по изъятию из Политбюро бывших его единомышленников — он проводит ее или теряет власть. И такие операции генсек вынужден проделывать постоянно: власть в Политбюро всегда в движении — от неравенства возможностей она движется к временному равновесию сил, и от него к следующему этапу неравенства. И стоит генсеку замедлить или приостановить процесс перестройки Политбюро, как он лишается власти.

Сквозь эту политическую карусель-мельницу прошли Сталин, Хрущев и Брежнев. Андропов — не успел. Но сумел смешать существовавшие многие годы правила партийной

игры. Сперва нестандартным приходом к власти — через голову партийного аппарата, и затем характером правления — он перескакивал через многие его промежуточные звенья. И, наконец — своей смертью: ничего не завершив, остался загадкой нереализованных возможностей.

Совершенно иначе складывалось пребывание у власти Черненко. У истоков его правления сразу же проявились факторы, которые определяли жизнь его предшественников только тогда, когда они сходили с политической сцены: физическая беспомощность престарелого возраста и болезни. Было ясно, что Черненко не удастся дотянуть до стадии власти правления в Политбюро, отмеченного равновесием сил — для этого у него не хватало резерва времени. На него как-то внезапно и сразу обрушились многочисленные недуги — эмфизема легких и инфаркты. И ему следовало заботиться не о том, как удачнее и хитроумнее разложить пасьянсы собственной власти, а как дожить до следующего заседания Политбюро.

Каждое предпринимаемое им усилие невосполнимо убавляло его здоровье, но он в каком-то исступлении (или, может быть, движимый силой инерции) его разрушал: не мог присутствовать на совещаниях и организовывал их в огромном количестве, не в состоянии был встречаться с иностранными делегациями и проводил многочисленные приемы, не в силах был произносить продолжительные речи и злоупотреблял публичными выступлениями, врачи запретили ему ежедневно приезжать на работу, а он засиживался в рабочем кабинете до позднего вечера. И — слабел. Хотел переспорить природу, показать (другим и себе), что он может еще многое сделать в жизни — и надрывался, терял силы. Выглядел беспомощным и смешным. Пока, наконец, не понял — время его прошло. И тогда символы власти ему стали важнее и дороже самой власти. Он больше не выторговывал у Политбюро права — брал то, что соглашались ему дать: почести и внимание.

Какое-то время члены Политбюро упивались своими возможностями — их никогда у них не было столько, сколько теперь. И, совсем не считаясь с Черненко, откровенно посме-

ивались над его недостатками и слабостями. Пока их интересы не столкнулись при выборе нового лидера.

И тут стало ясно, что если у членов Политбюро слишком много независимости, независимости нет ни у кого: каждый стремился утвердить и увеличить свои права за счет прав других. И у них не оказалось иного средства для восстановления спокойствия и стабильности в Политбюро, как обратиться к генсеку. Пусть к слабому, немощному — в этом даже было известное преимущество: он не расширял свою власть за их счет. Однако только при его посредничестве противоборствующие лагеря были способны отойти и отступить на исходные политические позиции. И в ожидании его смерти заключались сделки: перекраивание и перераспределение политических ролей не заканчивалось, но оно переносилось в будущее. А пока что Черненко неожиданно для себя обнаружил, что отношение к нему в Политбюро изменилось. Вокруг него стали собираться и спланиваться его сторонники, объединившиеся для продления своего политического существования, и недавние соперники, стремящиеся отстроить пирамиду собственной власти. И Черненко на какое-то время смог насладиться проходящим затишьем (перед предстоящими — они его не затронут — партийными битвами).

В тех областях, где Романов и Горбачев нейтрализовали друг друга, Черненко удалось проскользнуть в образовавшуюся между ними социальную щель, что позволило ему проводить (а нам проследить) свою собственную политику — и в ней отчетливо проявляются диссонансы Громыко, который, не претендуя на участие в последующем разделе власти, мог (и смел) не считаться с заключенным в Политбюро перемирием. Мы, разумеется, не склонны преувеличивать возможности и влияние Громыко на процесс принятия политических решений в Советском Союзе: коммунистическая система настолько унифицирует режим, что роль личностей на вершине власти становится все менее значительной и важной. Определяющее значение приобретают потребности государства. И Черненко интуитивно улавливал их лучше, чем Громыко.

Кроме того, не следует однозначно делить членов Полит-

бюро на миротворцев и поборников войны. Взгляды их всех были идеологически детерминированы — основывались на признании наличия в мире двух враждебных блоков, между которыми ведется постоянная борьба.

Эта борьба, по их мнению, исторически неизбежна, и ее следует выиграть, похоронив капитализм, — лучше политическими средствами, но возможно и военными. И здесь в системе власти в СССР проступали две тенденции. Одна (ее отстаивал Черненко) — более умеренная, она основывалась на предположении, что положение в мире в силу естественных законов развития изменяется в пользу советского общества. Отсюда выводилась ее основная цель — разоружить Запад психологически и предотвратить его политическую интеграцию. Вторая концепция (среди ее приверженцев были Громыко и Устинов) — носила воинствующий характер и предполагала активную и наступательную эксплуатацию слабостей и ошибок капитализма. Ее философия — никаких уступок свободному миру, наращивание тактического и стратегического оружия, которое при всех обстоятельствах удержит Запад от вмешательства во внутренние дела Советского Союза, а при благоприятных условиях позволит расширить коммунистическую империю, выведя ее к берегам Индийского океана и Персидского залива⁸. Существовало различие между двумя этими доктринами и социальное. Первая — предполагала сконцентрировать усилия на повышении жизненного уровня. Вторая — не решалась поднять железный занавес и провести либерализацию режима, считая, что любые политические послабления приведут к идеологическому "загрязнению" и распаду социалистической морали.

Провести, однако, свои идеи в жизнь Черненко не смог, так как механизм власти в СССР оказался слишком тяжелым для него. Он не в силах был повернуть его в желаемую сторону — остались лишь одни порывы и пожелания. Так что истории, по-видимому, придется судить и оценивать Черненко не по тому, что он сделал, а за то, что он *не* совершил — не усилил внутреннюю реакцию, не ввергнул страну в опасные международные авантюры. Впрочем, был в активе Черненко и положительный вклад — он попытался связать Запад

и Восток в единый узел взаимоотношений. По его настоянию в начале июля советский посол в Вашингтоне Анатолий Добрынин позвонил в Госдепартамент и передал предложение Черненко встретиться с Рейганом. Это, конечно, был очень скромный шаг к взаимопониманию, гораздо более робкий, чем возобновление прерванных Андроповым женевских встреч. Но за ним последовало осторожное движение в направлении деданта. Было заключено соглашение о поставках Советскому Союзу американского зерна, подписан договор о модернизации чрезвычайной линии связи — прямого телефона между Белым домом и Кремлем. Соединенные Штаты сняли запрет с рыбной ловли в своих территориях для советских судов, а Советский Союз высказался за расширение консульских отношений. Оживились научные и культурные связи между двумя странами.

Однако общую установку советской политики в отношении Вашингтона Черненко не в состоянии был изменить. Политбюро по-прежнему пыталось изолировать Соединенные Штаты и расколоть западное содружество, широко используя пропаганду и дезинформацию. На одном из его заседаний в мае 1984 года, после долгих дебатов, советским спортсменам было предписано отказаться от участия в Олимпийских играх. Решение было принято экспромтом, без консультаций со странами Восточной Европы, по рекомендации Романова и Чебрикова, полагавших, что многие члены советской спортивной делегации могут оказаться невозвращенцами.

Сомнительно, были ли опасения Романова и Чебрикова обоснованными. И тот и другой хорошо были осведомлены о том, что советские спортсмены не очень-то склонны к бегству на Запад. Причина — не их убеждения, а характер избранной ими профессии, вернее — ее отсутствие у них. Став профессионалами, они не приобрели никакой специальности, так что рассчитывать на благополучную жизнь за океаном им особенно не приходилось. В то время как в собственной стране они почти не испытывали трудностей — им предоставляются привилегии и блага, недоступные большинству советских людей. Не страдали они (почти) и от несвободы пере-

движения, имея возможность за государственный счет посещать зарубежные страны.

Так что не забота за судьбу советского спорта и не страх за его авторитет (советская команда определенно выиграла бы Олимпийские игры) побудила членов Политбюро выступить против поездки советских спортсменов в Калифорнию. Они не хотели, каждый — по разным причинам — сближения с Западом. А если они и высказывались о готовности Советского Союза сесть за стол переговоров с Соединенными Штатами, то с единственной целью — всколыхнуть мировое общественное мнение показным своим миролюбием. И всколыхнули его. В Европе стало набирать силу и расти сопротивление американским планам развернуть стратегическую оборону. Запад словно испугался решимости использовать свое техническое преимущество в противоборстве с коммунистической экспансией. И помогал Советскому Союзу предотвратить гонку вооружений в космосе, к которой экономически он был не готов и предпочитал поэтому действовать политически.

На зимней сессии Верховного Совета 27 ноября 1984 года было объявлено об увеличении военных расходов с 17 миллиардов рублей до 19. Цифры сами по себе не имели существенного значения, так как подлинные размеры советского военного бюджета скрыты в бесчисленных статьях государственных расходов. Значение, однако, имел сам факт заявления Советского Союза об увеличении расходов на оборону. Он должен был предостеречь свободные страны от вывода оружия в космос; им также давалось понять, что силой, экономическим давлением или ограничениями в торговле не удастся склонить Советский Союз к уступкам.

В действительности, однако, советское правительство было вынуждено искать компромисса с Западом — Черненко согласился на женевские переговоры: они намечались на январь следующего года. Но вместе с тем он провел черту для своего отступления — выдвинул условие, по которому Соединенные Штаты должны были "заморозить" размещение новых ракет в Западной Европе. Черненко понимал, насколько важно "сбить" военно-техническое наступление Запада и

снизить экономическое перенапряжение в собственной стране. И вел игру по всей политической партитуре мира — так, как это любил делать Брежнев. И так же как тот заготовил для каждого региона особые стратегические вариации. Однако их исполнение (а не существо) было иным, хотя по-прежнему советский политический маятник раскачивался по всей планете.

Внешняя политика Советского Союза не является национальной политикой в ее традиционном понимании. Она представляет собой некую интернационально-идеологическую функцию его внутренней политики, определяется не потребностями нации, а нуждами и интересами режима, облакаемыми в различные формы "мирового коммунистического движения". Национальный фактор в советской внешней политике — не определяющий, а подчиненный цели сохранения коммунистической системы.

Падение авторитета и привлекательности коммунистической идеологии в мире и дискредитация ее в глазах советского общества не отразились на значении ее в качестве инструмента для обоснования советской политической стратегии. Она и при Черненко предоставляла четкие задачи и средства для образования тоталитарных государств, давая советским руководителям теоретическое обоснование их гегемонических устремлений. К давнему импульсу царского империализма, стремившегося к раздвижению границ Российского государства, она добавила идею о неизбежности коммунистической революции, объясняющую и оправдывающую расширение советского влияния в мире. Формулами "защиты революции" или "освободительных движений" Москва утверждала (и утверждает теперь), что политическое и социальное развитие в любых странах затрагивает ее национальные интересы.

Что же касается "мирного сосуществования", то оно никогда не являлось стратегической целью Советского Союза, а служило и обслуживало его политические интересы. С его помощью увеличивалось его влияние в мире и наращивалось военное преимущество. Коммунистические руководители никогда не считали, что улучшение отношений с капиталисти-

ческими странами означает примирение с их социальными системами и призывали быть готовыми к разворачиванию борьбы с ними. Так что советская внешняя политика в чем-то напоминает известную русскую игрушку матрешку — несколько разных по размеру кукол, входящих одна в другую. Так вот, самая большая из этих "кукол" — это советская идеология (она же и самая яркая и привлекательная), в ней прячутся и скрываются все другие "куклы" советского империализма: стремление к мировому господству, милитаризм, экспансионизм.

Обманчивый и двойственный характер советской внешнеполитической стратегии продиктован комплексом страха, страха советских правителей перед собственным народом, не интегрированным ими ни духовно, ни нравственно, ни психологически. И страха перед наличием в мире свободных государств, значительно более демократичных и развитых, чем Советский Союз.

Преодолеть эти противоречия и совместить (и примирить) свою идеологию с действительностью "изнутри" советский режим не в силах, так как несостоятельными оказались его надежды и планы построить совершенное общество. И он ищет возможности для своей стабилизации "извне" — пытается втянуть в коммунистическую орбиту как можно больше новых государств, стремясь показать миру, но прежде всего собственному народу, состоятельность, жизненность (и возможности) своей системы. Так что советский экспансионизм был (и есть) не свободно выбираемый курс внешней политики, а политическая необходимость. Это хорошо понимал Черненко, пытаясь повернуть и развернуть Советский Союз к наступлению в тех регионах мира, в которых весьма успешно продвигался Брежнев. Но в отличие от Брежнева, действовавшего силой, Черненко искал возможности обратиться к мирным средствам. Но в самом выборе целей и приоритетов внешней политики изменений не произошло. В ее стратегическом фокусе оказался весь мир. Западная Европа, где Советский Союз опирался на либеральные политические круги, которые, как ожидалось, откроют шлюзы для прихода к власти левосоциалистических правительств. Латинская

Америка — здесь СССР после неудачной попытки распространить коммунизм с Никарагуа на Сальвадор занял оборонительную позицию — продвигался вперед лишь в тех случаях, когда шансы на успех были очевидны, а риск сведен к минимуму. Ближний Восток: в этом регионе у Москвы при Черненко не было определенного плана действий, и она, не прилагая особых усилий, пожинала плоды чужого труда — Израиля, застрявшего в болоте Ливанской войны. Наконец, на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии у Советского Союза оставался широкий набор возможностей: оторвать Китай от США, столкнуть Китай с Вьетнамом, нейтрализовать Японию.

Таким образом, надежды Запада на то, что кризисные явления в советском руководстве приведут к ограничению советской активности на мировой арене, оказались несостоятельными. В Политбюро по-прежнему раздавались требования искать компенсации внутренних трудностей во внешнеполитических успехах. И если этим призывам не суждено было сбыться, то только потому, что Советский Союз попал в неожиданную ситуацию — оказался изолированным на международной арене — таковы были следствия политики Брежневца. СССР, протянувший свои стратегические силы в Африку и укрепившийся в Латинской Америке, на своих собственных государственных границах оказался во враждебном окружении. На Востоке активно противодействовал гегемонистическим устремлениям Кремля Китай, Япония последовательно отвергала все его попытки нормализовать с ней отношения — сближению с ненадежным соседом она предпочла союз с западными странами. На юге с советской агрессией боролся Афганистан и находился Иран, не скрывающий ненависти к коммунистическому режиму — в этом его поддерживал Пакистан. Усиливались антисоветские настроения на западных границах — в восточноевропейских странах. Под сомнением оказались позиции СССР и в Третьем мире — их поколебала решимость Рейгана оказывать противодействие советской экспансии.

Задвигалась, уходя из-под ног, почва у Черненко и в собственной стране: все заметнее становились социальные тре-

щины — спад экономики и идеологическая эрозия. Его правление проходило с позиции политической слабости и военной силы — только армия оставалась носителем советской идеологии, она была его последним и единственным доводом в отношении с собственным народом и со всем миром. Однако надежды Черненко поднять репутацию его страны, опираясь на военную силу, оказались нереализованными, и он попытался оживить международную разрядку через уменьшение напряженности в отношениях с Соединенными Штатами. Ему пришла неожиданная мысль пригласить в Москву Арманда Хаммера, американского промышленника — любимца советских вождей со времен Ленина. Он решил использовать его в качестве посредника для связи с Рейганом. Не впервые Хаммер приезжал в Москву. Памятным был его визит в советскую столицу в 1961 году, когда между двумя сверхдержавами возник кризис из-за Кубы — тогда его послал Кеннеди. Было понятно желание американского президента прибегнуть к услугам человека, популярного в Советском Союзе. Иначе (и странно) выглядело обращение Черненко к услугам американского гражданина — было необычным и многих удивило, но оно свидетельствовало, насколько сильным и, по-видимому, искренним было его желание возобновить диалог с Соединенными Штатами.

Стремление к разрядке Черненко было хорошо продумано — оно было рассчитано на создание трудностей американской администрации, стремившейся убедить своих союзников подключиться к программе стратегической обороны. Вместе с тем миролюбие советского руководителя не преследовало только пропагандистские цели. За ним стояло понимание, что продолжающееся развертывание и наращивание вооруженных сил, к которому Советский Союз прибегал в прошлом, становится опасным — американская администрация была способна принять вызов Москвы. И, используя более мощный промышленный потенциал своей страны, втянула бы Советский Союз в дорогостоящее противоборство в космосе, что окончательно бы подорвало его экономику.

Советский военно-промышленный комплекс был не прочь начать новый тур гонки вооружений — он сулил ему престиж,

влияние и новые капиталовложения. Черненко, однако, оказался более осмотрительным. Он довел до сведения Белого дома: "Мы обращаемся к США и к их союзникам с недвусмысленным призывом: пора конкретными делами подтвердить дело ответственности за судьбы мира, осознать бесперспективность политики с позиции силы, ставки на гонку вооружений, проявить действительную, а не показную готовность к диалогу, к переговорам для нахождения взаимоприемлемых решений вопросов, от которых зависит будущее человечества"⁹. И, подавая пример собственной сдержанностью, Черненко предложил обстоятельно и без предвзятости рассмотреть и сравнить военные арсеналы сторон. В его собственных подсчетах, однако, не обнаруживается объективности: говоря о стратегическом ядерном вооружении, он говорил о их "примерном равенстве". И только перейдя к конвенциональному оружию, был вынужден отметить, что по одним видам оружия имеется "превосходство у нас, по другим — у Запада". Тем самым впервые советским руководителем было признано, что по некоторым видам вооружения Советский Союз опережает США. На эту уступку истине Черненко пошел для того, чтобы соблазнить Запад возможностью "предотвращения милитаризации космического пространства"¹⁰.

Такая двойственность — в стиле полуправды — характерна и для многих других высказываний Черненко — особенно когда они затрагивали сферу международных отношений. Он согласился, что источником напряжения в мире является сам по себе процесс "гонки вооружений", а не проводимая великими державами политика противостояния. Это признание находилось в противоречии с официальной советской точкой зрения, объясняющей наличие военной опасности "империалистической сущностью капиталистических государств". Но самым важным из предложений Черненко, сделанных США, было его согласие на пересмотр соглашений СОЛТ-2. Такой подход являлся явным отступлением от старого отношения СССР к ратификации указанного договора: все или ничего.

Черненко проявил определенную меру смелости и ког-

да выразил готовность вести переговоры с Соединенными Штатами об ограничении развертывания новых подводных лодок и о запрещении модернизации существующих и создания новых баллистических ракет. При этом он оставил без внимания обвинения Рейгана в политической аморальности советских руководителей, что должно было, по-видимому, подчеркнуть всю серьезность его намерения решать противоречия между великими державами достойно и на основе взаимопонимания. И здесь Черненко обращался одновременно по нескольким адресам: к американскому правительству, к оппозиции — демократической партии (в США предстояли президентские выборы, и советский руководитель косвенно не прочь был принять в них участие) и к лидерам европейских стран. Для них в "Правде" было напечатано воинствующее заявление Устинова, выдержанное в жестких тонах "холодной войны". В Европе должно было сложиться (и сложилось) впечатление, что есть две линии советской политики: Устинова и Черненко. И это — не был только политический маневр: в советской внешнеполитической доктрине явно обнаруживались и проявлялись противоречия. Черненко стремился к детанту, а Устинов запугивал советской военной мощью. Из-за двойного подхода Москвы и Вашингтон был вынужден разрабатывать гибкий политический курс — твердый в вопросах борьбы с международным терроризмом и сдержанный, склонный к компромиссу, в отношении с Советским Союзом.

Политический гамбит Черненко строился на противопоставлении стран Западной Европы Соединенным Штатам. Эти страны были стратегической целью, которую Советский Союз стремился выиграть без войны. Черненко выражал желание пойти в Западной Европе на такие уступки, на которые он был не готов ни в одном другом регионе мира: он согласился создать в ней зоны доверия, то есть территории, свободные от размещения ядерного оружия, — при условии принятия странами Европы моратория об отказе размещать и развертывать новые ракеты. Предложил европейским государствам взять на себя обязательства первыми не применять друг против друга ни ядерного, ни конвенционального ору-

зия, убеждал их не расширять и не создавать новые военные блоки. При этом он не раз повторял, что во имя достижения соглашения по разоружению в Европе он уже прошел "больше половины пути". Можно было вполне ему поверить: "оставшаяся часть пути" по-прежнему обеспечивала Советскому Союзу огромное военное превосходство в Европе.

Иначе осуществлялась советская политика в странах Третьего мира. Она строилась на комбинации, рассчитанной на несколько стратегических шагов: дипломатическое проникновение, военное проникновение (поставки оружия), интервенция (прямая или косвенная) и перевороты. Националистические режимы, раздираемые конфликтами, становились легкими жертвами подрывной деятельности, но результаты ее часто оказывались иными, чем рассчитывал Советский Союз: в государствах, где устанавливались просоветские порядки, возникали мощные антикоммунистические движения. И политические издержки оказывались очень часто существеннее военных побед — Москва вновь оказывалась в изоляции, что не было должным образом оценено ни Брежневым, ни Андроповым. Но это понял Черненко, который предложил сотрудничество Западу для урегулирования конфликтов в Азии и в Африке. Он также заявил о готовности СССР вывести войска из Афганистана при условии сохранения в нем коммунистического режима. Не прочь был Черненко скооперироваться с Западом и для стабилизации политики на Среднем Востоке. Он призвал США отнестись к безопасности государств Персидского залива в качестве самостоятельной проблемы — в соответствии с ранее высказанной позицией советского правительства. Но не возражал, как этого требовали мусульманские страны, и против того, чтобы проблемы, связанные с Афганистаном, были обсуждены совместно с вопросами безопасности Персидского залива.

Советский Союз имел основания считать, что он выиграет от войны Ирана с Ираком, как бы она ни завершилась. Успех Багдада рассматривался бы как победа советского оружия, и в терпящем поражение Иране можно было бы активизировать просоветские силы, для того, чтобы провести коммунистический переворот. Даже в случае его неудачи режим

Хомейни оказался бы подорванным, и вместе с ним исчезла бы опасность распространения идей панисламизма на советские республики.

Победа Ирана позволила бы СССР усилить свои позиции в Ираке, изрядно подорванные в последние годы. Кроме того, война разрушала нефтепроводы, по которым в Западную Европу и Японию шли миллионы галлонов нефти, что вполне устраивало СССР. Не устраивало его и не предполагалось им только такое развитие событий, которое произошло: затяжная война без победителей. И как следствие — враждебность Ирана и Ирака к СССР. По-видимому, данное обстоятельство побудило Черненко назвать ирано-иракскую войну бессмысленной и бесперспективной, хотя до его прихода к власти она представлялась в Москве справедливой. Ее переоценка побудила Черненко изменить отношение к исламу и исламской революции. Впрочем, "изменить" — сказано не совсем верно. Приход к власти Хомейни был охарактеризован и представлен в СССР "антиимпериалистической революцией", так как он выводил Иран из-под американского влияния. Ренессанс ислама в Иране, однако, породил в Политбюро опасения, что религиозный фанатизм может захватить население мусульманских советских республик. Поэтому советская пропаганда при Брежневе приостановила резкую критику ислама, и в СССР начался осторожный флирт с мусульманами.

Черненко в своем отношении к исламу был более осмотрительным: он отмечал, что под его знаменами могут разворачиваться и освободительная борьба (если эта борьба служит советским интересам) и контрреволюционные мятежи (здесь советский руководитель, по-видимому, имел в виду движение сопротивления в Афганистане)¹¹.

Столь же двусмысленной была политика Черненко и на Ближнем Востоке, где она была приспособлена к условиям почти сорокалетнего израильско-арабского конфликта. Советский Союз в период правления нового генсека не был заинтересован в разворачивании еще одной арабо-израильской войны. Но он еще меньше стремился к установлению прочного мира в этом регионе — тогда исчезла бы причина для

его присутствия на этом важном стратегическом перекрестке. Цели Кремля на Ближнем Востоке при нем, как и при его предшественниках, состояли в том, чтобы превратить неустойчивую зависимость Сирии, Иордании, Ливана от СССР в прочную и постоянную. При этом он понимал, что никакие договоры о дружбе и сотрудничестве не могут служить гарантией для сохранения советского влияния в этих государствах: такие соглашения арабскими странами столь же легко и быстро аннулируются, как и заключаются. Рассчитывать полностью и полагаться Советский Союз мог, считал Черненко, только на однородные ему режимы, в которых на защите советских интересов стоят коммунистическая идеология и партаппаратчики, нуждающиеся в поддержке и руководстве Москвы — как в Эфиопии, Анголе, и, пока что, в Афганистане. И для такой "социальной реконструкции" необходимо было ввести в район Ближнего Востока новое государство — палестинское, которое было бы полностью зависимым от Москвы. Такая установка советской политики на Ближнем Востоке была традиционной. И заявления Черненко, не укладывающиеся в эту модель, носили чисто тактический характер. Именно так следует расшифровывать его мнение о том, что для всеобщего урегулирования на Ближнем Востоке необходимо вернуться к "честным поискам на справедливой и реалистической основе"¹².

Тем, кто не знаком с советской политической терминологией, слова Черненко "честный", "справедливый", "реалистический" представляются свидетельством чуть ли не нового подхода к проблемам Ближнего Востока. На самом деле за "новыми" словами было старое содержание. А именно: Черненко указывал, что для подлинного мира должна быть прекращена израильская оккупация всех захваченных в 1967 году арабских территорий и необходимо реализовать права палестинского народа на создание собственного государства. Черненко, однако, не пользовался обычным для советского руководителя выражением: "агрессия Тель-Авива", исключал он из своих речей и оскорбительные выпады в адрес израильских деятелей. Но это лишь отражало общую форму его высказываний, а не содержание и характер мыслей.

Убежденность (и постоянство) он проявлял только в отношении к еврокоммунизму, который он никак не желал признать правомерным историческим явлением. Во-первых, потому что это, по его мнению, подрывало бы престиж Москвы в качестве "мессианского" центра мирового коммунистического процесса. Во-вторых, из-за того, что еврокоммунизм не был разработан и философски обоснован Политбюро, а возник на периферии марксистского движения (так как только Москва — центр) — в Испании, Италии. В-третьих, считал, что политическая реабилитация еврокоммунизма противоречит основополагающим принципам ленинизма, рассматривающего ревизионизм как идеологическую диверсию империализма в рабочем движении.

Но действительность была такова, что еврокоммунизм становился серьезной и опасной альтернативой ортодоксальному марксизму. Причем не в странах, где он возник — там при Черненко наблюдался его упадок, а в государствах Восточной Европы. Он вербовал и организовывал своих сторонников в Польше и Венгрии — широко и открыто, Болгарии и Румынии — подспудно и исподволь. И Черненко поэтому не решался ни узаконить еврокоммунизм, ни принять его как реальность. Будь его воля, он с удовольствием поставил бы "польскую драму" по чешскому сценарию — и тем бы навсегда решил проблему еврокоммунизма. Но "польская премьера" не состоялась — не по его вине. А тень варшавских событий накладывалась не только на взгляды Черненко, но определяла политические вкусы его коллег по Политбюро. Так, Устинов полагал, что возможно (и должно) держать в узде Восточную Европу, громя неугодные коммунистам народные движения и не послушные воле Москвы правительства. Высказывания Горбачева о проблемах "социалистического лагеря" были более умеренными, носили характер идеологического заигрывания и допускали политические уступки. Создавалось впечатление, что самый молодой секретарь ЦК верит, или, по крайней мере, надеется, что полякам удастся либерализовать политический режим, не изменив его сущности. И он высказывался за предоставление компартиям "братских стран" некоторой самостоятельности, отмечая,

что СССР не должен заниматься мелочной регламентацией их социальной жизни.

Черненко же предпочитал довериться более испытанным средствам управления "социалистическим лагерем" — он практиковал, как и Брежнев, проведение регулярных встреч с руководителями коммунистических государств. При этом совещания, многосторонние или двусторонние, не ограничивались рассмотрением идеологических, экономических или политических вопросов. В обсуждение втягивались проблемы партийной работы, организационные и производственные вопросы.

Черненко был необыкновенно добр и щедр к верно поданным руководителям — для них устраивались пышные приемы в Кремле, с тщательно разработанным протоколом, приветствиями и — новое веяние его времени — с массовым вручением им высших орденов. Поток наград сыпался не только на глав государств и правительств, но и на их расторопных помощников. Так, высшая советская награда — звание Героя Советского Союза — была присуждена президенту Чехословакии Густаву Гусаку, а главе чешских профсоюзов был пожалован орден Октябрьской революции. Войцеха Ярузельского оценили скромнее — ему пожаловали орден Ленина. В Кремле быстро поняли, что Ярузельского легче было сделать главой польского государства, чем держать его в повиновении — он проявлял строптивость и непослушание (не то что Гусак). Но обойти его не решились — все-таки правитель самой большой восточноевропейской страны. И в утешение, зная слабость генерала к армии, отметили такой же наградой и его министра обороны — Флориана Савицкого.

Яношу Кадару польстили косвенно — орден Ленина выделили его министру обороны Лайошу Цинеге. Но непочтительно, по-видимому, нарочито отнеслись к Николае Чаушеску — румынский президент был отмечен орденом Октябрьской революции: честь явно не по его рангу и неумному честолюбию¹³.

Черненко, ценя и поощряя экономическое сотрудничество коммунистических государств, видел серьезные трудности в рамках СЭВа, однако объяснял их поверхностно —

переходом к процессу интенсивного развития и реализацией крупных социальных программ¹⁴. В тоне и высказываниях Черненко о коммунистическом содружестве не отмечалось жесткости или агрессивности, неизменно преобладала несвойственная советским лидерам терпимость, стремление преодолеть противоречия "полюбовно". Он часто призывал компартии учиться "друг у друга", но вместе с тем было очевидно, что ни опыт социального развития в Польше, ни ориентация на национализм в Румынии для него не являются приемлемыми. В качестве образца для подражания он предлагал Советский Союз — всегда, и иногда — ГДР, в которой, по его мнению, накоплен ценный опыт рационализации производства, экономии энергии и сырья. Вспоминал Черненко так же Венгрию, где успешно налажена работа сельскохозяйственных кооперативов и предприятий, и Болгарию — в ней, он считал, созданы интересные формы агропромышленных объединений¹⁵.

Черненко выдвинул идею координации народнохозяйственных планов СЭВа на 15 — 20 лет вперед — мысль не новая, о ней говорили Брежнев и Андропов, но впервые ставилась задача сближения структуры хозяйственных механизмов восточноевропейских стран и создание совместных промышленных фирм. Но эти меры не в состоянии были обеспечить эффективного развития государств СЭВа. Причины экономического спада в них были запрограммированы Советским Союзом — характером договоров, которыми он опутал эти страны: он вывозил из них на многие миллиарды рублей товаров и продовольствия, которых им самим не хватало — в уплату за поставляемое им дорогостоящее промышленное оборудование. При этом положительный баланс Советского Союза в торговле с социалистическими государствами достигается не за счет расширения ассортимента (и повышения качества) продукции, а путем поднятия цен на нефть, газ и сырье, являющиеся главной статьей советского экспорта. Так что страны Восточной Европы выражали не много желания и готовности "бежать" в кремлевской упряжке, несмотря на "ласковое" понукание Черненко. Но никто из руководителей этих государств, даже Кадар и Чаушеску, наиболее

независимые из них, не помышляли разорвать "сладкие око-вы" — сила "старшего брата" обеспечивала и гарантировала им личную власть. Вместе с тем под "зонтиком" советского прикрытия они, прагматики, решались порою на робкую критику Кремля, рассчитывая на поддержку своих граждан — пока молчаливого большинства. И они уже не просили, а требовали экономическую помощь. И когда она вовремя или в достаточном размере не поступала из Советского Союза, устремляли свои взоры на Соединенные Штаты, добиваясь получения привилегированного статуса в торговле.

Самостоятельность проявила и Восточная Германия — впервые и неожиданно. При всей своей приверженности марксизму, она попыталась наладить тесные контакты и связи с Бонном. Некоторую свободу действия высказывали все восточноевропейские страны. Но ГДР, считали в Москве, это другое дело. Она рассматривалась как приз в выигранной войне и была необходима Москве как полигон для наступления на Запад, и потому обязана была оставаться полностью (и во всем) подвластной и подконтрольной Советскому Союзу. Стремление Хонеккера посетить Западную Германию в конце 1984 года вызвало растерянность, а затем — возмущение в Кремле: там не желали детанта между двумя немецкими государствами. И опасались его — прежде всего из-за идеологических соображений, но были причины и экономические. Хонеккеру в Бонне готовили пышный прием на самом высоком уровне. И в Москве возникло опасение — не будет ли он введен в искушение проявленным к нему вниманием и радушием. И не заговорит ли в нем и голос крови. Беспokoили Москву и кредиты, которые были обещаны Восточной Германии — 350 миллионов долларов. "Не подорвут ли они ее экономику?" — спрашивали в Кремле.

И все-таки Хонеккер надеялся посетить Западную Германию — он рассчитывал на поддержку Черненко и помощь Тихонова, которые стремились смягчить восточнозападный конфликт. Но консерваторы в Политбюро — различной политической ориентации и окраски — решили не допустить этот визит; в этом вопросе они быстро и легко сошлись друг с другом. Противоречия и разногласия в Политбюро при вы-

работке совместной политики в Восточной Европе случались и раньше, и Запад узнавал о них между строк официальных сообщений или путем утечки тайной информации. Но теперь столкновение в Кремле происходило на виду — оно просматривалось в ряде статей, опубликованных в двух советских газетах — в "Правда" и в "Известиях".

Правительственная газета "Известия" (мы помним: Черненко удалось прибрать ее к своим рукам) заняла позиции, противоположные партийному органу "Правде" (в которой доминировал Горбачев) — поддерживала намерение Хонеккера посетить Западную Германию. Она отмечала, что государства социалистического содружества выступают за нормальные торговые отношения со всеми странами. И подчеркивала: любой европейский банк для того и создан, чтобы одалживать деньги¹⁶.

"Правда" же смотрела на мир иначе, она отмечала, что экономические рычаги будут использованы Бонном для идеологического разоружения Восточной Германии — сказано было лаконично и безапелляционно¹⁷.

Неясным в этой истории остается поведение Горбачева. Какими соображениями он руководствовался, противясь сближению двух Германий: недостаточной (все еще) компетентностью в международных вопросах? Было ли это началом его переориентации с внешнеполитических проблем на внутренние? Или же он помнил исторический урок: окаменевшие империи разваливаются с конца? Ответы на эти вопросы будут даны, когда он придет к власти. А пока что Хонеккер под сильным давлением Москвы был вынужден отказаться от посещения Западной Германии.

Отложенный визит Хонеккера напомнил советским властям и о других отложенных делах. Стали подтягивать приводные ремни и в других союзных странах — их лидеры все чаще приглашались в Москву на отдых и для обработки. И из этого больше не делалось тайны. Советские газеты аккуратно сообщали, какой руководитель и когда прибыл в Советский Союз провести отпуск. С людьми, вернее — со своими людьми из Восточной Европы Черненко было работать просто — им выдавалась небольшая позиция угроз и предлагалась

масса удовольствий на роскошных виллах черноморского побережья.

Сложнее было иметь дело с призраками. Оказалось, что с ними советским властям также необходимо бороться. По Европе вот уже несколько лет бродил призрак — пацифизма. Он был вызван к жизни Москвою и призван был служить ее интересам — позволял ей манипулировать общественным мнением. Но неожиданно движение "За мир", предназначенное для того, чтобы направить народы свободных стран против американских ракет, повернулось против Советского Союза. Оно захватило государства Восточной Европы, и сотни тысяч людей в этих странах протестовали не только против американского, но и против советского оружия. В Польше, Чехословакии, Венгрии появились и распространились пацифистские памфлеты, в газеты шел поток писем с просьбой не устанавливать и не размещать в их странах ядерных снарядов. Даже в Болгарии, самом конформистском коммунистическом государстве, глава партии Живков выступил с инициативой создания на Балканах безъядерной зоны.

В течение долгого времени кремлевские руководители отмалчивались — были растеряны и не знали, как реагировать. Нельзя же было открыто выступить против собственной идеи и политики "борьбы за мир". Выяснилось, однако, что можно. В апреле 1984 года Громько в Будапеште обрушился на тех, кто, выступая за разоружение, "утрачивает классовый подход". Это был первый случай откровенного выпада против миролюбивых настроений в Восточной Европе. И он имел четкий адрес — Румынию. Это обнаружилось двумя месяцами позже, во время встречи Черненко с Чаушеску в Москве.

Официальное коммюнике о советско-румынских переговорах, опубликованное в газетах (в изложении ТАСС), сообщало, что встреча проходила "в деловом товарищеском духе и в атмосфере дружбы и откровенности". На советском языке понятие "деловая обстановка" и "дух откровенности" означает наличие у сторон противоречий и различных мнений. За этими определениями скрывалась неприятная для Москвы реальность: Чаушеску в своем выступлении поднял болез-

ненный для кремлевских руководителей вопрос о советских ракетах в Восточной Европе — непозволительная бестактность — и проявил озабоченность по поводу их дислокации вблизи румынской границы¹⁸.

Чаушеску вел себя совсем не так, как бы хотелось кремлевским руководителям. Но ничто — ни бунтарство Румынии, ни непокорность Восточной Германии, ни своеволие Венгрии не препятствовали Черненко использовать коммунистических лидеров для наступления на Соединенные Штаты. Опираясь на заявления и декларации, подписанные от имени государств Варшавского договора или стран — членов СЭВ, он получил возможность выставить себя поборником и защитником мира. И его не очень беспокоила реакция Запада на выдвинутые им предложения — в любом случае он оставался в выигрыше. Если бы ему удалось провести мировое общественное мнение, то он смог бы нажать важный пропагандистский капитал; потерпел бы неудачу — то и в этом случае у него оставалась бы возможность сыграть на понижении авторитета американского президента, отвергшего его "мирные инициативы".

Иначе Черненко строил свой диалог с Китаем — к его политике он относился с большим вниманием. И понимал, что нельзя решать вопросы, связанные с Пекином, по упрощенной схеме: или Китай будет в союзе с СССР, или останется в блоке с США (значит, против СССР). Такая модель должна была привести (и уже привела Хрущева и Брежнева) к ошибочным политическим решениям. Идеологически Китай, размышлял Черненко, всегда был близок Советскому Союзу, а политически — в этом вопросе нет ничего завершенного — он пока что тяготеет к Соединенным Штатам. И еще через какое-то время он может оказаться втянутым в японский рынок, что совсем не исключает, что когда-нибудь он вновь возвратится в сферу советского влияния. И в этой сложной игре у Советского Союза существовала возможность подтолкнуть Пекин на Юг или Юго-Запад — на мелкие, раздираемые национальными и религиозными противоречиями Малайю, Бирму, Таиланд, в которых Китай без труда может опереться на миллионы своих соплеменников, обладающих в этих стра-

нах могучим политическим влиянием. Такое продвижение куда более перспективно и выгодно Пекину, чем экспансия на Север, способная поставить под риск существование китайского государства (и — это уже менее важно — сотни миллионов его граждан).

При определенном развитии событий имелаась надежда, что Китай, увязнув в авантюре, попадет в зависимость к Советскому Союзу, а также существовала возможность его столкновения с Соединенными Штатами — и опять в выигрыше оставалась Москва. Вот почему Черненко не позволял себе противопоставлять китайское правительство его народу. Строго говоря, это вообще было небезопасно делать, так как существовала опасность проведения аналогии между коммунистическими режимами в Советском Союзе и Китае. И догадываясь, что правительство в Китае, как и в других социалистических странах, нелюбимо и не пользуется авторитетом, он никогда не пользовался трафаретами советской пропаганды — не говорил о засилии бюрократии в Пекине или о его гегемонических устремлениях, что наводит нас на ряд предположений. Может быть, Черненко надеялся и планировал смягчение отношений с Китаем. Или же его вел более тонкий расчет: противопоставить собственные умеренные позиции "китайскому остракизму" своих коллег. Если это так, то становится понятным решение Политбюро (наперекор Черненко) — отменить намеченную на май 1984 года поездку Ивана Архипова, первого заместителя Председателя Совета Министров, в Пекин в связи с явно надуманной причиной — "отсутствием необходимой подготовки".

Но при всех ограничениях, которые на него накладывал возраст, Черненко удалось сохранить средства и возможности для определенного стратегического маневрирования. Он предпочитал политике "канонерок" тактику идеологических диверсий и психологической войны, верил, что на смену территориальным захватам придет время "захвата умов". Так что становилось очевидным, что даже при слабом руководителе между СССР и свободными странами невозможен подлинный мир, а возможно только вооруженное перемирие, то есть балансирование на грани не мир — не война.

И прежде чем в этом разобрались на Западе, это поняли в КГБ и решили внести свой вклад в международную политику. Действовали грубо, но эффективно. Распространяли и насаждали слухи, порочащие Соединенные Штаты, которые с удовольствием подхватывались левой западной прессой, посылали анонимные телеграммы с угрозами государственным деятелям, высказывающимся за развертывание "евро-ракет", изготовляли фальшивые документы Госдепартамента, стремились подорвать американские позиции в Третьем мире.

Дезинформация широко практиковалась КГБ в прошлом, и Чебрикову захотелось выйти из тени Андропова и заявить о себе — он рассчитывал на полное членство в Политбюро. И сделал он это необычно и своеобразно: попытался завлечь русских эмигрантов в Советский Союз. Вернулись на родину несколько бывших солдат советской армии, дезертировавших в Афганистане. Речь шла о трудных случаях — о людях, прошедших через испытания, искалечивших душу и психику и выброшенных в чужие страны. Особого интереса в мире эти события не вызвали. Солдаты не смогли прижиться на Западе, не освоили непонятные им нравы и трудный для них язык. Они стали жертвой психологической обработки или просто поторопились с решением, поддавшись преходящему порыву души — тоске по родине. Продержись они на чужбине год — другой, и преодолели бы, возможно, ностальгию.

Но бывают случаи, когда это чувство преследует человека всю жизнь. Что-то подобное происходило и с дочерью Сталина, и она, попав в сети искусных агитаторов, вернулась в Москву. И почти никого на Западе не заинтересовала ее судьба. Когда она бежала из Советского Союза — об это говорили во всем мире, вернулась, — полное равнодушие. А Чебрикову необходима была сенсация. И он вскоре нашел ее. Вернее — спланировал и организовал ее сам — операцию "Битов".

Олег Битов, заместитель редактора международного отдела "Литературной газеты", находясь в Италии, неожиданно исчез. И сразу же возник вопрос: кто похитил его? Оказалось — никто.

Олег Битов — публицист, а по совместительству ответственный сотрудник КГБ (или, возможно, профессиональный чекист, а по совместительству — журналист), привлек внимание Запада своими публикациями, обосновывающими причастность американской разведки к организации убийства Папы римского.

Казалось — так, по крайней мере, представлялось в первой половине 1983 года, когда "Литературная газета" напечатала серию очерков Битова, — что его статьи предназначены только для внутренне советских целей. Коммунистическая пропаганда стремилась предостеречь (и уберечь) советских граждан — читателей и еще более слушателей западных радиостанций — от информации, связанной с разоблачением агентов КГБ — турецкого террориста Мухаммеда Али Агджи и руководителя римского бюро "Балкантуриста" Сергея Антонова, уличенных в организации 13 мая 1983 года покушения на главу католической церкви.

Следствие все еще велось, когда во второй половине 1983 года стала очевидна (в том числе и в России) не только общая причастность КГБ к преступлению, но и персональная ответственность Юрия Андропова, организатора покушения, и коллективная ответственность советского правительства, санкционировавшего выстрелы в Риме.

Кремль после ряда международных скандалов, связанных с деятельностью КГБ в 60-е годы, не отказываясь от убийств как средства внешней политики, несколько "ограничил" их число — в каждом конкретном случае стало необходимо получить разрешение и одобрение в Политбюро.

Идеологический расчет советской пропаганды был прост, но убедителен (для советского читателя) — Запад обвиняет КГБ, а СССР — ЦРУ в причастности к покушению на Иоанна Павла Второго. Значит, следовало (должно было последовать для советского сознания) заключение: истина находится где-то посередине. Или тайные службы по обе стороны железного занавеса (то есть ЦРУ или КГБ) были заинтересованы "убрать" Папу. Или — это было еще более убедительным — в Иоанна Павла Второго стреляли безумцы, а возможно — авантюристы в поисках Геростратовой славы.

В сентябре 1983 года Битов оказался в Италии. Формально — для комментирования Венецианского международного кинофестиваля, по существу — заключали западные обозреватели — для сбора (или организации) материалов, подтверждающих его (и КГБ) версию о причастности США к попытке убийства Папы.

Такое предположение не казалось надуманным — на него услужливо намекала в сентябрьские дни 1983 года советская пресса. Догадывались при этом, что Битов как-то связан с КГБ. И это представлялось естественным: иначе бы ему московские власти никак не доверили ответственной и деликатной журналистской темы — вопроса о покушении на Папу. Да и информация, которой пользовался Битов, не оставляла сомнений, что она могла быть почерпнута только из одного источника — советской службы безопасности.

Но даже самое смелое воображение осенью 1983 года не могло предположить, что Битов — главный герой сложной и многоходовой разведывательной операции КГБ. Хотя анализ того, что вскоре произошло с Битовым, уже тогда, будь западные разведки более внимательными, мог обнаружить определенные и странные несоответствия в истории и с историей Битова.

8 сентября 1983 года Битов неожиданно исчез из Венеции. Советская пресса тут же заявила: Битов похищен для того, чтобы приостановить и предотвратить проводимое им расследование. Характер советских публикаций был четко задан и конкретно определен — ответственность за исчезновение советского журналиста возлагалась на ЦРУ. Не было и тени сомнений, что он в руках западной службы безопасности. Почему? Откуда такая безапелляционная уверенность?

А когда Битов спустя несколько недель объявился в Лондоне, где он на пресс-конференции сказал, что добровольно решил остаться на Западе, советская пресса не обрушилась на "отщепенца" обязательные в таких случаях обвинения в предательстве и в духовном разложении. Напротив, тон советских газет был скорее жалостливым, нежели негодующим и обличительным. Мать советского журналиста со страниц "Литературной газеты" взывала к состраданию по отно-

шению к сыну, который в это время выступал с заявлениями протеста против преследования инакомыслящих в Советском Союзе, с гневным осуждением советского образа жизни.

Непонятную терпимость (но она никого не насторожила на Западе) проявляла советская пресса. Впрочем, она стала понятной (и очевидной) спустя десять месяцев — 18 августа 1984 года. Битов вновь таинственно исчез, но на этот раз не из Венеции, а из Лондона. Перед этим он получил возможность объездить Англию, съездить на несколько месяцев в США, вновь вернуться в Англию. На его счету появились изрядные деньги — 40 тысяч фунтов стерлингов.

Деньги остались в банке, брошена была и его новая машина — недалеко от советского посольства в Лондоне. А сам Битов оказался в Москве. Он объявился на пресс-конференции, на которой поведал фантастический рассказ — в традициях советского уголовного детектива — о его похищении английской разведкой, о таинственном перелете из Венеции в Лондон, о мрачных застенках английских тюрем, о жестоких пытках, о фабриковании магнитофонных лент с его выступлениями и т. д.

Что же в действительности произошло между двумя исчезновениями Битова — 8 сентября 1983 года и 18 августа 1984 года?

Советские руководители были глубоко обеспокоены расследованием (и разоблачениями), которые вела итальянская прокуратура в связи с покушением на Папу. Попытки выяснить степень осведомленности западных разведывательных служб о причастности КГБ к организации покушения на Иоанна Павла Второго, по-видимому, не дали ожидаемых (в Москве) результатов. И тогда на площади Дзержинского возник план — внедрить в одну из западных разведок, а именно — в английскую, "своего" человека — Битова. И тут же от его имени стали писаться в "Литературной газете" статьи (статьи, возможно, и даже вероятно, оформлялись и редактировались самим Битовым — чтобы дать войти ему в образ) с подробным и в чем-то не лишенным интереса анализом попытки убийства главы католической церкви. Идеологический фокус статей при этом продуман основательно — подо-

зрение бросить на ЦРУ. Но еще более тщательно был сделан политический расчет — привлечь внимание западных разведок к личности Битова, зародить в них уверенность в причастности Битова к тайнам КГБ.

И когда западные службы безопасности уверовали в связи Битова с советской разведкой, тому — он к этому времени оказывается в Италии — дается указание осуществить операцию "перебежчик".

КГБ полагал — и, думается, не ошибся, — что в процессе контактов Битова с английской разведкой ему удастся (по характеру вопросов, по теме бесед) составить достаточно четкое представление о степени и пределах осведомленности западной разведки о причастности КГБ к выстрелам на площади Павла в Риме. Ибо не было сомнений — и в Москве вновь не ошиблись, — что в Англии Битов будет воспринят и оценен как человек, имеющий доступ к материалам, связанным с организацией КГБ покушения на Папу. Английская разведка должна была вести (и вела) свое расследование, Битов — свое.

Вскоре все встало на свои места: Битов — в Москве, английская разведка утратила иллюзии (и надежды), связанные с информацией, полученной от Битова. Неизвестным, однако, осталось другое: сколько (и каких) тайн утратила западная служба безопасности в результате операции "Битов". И еще — пройдет ли на волне этой мастерски сработанной операции Чебриков в Политбюро? Он, действительно, стал полным членом этого самого высшего органа коммунистической власти, но не при Черненко и не милостью Черненко, у которого уже не оставалось жизненных сил что-либо менять в расстановке политических фигур Кремля.

В июле 1984 года Черненко вновь тяжело заболел. Настолько серьезно, что партия была вынуждена как-то объяснить продолжительное исчезновение генсека. Просто замалчивать его отсутствие (и бездействие) на фоне недавних смертей двух своих руководителей было неблагоприятно и опасно: народ должен был знать (если не мог почувствовать), что им правят. И вот в советской прессе появилось скромное сообщение: "15 июля генеральный секретарь ЦК КПСС,

Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ К.У.Черненко отбыл из Москвы на отдых”¹⁹.

Ни удивления, ни растерянности эта новость не вызвала — общественное мнение страны было к ней подготовлено. Не прошло и шести месяцев со дня избрания Черненко генеральным секретарем, как кадры кинохроники и фотографии в газетах словно вернули советских людей к последним дням жизни Брежнева и Андропова: вновь главу советского государства вели под руки услужливые телохранители, снова он с трудом удерживал текст речей в дрожащих руках. Тень еще одной высочайшей смерти нависла над Кремлем — 54 дня он не появлялся на людях. И от его имени правили все и никто — Горбачев, Романов, Тихонов, Гришин, их меняли у кормила власти Устинов и Громыко. Каждый чувствовал (и представлял себя) достойным сменить генсека. И по-прежнему кресло генсека на заседаниях Политбюро оставалось незанятым — как назидание и предостережение: оно — последняя остановка правителей по пути в никуда.

Неожиданно Черненко выскользнул из небытия и предстал еще более хрупким и старым. Сперва он подал голос ”за сценой” (политическая мелодрама — такое же представление, как и любое другое), открывая осенний политический сезон: дал интервью ”Правде”. Общий тон его ответов (не сообщалось, кто, где и когда проводил интервью) характерен ощущением потери реальности. Создавалось впечатление, что советский руководитель и его правительство все еще не в состоянии осмыслить и объяснить готовность Соединенных Штатов, высказанную 26 июня, заключить соглашение по предотвращению гонки вооружений в космосе. Черненко, маневрируя понятиями, стремился доказать, что ”согласие” Рейгана начать переговоры на самом деле есть отказ от них. Возмущался — в расчете на мирового зрителя — намерением Вашингтона связать ”узкую проблему милитаризации космоса” с вопросом о сокращении ядерного вооружения в целом²⁰.

Предложения Черненко сводились к условию: если Соединенные Штаты откажутся от размещения военных ракет в космосе, Советский Союз будет готов к обсуждению проб-

лемы ограничения стратегического оружия и начнет переговоры, которые он же прервал. И пока коммунистические газеты во всем мире восхваляли и прославляли "новую блестящую инициативу" генсека (неизвестно в каком состоянии находившегося), советские люди задумывались над вопросом: что будет после Черненко?

Вопрос оказался несколько преждевременным: генсек вышел на "сцену" — появился в Кремлевском дворце, чтобы вручить трем космонавтам правительственные награды. Несколько месяцев, с июля, им пришлось дожидаться выздоровления Черненко для получения орденов. Но сам Черненко (или его соратники со Старой площади) не желали ждать, и о предстоящем появлении генсека на людях (события по тем временам необычного) они объявили западным корреспондентам заранее. Допустить их, однако, на торжественную церемонию в Кремле власти не решались — уж очень плох и жалок был правитель²¹.

Роль верховного руководителя не доставляла физически распадавшемуся Черненко желательного (и ожидаемого еще совсем недавно) удовольствия. Социальная пьеса, в которой ему приходилось играть, давно устарела. И он все с большим трудом улавливал и реагировал на реальные события и звуки жизни — их заглушали голоса партаппаратчиков. Им, не желавшим перемен, он по-прежнему оставался нужен. Они и устроили Черненко под занавес еще один грандиозный спектакль — вручили ему третью Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Обращал на себя внимание необычный характер этого необычного награждения. Ордена и звания присуждаются и вручаются советским руководителям к каким-нибудь важным или торжественным событиям, например, по достижении 50 — 60 — 70 (в крайнем случае — 75) лет. У Черненко, и верно, намечался день рождения: 24 сентября — 73-летие. Однако это была не юбилейная и даже не круглая дата, и официально ее принято обходить молчанием — отмечают в узком кругу, без поздравлений в печати. И вдруг, 24 сентября, в газетах появился указ о присвоении Черненко звания Героя, а спустя еще несколько дней — 27 сентября — его ближайшее окружение собралось в Кремле, чтобы вру-

чить ему эту награду и заодно провозгласить генсека "выдающимся политическим деятелем, верным и непоколебимым продолжателем дела великого Ленина"²².

Эта емкая и выразительная формулировка принадлежала Устинову, большому нелюбителю пустых и высокопарных фраз. Однако на этот раз министр обороны, кажется, был искренен. И это выразилось даже не в конструкции его словословий, пышных и торжественных (он говорил о вкладе генсека в осуществление внутренней и внешней политики, отмечал его личные заслуги в развитии экономики, культуры и обороны), а в общем характере, сердечном и трогательном, его выступления, во всей обстановке единодушия и умиления, которая царила в тот день в Кремле: рядом с Черненко, улыбаясь и подбадривая его, стояли члены Политбюро. И казалось, что не было между ними безжалостных схваток и жестоких интриг.

Не было на этом показательном явлении советских руководителей народу, среди членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК и министров, еще кое-чего, вернее — кое-кого: Романова. Что же происходило с ним? Почему столь радушным и довольным выглядел Устинов? Настолько, что с явным удовольствием представил (впервые) Черненко председателем Совета обороны и верховным главнокомандующим. Чему радовался Горбачев, не скрывавший своего доброго настроения и расположения к генсеку? Он приветливо заговаривал с ним и осторожно поддерживал плечом. Причина благоденствия была привычная для Кремля: в решающую стадию вступила борьба за наследство генсека, и Романов в ней проигрывал.

А всего за месяц до описываемого нами торжественного приема в Кремле Романов был весьма активен и деятелен. Выезжал за границу (в Эфиопию), выступал и порой вел, пока не вынырнул на поверхность генсек, заседания Политбюро, динамично курировал вооруженные силы. Оказалось, слишком динамично. Он потребовал ухода в отставку дряхлого Устинова и назначения вместо него начальника Генерального штаба Огаркова. Это должно было сразу изменить расстановку сил в Москве. Романов обрел бы в Огаркове (он

был не только тесно связан с ним по работе, но и близок по взглядам, принципам, характеру: оба — деспотичные, властные) не только мощного и надежного союзника, но и получил бы в свое распоряжение недостающую ему базу власти для прыжка в Кремль — армию.

Такое развитие политического действия натолкнулось на почти единодушное сопротивление Политбюро. Черненко понимал, что Романов, оседлав Министерство обороны, сосредоточит в своих руках такую силу и власть, что станет опасен не только для его коллег, но и для него. Он, считал генсек, не станет терпеливо дожидаться, как Горбачев, его ухода в другой мир, а попытается сбросить его немедленно и при первой возможности. И против плана Романова выступило Политбюро, в том числе и политическая рать генсека — Тихонов, Гришин, Кунаев, Щербицкий: им не хотелось по доброй воле расстаться со своими привилегиями — игра велась не партийная, а политическая, и ставкой была карьера и могла оказаться жизнь.

Устинов и — не менее остро — Громыко недолюбливали Романова. Поддержали против него генсека Алиев, Гришин и Воротников — по другой причине: в напряженной социальной атмосфере советского общества повеяло военным переворотом. Огарков в последние годы приобрел большой политический вес — в связи с частыми переменами в Политбюро и из-за болезни министра обороны. И возникло опасение, что он, оттеснив Романова, сам попытается захватить власть — авторитета в армии у него было для этого вполне достаточно, а честолюбия своего он не скрывал. Советские партийные лидеры в последние годы утратили часть своего влияния в армии. Они еще сохраняли за собой возможности (и привилегию) комментировать политические аспекты советской военной стратегии, но способны были это делать лишь поверхностно и в общих чертах. Представители Генерального штаба стали все чаще обсуждать военные аспекты партийной политики, и Огарков добивался их участия в различных совещаниях: переговорах с руководителями государств, присутствия на пресс-конференциях, выступлениях в прессе и по телевидению²³.

Публичная активность советской женщины отражала объективное расширение ее влияния в процессе принятия серьезных правительственных решений — армия становилась важным инструментом геополитических притязаний Кремля, основанных на силе и шантаже. Все последние годы наблюдалось взаимопроникновение воинствующего милитаризма в общественную жизнь и политической нетерпимости — в военную среду. Понятие военного строительства расширилось настолько, что захватило и подчинило почти всю общественную структуру — экономику, политику, идеологию.

Огарков потребовал — и добился — большой самостоятельности вооруженных сил в решении вопросов международной политики. В составе регулярных войск были созданы истребительные группы спецназа, предназначенные для проведения (в годы войны) покушений на государственных и общественных деятелей Запада. В их задачу входило уничтожение ядерных объектов противника, обнаружение важнейших стратегических целей для авиационных налетов, организация диверсий в глубоком тылу противника.

Вызывало беспокойство партийного руководства и постоянное увеличение численности войск специального назначения. Первоначально рассчитывали, что в мирное время эти отряды не будут состоять более чем из 30 тысяч военнослужащих. В действительности они перешагнули предполагаемый лимит и насчитывали в своих рядах, по крайней мере, 60 — 70 тысяч отборных солдат и офицеров, приданных каждому военному округу и расквартированных — предмет особой тревоги Политбюро — вблизи Москвы и столиц союзных республик.

Изменились обязанности и с ними и права начальника Генштаба. Вначале он считался третьим человеком в системе Министерства обороны — после министра и начальника ГлавПУРа, который от имени партии (он по своему статусу приравнивался к заведующему отделом ЦК) занимался и руководил политическим и идеологическим воспитанием армии. С приходом Огаркова положение изменилось: руководитель Главного Политического Управления армии утратил оперативный контроль над вооруженными силами и был оттеснен

на третье место в иерархии Министерства обороны и при перечислении высших офицеров назывался отныне после начальника Генштаба, который в отсутствие министра обороны выполнял его обязанности и функции. Затем Огарков ввел правило, согласно которому начальник Генерального штаба обязан был утверждать оперативные документы до их представления министру обороны. Это не означало, что Огарков приобрел большее влияние, чем Устинов, который, будучи членом Политбюро, обладал, несомненно, большей властью и авторитетом, чем его начальник Генерального штаба. Но старый, постоянно и долго болевший министр обороны передоверял все больше обязанностей своему первому заместителю. И именно с ним главным образом приходилось иметь дело Романову, контролировавшему армию и военную промышленность от имени Политбюро. Он с ним хорошо сработался — они понимали и помогали друг другу. Секретарь ЦК определял облик начальника Генштаба в представлении партийного руководства, а от начальника Генштаба зависела эффективность партийного контроля армии секретарем ЦК.

По настоянию Романова Огаркова часто стали приглашать на заседания Совета обороны, хотя формально он и не являлся членом этой высокой и престижной организации, в которую входят только министры — обороны, иностранных дел, вооружения, Председатель Совета Министров, руководитель КГБ и секретари ЦК — члены Политбюро. Это открыло перед Огарковым новые возможности для расширения его политического влияния и осведомленности. Он стал достаточно могущественным, чтобы определять не только военно-технические аспекты советской военной политики, но и ее экономические и социальные проблемы — совместно с членами Политбюро.

Это создало ему исключительное положение в военной среде, что вызвало глубокое беспокойство и озабоченность в кругах партийной элиты. Ее услужливому воображению мерещился полководец, на белом коне въезжающий в Кремль. И вопрос уже стоял не о власти — кому наследовать генсеку, а о возможности и опасности военного переворота, под об-

ломками которого оказался бы похороненным партократический режим. И Политбюро поступило с ним так же, как повело себя с маршалом Жуковым 27 годами раньше — обвинило в бонапартистских наклонностях и отстранило от должности. И, как Жуков, Огарков не помышлял о военном заговоре. Вся его вина состояла в том, что им (в своих целях и, по видимому, без его согласия) пытался воспользоваться Романов. В ЦК знали: армия приобретает важную роль — вводится в политическую игру, когда происходит раскол в партийном руководстве.

Романов попытался спровоцировать кризис власти в условиях, когда Черненко не мог предпринять против него крутых мер (а может быть, не желал — его устраивало противоборство секретарей ЦК), и членам Политбюро не оставалось иного выхода, как изъять из политического обращения Огаркова. Иначе говоря, удар по начальнику Генштаба пришелся рикошетом — из-за происков Романова. Поэтому опала маршала не оказалась жестокой. Он вскоре вновь всплыл в качестве командующего Западным стратегическим направлением советских войск. А Романов ушел тем временем в сторону — зализывать раны и плести сети нового заговора, в который попали Гришин, Кунаев и Щербицкий.

Иначе распорядился собой Горбачев. Понимая, что жить Черненко осталось совсем немного, он принял решение прекратить его дискредитацию, но поставил условие — оно было принято, — что генсек обязуется провозгласить его официальным наследником и начнет постепенно передавать дела по управлению страной.

Результаты этой сделки сказались очень скоро. Политбюро приняло решение послать с официальным государственным визитом в Англию Горбачева — наследник должен был приобрести известность и набраться международного опыта. Другим следствием явился новый тур возвеличивания Черненко, на этот раз единогласного. В Политбюро утверждалась пора относительного спокойствия — как оказалось, временного. И в этот недолгий период короткого "обручения" с Горбачевым Черненко получил возможность отвлечься от интриг в партаппарате и углубиться в волновавшие его теорети-

ческие проблемы. Наедине с бумагой он, по-видимому, чувствовал себя уверенней, чем лицом к лицу с жизнью, и в ряде своих статей, опубликованных в тот период, позволил себе определенную критику социальной действительности, идя от анализа поверхностных проблем к осторожному выявлению некоторых недостатков системы. Один из них, который его больше всего беспокоил, — неспособность советского общества к равномерному, постепенному и плавному развитию, без резких скачков вперед и опасных срывов назад.

Черненко отстаивал свою приверженность политике непрерывности и преемственности и защищал необходимость поддерживать ее постоянство и стабильность, верность прошлым идеалам. В этих мыслях отчетливо проступала и видна была скрытая полемика с его оппонентами (Андроповым и Горбачевым) — сторонниками быстрых и радикальных изменений. Вывод Черненко звучал парадоксально, но в нем был определенный исторический смысл: самый тревожный момент в развитии общества наступает тогда, когда оно начинает исправляться. Благополучно преодолеть его можно, по мнению Черненко, только с помощью идеологии (конечно, марксистско-ленинской). Она — есть крыша и фундамент всего здания советского государства. Иначе говоря, развитие идеологии для него было не менее важно, чем прогресс экономики.

Размышляя об особенностях Октябрьской революции, он приходил к заключению, что создание нового общества происходит медленнее, чем предполагалось, и будет растянуто на многие годы, и прежде чем решать задачи, связанные непосредственно со строительством коммунизма, необходимо было, по его мнению, пройти через исторический длительный этап развитого социализма, в процессе которого неизбежны теоретические издержки — недостаток понимания длительности различных его стадий, их особенностей и своеобразия. Преодолевая советское двоемыслие, он зовет исследовать жизнь в ее сложности и противоречиях. Но прежде всего, согласно Черненко, необходимо было постичь самую суть и характер противоречий социального развития. Он отвергал идею о бесконфликтности советского общества и намекал,

что социалистическое развитие затрагивает интересы различных групп населения, и в достижении, и удовлетворении их интересов — ключ для преодоления общественных противоречий²⁴.

Скрытый фон данных размышлений — мысль о том, что в советском обществе появились собственно социалистические конфликты. Разные их интерпретации давали ему различные средства решения общественных проблем. Черненко стремился рассеять (и скрыть) их взрывной характер — понимал, что "развитый социализм" производит силы, которые могут стать для него опасными.

Андропов старался преодолеть недостатки советского общества через совершенствование его экономической структуры и интенсификацию производства, то есть стремился произвести улучшение государства через развитие его "базиса". Черненко же полагался и верил больше в идеологию: в изменении стиля и методов ее работы видел путь и средство "починки" социальной структуры, то есть уповал на "общественную надстройку", на такие понятия, как образ жизни и воспитание.

И тот и другой методы реконструкции советской жизни оказались несостоятельными: промышленность продолжало лихорадить — при Андропове, а идеологическая формула Черненко не приводила к возникновению коллективного сознания и поведения — попытки сформировать нового человека оказались несостоятельными. И единственное, в чем продвинулся Черненко — это в том, что увидел взрывоопасный материал там, где его до него не замечали: в марксистской теории, которая могла быть (когда-нибудь) использована в качестве революционного учения для изменения советского общества.

Тяжело больной, Черненко править мог только условно, но тяга к публичным выступлениям его не оставляла. В начале октября он произнес большую и весьма многозначительную речь на совещании народных контролеров, в которой он как бы подвел итоги своего правления. Он попытался реалистически оценить достигнутое, без преувеличения и без предубеждений. Успехи (предполагаемые) в экономическом и

политическом развитии страны завязывались им на будущем — переносились на последующие годы, а недостатки производства, управления, снабжения соотносились с настоящим.

Выяснилось, что социального движения социализма хватало только для того, чтобы подвести общество к рубежам предполагаемых изменений. И чтобы сделать их "переломными", Черненко выдвинул идею ввести в стране систему всеобщего контроля. Разумеется, данная мысль не была предложена им столь непосредственно и откровенно. Она была закамуфлирована "в настоятельной необходимости в сознательном, заинтересованном труде советских людей — всех и каждого"²⁵. Но тканью этого (как бы сказал Черненко — "живого") процесса должен явиться "всеобъемлющий и во все проникающий контроль". Черненко не довольствовался десятиmillionным отрядом "народных" контролеров, действующих в советской стране. Он стремился осуществлять контроль "поголовно", вовлекая в него все население — "всех трудящихся". "Надо стремиться именно к этой цели, надо, чтобы народным контролером оказывался каждый — заметьте, каждый — советский человек, чтобы он мыслил и действовал сообразно этой высокой гражданской должности"²⁶.

Черненко подробно раскрыл, что он имел в виду под понятием "народной активности": это — слежка за жизнью "не по средствам". И эта задача ставилась им определенно: положить конец взяточничеству, спекуляции, хищениям, должностным злоупотреблениям. При этом борьбу с нетрудовыми доходами он предлагал вести обществом. Все население страны должно было стать осведомителями партии, дополняя и восполняя деятельность прокуратуры, госбезопасности и милиции. Советские люди обязаны были взять на себя функции неэффективно работающей администрации — ловить и избивать алкоголиков и нарушителей трудовой дисциплины. И заодно — навести порядок на производстве, предотвращать хищения материальных ценностей и наблюдать за выполнением плановых заданий. Короче, каждый должен был следить за всеми и все — за каждым. И в таком поведении Черненко не видел ничего предосудительного или без-

нравственного. Его подход был утилитарным и прагматичным: своевременно выявленные недостатки предотвращают крупные упущения в производстве. Следовательно, делался им вывод, подсматривание (и своевременное наказание) осуществляется во имя блага тех, за кем подсматривают (почти по Орвеллу).

Таковы были теоретические поиски и открытия Черненко, родившиеся в пору его сближения с Горбачевым. Но союзы редко бывают вечными, а в политике — никогда. До смерти Черненко оставалось всего три месяца. И Романов попытался расторгнуть "неравный брак" его противников, оформленный в Политбюро.

По мере того, как остальные страсти остывали, Черненко все больше хватался за власть, и чем сильнее он за нее цеплялся, тем больше терял то, что стремился удержать и сохранить — прочность и устойчивость своего политического положения. Ему поэтому пришла по душе идея Романова опубликовать во влиятельном английском журнале "Нью-Стейтсмен" разуме одного из своих выступлений — в виде платного объявления: он искал реализации своей известности и популярности на Западе²⁷. Романов же думал о своем: в декабре намечалась поездка Горбачева в Англию. И ему хотелось преуменьшить значение этого визита, сбить интерес западной общественности к личности молодого кремлевского руководителя. И напомнить, что не он управляет в Москве.

На первый взгляд было неясно, каким образом подробности роста производства сельского хозяйства, приводимые Черненко, могли заинтересовать английского читателя. Но статья в "Нью-Стейтсмен" несла определенный и улучшенный образ старого генсека. Некого умудренного и доброго государственного деятеля, заботливо пекущегося об интересах своих граждан. Откровенного, открыто признающего трудности советского общества и искренне стремящегося к миру — разве не об этом ли свидетельствовала его озабоченность ростом кормов и потребительских товаров? Значит, он именно и есть тот лидер, в котором нуждается Европа — рассудительный, сдержанный. Авантюрные наклонности — захват чужих территорий или балансирование на грани войны

— ему совершенно чужды. Так что не стоит желать и ждать нового советского руководителя — с ним не будет возможности спокойно и надежно вершить мировые проблемы²⁸.

Черненкоская статья, таким образом, опосредствованно принижала Горбачева — снимала преждевременные ожидания, связанные с его личностью и возрастом. Удар, однако, пришелся мимо цели. Статья, написанная в обычном советском стиле, тоскливо, серо, с традиционными коммунистическими призывами и нелепыми обещаниями, оказалась нечитабельной. На нее не обратили внимания: читатели журнала не испытывали уважения к высказываниям советского руководителя. И Романов решил действовать "дома" — здесь он мог рассчитать и реакции на свои поступки, и предвидеть их последствия. Он стал будировать слухи, что Горбачев в ожидании развития болезни Черненко готовится провести через Политбюро его отставку. И поэтому стремится отложить проведение Пленума ЦК с октября на ноябрь. Разговорам поверили — настолько, что главный редактор "Правды" был вынужден официально выступить против них. "Это невозможно, чтобы Черненко ушел со своих должностей: я думаю, что для этого *еще не пришло время*"²⁹ (курсив мой. — И. З.) Но сделал это неумело, неудачно. И вместо того, чтобы опровергнуть слухи, подтвердил их — многие обратили внимание на уточнение редактора: еще не пришло время. Не остался к слухам равнодушным, по-видимому, и Черненко. Во всяком случае, по этой ли причине или действовали и другие факторы (генсек боялся оказаться заложником Горбачева в Политбюро или же вновь прорвались его давние антипатии к молодому и удачливому сопернику), но так или иначе, со второй половины октября отмечается возвращение Романова к активной политической деятельности³⁰.

Он поехал с официальным визитом в Финляндию, где вел вновь себя с присущей ему самоуверенностью и независимостью. Он и Тихонов встречали в Шереметьевском аэропорту монгольскую правительственную делегацию. Еще через день он вместе с Черненко принимал ее (Горбачев на встрече не присутствовал).

Состоялся созванный точно в срок — вопреки опасени-

ям Черненко — Пленум ЦК, и Романов вновь оказался в центре событий. На торжественном приеме в Кремле в честь участников Пленума Романов стоял рядом с генсеком, а Горбачев был отодвинут в сторону.

В унижительной тени Горбачев оказался и на самом Пленуме, который был посвящен сельскому хозяйству — вопросу, которым все годы своего пребывания в Политбюро он занимался. Однако выступить на нем ему не дали. Большую речь о мелиорации земель произнес Тихонов, ничего в этом деле не понимающий. Речь Черненко — он призывал повысить урожай зерна за счет освоения новых земель и ирригации — так же шла вразрез со взглядами Горбачева, считавшего необходимым сконцентрировать внимание на повышении производительности труда³¹.

Политические акценты в Москве менялись неожиданно и стремительно. При вручении ордена Ленина Громыко (75-летие) по телевизору уже показывали рядом с Черненко стоящего Горбачева, а спустя день в газетах, по правую руку от генсека, оказался Романов. Соперники постоянно менялись ролями: то один, то другой приближаются к генсеку — чтобы ни один не почувствовал и не проявил свое преимущество и силу. Так продолжалось до тех пор, пока благосклонность Черненко не стала определенно склоняться к Романову. И никто не мог понять в Кремле, была ли это временная прихоть генсека или расчет. Но так или иначе, переменчивость симпатий генсека была замечена советскими средствами информации. Поездка Горбачева в Англию широко освещалась мировой прессой — неумеренными похвалами был одарен не только он сам, но и его супруга. Но в советских газетах не было напечатано ни одной фотографии о его визите, только подавались лаконичные и сухие сообщения, затерянные на вторых и третьих страницах газет.

Триумфом Романова была смерть Устинова. Она же стала началом заката его карьеры. Его назначили председателем траурной комиссии, и Романов получил возможность примериться ненадолго к роли правителя: возглавил на Красной площади похоронную церемонию. И под марш Шопена и свет юпитеров он торжественно, во главе процессии (Черненко не

присутствовал), прошел по Красной площади и произнес прочувствованную речь с трибуны мавзолея. (Горбачеву слова не дали.) И поторопился. Кончина министра обороны нарушила хрупкий политический баланс Кремля. Члены Политбюро сделали свои последние ставки: Тихонов, Громько, Воротников сплотились вокруг Горбачева — они спасали не только себя, но и режим от анархии и произвола. К ним примкнули и активно их поддержали Шеварднадзе, который склонил Алиева на сторону Горбачева, Демичев, Чебриков, Пономарев, Долгих. Романов остался один — за ним не пошел никто. К его поддержке неуверенно, скорее всего, по инерции (он был из одного с ним брежневского набора в Политбюро) склонялся Кунаев — восточный человек, он уважал силу³².

В нерешительности пребывал Щербицкий: он знал, если генсеком станет Горбачев, то он неизбежно сползет вниз вместе со всеми наследниками Брежнева. Но он так и не решился поддержать Романова — слишком тот был остр и скор на расправу. И тогда Романов выпустил на поле запасного игрока — Гришина, опытного и самого старого по времени пребывания в Политбюро. За ним стояла влиятельнейшая партийная организация страны — столичная, которую он возглавлял без малого 18 лет. И ему, он полагал, была обещана поддержка старой гвардии Кремля, для которой это была последняя и, по-видимому, единственная возможность приостановить процесс смены поколений в ЦК. Гришин мог также рассчитывать на известную поддержку прессы: по отношению к ней он всегда был хитер, осторожен и настойчив.

Романов склонил его к решению выдвинуть собственную кандидатуру в генсеки — в качестве альтернативы Горбачеву. Он считал, что Гришин может стать компромиссной (и надеялся — временной) фигурой, способной собрать большинство голосов, если не в Политбюро, то на Пленуме ЦК. И действительно, Гришина согласились поддержать Щербицкий, Кунаев и из секретарей ЦК — Зимянин. Итак, четверо членов Политбюро оказались против шестерых. Недостаточно. И все должна была решить позиция Черненко, которого любой ценой необходимо было Романову оживить — даже ценой последних дней жизни генсека.

И на подмостках Кремля вновь возникает Черненко. Это была последняя его роль, на этот раз — эпизодическая. Черненко появился в двух мимолетных сценах. В одной — на избирательном участке, в другой — в своем рабочем кабинете. Неподвижный до такой степени, что казался несуществующим, он сделал неуверенно несколько шагов. И стало ясно, что советская медицина одержала важную победу: генсек был собран и временно возвращен к жизни — он растерянно и невнятно прошептал слово "хорошо" и судорожно бросил в урну избирательный бюллетень.

Горбачев не мешал ходу спектакля, так как его вполне устраивал вид полуживого генсека: он готовил советского зрителя к неизбежности перемен. Горбачев не протестовал и тогда, когда Черненко еще раз на несколько мгновений вынули из кислородной палатки и поставили на ноги принимать поздравления в связи с его избранием в Верховный Совет. Вручал ему депутатский мандат Гришин — еще одна режиссерская находка Романова: народ должен был видеть двух своих руководителей — сходящего с партийного Олимпа и готовящегося взойти на него. Но заметным оказался и авторский просчет Романова. Декорации в обоих актах с участием Черненко — а между ними прошло несколько дней — оставались неизменными: серо-розовые стены больничной палаты, ковер с ярким персидским рисунком, те же белые шторы, легко рассеивающие свет, и застывшее лицо генсека, покрытое, как маской, толстым и тяжелым слоем грима. И в этих сценах не просматривалось никакой жалости к смертельно больному человеку, которому оставалось жить четыре дня. Черненко умел в жизни многое предвидеть. Но спланировать свою собственную смерть он оказался не в состоянии. Он умирал мучительно, и с ним столь же мучительно умирала его эпоха — с советской политической сцены сходило старое поколение большевиков, поколение современников революции.

Черненко скончался 10 марта в 19 часов 20 минут. И уже на другой день был назван его наследник — им стал Горбачев. Его избрание произошло легко и быстро — его союзниками оказались старость и смерть. Они разметали его противни-

ков. И рассеяли их легко и быстро: страна без жалости рассталась со своим прошлым.

Уход из жизни советского руководителя — событие всегда драматическое. Когда оно происходит, то возникает сложное чувство неуверенности, страха и надежды — в советской стране и во всем мире. Но когда узнали о смерти Черненко, люди не испытывали ни страха, ни неуверенности — у них оставалась надежда.

ВАЖНЕЙШИЕ СОВЕТСКИЕ ПОНЯТИЯ

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ – совокупность различных мероприятий, законодательных постановлений и практических действий, предпринимаемых советским правительством для борьбы с повальным пьянством. Эти кампании периодически проводятся в Советском Союзе – как правило, с приходом к власти новых руководителей.

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР – в соответствии с Конституцией является высшим органом власти, но в действительности представляет собой призрачный декорум несуществующей советской демократии. Он лишен каких-либо политических прав и не имеет реального государственного влияния. Состоит из двух палат: Совета Союза, избираемого по избирательным округам с равной численностью населения, и Совета Национальностей, избираемого по норме: по 32 депутата от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого автономного округа.

ГЕНСЕК – Генеральный Секретарь – типичное порождение советской системы. Его власть не узаконена Конституцией и законом. Он выбирается по рекомендации Политбюро Пленумом ЦК. В советской истории, однако, бывали случаи, когда ЦК не принимал рекомендаций Политбюро и выбирал генсека вопреки его воле: в 1957 году он не поддержал требования Президиума об отставке Хрущева, а в 1984 году избрал Черненко, не имевшего поддержки большинства членов Политбюро.

ГЛАСНОСТЬ – ограниченная мера открытости, предоставляемая советским государством его гражданам. Гласность вполне укладывается в коммунистическую модель управления обществом – она не допускает подлинной свободы выражения собственного мнения, а

определяет для него рамки и границы в соответствии с интересами властей.

Проведение политики гласности Горбачевым было вызвано рядом причин. И среди них – необходимостью оживления экономики с помощью более широкого участия масс в управлении производством, а также стремлением нового советского руководства завершить борьбу за власть в Кремле. С помощью гласности – широкой критики снизу недостатков правления недавнего прошлого – Горбачев и его коллеги повели наступление на своих противников и оппонентов. Так что границей и пределом гласности в Советском Союзе является вопрос коммунистической власти. И пока гласность соответствует ее интересам, она будет проводиться и насаждаться. И будет отброшена, как только придет в столкновение с ее целями и задачами.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ – процесс ограниченной либерализации, начатый в Советском Союзе во второй половине 80-х годов. Демократизация является неполной, урезанной и лицемерной формой демократии. Она не предоставляет всем советским гражданам одинаковых прав и равных свобод, а служит средством для более эффективного развития социалистического общества. Субъективно советское руководство было и остается сторонником авторитарных методов управления. Но с их помощью становилось все сложнее организовывать и мобилизовывать народные массы. Вновь обратиться к террору, широко используемому в 30-х годах, было опасно – он мог захватить и самую советскую элиту, и советские руководители были вынуждены допустить некоторые политические послабления в социальной жизни. И прежде всего – в экономике, что позволило им перейти от административных форм управления хозяйством к экономическим методам. Демократизация также предполагает расширение границ самостоятельности предприятий, их хозяйственный расчет и самофинансирование.

КОМСОМОЛ – коммунистический союз молодежи (аббревиатура понятия – ВЛКСМ – всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи). Комсомол – молодежная организация КПСС, созданная в Советском Союзе в 1918 году и ко второй половине 80-х годов насчитывавшая в своих рядах более 40 миллионов членов. Структура комсомола дублирует организационное построение КПСС, а принципы его деятельности скопированы с партийного Устава.

КПК – Комитет партийного контроля – действующая при ЦК организация, назначение которой – привлечение к ответственности ком-

мунистов, виновных в нарушении программы и Устава партии, партийной и государственной дисциплины. КПК рассматривает апелляции на решения республиканских и местных парторганизаций об исключении из партии и партийных взысканиях.

По существу, однако, КПК и ее республиканские филиалы представляют собой закрытый, кастовый суд для рассмотрения деятельности и проступков членов партии и защищающий их от преследования в уголовном порядке. Без санкции КПК дело на высокопоставленного коммуниста не может быть передано в судебные органы.

КПСС – коммунистическая партия Советского Союза. Оба эти названия – аббревиатура и полное понятие – встречаются главным образом в официальных документах. В разговорной речи они заменяются более лаконичным термином – партия. Это значение "КПСС" стало использоваться с тех пор, как в Советском Союзе были ликвидированы к 20-му году все другие партии.

КПСС объединяет в своих рядах в настоящее время более 19 миллионов членов и провозглашается правящей партией. Но на самом деле управляет не партия, а партийный аппарат – несколько сот тысяч профессиональных партийных работников, навязывающих государственным и общественным учреждениям и организациям свою власть и волю.

Согласно Уставу партии, из КПСС можно свободно выйти, однако добровольное членство в партии – фикция. Уход из партии предполагает всегда исключение из ее рядов, которое рассматривается преступлением и влечет общественное и политическое осуждение.

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ – словосочетание, используемое в СССР с 1956 года для обозначения периода правления и деятельности Сталина. На это понятие и явление списываются все преступления сталинской эпохи: осуждения и репрессии, ошибки и неудачи коммунистического правления, развал экономики и т. д.

НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ – внешнеполитическая концепция советского руководства, предполагающая отказ от некоторых идеологических установок марксизма в отношениях с зарубежными странами. Она стремится положить в основу внешней политики гуманистические, а не классовые принципы, в чем-то близкие христианским идеям – воспринимать интересы других государств как свои собственные, выдвигается глобальная программа помощи отстающим странам, провозглашается отказ от войны (прежде всего ядерной), как средства решения международных конфликтов и т. д. За

новым политическим мышлением отчетливо просматривается бессилие коммунистов навязать миру свой политический диктат. Во всяком случае, пока.

НЭП – новая экономическая политика – совокупность аграрно-промышленных реформ, проводимых в Советском Союзе в 20-е годы. Провозглашение НЭПа свидетельствовало об отказе советских властей от политики немедленного построения коммунизма и предполагало оживление в коммунистической экономике некоторых элементов капиталистических отношений – рыночного механизма, частной собственности и т. д.

ПАРТИЕЦ – дословно означает член партии, но социальный смысл этого понятия шире – он предполагает принадлежность не столько к партии, сколько к партийному аппарату – привилегированному и избранному слою профессиональных партийных работников.

ПЕРЕСТРОЙКА – социальная и экономическая политика, призванная усовершенствовать государственную и общественную структуру советского общества. В пропагандистском смысле перестройка очень часто ассоциируется в Советском Союзе с понятием социальной революции. В действительности же она является всего-навсего медленной эволюцией социалистического общества в сторону осторожных и постепенных реформ. И прежде всего – в области экономической жизни, где предполагается переход от директивных методов хозяйствования к политике предоставления предприятиям определенных свобод и инициативы в вопросах планирования и управления.

ПЛЕНУМ ЦК – собрание членов Центрального Комитета. По Уставу КПСС пленарные заседания ЦК проводятся не менее одного раза в шесть месяцев. Кандидаты в члены ЦК, в отличие от его полных членов, участвуют в заседании Пленума ЦК с правом совещательного голоса. На пленарных заседаниях ЦК, как правило, присутствуют члены Центральной Ревизионной комиссии. Пленумы ЦК обсуждают актуальные вопросы политики и деятельности партийного аппарата и государственных органов власти.

ПОЛИТБЮРО (с 1952-го по 1966 гг. оно именовалось Президиумом) – высший орган ЦК КПСС, избираемый на Пленуме ЦК для руководства деятельностью партии и государства. Работа Политбюро сконцентрирована на ключевых проблемах внутренней жизни страны и внешней политики. Диапазон вопросов, рассматриваемых на заседа-

ниях Политбюро (они созываются раз в неделю – в четверг и председательствует на них генсек), чрезвычайно широк и многообразен. И, когда проблемы выходят за рамки компетенции членов Политбюро (их число непостоянно – оно колеблется от 11 до 16 членов), создаются специальные комиссии для их анализа и подробного изучения.

Как постоянный орган в составе ЦК КПСС, Политбюро сформировалось в 1919 году на 8-м съезде партии. Первоначальной его задачей было принятие решений по срочным проблемам, рассмотрение которых невозможно было откладывать до заседания ЦК. Постепенно, однако, Политбюро прибрало к рукам и монополизировало высшую власть в стране. При Сталине выбор членов Политбюро был произвольным – оно комплектовалось в соответствии с его вкусами и капризами. После него появились некоторые объективные критерии для избрания Политбюро. В нем обязательно должны быть представлены Председатель Совета Министров СССР и Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Предполагается также избрание в него в качестве его членов или кандидатов в члены первых заместителей Председателя Совета Министров СССР (одного или двух), первых секретарей ведущих партийных комитетов страны – Украины (обязательно), Белоруссии, Казахстана, Москвы, Ленинграда (вероятно), а также, в порядке очередности, руководителей партийных организаций Закавказья и Прибалтики. Большие шансы пройти в Политбюро имеют министры обороны, иностранных дел и председатель КГБ.

ПЯТИЛЕТКА – пятилетний план экономического развития страны. На основе этих планов с 1929 года осуществляется директивное управление советской экономикой.

СЕКРЕТАРИАТ ЦК – руководящий орган ЦК КПСС, избираемый на Пленуме ЦК для проведения всей текущей работы в партии и государстве – осуществляет подбор и расстановку кадров, направляет деятельность центральных партийных и государственных учреждений, организует проверку принятых Политбюро и Пленумом ЦК решений.

Секретариат как постоянный орган партии оформился после 9-го съезда партии – в 1920 году. Сперва в его составе было три члена, но со временем их число увеличилось и в последние годы достигало 10 и даже 11 членов. При этом одни секретари ЦК являются старшими секретарями (те, что представлены в Политбюро), другие – средними (кандидаты в члены Политбюро) и младшими (просто члены ЦК). Каждый из секретарей ЦК имеет свои участки и направления в работе и соответственно – подотчетные ему отделы аппарата ЦК.

Оперативное руководство Секретариатом осуществляет второй секретарь ЦК (пост неофициальный), а политическое – генеральный секретарь, он, как правило, ведет заседание Секретариата, который собирается приблизительно раз в неделю.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР – правительство СССР, формально высший распорядительный орган государственной власти, а по существу – исполнительный придаток партийного аппарата, занимающийся под контролем Политбюро и Секретариата ЦК хозяйственными вопросами и отчасти – социальными.

Состав СМ СССР – его председатель, заместители, министры и председатели госкомитетов – утверждается (считается – назначается) по представлению Политбюро и Секретариата ЦК Верховным Советом СССР на совместном заседании его обеих палат – Совета Союза и Совета Национальностей.

Номинально СМ СССР ответственен в своей деятельности перед Верховным Советом и его Президиумом, но фактически он подчинен ЦК КПСС – его Секретариату и Политбюро. Для решения вопросов, связанных с проблемами государственного управления и экономики, в качестве постоянного органа действует Президиум СМ, состоящий из Председателя и его заместителей. В отдельных случаях в Президиум СМ СССР могут входить и некоторые министры.

Одним из парадоксов Президиума СМ СССР является наличие в нем не одного, а нескольких первых заместителей. При этом число заместителей Председателя СМ СССР непостоянно – от 12 до 16, а количество министров и председателей госкомитетов, входящих в СМ СССР, приближается или переваливает за 100. В состав СМ СССР в качестве его членов также входят председатели СМ союзных республик.

СОВЕТЫ – понятие для обозначения представительных органов государственной власти.

Советы – от Верховного до местных – избираются на основе прямых выборов. Но по существу выборы не являются ни всеобщими, так как население стремится их бойкотировать, ни демократическими. В них избираются только кандидаты, выдвигаемые и рекомендованные партийными организациями.

До недавнего времени на одно место баллотировался один кандидат, а с 1987 года, в порядке эксперимента, выбираются два или несколько. Но и в этом случае выборы в СССР остаются без выбора, ибо кандидаты подбираются партийными комитетами.

Срок полномочий Совета от 5 лет – для Верховных советов

СССР и республик – до 2,5 лет – для краевых, областных, городских, районных, сельских и поселковых Советов. На своих первых сессиях местные Советы избирают по спискам партийного аппарата исполнительные комитеты (Исполкомы), а Верховные советы – Президиумы, являющиеся органами исполнительной власти. Реального политического влияния ни Исполкомы, ни Президиумы не имеют и занимаются текущими социальными проблемами.

СЪЕЗДЫ КПСС – созываются Центральным Комитетом партии по решению Политбюро и рекомендации Секретариата не реже одного раза в пять лет. Однако в советской истории был период – с 1939-го по 1952 г., – когда не было проведено ни одного съезда партии. В них не было нужды, ибо партийный аппарат при Сталине присвоил себе полномочия и функции съезда как верховного органа партии и его прерогативы – определять стратегию и тактику партии, утверждать ее политику и одобрять деятельность. И с тех пор съезды партии, хотя и стали проводиться регулярно, носят характер политических спектаклей для заслушивания отчетов ее руководителей. И еще – они проштамповывают по представлению Политбюро состав Центрального Комитета и его Ревизионной комиссии.

УСКОРЕНИЕ – один из методов и средств развития социалистической системы. Идеология ускорения исходит из возможности создания "лучшего" социализма. Она предполагает осуществить рывок советского общества в ближайшие годы на новые качественные рубежи: удвоить до двухтысячного года национальный доход и промышленную продукцию и создать экономический потенциал, равный накопленному в СССР за 70 лет Советской власти. Политика ускорения требует наведения порядка и дисциплины в обществе и создания четкой организованности в производстве.

ЦК КПСС – избирается на съезде партии. На последнем, 27-м съезде КПСС, состоявшемся в 1986 году, и на котором присутствовало 5 тысяч делегатов, представлявших более 19 миллионов членов КПСС, в ЦК было избрано 307 членов и 170 кандидатов.

В состав ЦК – его членами и кандидатами – выбираются прежде всего высшие партийные чиновники – руководители республиканских, краевых, областных и городских партийных организаций. Значительное число мест в ЦК выделяется для ответственных сотрудников государственного аппарата – министров, председателей госкомитетов, представителей армии и госбезопасности. Представлены в нем и различные пласты советской элиты – творческой и научной.

Иначе говоря, членство в ЦК жестко привязано к должности человека, к его месту в партийно-государственной иерархии, поэтому представителей трудящихся – интеллигенции, рабочих, крестьян, – которые составляют большинство в партии, в нем немного – несколько десятков человек. Их назначение в ЦК – создание видимости партийной демократии, и они совершенно не оказывают влияния на процесс принятия государственных решений.

ЦК КПСС, в соответствии с Уставом КПСС, в промежутках между съездами должен направлять всю деятельность партии, ее центральных и местных организаций. В действительности всю эту работу осуществляют Политбюро и Секретариат, избираемые на Пленуме ЦК. ЦК КПСС также формирует Комитет партийного контроля.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ – орган, комплектуемый Политбюро и формально избираемый на съезде партии. ЦРК ревизирует быстроту и правильность прохождения дел в центральных органах партии, кассу и предприятия ЦК КПСС. На 27-м съезде КПСС в 1986 году в нее было избрано 83 члена.

ЧК – термин для обозначения Государственной Службы Безопасности. Отсюда – слово “чекист” – сотрудник этих органов. Истоки слова уходят к понятию “Государственная Чрезвычайная Комиссия” – органу борьбы с контрреволюцией, созданному в России в 1917 году.

Позднее советская служба безопасности несколько раз меняла свое название. В начале 20-х годов она стала называться ГПУ (Государственное Политуправление), позднее – ОГПУ (Объединенное Государственное Политуправление), с 1934 года она предстала в облике НКВД (Народный Комиссариат Внутренних Дел). После Отечественной войны заявила о себе собственным Министерством Государственной Безопасности (МГБ), на какое-то время – с 1953-го по 1954 гг. – вновь вернулась в лоно МВД, а затем прикрылась вывеской КГБ (Комитет Государственной Безопасности). Но суть деятельности “ЧК” всегда оставалась неизменной: произвол, не ограниченный законом, а определяемый только волей и интересами партийного аппарата и его руководителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО

¹ Федор Васильевич Константинов – советский философ и партийный деятель, действительный член АН СССР. В 1955 – 1958 гг. – зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, в последующие годы – ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС, главный редактор журнала "Коммунист", директор Института философии АН СССР, академик-секретарь отделения философии и права АН СССР.

Иван Федорович Халипов – генерал-полковник, в начале 70-х гг. – член военного совета (начальник политуправления) войск ПВО.

² В 1970 г. только что созданный Институт конкретных социальных исследований АН СССР оказался под угрозой закрытия. Против него было выдвинуто обвинение в утрате "идеологического подхода к анализу современности" и в "пропаганде взглядов, несовместимых с коммунистическим мировоззрением". Руководители института, директор академик Алексей Румянцев и председатель Советской Социологической Ассоциации проф. Геннадий Осипов, попытались смягчить удар: по их инициативе были организованы встречи с влиятельными партийными работниками – зав. отделами ЦК, первыми секретарями республиканских и областных комитетов партии, с политработниками Министерства обороны. К проведению и участию в этих встречах были привлечены члены Президиума и Правления Советской Социологической Ассоциации, в том числе и автор книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

¹ С некоторыми подробностями личной жизни Черненко автор имел возможность познакомиться со слов проф. Андрея Ковальчу-

ка, ученого-философа, жившего с 1965-го по 1975 гг. в одном доме с будущим советским генсеком. Он и его жена, проф. Галина Андреева, зав. кафедрой психологии Московского Государственного университета, часто бывали в доме у Черненко и принимали его у себя. Рассказывал о Черненко и проф. Геннадий Осипов, в те годы известный социолог.

Ковальчук боготворил Черненко, Осипов относился к нему скептически — считал человеком, лишенным фантазии и политической смелости. Впрочем, не менее иронически относился Осипов в те годы и к Горбачеву. И он был неприятно удивлен, когда тот стал Первым секретарем Ставропольского крайкома партии. Недоумевая, он говорил: "Кто бы мог представить, что Горбачев прорвется в руководители края!" Тем не менее Осипов тогда оказался достаточно благоразумным, чтобы взять на себя руководство кандидатской диссертацией его супруги — Раисы Горбачевой. Горбачев, по-видимому, не забыл Осипова и, став генсеком, вывел его из глухой опалы, в которой тот пребывал с 1972 г., когда был снят с должности зам. директора Института конкретных социальных исследований. Осипов "выплыл" в 1986 г. на Международном социологическом конгрессе в Дели — он был избран членом правления Международной Социологической Ассоциации. Председателем Советской Социологической Ассоциации он, однако, не стал, ее возглавила Татьяна Заславская, принимавшая участие в разработке экономических реформ Андропова и Горбачева. Тем не менее, Осипов чувствует себя достаточно уверенно — настолько, что не скрывает своего намерения пройти в АН СССР.

² См.: Ilya Zemtsov, *Policy Dilemmas and the Struggle for Power in the Kremlin. The Andropov Period*. Hero Books, Virginia, 1985.

³ См.: K.U. Chernenko, *Speeches and Writings*. Pergamon Press, London, pp. IX—XIII, 1984.

⁴ См.: Михаил Геллер, Александр Некрич. *Утопия у власти*. Ч. I. Overseas Publications, London, 1982, pp. 246—285.

⁵ А.М.Анфимов. *Российская деревня в годы первой мировой войны*. Москва, 1961, стр. 290—291.

⁶ См.: Красноярский край. Партархив, ф. 96, оп. 5, д. 22, лл. 1—2*.

⁷ См.: "Советская Сибирь", 9 июня 1930.

⁸ См.: Красноярский край, Партархив, ф. 31, оп. 6, д. 3, лл. 7—8.

⁹ См.: Б.Сопельняк. *На дальней заставе*. Ж-л "Огонек", № 22, май, 1984, стр. 7.

---

* Ф. — фонд; оп. — опись; д. — дело; лл. — лист: — принятые в советских архивах обозначения.

- ¹⁰ См.: Б.Сопельняк. На дальней заставе, стр. 6.
- ¹¹ См.: Славное сорокалетие. Из истории Красноярской партийной организации (1917 – 1957). Красноярск, 1957, стр. 365–368, 371–374, 375.
- ¹² См.: Б.Сопельняк. На дальней заставе, стр. 6.
- ¹³ См.: там же.
- ¹⁴ См.: Славное сорокалетие, стр. 437–440.
- ¹⁵ См.: Народное образование в СССР. Сборник документов 1917 – 1973. М., изд-во Академии педагогических наук, 1974, стр. 337
- ¹⁶ См.: статья "Красноярский край". Большая Советская Энциклопедия. М., Государственное научное издательство "Большая Советская энциклопедия", 1953, т. 23, стр. 267–272.
- ¹⁷ См.: Славное сорокалетие, стр. 445.
- ¹⁸ См.: там же, стр. 445–446.
- ¹⁹ См.: "Сообщение ТАСС". "Правда", 14 июня 1941.
- ²⁰ См.: Б.Яковлев. Концентрационные лагеря в СССР. Мюнхен, 1955, стр. 137–138.
- ²¹ См.: там же.
- ²² См.: Красноярский партархив, ф. 26, оп. 2, д. 1, лл. 317–324, 333.
- ²³ Кавказская Ривьера – лечебно-оздоровительный санаторий в Сочи, пользовавшийся в 30-е гг. популярностью у партийных работников.
- ²⁴ Славное сорокалетие, стр. 451–452.
- ²⁵ См.: "Красноярский рабочий", передовая статья, 25 июля 1941.
- ²⁶ См.: Славное сорокалетие, стр. 450–451.
- ²⁷ См.: там же, стр. 449–452.
- ²⁸ См.: Красноярский край. Партархив, ф. 26, оп. 9, д. 1, лл. 144–148.
- ²⁹ См.: Славное сорокалетие, стр. 455–463.
- ³⁰ См.: там же, стр. 460.
- ³¹ См.: там же, стр. 461.
- ³² См.: там же, стр. 464–470.
- ³³ См.: Красноярский край. Партархив, ф. 1319, оп. 3, д. 21, лл. 1–3, а также: Славное сорокалетие, стр. 484–485.
- ³⁴ См.: там же, стр. 485–486
- ³⁵ См.: статья "Высшая партийная школа при ЦК ВКП/б/". Большая Советская Энциклопедия. М., 1951, т. 9, стр. 507–509. А также: О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников. Постановление ЦК ВКП/б/. Ж-л "Партийная жизнь", № 1, 1946.
- ³⁶ Пензенский облпартархив, ф. 11, оп. 2, д. 3, л. 72.

- ³⁷ См.: там же, ф. 8, оп. 4, д. 2, л. 13.
- ³⁸ См.: Петр Абовин-Егидес. Философ в колхозе. Фрагменты из книги. Ж-л "Континент", № 42, стр. 199–238.
- ³⁹ См.: там же, стр. 200–210.
- ⁴⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., изд-во "Политическая литература", 1976, т. 6 (1941 – 1954), стр. 215.
- ⁴¹ См.: "Советская Молдавия", 4 февраля 1949.
- ⁴² См.: Космополитические прихвостни. "Советская Молдавия", 19 мая 1949.
- ⁴³ См.: Доклад Первого секретаря Центрального Комитета КП/б/ Молдавии Н.Г.Коваля на 2-м съезде КП/б/ Молдавии. "Советская Молдавия", 7 февраля 1949, стр. 3.
- ⁴⁴ См.: там же.
- ⁴⁵ См.: там же.
- ⁴⁶ Партархив Института истории партии при ЦК КП/б/ Молдавии, ф. 298, оп. 14, д. 4, лл. 31–34.
- ⁴⁷ См.: "Советская Молдавия", 19 февраля 1949.
- ⁴⁸ См.: "Советская Молдавия", 19 февраля 1949.
- ⁴⁹ См.: "Советская Молдавия", 3 апреля 1949.
- ⁵⁰ Партархив Института истории партии при ЦК КП Молдавии, ф. 311, оп. 2, д. 4, л. 6.
- ⁵¹ См.: Организовать круглосуточную работу тракторов. "Советская Молдавия", 26 марта 1949.
- ⁵² См.: Славное сорокалетие, 1924 – 1964. Изд-во ЦК КП Молдавии, 1964, стр. 23–44.
- ⁵³ См.: "Советская Молдавия", 26 февраля 1950.
- ⁵⁴ "Правда", 3 июля 1950.
- ⁵⁵ "Советская Молдавия", 11 июня 1950.
- ⁵⁶ См.: "Советская Молдавия", 3 августа 1950.
- ⁵⁷ См.: Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 46, оп. 42, д. 21, л. 17.
- ⁵⁸ См.: "Советская Молдавия", 4 августа, 10 августа, 13 октября 1950.
- ⁵⁹ См.: Леонид Ильич Брежнев. М., изд-во "Политическая литература", 1981, стр. 43.
- ⁶⁰ См.: там же, стр. 47.
- ⁶¹ Частная жизнь Черненко в Молдавии реконструирована из рассказов ученых, бывших преподавателей Кишиневского университета: д-ра Михаила Володарского и д-ра Михаила Брухиса.
- ⁶² См.: Под знаменем дружбы народов. "Правда", 14 февраля 1951.

⁶³ См.: Повышать бдительность и политическую зоркость советских людей. "Советская Молдавия, 24 сентября 1950.

⁶⁴ См.: 4-й съезд коммунистической партии Молдавии. "Советская Молдавия", 19 сентября 1952.

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹ См.: "Правда", 7 июля 1957, 16 июля 1957; Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза" 15–19 декабря 1958. М., изд-во "Политическая литература", 1958.

А также: Frankland Mark, Khrushchev, New York, Stein and Day, 1967; Dallin, Alexander and Lanson, Thomas (eds.). Soviet Politics since Khrushchev, Englewood Cliffs, N.J., Prentice Hall, 1968.

² См.: "Правда", 12 июля 1957; "Коммунист", № 10, 1957, стр. 5–12.

³ См.: В. Антоненко. Важный резерв производства мяса. Ж-л "Агитатор", № 1, 1958, стр. 35–37.

⁴ См.: Важные решения партии. Ж-л "Агитатор", № 1, 1958, стр. 3–7.

⁵ См.: За боевую агитацию избирательной кампании. Ж-л "Агитатор", № 2, 1958, стр. 3–6; Богатырской поступью к коммунизму. Ж-л "Агитатор", № 22, 1958, стр. 3–8.

⁶ Инструктаж агитаторов и пропагандистов Москвы. Ж-л "Агитатор", № 4, 1958, стр. 6–13.

⁷ Новый крупный шаг на пути к коммунизму". Ж-л "Агитатор", № 7, 1958, стр. 3–4.

⁸ См.: там же.

⁹ См.: В. Фуров, секретарь Новосибирского обкома КПСС. Опорные базы сельских партийных организаций. Ж-л "Агитатор", № 8, 1958, стр. 32–42; Во имя мира и социализма. Ж-л "Агитатор", № 11, 1958, стр. 3–6.

¹⁰ См.: А. Снечук. Политическая работа – живое, творческое дело. Ж-л "Агитатор", № 21, 1958, стр. 6–10.

¹¹ См.: А. Гаевский. Об атеистическом воспитании. Ж-л "Агитатор", 1958, № 9, стр. 53–56.

¹² См.: В ЦК КПСС: о состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди трудящихся Сталинской области. Ж-л "Агитатор", № 5, 1959, стр. 3–12.

¹³ См.: там же.

¹⁴ См.: там же.

¹⁵ См.: там же.

¹⁶ См.: А.Снечук. Политическая работа – живое, творческое дело. Ж-л "Агитатор", № 21, 1958, стр. 6–10.

¹⁷ См.: К.Черненко. Агитировать конкретно, целеустремленно. Ж-л "Агитатор", № 1, 1960, стр. 55–60.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

¹ 1 мая 1960 г. над территорией Советского Союза, в окрестностях Свердловска, был сбит американский разведывательный самолет У-2, пилотируемый Фрэнсисом Гарри Пауэрсом.

Инцидент с самолетом произошел за две недели до встречи Эйзенхауэра с Хрущевым в Париже. Казалось, что открывалась возможность (так полагали в Вашингтоне) заключить договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Москва, однако, воспользовалась оплошностью американского президента, санкционировавшего полет Пауэрса, чтобы сорвать встречу в верхах, и в августе 1960 г. пилота сбитого самолета вывели на авансцену, устроив в Колонном зале Дома Союзов самый громкий показательный процесс за весь период холодной войны.

² Июньский Пленум ЦК КПСС 1957 г. вывел из Президиума и из ЦК КПСС Молотова, Кагановича, Маленкова, Шепилова, которые разработали план удаления Хрущева с должности Первого секретаря ЦК. Они потребовали созыва Президиума ЦК по надуманному и второстепенному вопросу – по случаю 200-летия основания Ленинграда. Но на самом заседании Президиума они неожиданно потребовали смещения Хрущева. Его сторонникам, однако, удалось перенести рассмотрение вопроса на Пленум ЦК, на котором заговорщикам не удалось получить поддержки. И они, оставшись в меньшинстве, сами лишились своих постов, а впоследствии были исключены из партии.

³ В марте 1953 г., после смерти Сталина, Брежнев был снят с должности секретаря ЦК и назначен заместителем начальника Главного Политического Управления Советской армии и военно-морского флота. На этом посту он оставался до февраля 1954 г., когда был избран Вторым секретарем компартии Казахстана.

⁴ Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк. М., Издательство политической литературы, 1961, стр. 54–57.

⁵ См.: "Правда", 16 – 17 июля 1964.

⁶ См.: А.Авторханов. Технология власти. Франкфурт, изд-во "Посев", 1978, стр. 715–721.; Леонард Шапиро. Коммунистическая партия Советского Союза. Издательство Edizioni Auroga, Firenze 1975; Brezhnev: Soviet Polician by J. Murphy, Jefferson, North Carolina, McFar-

land 1981; George W. Breslauer, Khrushchev and Brezhnev as Leaders: Building Authority in Soviet Politics, London, Allen and Unwin, 1982; Brezhnev: The Masks of Power, by John Dornberg, London, Andre Deutsch, 1974.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

¹ См.: КПСС в цифрах. Ж-л "Партийная жизнь", № 14, 1981, стр. 5.

² См.: "Правда", 7 ноября 1964; 10 декабря 1964, 27 марта 1965. Ж-л "Плановое хозяйство", № 4, 1965, стр. 8–14.

³ См.: "Правда", 28 мая 1965; "Правда", 11 июля 1965.

⁴ См.: "Экономическая газета", № 8 (февраль 1965), стр. 2, 4.

⁵ "Правда", 22 мая 1965.

⁶ "Правда", 5 июня 1965.

⁷ См.: XXIV съезд о развитии внутрипартийной и советской демократии, совершенствовании партийного и государственного аппарата. В кн.: К.Черненко. Избранные речи и статьи. М., изд-во "Политическая литература", 1984, стр. 23–43.

⁸ Там же, стр. 24–26.

⁹ Там же, стр. 25.

¹⁰ Там же, стр. 29–30.

¹¹ Там же, стр. 41.

¹² Там же, стр. 41.

¹³ Там же, стр. 40–43.

¹⁴ Руководящая роль В.И.Ленина и КПСС в разработке основополагающих документов государственного строительства. В кн.: К.У.Черненко. Избранные речи и статьи, стр. 44.

¹⁵ Там же, стр. 44–64.

¹⁶ Некоторые вопросы совершенствования партийного и государственного аппарата. В кн.: К.У.Черненко. Избранные речи и статьи, стр. 65–83.

¹⁷ См.: там же, стр. 76–77.

¹⁸ См.: там же, стр. 78.

¹⁹ См.: там же, стр. 79–80.

²⁰ См.: там же, стр. 80–81.

²¹ См.: там же, стр. 78–79.

²² См.: "Советская Россия", 4 августа 1965. Передовая статья; "Правда", 20 августа 1965. Передовая статья; "Правда", 7 декабря 1965.

²³ См.: "Правда", 2 мая 1976.

²⁴ См.: "Правда", 30 мая 1976.

²⁵ См.: "Правда", 5 октября 1976.

ГЛАВА ПЯТАЯ

¹ К.У.Черненко. Вопросы работы партийного и государственного аппарата. М., изд-во "Политическая литература", 1980; В.И.Ленин. КПСС и работа с кадрами. Под общ. ред. члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС К.У.Черненко. М., изд-во "Политическая литература", 1980; К.У.Черненко. КПСС и права человека. М., изд-во Агентства Печати "Новости", 1981.

² См.: Ленинский стиль в деятельности партийного и государственного аппарата. Ж-л "Партийная жизнь", № 20, 1980, стр. 11–14.

³ См.: В.И.Ленин. КПСС и работа с кадрами, стр. 7–10, 38–52.

⁴ См.: Ленинская кадровая политика КПСС. Ж-л "Международная жизнь", № 5, 1980, стр. 9–15.

⁵ К.У.Черненко. Вопросы партийного и государственного аппарата, стр. 42–61.

⁶ См.: К.У.Черненко. КПСС и права человека, стр. 21–32, 47–57, 64.

⁷ См.: Доклад на торжественном заседании в Москве, посвященном 111-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина, 22 апреля 1981 г. В кн.: К.У.Черненко. Народ и партия едины. М., изд-во "Политическая литература", 1984, стр. 228.

⁸ См.: Доклад на торжественном заседании в Москве, посвященном 112-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина, 22 апреля 1982 г. В кн.: Ю.В.Андропов. Избранные речи и статьи. М., изд-во "Политическая литература", 1983, стр. 203.

⁹ См.: "Правда", 24 и 25 февраля 1981; XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., изд-во "Политическая литература", 1981, стр. 108, 114, 122, 129.

¹⁰ См.: "Правда", 15 октября 1976.

¹¹ См.: Ilya Zemtsov, Policy Dilemmas and the Struggle for Power in the Kremlin. The Andropov Period. Hero Books, Fairfax, Virginia 1985.

¹² См.: там же, стр. 33–56.

¹³ См.: Совещание военачальников в Кремле. "Правда", 22 октября 1982.

¹⁴ На благо советского народа. Из выступления на Пленуме Красноярского крайкома КПСС 15 июня 1982 г. В кн.: К.У.Черненко. Избранные речи и статьи. М., изд-во "Политическая литература", 1984, стр. 519.

¹⁵ См.: там же, стр. 519–535.

- ¹⁶ Плодотворность ленинской дружбы. Из речи при вручении городу Тбилиси ордена Ленина 29 октября 1982 г. В кн.: К.У.Черненко. Избранные речи и статьи, стр. 545.
- ¹⁷ См.: там же, стр. 544, 546, 547.
- ¹⁸ См.: там же, стр. 550–554.
- ¹⁹ См.: там же, стр. 555.
- ²⁰ Речь на внеочередном Пленуме ЦК КПСС 12 ноября 1982 г. В кн.: К.У.Черненко. Избранные речи и статьи, стр. 555.
- ²¹ См.: там же, стр. 556.
- ²² См.: К.У.Черненко. Утверждать ленинский стиль в партийной работе. М., изд-во "Политическая литература", 1983.
- ²³ См.: Развивать активность коммунистов, углублять связи с массами. Ж-л "Партийная жизнь", № 12, 1983, стр. 9–12.
- ²⁴ См.: К.У.Черненко. Утверждать ленинский стиль в партийной работе, стр. 118–126, 215–230.
- ²⁵ Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 14 июня 1983 г. В кн.: К.У.Черненко. Избранные речи и статьи, стр. 576.
- ²⁶ Речь на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 г. В кн.: Ю.В.Андропов. Избранные речи и статьи, стр. 284–299.
- ²⁷ Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 14 июня 1983 г. В кн.: К.У.Черненко. Избранные речи и статьи, стр. 577.
- ²⁸ См.: там же, стр. 590–592.
- ²⁹ См.: там же, стр. 591–600.
- ³⁰ См.: там же, стр. 600.
- ³¹ См.: там же, стр. 593.
- ³² См.: Выступление на Восьмой сессии Верховного Совета СССР X созыва 16 июня 1983 г. В кн.: К.У.Черненко. Избранные речи и статьи, стр. 602–603.
- ³³ Речь товарища Ю.В.Андропова. Ж-л "Партийная жизнь", № 17, 1983, стр. 5.
- ³⁴ См.: В Политбюро ЦК КПСС. "Правда", 7 января 1984.
- ³⁵ См.: В Политбюро ЦК КПСС. "Правда", 4 января 1984.
- ³⁶ См.: В Центральном Комитете КПСС. "Правда", 15 декабря 1983.
- ³⁷ См.: там же.
- ³⁸ См.: В Политбюро ЦК КПСС. Ж-л "Партийная жизнь", № 24, стр. 60.
- ³⁹ См.: "Правда", 8 февраля 1984.
- ⁴⁰ См.: Ю.В.Андропов. Избранные статьи и речи, стр. 204–206.
- ⁴¹ Речь на внеочередном Пленуме ЦК КПСС 9 февраля 1984 г.

В кн.: К.У.Черненко. Народ и партия едины. Избранные речи и статьи. Изд-во "Политическая литература", стр. 414–422.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

¹ См.: Руководители коммунистической партии и советского государства прощаются с Юрием Владимировичем Андроповым. "Правда", 12 февраля 1984.

² См.: Участники Пленума ЦК КПСС прощаются с Юрием Владимировичем Андроповым. "Правда", 14 февраля 1984.

³ См.: Сообщения из Москвы. "Нью-Йорк Таймс", 14–20 февраля 1984 г.

⁴ См.: Илья Земцов. Андропов: политические дилеммы и борьба за власть. Иерусалим, 1983, стр. 92–94.

⁵ См.: "Правда", 15–19 февраля 1984.

⁶ См.: Сообщения из Москвы. "Нью-Йорк Таймс", 14–20 февраля 1984 г.

⁷ См.: "Правда", 13 марта 1984.

⁸ См.: Речь товарища К.У.Черненко на встрече с избирателями Куйбышевского избирательного округа гор. Москвы 2 марта 1984 г. "Правда", 3 марта 1984.

⁹ См.: В Центральном Комитете КПСС. "Правда", 7 марта 1984.

¹⁰ См.: Раздел "Хроника". Ж-л "Новое время", №№ 22–28, 1984.

¹¹ См.: Леонид Ильич Брежнев. М., изд-во "Политическая литература", 1981, стр. 158–173, 190–195.

¹² См.: Предвыборное собрание трудящихся. Встреча избирателей с Д.А.Кунаевым, В.В.Щербицким, В.В.Гришиным, М.С.Соломенцевым, Н.А.Тихоновым, Г.А.Алиевым, М.С.Горбачевым, Г.В.Романовым, А.А.Громыко, Д.Т.Устиновым, Э.А.Шеварднадзе, В.И.Воротниковым. "Правда", 21–28 февраля, 1–3 марта 1984.

¹³ См.: там же.

¹⁴ См.: Пленум ЦК КПСС. "Правда", 14 февраля 1984.

¹⁵ См.: Выступление товарища М.С.Горбачева. Ж-л "Партийная жизнь", № 5, 1984, стр. 12.

¹⁶ В Центральном Комитете КПСС. "Правда", 7 марта 1984.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ В Политбюро ЦК КПСС. "Правда", 25 февраля 1984.

²⁰ См.: Переговоры в Кремле. Встречи в Москве. "Правда", 13 марта, 21 марта 1984.

²¹ См.: Письма и поздравления. "Правда", 16–24 февраля 1984.

- ²² См.: Встречи в Москве. "Правда", 25, 27, 29 апреля 1984.
- ²³ Заседание Президиума Верховного Совета СССР. "Правда", 14 апреля 1984.
- ²⁴ См.: Героям орбиты мира и сотрудничества. "Правда", 21 апреля 1984.
- ²⁵ Встреча К.У.Черненко с рабочими Московского металлургического завода "Серп и Молот". Речь товарища К.У.Черненко. "Правда", 30 апреля 1984.
- ²⁶ См.: М.С.Горбачев. Выступление на Сессии Верховного Совета СССР. "Правда", 12 апреля 1984.
- ²⁷ См.: там же.
- ²⁸ См.: Б.Сопельяк. На дальней заставе. Ж-л "Огонек", № 22, май 1984, стр. 7.
- ²⁹ См.: К.У.Черненко. Авангардная роль партии коммунистов. М., издание Академии Наук СССР, 1982, стр. 12–70.
- ³⁰ См.: Хроника. "Правда Востока", "Совет Узбекистана", 15, 22, 24, 26, 29 и 31 июля 1984.
- ³¹ См.: "Известия", 22 марта 1985.
- ³² См.: Военный энциклопедический словарь. М., издание Министерства обороны, 1983, стр. 825.
- ³³ См.: Передовая статья. "Правда Востока", 2 мая 1984.
- ³⁴ См.: Аркадий Шевченко. Разрыв с Москвой. Liberty Publishing House, New York 1985.
- ³⁵ См.: "Красная звезда", 7 апреля 1984, 22 мая 1984; Московское радио – первая программа, 8 апреля 1984.
- ³⁶ См.: "Правда", 9 июня, 26 июля, 1 августа 1984.
- ³⁷ Московское радио – первая программа, 14 апреля 1984.
- ³⁸ См.: "Красная звезда", 28 июля 1984.
- ³⁹ См.: "Правда", 19 апреля 1984.
- ⁴⁰ В.Середа. Парторганизация в условиях экономического эксперимента. Ж-л "Партийная жизнь", № 16, 1958, стр. 49–51.
- ⁴¹ См.: Ж-л "Журналист", № 6, 1984.
- ⁴² См.: "Известия", 6, 8, 13, 19 сентября 1984.
- ⁴³ Ответ Черненко на обращение руководящих деятелей Социалистического Интернационала. "Известия", 5 апреля 1984.
- ⁴⁴ Речь товарища К.У.Черненко на Пленуме ЦК КПСС 10 апреля 1984. "Известия", 11 апреля 1984.
- ⁴⁵ См.: там же.
- ⁴⁶ См.: там же.
- ⁴⁷ Речь товарища К.У.Черненко на Пленуме ЦК КПСС 10 апреля 1984.
- ⁴⁸ См.: Э.Левин. Чего не ждут от школьной реформы. Бюллетень

радио "Свобода", материалы исследовательского отдела, 1 марта 1984, стр. 1–5.

⁴⁹ Речь товарища К.У.Черненко на Пленуме ЦК КПСС 10 апреля 1984.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

¹ См.: Сообщения Центрального Статистического Управления. "Правда", 29 января и 22 июля 1984.

² См.: там же.

³ См.: там же.

⁴ См.: В духе высоких требований XXVI съезда КПСС. Ж-л "Партийная жизнь", № 4, 1982, стр. 7.

⁵ Ж-л "Коммунист вооруженных сил", № 12, 1984, стр. 8.

⁶ В.Минаев. Обязательство. "Правда", 22 августа 1984.

⁷ См.: В Политбюро ЦК КПСС. "Известия", 10 июля 1984.

⁸ См.: Миллионы без отдачи. "Правда", 17 июля 1984.

⁹ В.Прохоров. Киловатт на постном масле. "Правда", 7 августа, 1984.

¹⁰ А.Аганбекян. Расправить крылья. "Правда", 14 июля 1984.

¹¹ См.: А.Росляков. Чужое и свое. Ж-л "Новый мир", № 1, 1984, стр. 179.

¹² См.: Драма в Бечовинке. "Известия", 2 июля 1984

¹³ См.: И.Месхи. Атака на дефицит. Ж-л "Огонек", № 33, 1984, стр. 13.

¹⁴ См.: Галина Беленкова, Александр Шохин. Черный рынок: люди, вещи, факты. Ж-л "Огонек", № 36, сентябрь 1987, стр. 6–8.

¹⁵ См.: там же.

¹⁶ См.: там же.

¹⁷ См.: А.Аганбекян. Расправить крылья. "Правда", 14 июля 1984

¹⁸ См.: В.Врублевский. Трудовой потенциал общества развитого социализма. "Правда", 17 августа 1984.

¹⁹ В.Середа. Парторганизация в условиях экономического эксперимента. Ж-л "Партийная жизнь", № 16, 1986, стр. 50–51.

²⁰ См.: Повышать роль партийных комитетов как органов политического руководства. Ж-л "Партийная жизнь", № 15, стр. 17–22.

²¹ В ЦК КПСС. "Правда", 26 апреля 1984.

²² Вести из СССР. Бюллетень радио "Свобода", 1984, стр. 23–24.

²³ Генерал армии А.Епишев. Идеологическая агрессия империализма. "Известия", 10 июля 1984; Тупики конфронтации и горизонты сотрудничества. "Литературная газета", 28 ноября 1984.

²⁴ См.: Александр Проханов. И вот приходит ветер. Роман. Ж-л "Знамя", № 10, 1984, стр. 16; Юрий Т-ринов. Парад. Роман. "Радзьянска Украина", 8–12 января 1985.

²⁵ См.: Евгений Сидоров. Острота взгляда. "Правда" 19 марта 1984.

²⁶ Сергей Юрьенен. Государственные премии СССР по литературе: нулевой градус социалистического реализма. Бюллетень радио "Свобода", материалы исследовательского отдела, 20 ноября 1984, стр. 1–3; Сергей Юрьенен. 298 орденов советской литературы: комментарий к наградному списку. Бюллетень радио "Свобода", материалы исследовательского отдела, 14 декабря 1984, стр. 1–6.

²⁷ К.У.Черненко. Утверждать правоту жизни, высокие идеалы социализма. М., изд-во "Политическая литература", 1984, стр. 5.

²⁸ См.: там же, стр. 13–14.

²⁹ См.: Вручение высшей награды Родины. Выступление товарища К.У.Черненко. "Литературная газета", 1 января 1985.

³⁰ В Центральном Комитете КПСС. "Правда", 22 апреля 1984.

³¹ В Центральном Комитете КПСС и Совете Министров СССР. "Правда", 4 мая 1984; В Центральном Комитете КПСС и Совете Министров СССР. "Правда", 15 мая 1984; В Центральном Комитете КПСС и Совете Министров СССР. "Правда", 23 мая 1984.

³² См.: В Центральном Комитете КПСС. "Правда", 21 июня 1984.

³³ См.: В Центральном Комитете КПСС. О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании. "Правда", 7 июля 1984.

³⁴ См.: Партия и молодежь: новые проблемы и старые решения. Бюллетень радио "Свобода", 16 июля 1984, стр. 1–3.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

¹ Встреча К.У.Черненко с рабочими Московского металлургического завода "Серп и Молот". Речь товарища К.У.Черненко. "Правда", 30 апреля 1984.

² Ответы К.У.Черненко на вопросы американского журналиста Дж.Кингсбери-Смита. "Правда", 12 июня 1984.

³ См.: там же.

⁴ См.: Ответы К.У.Черненко на вопросы газеты "Правда". "Известия", 15 июля 1984.

⁵ См.: Заявление ТАСС. "Правда", 3 июня 1984.

⁶ См.: Ответы К.У.Черненко на вопросы американского журналиста Дж.Кингсбери-Смита. "Правда", 12 июня 1984.

⁷ См.: Заявление ТАСС. "Правда", 3 июня 1984.

⁸ Существовала и третья концепция советской внешней политики — ее отстаивала армия, а политическое руководство воспринимало ее частично. Она сводилась к идее возможности достижения победы в термоядерной войне. В то время как в США полагали, что нецелесообразно вводить в действие ядерное оружие в самом начале глобального конфликта, в Советском Союзе росло убеждение, что его необходимо применять в мировой войне. Считалось, что с его помощью удастся достигнуть решающего военного преимущества. Что же касается страха перед ответным ядерным ударом, то он не срабатывал — в СССР рассчитывали, что система противовоздушной обороны в состоянии надежно защитить центр управления войск от разрушения. При этом сама Москва ловко обыгрывала и использовала страх перед ядерным оружием для нагнетания напряженности в Западной Европе, добиваясь от свободных стран политических уступок и компромиссов.

⁹ См.: Ответы К.У.Черненко на вопросы газеты "Правда". "Известия", 15 июня 1984.

¹⁰ Там же.

¹¹ Н.Шишлин. За упрочение мира, против милитаризации политики империализма. Ж-л "Партийная жизнь", № 19, 1984, стр. 76—80.

¹² См.: В.Копытин, А.Петров. Международный сионизм на службе империализма. Ж-л "Партийная жизнь", № 14, 1984, стр. 72—75.

¹³ См.: Указы Президиума Верховного Совета СССР. "Известия", 20 апреля 1984; "Красная звезда", 8 мая 1984; "Правда", 5 мая, 5 июня, 15 июня 1984.

¹⁴ См.: Заявление об основных направлениях дальнейшего развития и углубления экономического и научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ. "Известия", 16 июня 1984.

¹⁵ См.: там же.

¹⁶ См.: "Известия", 24, 26, 27, 29 июля 1984.

¹⁷ См.: "Правда", 28, 30 июля, 2, 4, 6 августа 1984.

¹⁸ См.: Переговоры в Кремле. "Правда", 5 июля 1984.

¹⁹ Отъезд товарища К.У.Черненко на отдых. "Известия", 16 июля 1984.

²⁰ См.: Ответы К.У.Черненко на вопросы газеты "Правда". "Правда", 2 сентября 1984.

²¹ См.: За мужество и героизм в освоении космоса. "Правда", 6 сентября 1984.

²² Вручение высокой награды Родины. "Правда", 28 сентября 1984.

²³ См.: Сообщение о пресс-конференции в Москве. "Правда", 6

декабря 1984; маршал Советского Союза Н.В.Огарков. Миру – надежную защиту. "Красная звезда", 23 октября 1983.

²⁴ См.: К.У.Черненко. Народ и партия едины. М., изд-во "Политическая литература", 1984, стр. 450–460.

²⁵ См.: К.У.Черненко. На уровень требований развитого социализма. Ж-л "Коммунист", № 18, 1984, стр. 4–21.

²⁶ См.: Высокий гражданский долг народного контролера. Речь товарища К.У.Черненко. Ж-л "Партийная жизнь", № 20, 1984, стр. 15.

²⁷ См.: "New Statesman", 9 ноября 1984, стр. 21.

²⁸ См.: там же. стр. 21–22.

²⁹ Интервью с В.Афанасьевым. "Asahi Shimabun", 10 ноября 1984.

³⁰ Можно почти точно проследить, когда Романов вернулся к активной политической деятельности – это произошло между 7-м и 24 октября 1984 г. 5 октября Романова еще не было в Президиуме Всесоюзного совещания народных контролеров, а 25 октября он уже встречал в международном аэропорту "Шереметьево" правительственную делегацию из Монголии.

³¹ См.: Речь товарища К.У.Черненко на Пленуме ЦК КПСС. Ж-л "Коммунист", № 16, 1984, стр. 3–11.

³² См.: Владимир Соловьев, Елена Клепикова. Борьба в Кремле". Изд-во "Время и мы", 1986, стр. 185–190.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

АГАНБЕКЯН А.Г. — экономист, действительный член АН СССР, специалист по проблемам производительности труда, зарплаты, уровня жизни и экономического моделирования. В настоящее время — академик- секретарь отделения экономики АН СССР и один из советников М.С.Горбачева. 265

АДЖУБЕЙ В. — журналист, зять Н.С.Хрущева, в начале 60-х гг. главный редактор "Известий". После снятия Хрущева был выведен из ЦК КПСС и лишен мандата Депутата Верховного Совета СССР. 221

АЛЕКСАНДРОВ-АГЕНТОВ А.М. — В 1965 — 1982 гг. помощник Л.И.Брежнева, специалист по международным отношениям. 82, 106

АЛИ АГАДЖИ М. — турецкий террорист, покушавшийся на жизнь Папы Римского Иоанна Павла Второго. 312

АЛИЕВ Г.А. — в 1982 — 1987 гг. — первый заместитель Председателя СМ СССР, член Политбюро ЦК КПСС. Своей карьерой обязан Брежневу и Андропову. С 1967-го по 1969 гг. — председатель КГБ Азербайджана, в 1969 — 1982 гг. — первый секретарь ЦК компартии Азербайджана. 152, 157, 167, 187, 191 — 193, 197, 201, 227, 231, 233, 235 — 239, 319, 329

АЛЬТМАН С. — писатель Молдавии, подвергнутый критике Черненко за "протаскивание в советскую литературу буржуазных идей". 46

АНАНЬЕВ А.А. — писатель, главный редактор журнала "Октябрь" с 1973 г. 275

АНДРОПОВ И.Ю. — дипломат, посол по особым поручениям МИД

АНДРОПОВ Ю.В. – в 1982 – 1984 гг. генеральный секретарь ЦК КПСС, с 1983 г. одновременно – Председатель Президиума Верховного Совета СССР. 9, 10, 16, 55, 57, 58, 87, 127, 128, 131, 133, 147, 154 – 180, 182, 184 – 194, 196 – 198, 200, 202 – 206, 208, 210 – 214, 217, 218, 221, 223 – 225, 229, 231, 232, 234 – 242, 244, 246, 249, 252, 254 – 256, 265, 268 – 273, 275 – 278, 282, 288, 300, 305, 311, 312, 316, 323, 324

АНТОНОВ С. – руководитель римского бюро "Балкантурист", уличенный в организации 13 мая 1983 г. покушения на главу католической церкви – Папу Римского. 312

АРБАТОВ Г.А. – историк и экономист, действительный член АН СССР, член ЦК КПСС, директор Института Соединенных Штатов и Канады. Специалист по проблемам мировой экономики и международных отношений, советник Горбачева по политическим вопросам. 208

АРИСТОВ А.Б. – в 1952 – 1953 гг., 1955 – 1960 гг. – секретарь ЦК КПСС. 79

АРХИПОВ И.В. – с 1974 г. – заместитель, а с 1980-го по 1986 гг. – первый заместитель Председателя СМ СССР. 310

АФНАСЬЕВ В.Г. – философ, действительный член АН СССР, член ЦК КПСС, с 1976 г. – главный редактор "Правды". Специалист по "научному коммунизму" и управлению обществом. 157, 208, 245

БЕЛЯЕВ Н.И. – член Президиума ЦК КПСС в 1957 – 60 гг. Поддержал Хрущева в борьбе с оппозицией в 1957 г., а затем чем-то не угодил советскому правителю и впал в немилость. 73, 80

БЕРИЯ Л.П. – сподвижник Сталина, многолетний руководитель советской службы безопасности, расстрелян в 1953 г. за попытку организации государственного переворота. 27, 56

БИТОВ О. – сотрудник "Литературной газеты", инсценировавший по заданию КГБ в 1983 г. бегство на Запад. 311 – 315

БЛАТОВ А.И. – в 1972 – 1982 гг. помощник Л.И. Брежнева. 106

БОДЮЛ И.И. – в 1951 – 1952 гг. первый секретарь райкома партии в г. Кишиневе. В этот период познакомился и близко сошелся с Брежневым, который не столько питал милость к нему, сколько испытывал слабость к его жене. В 1961 – 1980 гг. – первый секретарь ЦК компартии Молдавии, в 1980 – 1986 гг. – заместитель Председателя СМ СССР. 89

БОДЮЛ К. – супруга Бодюла И.И. 52

БОНДАРЕНКО И.А. – первый секретарь Ростовского обкома партии, в 1984 г. отстраненный Черненко от должности после 18 лет пребывания на ней. 242

БОРЖАНСКИЙ М. – писатель Молдавии. В конце 40-х гг. против него было выдвинуто обвинение в антипатриотизме. 46

БРЕЖНЕВ Л.И. – генеральный секретарь ЦК КПСС с 1964-го по 1982 гг., с 1977 г. одновременно – Председатель Президиума Верховного Совета СССР. 9, 16, 49 – 55, 57 – 59, 68, 71, 73 – 75, 78 – 115, 117 – 119, 121 – 124, 126 – 128, 130 – 140, 142 – 144, 147 – 164, 166, 169, 171, 175, 177, 178, 185, 188, 189, 191, 193, 196 – 198, 203, 208, 209, 212, 213, 215 – 218, 220 – 222, 225, 226, 229, 231, 233, 238, 240, 246, 255, 256, 270 – 272, 274, 288, 294 – 296, 300, 301, 304, 305, 309, 316

БРЕЖНЕВ Ю.Л. – сын Л.И. Брежнева, продвинутый отцом в первые заместители министра внешней торговли и члены ЦК КПСС. В 1982 г., незадолго до смерти Брежнева, был обвинен в коррупции и отстранен от должности. 221

БРЕЖНЕВА Г.Л. – дочь Брежнева, была замешана в скандалах с воровством бриллиантов и в скупке иностранной валюты. 223

БУЛГАНИН Н.А. – в 1955 – 1958 гг. Председатель СМ СССР. Отстранен от должности из-за участия в заговоре против Хрущева. Карьеру сделал при Сталине. С 1937 г. – Председатель Совета Народных комиссаров РСФСР, а с 1938 г. – заместитель Председателя Совета Народных комиссаров СССР, с 1947 г. – заместитель Председателя Совета Министров и одновременно в 1947 – 1949 гг. – министр вооруженных сил, а затем в 1953 – 1955 гг. министр обороны. 55–57

БУШ ДЖ. – в 1980 – 1988 гг. – вице-президент США. 197

ВЛАСОВ А.В. – в 1975 – 1984 гг. – первый секретарь Чечено-Ингушского обкома партии. С 1984-го по 1986 гг. – первый секретарь Ростовского обкома партии, с 1986 г. – министр внутренних дел СССР. 242

ВОРОНОВ Г.И. – в 1961 – 73 гг. – член Президиума, а затем член Политбюро ЦК КПСС, в 1962 – 71 гг. – председатель СМ РСФСР, в 1971 – 73 гг. – Председатель Комитета народного контроля. Не угодил Брежневу – был излишне независим и самостоятелен – и в 1973 г. снят со всех постов и отправлен на пенсию. 85, 87, 94, 97, 98, 131, 133, 134

ВОРОТНИКОВ В.И. – Председатель СМ РСФСР с 1983 г. и член Политбюро ЦК КПСС с 1984 г. С 1971 г. – первый секретарь Воронежского обкома партии, а с 1975 г. – первый заместитель Председателя СМ РСФСР; в 1979 г. неожиданно был отстранен от государственно-партийной работы и отправлен послом на Кубу. Андропов возвратил Воротникова в Москву – и в 1982 г. назначил первым секретарем Краснодарского крайкома партии. 178, 181, 191 – 193, 201, 319, 329

ВОРОШИЛОВ К.Е. – в 1953 – 1960 гг. – Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Выдвинулся в число влиятельных государственных руководителей при Сталине, которого он поддержал в 20-х гг. в борьбе с оппозицией (Троцким, Бухариным и др.). В благодарность был назначен в 1925 г. наркомом обороны СССР. На этой должности находился до 1940 г., когда стал заместителем Председателя Совета Народных комиссаров СССР и председателем влиятельного Комитета Обороны. В 1946 – 53 гг. – заместитель Председателя СМ СССР. 56

ВЫСЯТИН В. – ответственный работник аппарата Президиума Верховного Совета СССР, продвинутый Черненко в начале 60-х гг. на должность руководителя отдела международных связей. 76

ВЫШИНСКИЙ А.Я. Юрист и дипломат; в бытность зам. генерального прокурора СССР принимал участие – был главным обвинителем – в судебных процессах, инспирированных Сталиным против руководящих государственных и партийных работников. В 1940 – 1953 гг. находился на руководящей работе в МИДе СССР – был зам. министра и министром. 124

ГАЕВОЙ А. – в начале 60-х гг. по протекции Брежнева назначен

секретарем ЦК компартии Украины по кадрам. 89

ГВИШИАНИ Д.М. – философ и социолог, действительный член АН СССР. В 1965 – 1985 гг. – зам председателя Комитета по науке и технике СМ СССР. С 1986 г. – один из заместителей Председателя Госплана СССР, зять покойного советского премьера Косыгина. 220

ГЕНШЕР Г. – министр иностранных дел ФРГ. 207, 232, 286

ГЕРЕК Э. – первый секретарь ЦК польской рабочей партии, сменивший на этом посту Владислава Гомулку. Был отстранен от власти Ярузельским в 1981 г. 138

ГИТЛЕР А. – главарь (“фюрер”) немецкой Национал-социалистической партии и глава фашистского государства в 1933 – 1945 гг. 281

ГОВОРОВ В.Л. – генерал армии, в 1971 – 1972 гг. командовал войсками Прибалтийского, а с 1972 г. – Московского военного округа. С 1984 г. – главный инспектор Министерства обороны. 243, 244

ГОРБАЧЕВ М.С. – генеральный секретарь ЦК КПСС с 1985 г. 127, 139, 145, 157, 165, 167, 173, 176 – 183, 185 – 188, 191 – 193, 196, 199 – 202, 204, 212 – 214, 225, 226, 231 – 236, 239, 240, 242, 245, 267, 287, 290, 303, 307, 316, 318, 322, 323, 326 – 330

ГОРШКОВ С.Г. – адмирал флота СССР, в 1956 – 1985 гг. – главнокомандующий ВМС, с 1961 г. – член ЦК КПСС. 82

ГОФМАН Г. – министр обороны ГДР. 207

ГРЕЧКО А.А. – маршал Советского Союза. В 1967 – 1976 гг. – министр обороны СССР, а с 1973-го по 1976 гг. – член Политбюро. 82, 97, 133, 137

ГРИНЕВИЧ Л. (Громыко) – супруга А.А.Громыко. 230

ГРИШИН В.В. – первый секретарь Московского горкома партии с 1967-го по 1985 гг., член Политбюро в 1971 – 1986 гг. В 1984 г. столкнулся в борьбе за власть с Горбачевым, в результате, спустя год, был отстранен от всех должностей и в 1986 г. отправлен на пенсию. 87, 150, 157, 166, 175, 176, 179, 185, 191 – 193, 200, 213, 221, 239,

241, 316, 319, 322, 329, 330

ГРОМЫКО А.А. – в 1957 – 1985 гг. министр иностранных дел СССР, с 1985 г. – Председатель Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро с 1973 г. 133, 136, 151, 156, 157, 164, 186, 187, 191 – 193, 196, 198, 199, 201, 213, 221, 227 – 232, 239, 241, 283 – 287, 290, 291, 308, 316, 319, 328, 329

ГРОССУ С.К. – в 1976 – 1980 гг. – Председатель СМ Молдавии, а с 1980 – первый секретарь ЦК компартии Молдавии. 218

ГРУШНИЦКИЙ И.С. – в 1962 – 1966 гг. – председатель Комитета партийного контроля ЦК компартии Украины. С 1972-го по 1976 гг. – председатель Президиума Верховного Совета УССР. 89

ГУРЕВИЧ И. – литературный критик, сотрудник молдавского журнала "Октябрь", обвинен Черненко в забвении принципов социалистического реализма. 46

ГУСАК Г. – в 1968 – 1969 гг. – первый секретарь ЦК компартии Словакии, а с 1971-го по 1987 г. – генеральный секретарь ЦК компартии Чехословакии. 304

ДЕМИЧЕВ П.Н. – в 1961 – 1974 гг. – секретарь ЦК КПСС, в 1974 – 1985 гг. – министр культуры СССР. С 1985 г. – первый зам. Председателя Президиума Верховного Совета СССР, кандидат в члены Политбюро (президиума) – с 1964 г. 87, 114, 119, 131, 138, 157, 165, 329

ДОБРЫНИН А.Ф. – в 1962 – 1986 гг. – посол СССР в США. С 1986 г. – секретарь ЦК КПСС. 292

ДОЛГИХ В.И. – секретарь ЦК КПСС с 1972 г., а с 1982 г. – кандидат в члены Политбюро. 119, 157, 329

ДРОЗДЕНКО Н. – секретарь Киевского горкома партии в начале 60-х гг. 89

ДЫМШИЦ В.Э. – в 1962 – 1985 гг. – зам. Председателя СМ СССР. 82, 90

ЕМЯХИН В. – в 1984 – 1985 гг. – первый заместитель председа-

ЕНЮТИН Г. — сотрудник Брежнева по Днепропетровску, отозванный им в Москву, где был назначен председателем Комитета партийного контроля РСФСР. 90

ЕФРЕМОВ В.Е. — зам. Председателя бюро ЦК КПСС по Молдавии с 1948-го по 1951 гг. 44

ЖДАНОВ А.А. — секретарь ЦК КПСС, член Политбюро с 1939-го по 1948 гг. 40

ЖИВКОВ Т. — первый секретарь Болгарской Коммунистической партии с 1954 г., а с 1971 г. — Председатель Госсовета БНР. 138, 139, 308

ЖУКОВ Г.К. — выдающийся советский военачальник, маршал Советского Союза, прославившийся в годы Второй мировой войны; в 1955 — 1957 гг. — министр обороны СССР, с 1953-го по 1957 гг. — кандидат в члены и член Президиума ЦК КПСС. Был обвинен Хрущевым в бонапартизме и смещен. 57, 322

ЗАСЛАВСКАЯ Т.И. — социолог и экономист, действительный член АН СССР, специалист по вопросам заработной платы и трудовых ресурсов, один из инициаторов экономических реформ Горбачева. 171

ЗИМЯНИН М.В. — в 1965 — 1976 гг. — главный редактор "Правды", с 1976-го по 1986 гг. — секретарь ЦК КПСС. 137, 156, 159, 176, 275, 329

ЗЫКОВ И. — второй секретарь ЦК компартии Молдавии, снятый за срыв "социалистических преобразований в республике" в то время, как в Кишиневе работал Черненко. 47

ИВАНОВ А.С. — писатель, главный редактор журнала "Молодая гвардия". 275

ИВАНОВ В.А. — Председатель Бюро ЦК КПСС по Молдавии, у которого Черненко искал поддержки, работая в Кишиневе. 44

ИГНАТОВ Н.Г. — в 1952 — 1953 гг. и 1957 — 1960 гг. — секретарь ЦК КПСС. Член Президиума ЦК с 1957-го по 1961 гг. Не угодил

Хрущеву и был передвинут им на советскую работу: с 1962 г. был Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, а с 1963 г. – зам. Председателя Президиума Верховного Совета СССР. 79

ИЛЬИЧЕВ Л.Ф. – философ, действительный член АН СССР. В 1961 – 1965 гг. – секретарь ЦК КПСС, а с 1965-го по 1986 гг. – зам. министра иностранных дел. 68

ИЛЬЯШЕНКО К. – заместитель Черненко в период его работы зав. отделом пропаганды ЦК компартии Молдавии. 46

ИОАНН ПАВЕЛ ВТОРОЙ – Папа Римский. 312 – 315

КАГАНОВИЧ Л.М. – с 1953-го по 1957 гг. – первый зам. Председателя СМ СССР. Будучи с 1922 г. зав. организационно-инструкторским отделом ЦК, помог Сталину укрепиться у власти. Был замечен им и в 1924 г. становится секретарем ЦК. С тех пор он все годы находился в ближайшем окружении Сталина: с 1930 г. был членом Политбюро, а с 1952 г. – членом Президиума ЦК. В 1930 – 1935 гг. – первый секретарь Московского комитета партии, в 1935 – 1944 гг. – нарком путей сообщения, а с 1938 г. одновременно – зам. Председателя Совета Народных комиссаров СССР. Остался верным Сталину и после его смерти – примкнул к заговорщикам, пытавшимся в 1957 г. свергнуть Хрущева. Заговор потерпел неудачу, и Каганович был исключен из партии и отстранен от всех постов. 56, 57

КАДАР Я. – первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии и Президент ВНР. 180, 304, 305

КАЛИНИН М.И. – видный участник февральской и октябрьской революций. С 1919-го по 1946 гг. – Председатель Президиума Верховного Совета СССР, который с 1919-го по 1936 гг. назывался ЦИКом (ВЦИКом). 70

КАПИТОНОВ И.В. – в 1965 – 1986 гг. – секретарь ЦК КПСС. 119, 131, 132, 137, 156, 176, 181

КАТУШЕВ К.Ф. – в 1968 – 1977 гг. – секретарь ЦК КПСС, в 1977 – 1982 гг. – зам. Председателя СМ СССР, в 1982 – 1985 гг. посол на Кубе, в 1985 – 1988 гг. – Председатель Госкомитета по внешним экономическим связям. С 1988 г. – министр по внешним экономическим связям. 119, 137

КАЦИР Э. – президент Израиля с 1973-го по 1977 гг. 273

КВАСОВ Г.В. – зав. сельскохозяйственным отделом ЦК компартии Молдавии в период работы Черненко в Кишиневе. 41

КЕННЕДИ Д. – в 1961 – 1963 гг. – президент Соединенных Штатов. 297

КИМ-ИР-СЕН – президент КНДР и генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи. 207

КИРИЛЕНКО А.П. – ближайший соратник Брежнева, которому он всемерно покровительствовал. В 1966 г. становится секретарем, а с 1969 г. вторым секретарем ЦК КПСС, курирующим партийные кадры и партаппарат. В 1982 г., незадолго до кончины своего покровителя, он впал в немилость и фактически находился не у дел. 79, 81, 82, 85, 87, 89, 90, 94, 97, 115, 119, 130, 131, 137 – 139, 150, 152, 153, 155, 156, 158 – 161, 164, 221

КИРИЧЕНКО А.И. – фаворит Хрущева, по протекции которого он продвинулся сперва в первые секретари ЦК компартии Украины, а затем в 1957 г. – в секретари ЦК КПСС. Он считался преемником генсека до тех пор, пока переменчивые симпатии Хрущева не изменились, и в 1960 г. он исчезает с политической сцены. 57, 79, 80

КИСЕЛЕВ Т.Я. – первый секретарь ЦК компартии Белоруссии и кандидат в члены Политбюро с 1980-го по 1983 гг. 156

КОВАЛЕВ А. – главный представитель СССР на переговорах в Хельсинки в 1974 – 1975 г., позднее – зам. министра иностранных дел. 136

КОВАЛЬ Н.Г. – предшественник Брежнева на посту первого секретаря ЦК компартии Молдавии. 41, 44, 47–50

КОЗЛОВ Ф.Р. – с 1953 г. – первый секретарь Ленинградского обкома партии, а с 1958 г. – первый зам. Председателя СМ СССР, в 1960 – 1964 гг. – секретарь ЦК КПСС, член Президиума ЦК в 1957 – 1964 гг. 79 – 83, 86, 133, 134

КОЛЬ Г. – канцлер Западной Германии. 197

КОНСТАНТИНОВ Ф.В. — философ, действительный член АН СССР, зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС в 1955 — 1958 гг. 10, 58, 68

КОСЫГИН А.Н. — Председатель СМ СССР с 1964-го по 1980 гг. Успешно делал карьеру при Сталине: в тридцать пять лет был наркомом текстильной промышленности, а спустя год — в 1940 г. назначается зам. Председателя Совета Народных комиссаров. В 1953 — 1956 гг. — зам. Председателя СМ СССР, а затем наблюдается некоторый спад в его карьере, но уже в 1957 г. он вновь становится зам. Председателя СМ СССР, а в 1960 г. назначается первым зам. Председателя СМ. Переворот против Хрущева выносит его в Председатели СМ СССР, на этой должности он остается до 1980 г., пока за несколько месяцев до смерти не был снят. 78, 84, 85, 87, 92, 94, 95, 97, 99, 104, 105, 107 — 110, 122, 124, 130, 131, 133 — 135, 139, 147 — 150, 220

КРУПСКАЯ Н.К. — супруга В.И.Ленина, с 1929-го по 1939 гг. — зам. наркома просвещения. 124

КРУЧИНА Е.Е. — начал свою карьеру в комсомоле под покровительством Шелепина: в 1957 г. он выдвигается первым секретарем Смоленского обкома комсомола, а в 1959 г. переходит работать в аппарат ЦК ВЛКСМ. Важный этап в карьере — работа в Казахстане в 1965 — 1978 гг., где он работает первым секретарем престижного Целиноградского обкома партии. В 1978 г. он возвращается в Москву и назначается первым заместителем заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС. С 1983 г. — управляющий делами ЦК КПСС. 181

КУЗНЕЦОВ В.В. — государственный деятель удивительно сложной политической судьбы: в 1952 г. он совершенно неожиданно поднимается на самый верх партийной пирамиды — становится по прихоти Сталина членом Президиума ЦК, а затем наблюдается резкий провал в его карьере. В 1953 г. он — зам. министра иностранных дел. Медленно продвигается по служебной лестнице и к 1955 г. становится первым зам. министра иностранных дел. Затем на целых 17 лет он совершенно лишается политической мобильности, пока очередной каприз советского руководителя — теперь уже Брежнева — не выносит его в первые заместители Председателя Президиума Верховного Совета. Он становится кандидатом в члены Политбюро. На этой должности он остается до 1985 г. — до прихода к власти Горбачева. 151,

КУЛАКОВ Ф.Д. – одна из самых своеобразных и загадочных фигур советской политической жизни: неожиданным было его возвышение – от председателя Пензенского облисполкома (1950 – 1955 гг.), через министра хлебопродуктов РСФСР (1959 – 1960 гг.) в первые секретари Старопольского крайкома партии (1960 – 1964 гг.). Затем последовал стремительный взлет в секретари ЦК (1965 г.) и члены Политбюро (1971 г.). Столь же стремительным был и его конец – самоубийство на вершине партийной иерархии в 1978 г. 119, 131, 132, 138, 139, 177

КУНАЕВ Д.А. – с 1960-го по 1962 гг. и с 1964-го по 1986 гг. – первый секретарь компартии Казахстана. В партийной судьбе Кунаева отмечался только один срыв, когда он в результате политических интриг в Москве, незадолго до падения Хрущева, был передвинут с поста первого секретаря компартии Казахстана на менее престижную должность Председателя СМ республики. С приходом к власти Брежнева вновь обрел политическое ускорение – в 1966 г. стал кандидатом, а в 1971 г. – членом Политбюро. Крах в карьере произошел при Горбачеве: в 1986 г. он был обвинен в коррупции и смещен со всех постов. 80, 81, 131, 151, 152, 156, 164, 175, 185, 191, 193, 213, 221, 239, 319, 322, 329

КУНЬЯЛ А. – генеральный секретарь Португальской коммунистической партии с 1961 г. 180

КУУСИНЕН О.В. – один из создателей коммунистической партии Финляндии. После того, как Финляндия обрела независимость, оказывается в Советском Союзе. Здесь он работает в Коминтерне с 1921-го по 1939 гг. и, когда на советских штыках создается Карело-Финская ССР, назначается Председателем Президиума Верховного Совета республики. С 1958 г. он секретарь ЦК и член Президиума ЦК КПСС. 57, 58, 79, 86

ЛАПТЕВ И. – с 1984 г. главный редактор газеты "Известия". 246

ЛАРИОНОВ А.Н. – первый секретарь Рязанского областного комитета партии, "прославившийся" обязательством в несколько лет увеличить в четыре раза производство мяса в области. 61

ЛЕНИН В.И. – основатель советского государства и коммунист-

тической партии, Председатель Совета Народных комиссаров с 1917-го по 1924 г. 13, 16, 40, 43, 52, 108, 124, 128, 152, 169, 232, 247, 253, 270, 276, 287, 297

ЛИГАЧЕВ Е.К. – секретарь ЦК КПСС и член Политбюро. Как и большинство партийных деятелей, начал свою карьеру в комсомоле и в 1948 г. был первым секретарем Новосибирского обкома комсомола. В Новосибирске прошел через первые ступени партийной карьеры: в 1949 г. был лектором новосибирского горкома партии, а спустя 13 лет – в 1961 г. – уже работал одним из секретарей обкома партии. Затем, в соответствии с правилами номенклатурной игры, его отозвали в Москву, где он получил пост первого заместителя зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС. Очень скоро его перебрали на более влиятельную должность первого заместителя зав. отделом партийных органов ЦК КПСС. Отсюда шел прямой путь в первые секретари области, и он стал им в 1965 г. в Томске. В этом городе он застрял на многие годы – на целые 18 лет, до 1983 г. Приобрести вертикальную мобильность ему помог Горбачев – по его рекомендации он вновь возвращается в Москву, где становится зав. отделом партийных органов. С этой должности просматривался выход в секретари ЦК, и Лигачев становится им в 1983 г. 181, 182

ЛУНИЧ Л. – в 1961 г. – председатель Днепропетровского совнархоза. 89.

ЛЮБИМОВ Ю.П. – основатель и главный режиссер (с 1964-го по 1984 гг.) Московского театра драмы и комедии на Таганке. В 1984 г., находясь в Лондоне, попросил политического убежища. С 1987 г. живет в Израиле. 276

МАЗУРОВ К.Т. – в 1965 – 1978 гг. – первый зам. Председателя СМ СССР. Поддержал Косыгина в противоборстве с Брежневым и был в 1978 г. выпровожден на пенсию. 87, 131, 134, 139

МАЛЕНКОВ Г.М. – несостоявшийся советский правитель. Являясь официальным преемником Сталина, он не смог удержать его наследство. Сперва отступился от ключевого поста первого секретаря ЦК КПСС – отдал его Хрущеву в 1953 г., а затем лишился должности Председателя СМ СССР – в 1955 г. В результате он оказался в рядах оппозиции Хрущеву – примкнул к так называемой "антипартийной группе" во главе с Молотовым; после ее разгрома в 1957 г. отстранен от должностей и исключен из партии. 35, 55, 57, 86, 107, 165

МАРКС К. – основоположник теории коммунизма. 52

МАШЕРОВ П.М. – с 1965 г. – первый секретарь компартии Белоруссии, а с 1966 г. – кандидат в члены Политбюро. Умер в 1980 г. 131

МЕНГИСТУ ХЕЙЛЕ МАРИАМ – правитель Эфиопии. 207

МЕДУНОВ С.Ф. – с 1973 г. – первый секретарь Краснодарского крайкома партии. В 1982 г. обвинен в коррупции и смещен с должности. 153, 155, 218

МЖАВАНАДЗЕ В.П. – в 1953 – 1972 гг. – первый секретарь ЦК компартии Грузии, кандидат в члены ЦК КПСС с 1966 г. 131, 132

МИКОЯН А.И. – один из организаторов установления советской власти в Азербайджане. После расстрела в 1918 г. 26 бакинских комиссаров (он был 27-м комиссаром, которому странным образом удалось избежать гибели) он никогда более не возвращается на работу в Закавказье. В 20-е гг. становится секретарем Нижне-Новгородского обкома партии, а затем секретарем Юго-Восточного бюро Северо-Кавказского крайкома. Он в течение 20 лет (с 1926-го по 1946 гг.) возглавляет различные наркоматы – торговли, снабжения и др., а с 1937 г. одновременно являлся заместителем Председателя Совнаркома. В 1955 г. он уже первый зам. Председателя СМ СССР, а с 1964 г. заменяет Брежнева на должности Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Но удержался на этом посту всего год, так как впервые в жизни не сумел правильно сориентироваться в коридорах власти в Кремле – не поддержал Брежнева в противостоянии с Хрущевым. 57, 86, 87, 94, 96 – 98, 133

МИРОНОВ Н. – генерал-лейтенант Госбезопасности, возглавлял областное управление КГБ в Ленинграде – в конце 1950-х гг., а в начале 60-х с помощью Брежнева был назначен руководителем административного отдела ЦК КПСС. 83, 91, 95, 96

МИРСАЛЬСКАЯ Н. – заслуженная артистка Молдавской ССР. 52

МИТТЕРАН Ф. – президент Франции. 231

МОЛОТОВ В.М. – один из создателей и первых руководителей большевистской партии. В 1917 г. в период февральской революции

возглавлял русское бюро ЦК коммунистической партии. После Октябрьского переворота активно помогал Сталину отстраивать систему его личной власти. С 1921-го по 1930 гг. являлся секретарем ЦК, а с 1930-го по 1941 гг. – Председатель Совета Народных комиссаров. И одновременно – с 1939 г. – был наркомом, а после войны министром иностранных дел. Один из инициаторов сепаратного договора с фашистской Германией в 1939 г. После 1945 г. политические позиции Молотова пошатнулись, и в 1949 г. он освобождается от обязанностей министра иностранных дел и становится одним из заместителей Председателя СМ. Но по-прежнему остается членом Политбюро, в котором он пребывал с 1926 г. В 1953 г. он возвращает себе важный пост министра иностранных дел, но спустя 3 года вновь его теряет, когда Хрущев надежно укрепляется у власти. Опала Молотова была вызвана не столько его постоянными разногласиями с Хрущевым по вопросам международных отношений, сколько разоблачением культа личности Сталина, к преступлениям которого он был непосредственно причастен. У Молотова не оставалось иного выхода, как открыто выступить против Хрущева, требуя его немедленной отставки. Но в отставку был вынужден отправиться не Хрущев, а Молотов, не нашедший поддержки на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК. 56, 57, 79, 86, 165, 228

МОСКАЛЕНКО К.С. – маршал Советского Союза, в 1953 – 1960 гг. – командующий Московским военным гарнизоном, а в 1960 – 1962 гг. – главнокомандующий ракетными войсками. 97, 243

МУХИТДИНОВ Н.А. – один из самых молодых советских руководителей: ему не было и 40 лет, когда он стал секретарем ЦК, а в 40 лет – в 1957 г. – был избран членом Президиума ЦК, сменив там маршала Жукова. Мухитдинов стал политическим трупом совершенно неожиданно и без очевидных причин – в 1961 г. он был отстранен от должности секретаря ЦК и выведен из Президиума. 68, 72, 79

НЕПОРОЖНИЙ П.С. – член-корреспондент АН СССР. С 1962-го по 1983 г. – министр энергетики и электростанций СССР. 218

НИКСОН Р. – президент США с 1969-го по 1974 гг. 114

НОВИКОВ И.Т. – в 1958 г. – зам. министра, а затем министр строительства электростанций и с 1962 г. – зам. Председателя СМ СССР, председатель Госстроя СССР. 82, 90

ОГАРКОВ Н.В. – маршал Советского Союза, с 1974 г. – зам. министра обороны СССР, а в 1977 – 1984 гг. – начальник Генерального Штаба СССР. 318 – 322

ОРЛОВ С. – во второй половине 50-х гг. один из секретарей Московского городского комитета партии. 64

ОСИПОВ Г.В. – в 1968 – 1972 гг. – зам. директора Института конкретных социальных исследований АН СССР, с 1965 – 1972 гг. Председатель Советской Социологической Ассоциации. В 1970 гг. – в Варне и в 1986 г. в Дели был избран членом правления Международной социологической ассоциации. 10, 12 – 14

ПАВЛОВ В. – начальник отдела импорта "Технопромэкспорта", приговорен к расстрелу в 1986 г. за крупные хищения. 223

ПАВЛОВ Г.С. – с 1965-го по 1983 гг. – управляющий делами ЦК КПСС. 90, 132

ПЕГОВ Н.М. – с 1938-го по 1947 гг. – первый секретарь Приморского крайкома партии, в 1952 – 1953 гг. – секретарь ЦК КПСС, в 1953 – 1957 гг. – секретарь Президиума Верховного Совета СССР. Далее в течение почти 20 лет находился на дипломатической работе – до 1975 г., затем вновь возвращается в партийный аппарат – с 1975 г. являлся зав. отделом ЦК КПСС. 26

ПЕЛЬШЕ А.Я. – на партийной работе находился со времен Ленина – с 1919 г. А перед самой войной, после аннексии Прибалтики Советским Союзом, был направлен в Латвию, где он становится к 1959 г. первым секретарем ЦК. В 1966 г. переводится в Москву и назначается Председателем Комитета партийного контроля, был членом Политбюро с 1966 г. Умер в 1983 г. 130, 138, 156, 157, 164

ПЕРВУХИН М.Г. – с 1939 г. – нарком электростанций и электропромышленности, в 1940 – 1946 гг. – зам. Председателя Совета Народных комиссаров. С 1950 г. – зам. Председателя, а с 1955 г. – первый заместитель Председателя СМ СССР. Поддержал Молотова в борьбе с Хрущевым. Следствием был перевод его на дипломатическую работу (в 1958 г.), а затем – на малозначительную должность в одном из управлений Госплана СССР. 57, 72

ПЕРТИНИ Александро – президент Италии. 197

ПОДГОРНЫЙ Н.В. – в 1957 – 1963 гг. – первый секретарь ЦК компартии Украины. С 1963 г. – секретарь ЦК КПСС, а с 1965 г. назначается Председателем Президиума Верховного Совета СССР. На этой должности он находился до 1977 г., пока на этот пост не высказал претензии Л.Б.Брежнев. В 1977 г. Подгорный был отправлен на пенсию. 79, 84, 87, 89, 94 – 98, 105, 110 – 112, 118, 122, 123, 130, 131, 133, 134, 147 – 149, 221

ПОЛЯКОВ В.И. – в 1962 – 1964 гг. – секретарь ЦК КПСС. 87

ПОЛЯНСКИЙ Д.С. – с 1962 г. – зам., а с 1965 г. – первый зам. Председателя СМ СССР. С 1973 г. карьера Полянского пошла под уклон – Брежневу пришлось не по душе чересчур откровенные его притязания на место Косыгина. В 1973 г. он понижается в статусе и становится министром сельского хозяйства. И еще через три года отправляется (в 1976 г.) послом в Японию. Был членом Политбюро (Президиума) шестнадцать лет – по 1976 г. 78, 85, 87, 94, 95, 97, 130, 134, 221

ПОНОМАРЕВ Б.Н. – историк, действительный член АН СССР; с 1961 г. – секретарь ЦК КПСС и с 1972 г. – кандидат в члены Политбюро. Как идеологический работник сформировался при Сталине – в 1948 г. был начальником Совинформбюро. Пережил в партаппарате четырех советских генсеков и ушел в отставку в 1986 г. при пятом – Горбачеве. 87, 119, 131, 157, 165, 329

ПОСПЕЛОВ П.Н. – партийный историк, действительный член АН СССР. В 1940 – 1949 гг. – главный редактор "Правды", а с 1953-го по 1960 гг. – секретарь ЦК, кандидат в члены Президиума с 1957-го по 1961 гг. Являлся автором "Краткого курса истории ВКП/б/", на котором воспитывалось целое поколение советских партийных работников. 58, 68, 79

ПУГО Б.К. – в 1969 году – первый секретарь ЦК комсомола Латвии. Спустя год – один из секретарей ЦК ВЛКСМ. С 1977 г. – первый зам. Председателя, а в 1980 г. – Председатель КГБ Латвии. С 1984 г. – первый секретарь ЦК компартии Латвии. 243

РАДИОНОВ П. – в конце 50-х гг. и начале 60-х гг. – преподаватель Кишиневского государственного университета. 69

РАДУЛ М. – секретарь компартии Молдавии, отстраненный от

должности в начале 50-х гг. за ошибки, допущенные в руководстве сельским хозяйством. 47

РАШИДОВ Ш.Р. – узбекский писатель, преуспевший на ниве партийной деятельности: с 1950-го по 1959 гг. являлся Председателем Президиума Верховного Совета Узбекистана, а с 1959-го до 1983 гг. был первым секретарем ЦК компартии республики. Рашидов умело распорядился своей партийной судьбой: он безнаказанно грабил и разворовывал республику. Коррупция захватила и парализовала весь государственно-партийный аппарат республики – настолько, что после его смерти в 1983 г. пришлось уволить и отдать под суд сотни ответственных чиновников, сделавших карьеру при Рашидове. 87, 131, 164

РЕЙГАН Р. – в 1980 – 1988 гг. – президент Соединенных Штатов. 281, 284, 292, 296, 299

РОМАНОВ Г.В. – соперник Горбачева в борьбе за власть. На партийной работе находился с 1955 г. – был секретарем парткома Ждановской судовой верфи в Ленинграде, а с 1957 г. работал первым секретарем Кировского райкома города. С 1961 г. – секретарь Ленинградского горкома, с 1962 г. секретарь, а с 1970 г. – первый секретарь Ленинградского обкома партии. Член Политбюро с 1976 г., а с 1983-го по 1985 гг. секретарь ЦК КПСС. 134, 151, 156, 164, 175, 176, 185, 186, 191 – 193, 204, 221, 231, 233 – 236, 239, 290, 292, 316, 318, 319, 321, 322, 326 – 330.

РОМАНОВ С – начальник главного штаба войск ПВО, отдавший приказ сбить в районе Сахалина в 1983 г. южнокорейский пассажирский самолет. Смещен с должности в 1984 г. 241

РУДАКОВ А.Н. – в 1962 – 1966 гг. – секретарь ЦК КПСС. 114

РУДЬ Г.Я. – в период пребывания Черненко в Молдавии – Председатель СМ республики. 44

РУСАКОВ К.В. – в 1977 – 1985 гг. – секретарь ЦК КПСС. В партийную номенклатуру вошел при Сталине – в 1950 г. стал министром рыбной промышленности СССР; позднее его на многие годы отправляют послом в Монголию, оттуда ему удалось вернуться благодаря Брежневу, который делает его зав. отделом ЦК, а затем – своим личным помощником. 156, 159

РЬЖКОВ Н.И. – Председатель СМ СССР с 1986 г. По специальности инженер, в 1971 – 1975 гг. был генеральным директором крупного промышленного комплекса "Уралмаш", оттуда его путь в 1975 г. лежал в заместители министра тяжелого и транспортного машиностроения. Через 4 года он становится первым зам. Председателя Госплана СССР, Андропов забирает его в ЦК – делает секретарем ЦК, а Горбачев вводит его в 1985 г. в Политбюро. 167, 176

САБУРОВ М.З. – с 1955 г. – первый зам. Председателя СМ СССР. Сделал карьеру при Сталине – в 1941 – 1942 гг. и в 1949 – 1955 гг. был Председателем Госплана СССР, но не высказывал должного почтения к его преемнику – Хрущеву, оказался среди тех, кто в 1957 г. потребовал его отставки. И постепенно сошел в политическое небывшие. 57, 72

САВИЦКИЙ Ф. – министр обороны ПНР. 304

САРТАКОВ С.В. – писатель, лауреат Государственной премии, в 1984 г. из рук Черненко получил Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. 275

СЕМИЧАСТНЫЙ В.Е. – с 1961-го по 1967 гг. – председатель КГБ СССР. 91, 95

СЕНЬКИН И.Л. – в 1958 – 1984 гг. – первый секретарь Карельского обкома партии, а с 1984 г. – Председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской АССР. 244

СИВОЛЮБОВ М.А. – директор Госполитиздата. 114

СИРА МАШЕ – главный раввин Франции. 273

СКУЛЬБЕРДИНА С. – заслуженная артистка Молдавской ССР. 52

СМЕЛЯКОВ Ю. – председатель "Технопромэкспорта", расстрелян в 1984 г. 223

СМИРНОВ Л.В. – в 1961 – 1963 гг. – зам. Председателя, а затем Председатель Государственного Комитета СМ СССР по оборонной технике. С 1963-го по 1985 гг. – зам. Председателя СМ СССР. 82

СОКОЛОВ Ю. — директор Елисеевского гастрономического магазина в Москве, расстрелян в 1984 г. 223

СОЛОМЕНЦЕВ М.С. — в 1966 — 1971 гг. — секретарь ЦК КПСС, в 1971 — 1983 гг. — Председатель СМ РСФСР. С 1983 г. — Председатель Комитета партийного контроля и член Политбюро. 132, 181, 187, 191 — 193, 213

СПИРИДОНОВ И.В. — с 1956 г. — первый секретарь Ленинградского горкома, а с 1957-го по 1962 гг. — обкома партии, в 1961 — 1962 гг. одновременно являлся секретарем ЦК КПСС. С 1962 г. был Председателем Совета Союза Верховного Совета. В 1970 г. ушел на пенсию. 81, 83

СТАЛИН И.В. — первый генеральный секретарь коммунистической партии СССР — с 1922 г. Руководя советским государством почти 30 лет — до марта 1953 г., он сосредоточил в своих руках необъятную власть. Правление его отличалось жестокостью, садизмом и насилием. Его наиболее кровавые вехи — коллективизация, индустриализация, расстрелы без суда и следствия миллионов невинных людей. 16, 19, 33, 38, 40, 42, 43, 50 — 53, 56, 70, 75, 83, 86, 88, 99, 101, 106, 124, 128, 151, 152, 184, 187, 191, 228, 231, 240, 247, 275, 276, 288

СТЕПАНОВ В. — с 1984 г. — первый секретарь обкома партии Карело-Финской АССР. 244

СУСЛОВ М.А. — на партийную работу его вынесли репрессии Сталина — они в 1939 г. расчистили ему место первого секретаря Ставропольского крайкома партии. В конце Второй мировой войны он посылается в Прибалтику, где назначается Председателем бюро ЦК по Латвийской ССР. С 1947 г. и до самой смерти в 1982 г. являлся секретарем ЦК по идеологии. В карьере Суслова был только один изгиб — между 1953-м и 1955 гг., когда он не прошел в Президиум ЦК. Но уже с 1955 г. он становится главным секретарем ЦК по идеологии и за ним прочно утверждается третье место в партийной иерархии. 57, 58, 79, 84, 85, 87, 92 — 97, 104, 105, 111, 113, 119, 126, 130, 131, 134, 137 — 138, 139, 144, 150, 153, 155 — 158, 160, 168

ТИТОВ В.Н. — с 1953 г. — первый секретарь Харьковского обкома партии, а с 1962 г. — секретарь ЦК. С падением Хрущева в 1965 г. становится вторым секретарем ЦК компартии Казахстана. Заканчивает свою карьеру представителем СССР в СЭВе. 83, 87

ТИХОНОВ Н.А. – в 1980 г. сменил Косыгина на посту Председателя СМ СССР. Столь высокое положение он сумел занять не благодаря своим талантам, а лишь в силу счастливой случайности – с 1957-го по 1960 гг. он был Председателем Совета Народного Хозяйства в Днепропетровске, в городе, в котором набиралась и формировалась партийная мафия Брежнева. Она вынесла Тихонова в 1960 г. в Москву – в первые заместители Председателя Государственного Научного Совета СМ СССР, а в 1963 г. сделала заместителем Председателя Госплана. В 1965 г. Тихонов становится заместителем, а в 1976 г. – первым заместителем Председателя СМ СССР. Ушел в отставку с поста Председателя СМ СССР он в 1985 г. 82, 90, 139, 149, 150, 156, 157, 164, 167, 175, 183, 185, 189, 191 – 193, 196, 199 – 201, 213, 226, 306, 316, 319, 327 – 329

ТОЛКУНОВ Л.Н. – с 1965-го по 1976 гг. – главный редактор газеты "Известия". В 1976 г. становится председателем правления Агентства Печати "Новости", спустя несколько лет вновь возвращается в "Известия" на должность главного редактора. В 1984 г. Черненко выталкивает его Председателем Совета Союза Верховного Совета СССР. 246

ТОЛСТИКОВ В. – с 1962-го по 1970 гг. – первый секретарь Ленинградского обкома партии. На этой должности заканчивается его партийная карьера. За независимый нрав и за склонность иметь собственное мнение его переводят на дипломатическую работу – послом в КНР, а затем послом в Нидерланды. 81, 234

ТОЛУБЕЕВ Н.П. – с 1959-го по 1965 гг. – второй, первый и вновь второй секретарь Днепропетровского обкома партии. С 1968-го г. на дипломатической работе. 82

ТРАПЕЗНИКОВ С.П. – с 1965-го по 1983 гг. – зав. отделом науки ЦК КПСС. Звездный час в партийной судьбе Трапезникова наступил, когда он после учебы в Москве был назначен директором партийной школы в Кишиневе – здесь он встретился с Брежневым, и эта встреча определила его судьбу. В 1960 г. он назначается проректором ВПШ при ЦК КПСС, а затем переводится в ЦК и возглавляет отдел науки. На этой должности карьера Трапезникова забуксовала – его статус определялся только близостью к Брежневу. И когда того не стало, он был отправлен на пенсию. 132

ТРЮДО П. – в 1968 – 1979 гг. – премьер-министр Канады. 197

ТУРСУЕВ Ю. – в начале 60-х гг. – секретарь ЦК комсомола Украины. Позднее – один из секретарей ЦК ВЛКСМ. 83

ТЭТЧЕР М. – премьер-министр Англии. 197

УЛЬБРИХТ В. – первый (генеральный) секретарь ЦК Социалистической Единой партии Германии (1950 – 1971 гг.), Председатель Госсовета ГДР (1960 – 1973 гг.). 93

УСТИНОВ Д.Ф. – маршал Советского Союза. Министр обороны СССР с 1976-го по 1984 гг. До этого – нарком вооружений (1941 – 1953 гг.), министр оборонной промышленности (1953 – 1957 гг.), зам., а затем первый зам. Председателя СМ (1957 – 1965 гг.), секретарь ЦК в 1965 – 1976 гг. 115, 119, 131, 156, 157, 164, 175, 186, 191 – 193, 198, 201, 213, 231 – 233, 235, 239, 241, 243, 244, 284, 286, 291, 299, 303, 316, 318, 319, 321, 328

ФЕДОРЧУК В.В. – кадровый чекист, генерал армии. До 1970 г. работал в секретных отделах Министерства обороны. С 1970 г. направлен в КГБ на важный пост председателя Комитета госбезопасности Украины. На этой должности он оставался до 1982 г., пока к полной его неожиданности борьба за власть в Кремле между Андроповым и Черненко не вынесла его в председатели КГБ СССР. Но удержаться на этой должности он не смог. И в том же году был перемещен на пост министра внутренних дел СССР. Жестокость, прямолинейность, а также отсутствие связей в столице не позволили ему преуспеть и в МВД – он был смещен вскоре после того, как Горбачев стал генсеком – в 1986 г. 160, 164, 224, 225

ФОГЕЛЬ Г. – лидер западногерманских социалистов. 199, 207

ФОТИЕВ В.К. – с 1984 г. – первый секретарь Чечено-Ингушского обкома партии. 242

ФУРЦЕВА Е.А. – с 1956-го по 1960 гг. – секретарь ЦК КПСС. Она стала первой женщиной, избранной в Президиум ЦК – в 1957 г. В 1961 г. своенравный Хрущев охладел к ней, и она утратила свое место в Президиуме и была назначена министром культуры СССР. С этой должностью ей пришлось расстаться за несколько месяцев до смерти – в 1974 г., когда достоянием общественности стала ее причастность к коррупции. 51, 71, 79

ХАЛИПОВ И.Ф. – генерал-полковник. В начале 70-х гг. – член военного совета войск ПВО. 10

ХАММЕР А. – американский миллионер, нефтепромышленник из Калифорнии, к которому питали благосклонность и расположение все советские правители. 297

ХОМЕЙНИ – с 1979 г. – правитель Ирана, в котором он установил исламский режим. 237, 301

ХОНЕККЕР Э. – Председатель Госсовета ГДР и генеральный секретарь ЦК Социалистической Единой партии Германии. 306, 307

ХРОМЧЕНКО М. – литературовед, действительный член АН СССР. 275

ХРУЩЕВ Н.С. – с 1953-го по 1964 гг. – первый секретарь ЦК КПСС. Самый противоречивый советский правитель. Правоверный сталинист – пока жил диктатор – он был обязан ему своим возвышением. В 40 лет он возглавил важнейшую партийную организацию в стране – Московскую, а спустя три года – в 1938 г. – стал первым секретарем ЦК Украины и одновременно – Председателем СМ республики. Смерть Сталина выносит его к власти. На Сталине, но теперь уже на разоблачении его преступлений, он и построил свое правление. Но оказался непоследовательным – с культом личности Сталина он боролся с помощью создания собственного культа, и при жизни превратился в памятник самому себе. Был отстранен от власти в результате заговора в 1964 г. 16, 50, 55 – 58, 60, 61, 64, 67, 68, 70 – 72, 74, 76 – 88, 91 – 99, 102, 107, 108, 110, 128, 130 – 133, 135, 143, 147, 151, 152, 191, 207, 221, 228, 229, 231, 240, 270, 288, 309

ХУАН-КАРЛОС – король Испании. 207

ЦВИГУН С.К. – возглавлял Государственную службу безопасности в ряде республик, в том числе и в Молдавии, где он познакомился и близко сошелся с Брежневым – настолько, что женился на сестре его жены. В 1967 г. – первый заместитель председателя КГБ СССР. Застрелился в 1982 г., когда ему не удалось скрыть преступления, в которых были замешаны дети Брежнева. 91, 132, 238, 243

ЦИНЕВ Г.К. – с 1970 г. – заместитель, а с 1978 г. – первый заместитель председателя КГБ СССР. 91

ЦИНЕГА Л. – министр обороны Венгрии. 304

ЦОНЧЕВ П. – управляющий книжным издательством в Кишиневе – в феврале 1950 г. был обвинен в хищении "социалистической собственности". 49

ЦУКАНОВ Г.Э. – помощник Брежнева, сперва в Президиуме Верховного Совета СССР (в 1960 – 1963 гг.), а с 1964-го по 1982 г. – в аппарате ЦК КПСС. 82, 106

ЧАУШЕСКУ Н. – президент и генеральный секретарь коммунистической партии Румынии. 138, 304, 305, 308, 309

ЧЕБРИКОВ В.В. – председатель КГБ СССР, член Политбюро. Инженер-металлург, проработавший по специальности пару лет – у истоков своей карьеры. С 1952 г. – второй секретарь Днепропетровского горкома партии. С 1963 г. – секретарь обкома партии. Партийная карьера завершилась должностью второго секретаря обкома в 1967 г., когда Брежнев, забрав его в Москву, назначил начальником отдела кадров КГБ. Спустя год Чебриков был заместителем председателя КГБ, а через несколько лет становится первым зам. председателя КГБ – в 1982 г. Андропов оказывается не менее благосклонным к нему – он делает его в том же году председателем КГБ. Он будет обласкан и Горбачевым – в 1985 г. станет членом Политбюро. 181, 201, 243, 292, 311, 315, 329

ЧУРБАНОВ Ю.М. – зять (муж дочери) Брежнева, благодаря которому он, майор милиции, стал заместителем, а потом начальником Политуправления внутренних войск. И, соответственно, был повышен в чине – сделан генерал-майором. А спустя какое-то время стал генерал-лейтенантом. В 1977 г. он – заместитель, а с 1981 г. – первый зам. министра внутренних дел и член ЦК КПСС. С приходом к власти Андропова его отсылают в Мурманск начальником местного управления милиции, а при Горбачеве разжаловали и отдали под суд за причастность к преступлениям. 218, 221

ШВЕРНИК Н.М. – с 1956-го по 1970 гг. – председатель Комитета партийного контроля КПСС. Партийный работник ленинского набора: в 1923 г. был наркомом рабоче-крестьянской инспекции, а с 1925 г. – секретарь Ленинградского, а затем Уральского обкомов партии. С 1929 г. находился на профсоюзной работе, а с 1946-го по 1953 гг. был Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

После смерти Сталина вновь перешел в профсоюзы – был назначен председателем ВЦСПС. 94, 97, 98, 133

ШЕВАРДНАДЗЕ Э.А. – министр иностранных дел СССР и член Политбюро с 1985 г. Начал свою карьеру на комсомольской работе в Грузии. Там же продолжил ее в Министерстве внутренних дел, где он в 1965 г. получает звание генерал-майора милиции и становится зам. министра, а затем министром внутренних дел. С 1972 г. – первый секретарь ЦК компартии Грузии. Он умел угождать Брежневу, и тот сделал его кандидатом в члены Политбюро. Сумел обольстить и его преемников – Андропова и Черненко. Но особенно очарованным им оказался Горбачев, возможно, потому, что они часто встречались, когда тот руководил Ставропольским краем. Горбачев вводит его в Политбюро и назначает министром иностранных дел. 150, 152, 153, 157, 162, 201, 226, 329

ШЕЛЕПИН А.Н. – с 1961 г. – секретарь ЦК КПСС, до этого – председатель КГБ СССР – на эту должность он пришел с должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ. В 1963 – 1965 гг. – председатель Комитета партийно-государственного контроля, секретарь ЦК и зам. Председателя СМ. С 1964 г. – член Политбюро, в 1965 – 1975 гг. – председатель ВЦСПС. 85, 87, 90 – 92, 95, 96, 104, 105, 110 – 112, 118, 131, 133 – 135

ШЕЛЕСТ П.Е. – первый секретарь компартии Украины в 1963 – 1972 гг., член Президиума с 1964 г. С 1972 г. – зам. Председателя СМ СССР; в том же году выведен из Политбюро. 84, 89, 118, 131, 133, 134, 221

ШЕПИЛОВ Д.Т. – главный редактор "Правды", а с 1956 г. – секретарь ЦК КПСС и кандидат в члены Президиума. В течение нескольких месяцев – в 1956-м и в 1957 гг. – являлся министром иностранных дел, а затем вернулся в партийный аппарат на прежнюю должность секретаря ЦК. Принял участие в заговоре против Хрущева и в июне 1957 г. был отстранен от должности и выведен из Президиума. 56

ШИБАНОВ А. – председатель ВЦСПС, снятый Андроповым по подозрению в причастности к коррупции. 218

ЩЕРБИЦКИЙ В.В. – первый секретарь ЦК компартии Украины с 1972 г. и член Политбюро с 1971 г. Избрание Щербицкого членом

Политбюро за год до назначения его руководителем компартии Украины не случайно – оно отразило сложную расстановку сил в Кремле в первые годы правления Брежнева, который долгое время не мог ввести Щербицкого, близкого своего друга, в высшую партийную номенклатуру. Брежнев попытался сделать Щербицкого первым секретарем ЦК Украины еще при Хрущеве, в 1963 г., но потерпел неудачу – на этот важный пост тогда был назначен Шелест. И только после его падения Щербицкий получил, наконец, в свое распоряжение Украину. 82, 84, 89, 131, 150, 152, 157, 160, 165, 166, 175, 176, 179, 185, 191 – 193, 213, 239, 319, 322, 329

ЩЕЛОКОВ Н.А. – с 1966-го по 1982 гг. – министр внутренних дел СССР. Призван на эту должность из Молдавии, где он сумел подняться до второго секретаря ЦК компартии республики. В 1982 г. был смещен с должности министра и обвинен в причастности к различным преступлениям. Щелоков попытался укрыться, будучи генералом армии, в Министерстве обороны – в инспекции Генерального штаба. Но следствие против него продолжалось, и в 1984 г. он застрелился. 81, 132, 221, 225, 226

ЭФРОС А.В. – после эмиграции Ю.Любимова в 1984 г. назначен главным режиссером Московского театра на Таганке. 276

ЮНАК И.Х. – с 1954 г. – председатель Днепропетровского облисполкома, в 1961 – 1985 гг. – первый секретарь Тульского обкома партии. 82, 90

ЯРУЗЕЛЬСКИЙ В. – первый секретарь ЦК Польской объединенной Рабочей партии и Председатель СМ ПНР с 1981 г. 207, 304

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	7
Взгляд из прошлого.	9
Гл. 1. Взлет над пропастью	15
Гл. 2. В Москве – ”Всегда готов”	55
Гл. 3. Уроки политического маневрирования	77
Гл. 4. Партийный босс	99
Гл. 5. Борьба за наследство	141
Гл. 6. Цель власти – власть.	190
Гл. 7. Переиздание брежневской эры.	252
Гл. 8. Будущее – в прошлом	280
Важнейшие советские понятия	332
Примечания	340
Указатель имен	355